

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 28/2014
Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)
«Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических наук,
доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГУКИ

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkempguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kempguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2014

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 28/2014
Published quarterly

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkempguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kempguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2014

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва).

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры 2010 года, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Республики Дагестан (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Отдела стратегий социокультурной политики и модернизационных процессов Российского института культурологии (г. Москва).

Белозерова М. В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of the editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, **Current Member of the International Academy of Sciences (Austria)**, the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Academician of the Academy of Natural Sciences, Laureate of the Government of the Russian Federation Award in the Field of Culture in 2010, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, President of the Republic of Dagestan (Makhachkala, Republic of Dagestan).

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the UNESCO Chair of the International Institute of State Service and Administration of the Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Department for Strategies of Socio-Cultural Policy and Modernisation Processes of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Belozerova M. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, начальник отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (Щецин, Польша).

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (г. Москва).

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино (г. Москва).

Гринченко С. Н., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук, вице-президент Биокосмологической ассоциации от Европейской части России, член редакционного совета электронного журнала «Biocosmology-neo-Aristotelism» (г. Москва).

Демин В. П., доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий Отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО (г. Москва).

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of Department of Applied Cultural Research and Education in the Field of Culture and Art, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Wlodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the University of Szczecin (Szczecin, Poland).

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk).

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow).

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philological Sciences, General Director of M. I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature (Moscow).

Grinchenko S. N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Association of Biocosmology from the European Part of Russia, Member of the Editorial Board of the Electronic Journal “Biocosmology-neo-Aristotelism” (Moscow).

Demin V. P., Doctor of History of Arts, Professor, Academician of RAS, Head of Department of Additional Education of the Institute of Art Education of the RAS (Moscow).

Dolzenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of the International Academy of Higher Education, Professor at the National Business Institute of Moscow University for the Humanities (Moscow).

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chair of the Philosophy of Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk).

Ивлиев Г. П., кандидат юридических наук, доцент, статс-секретарь – заместитель министра культуры Российской Федерации (г. Москва).

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва).

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы, заведующая кафедрой теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва).

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Высшей государственной профессиональной школы в Хелме (г. Хелм, Польша).

Разлогов К. Э., доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель Комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь На-

Ivliev G. P., Candidate of Judicial Sciences, Docent, Secretary – Deputy Minister of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Academy of Informatization, International Academy of Higher Education, Chair of Theory and History of Culture of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the RAS, UNESCO Chair “Knowledge Society and New Information Technology” of the Russian New University (Moscow).

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences (Austria), International Academy of Sciences Teacher Education, Vice Rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Piotr Mazur, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Chair of Pedagogy of the Higher State Vocational School in Chelm (Chelm, Poland).

Razlogov K. E., Doctor of History of Arts, Professor, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of the Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Aca-

циональной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва).

Садовой А. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

Смолянинова О. Г., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Ткаченко Е. В., доктор химических наук, профессор, академик, лауреат Премии Президента Российской Федерации в области образования (г. Москва).

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

demician-Secretary of the National Academy of Motion Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow).

Sadovoi A. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Smolyaninova O. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Study of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Tkachenko E. V., Doctor of Chemical Sciences, Professor, Academician, Laureate of the Award of the President of the Russian Federation in the Field of Education (Moscow).

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Academy of Sciences of Moldova, President of the International Academy of the Noosphere (Sustainable Development), Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Handke Ryszard, Professor, Rector of the Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Doctor of Philosophy, Professor, Chair of the IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center of the University of Veracruz (Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово).

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово).

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on the Development of Indicators of Media and Information Literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Russian Library Association Council (Kemerovo).

Section of Culturology

Martynov Anatolii Ivanovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RANS, Professor of the Museums Affairs Department, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo).

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo).

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the

Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств (г. Москва).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow).

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Sociocultural Activity of Moscow State University of Culture and Arts (Moscow).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Arts History, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts History, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Doctor of Arts History, Professor, Chair of Musicology and Musical Arts of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University (Kemerovo).

Головин Валентин Вадимович, доктор филологических наук, профессор, руководитель центра исследований детской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук, директор института дополнительного профессионального образования Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Golovin Valentin Vadimovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Research Center of Children's Literature, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Kreidlin Grigorii Efimovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language Department, the Institute of Linguistics of the Russian State Humanitarian University (Moscow).

Sevastianova Svetlana Klimentievna, Doctor of Philological Sciences, Senior Research Fellow, Department of Literature Institute of Philology, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Silantiev Igor Vitalievitch, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Director of the Institute for Continuing Professional Education of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

К 45-летию кафедры музейного дела

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

Родионова Д. Д., Покровская А. Ф. Проблемы использования информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности музейных специалистов.....	13
Покровская А. Ф., Кулемзин А. М. Практика информационного обеспечения управленческой деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области.....	18
Быкасова Л. В. К вопросу о формировании сети краеведческих музеев во второй половине XIX – в начале XX века.....	26
Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья на рубеже XX–XXI веков.....	31
Насонов А. А., Пронина С. А. Духовное наследие этносов юга Западной Сибири в деятельности музеев под открытым небом севера Кемеровской области.....	43
Кимеева Т. И., Глушкова П. В. Актуализация традиционной обрядовой кухни в деятельности музеев Кемеровской области.....	49
Реховская Т. А. Культура питания населения и проведение политики продовольственной безопасности в России (СССР) в 20–30-е годы XX века.....	55
Алексеева Л. С., Кулемзин А. М. Музеи Русской православной церкви юга Западной Сибири...	61
Ковешникова Е. А. Музеи и развитие регионального культурного туризма в Кузбассе.....	70
Сергеева Е. Ф. Редкая книга в коллекциях вузовских музеев Кемеровской области.....	76
Поддубиков В. В., Осипов К. И., Ногтев Д. Ю. Социально-экономические аспекты традиционной практики природопользования локальных групп шорцев междуреченского городского округа Кемеровской области (по данным этнологического мониторинга).....	81
Матонин В. Н. Семантика геокультурного пространства Русского Севера.....	89
Тельманова А. С. Диверсификация роли школьного музея в социально-культурном пространстве.....	95

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Ануфриева О. В. Напевное богослужбное чтение в нотных публикациях конца XIX – начала XX века.....	102
Никулин В. Г. К изучению русской церковной музыки Восточной Сибири конца XIX – начала XX века.....	108
Гончаренко С. С. Факторы текстообразования в группах инструментальных циклов (теоретический аспект).....	114
Дарда В. Н. Роль мангеймской школы в становлении инструментального классического стиля...	125
Жумабекова Д. Ж. Корифей скрипичной школы Казахстана Н. М. Патрушева.....	134
Сазонов В. И. Единство представлений о геометрической гармонии в архитектуре и искусствах Средней Азии, Египта, Греции и Руси в Средние века.....	138
Соколова М. А. К методологии музыкального обучения леворуких детей в донотный период в классе фортепиано.....	145

Рецензия

- Фомин В. И.** Монография И. В. Шестаковой «Интермедиа́льная поэтика раннего кинематографа В. М. Шукшина»..... 148

Интервью

- Бородин А. Б.** Беседа с Екатериной Мечетиной: «В музыку должны идти только те молодые люди, которые абсолютно четко осознают, что без музыки им жизни нет»..... 151

ФИЛОСОФИЯ

- Попов С. И.** К вопросу о предназначении философии..... 156
- Федяев А. П.** Эхнатон и культура Древнего мира..... 165
- Попов С. И.** Статус обыденного в философии и социальных науках..... 170
- Гаврилов Е. О.** Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве (по материалам СМИ)..... 177

ФИЛОЛОГИЯ

- Колмогорова А. В.** Личностный нарратив актёра как проекция концепта персонажа..... 184
- Куликова Е. Ю.** Пантун Николая Гумилева «Гончарова и Ларионов»..... 192
- Полторацкий И. С.** Структура двуязычного поэтического сборника Л. Н. Арбачаковой «Онзас черим // тернии души //»..... 198

ПЕДАГОГИКА

- Григоренко Н. Н., Зарипов А. А.** Уровневый подход к формированию военно-профессиональных компетенций в дисциплине «Связь»..... 205
- Смирнова Н. Г.** Моделирование социально-педагогического процесса в условиях непрерывного образования: социально-культурный дискурс..... 212
- Шуралев А. В.** Психологические методы совершенствования стиля управления территориальным отделом внутренних дел..... 218
- Рышанова У. М.** Исследование эффективности использования электронных ресурсов Констанинского областного мемориального музея Ибрая Алтынсарина..... 222

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Топольская Е. А.** Развитие рефлексивного сознания студентов вузов культуры и искусств..... 230

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

- Бузык С. В.** О новых возможностях оценки уровня информатизации российских вузов в период 2012–2013 годов..... 236
- Дроздова Е. В.** Особенности документальных ресурсов торгового профиля в коммуникационных процессах отрасли..... 244

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

- Веселовская Е. В., Двуреченская А. С., Сечина И. А.** Традиционная культура и фольклорное наследие народов евразийского пространства: истоки и современность..... 251
- Сведения об авторах..... 255

CONTENTS

CULTURILOGY

*To the 45th Anniversary of Chair of Museum Science
of FSBEI HPE “Kemerovo State University Culture and Arts”*

Rodionova D. D., Pokrovskaya A. F. Problems in Using the Information and Communication Technologies in Professional Work of a Museum Specialist.....	13
Pokrovskaya A. F., Kulemzin A. M. Practice of Information Support of Administrative Activity in the State and Municipal Museums of Kemerovo Region.....	18
Bykasova L. V. To a Question of Establishing the Network of Local Lore Museums in the Second Half of XIX – Early XX Centuries.....	26
Kimeev V. M. Nearby Tom Ecomuseums at the Turn of the XX–XXI Centuries.....	31
Nasonov A. A., Pronina S. A. Ethnic Spiritual Heritage of the South of Western Siberia in Open-Air Museums of the North of Kemerovo Region.....	43
Kimeeva T. I., Glushkova P. V. Updating the Traditional Cuisine Ritual in Museums of Kemerovo Region.....	49
Rekhovskaya T. A. The Food Culture of Population and the Policy of Food Security in Russia (USSR) in the 1920–1930s.....	55
Alekseeva L. S., Kulemzin A. M. Museums of the Russian Orthodox Church in the South of West Siberia.....	61
Koveshnikova E. A. The Museums and Development of Regional Cultural Tourism in Kuzbass.....	70
Sergeeva E. F. A Rare Book in Collections of University Museums of Kemerovo Region.....	76
Poddoubikov V. V., Osipov K. I., Nogtev D. Y. Social and Economic Aspects of Traditional Nature Use Practices of Shor Local Groups in Mezhdurechensk City District, Kemerovo Region (Based on Ethnological Monitoring).....	81
Matonin V. N. Semantics of Geocultural Space of the Russian North.....	89
Telmanova A. S. Diversification of the Role of School Museum in Socio-Cultural Area.....	95

HISTORY OF ART

Anufrieva O. V. The Divine Service Melodic Reading in Musical Publications of the Late 1800s – Early 1900s.....	102
Nikulin V. G. To Studies of the Russian Church Music of Eastern Siberia in the Late XIX – Early XX Century.....	108
Goncharenko S. S. Principles of Text Formation in the Groups of the Instrumental Cycles (Theoretical Aspect).....	114
Darda V. N. A Role of the Mannheim School in Formation of the Instrumental Classical Style.....	125
Zhumabekova D. Z. Coryphaeus of Kazakhstani Violin School N. M. Patrusheva.....	134
Sazonov V. I. The Unity of Views on Geometric Harmony in Architecture and Arts Srednevekovoi Central Asia and Egypt, Greece, Medieval Russia.....	138
Sokolova M. A. To the Methodology of Musical Training of Lefthanded Children in “Before-Notes” Initial Period in the Piano Classes.....	145

Review

Fomin V. I. Monograph “Intermedial Poetics of V. M. Shukshin’s Early Cinematography” by I. V. Shestakova..... 148

Interview

Borodin A. B. Interview with Ekaterina Mechetina: “The Music Should go Only to Those Young People Who Absolutely Clearly Realize There is No Life Without Music”..... 151

PHILOSOPHY

Popov S. I. The Question of Purpose of Philosophy..... 156

Fedyaev A. P. Akhenaten and Culture of the Ancient World..... 165

Popov S. I. Status of the Ordinary in Philosophy and Social Sciences..... 170

Gavrilov E. O. The Digitized Sacred: Features of Religion Existence on the Internet (on Media Sources)..... 177

PHILOLOGY

Kolmogorova A. V. Actor’s Personal Narrative as a Concept Projection of His Character..... 184

Kulikova E. Y. Nikolay Gymilev’s Pantun “Goncharova and Larionov”..... 192

Poltoratsky I. S. The Structure of the Bilingual Edition of Collected Poems by L. N. Arbachakova “Onzas Cherim//Soul’s Thorns”..... 198

PEDAGOGY

Grigorenko N. N., Zaripov A. A. Level Approach to Forming the Military and Professional Competences of Discipline “Communication”..... 205

Smirnova N. G. Modelling the Socio-Pedagogical Process in Conditions of the Continuous Education: a Social-Cultural Discourse..... 212

Shuralev A. V. Psychological Methods of Improving the Management Style of the Territorial Interior Affairs Division..... 218

Ryschanova U. M. Study of Effective Use of Electronic Resources in Kostanai Regional Memorial Museum of Ibrai Altynsarin..... 222

SOCIO-CULTURAL ACTIVITY

Topolskaya E. A. Development of Reflective Consciousness of Students of Universities of Culture and Arts..... 230

DOCUMENTARY INFORMATION

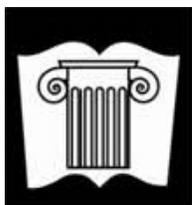
Butsyk S. V. New Possibilities of Assessing the Level of Informatization of Russian Universities in the Period From 2012 to 2013..... 236

Drozdova E. V. Features of Debenture Resources of Point-Of-Sale Type in the Communication Processes of Industry..... 244

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Veselovskaya E. V., Dvurechenskaya A. S., Sechina I. A. The Traditional Culture and Folk Heritage of the Peoples of the Eurasian Space: Origins and Present-Day..... 251

Information about the Authors..... 255



КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 069.6

К 45-летию кафедры музейного дела

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЙНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Родионова Д. Д., кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Покровская А. Ф., аспирант, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, заместитель директора по науке историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» (г. Кемерово). E-mail: aspaf@mail.ru

В статье рассматривается проблема использования информационно-коммуникационных технологий в работе музея и потребность в квалифицированных кадрах, обладающих соответствующими компетенциями для реализации стоящих перед современным музеем задач.

Ключевые слова: подготовка музейных кадров, информационно-коммуникационные технологии, результаты обучения, музейная сеть Кемеровской области.

*To the 45th Anniversary of Chair of Museum Science
of FSBEI HPE “Kemerovo State University Culture and Arts”*

PROBLEMS IN USING THE INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN PROFESSIONAL WORK OF A MUSEUM SPECIALIST

Rodionova D. D., Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Pokrovskaya A. F., Post-graduate Student, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts, Deputy Director for Science of Historical, Cultural and Natural Museum Preserve “Tomskaya Pisanitsa” (Kemerovo). E-mail: aspaf@mail.ru

The purpose of this study is the analysis of need in professional staff for museums in use of Information and Communication Technologies (ICT) and argumentation of the possibility of their training and retraining at the department of museology of Kemerovo State University of Culture and Arts.

The article is devoted to needs of Kemerovo region museums' professional personnel. The authors examine the solution to this problem, based on the experience in training the museum personnel in Kemerovo State University of Culture and Arts. Relevance of the subject of this article, based on the fact that, in connection with the transition of museums to new organizational and legal forms, the competence requirements for museum workers have changed.

Today, the issues of professional competence of a museum specialist and the character of educational training programs are widely discussed with it.

Based on a thorough analysis of statistical reports of the state and municipal museums in Kemerovo region in 2010, 2011, 2012, 2013, the article provides a brief description of the museum network and refines the profile of the specialist needed to improve the work of Kuzbass museums.

The authors note that only close cooperation of the specialized departments with the employer can answer the question what specialist is the most demanded now at the museum and how to prepare him for professional work.

Keywords: training the museum staff, information and communication technologies, learning outcomes, museum network of Kemerovo region.

Анализ данных, опубликованных Институтом развития информационного общества и Министерством культуры Российской Федерации [9], позволяет сделать вывод о том, что музеи Кузбасса существенно отстают от заданных показателей по формированию электронных музейных каталогов, что, в свою очередь, ведет к снижению эффективности оказания музеями услуг по предоставлению населению доступа к культурным ценностям, в том числе в электронном пространстве.

Одной из причин торможения процесса формирования электронных каталогов государственных и муниципальных музеев Кемеровской области, по нашему мнению, является степень готовности персонала использовать в своей профессиональной деятельности информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ).

С целью проследить динамику показателей, характеризующих подготовленность музейных специалистов к использованию ИКТ, нами были изучены информационно-аналитические отчеты о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2011, 2012 и 2013 годы [1; 2; 3].

В таблице 1 представлены сводные данные, отражающие динамику общего количества сотрудников музеев области, основного персонала и сотрудников, имеющих подготовку по ИКТ с 2011 по 2013 год.

Таблица 1

Динамика общего количества сотрудников музеев области, основного персонала и сотрудников, имеющих подготовку по ИКТ с 2011 по 2013 год

Категории работающих	2011 год	2012 год	2013 год
Фактически работающих	738 чел.	729 чел.	729 чел.
Основной персонал	298 чел.	297 чел.	297 чел.
Имеют подготовку к использованию ИКТ	193 чел.	226 чел.	239 чел.

Таблица демонстрирует положительную динамику изменения количества сотрудников, имеющих подготовку к использованию ИКТ: так при

незначительных изменениях количества фактически работающих и основного персонала, количество сотрудников, готовых использовать ИКТ возросло за три года на 46 единиц.

В то же время анализ готовности сотрудников государственных и муниципальных музеев Кемеровской области к использованию ИКТ на основе данных статистической отчетности за 2011–2013 годы выявил существенные колебания количественных показателей в отчетах некоторых музеев области. Так, в отчете Кемеровского областного краеведческого музея за 2011 год указано, что в штате музея нет сотрудников, имеющих подготовку к использованию ИКТ, в отчете этого же музея за 2012 год указано количество сотрудников, имеющих подготовку по ИКТ, – 30 человек, в отчете за 2013 год – так же 30 человек. В отчете Новокузнецкого художественного музея за 2011 год указано 20 человек, имеющих подготовку к использованию ИКТ, в отчетах этого же музея за 2012 и 2013 годы указано, что только 2 человека имеют подготовку по ИКТ.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, мы приходим к выводу, что руководство музеев не имеет четких критериев определения готовности сотрудника к использованию ИКТ. В инструкции по заполнению формы статистической отчетности (форма 8-НК), разработанной Министерством культуры Российской Федерации содержится следующее: «В графе 3 “Персонал” показывается численность сотрудников, которые имеют подготовку по использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) из общего числа сотрудников. Указывается численность сотрудников учреждения культуры, прошедших обучение в своем учреждении, или окончивших курсы переподготовки в области использования ИКТ, или имеющих специальное образование в области ИКТ».

Рекомендация указывать количество сотрудников, прошедших обучение в своем учреждении, на наш взгляд, не достаточно четкая. Опираясь на опыт наблюдения за работой музеев Кемеровской области, можно предположить, что сотрудники, прошедшие обучение в своем учрежде-

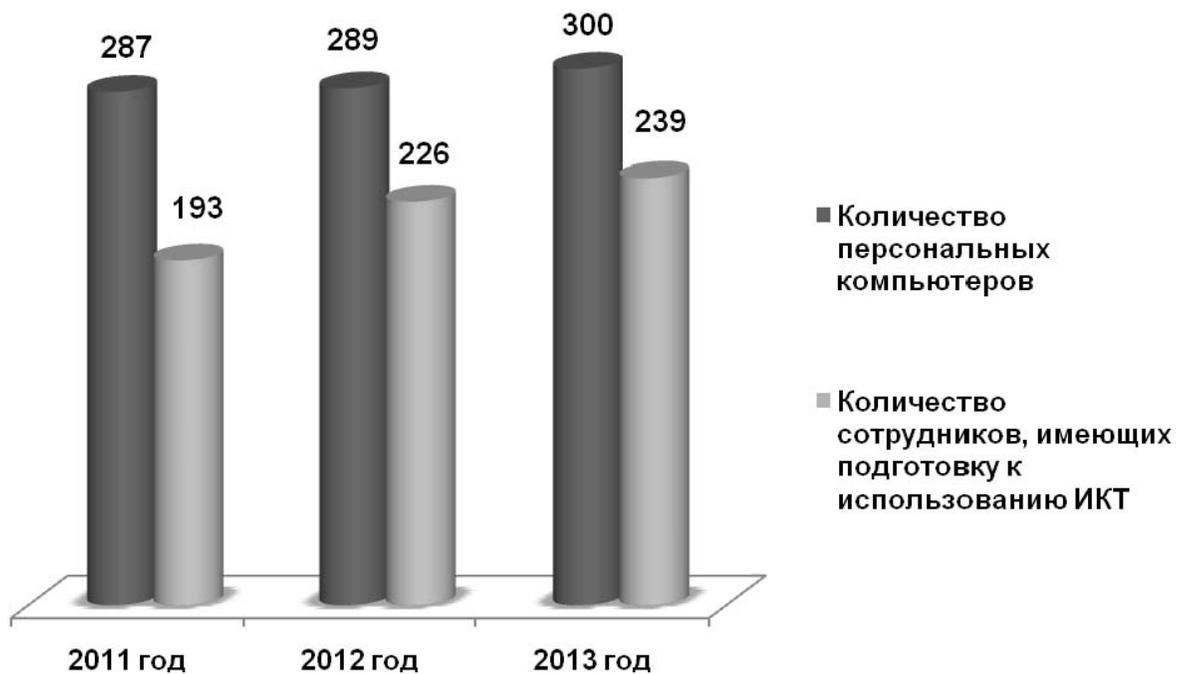


Рисунок 1. Динамика показателей соответствия количества сотрудников, имеющих подготовку по ИКТ, количеству ПК

нии – это те сотрудники, которые в силу своих должностных обязанностей ежедневно работают на персональных компьютерах.

Анализ соотношения количества сотрудников государственных и муниципальных музеев Кемеровской области, имеющих подготовку к использованию ИКТ, и количества персональных компьютеров в музеях, по данным, представленным в информационно-аналитических отчетах за 2011, 2012 и 2013 годы, показал, что число последних значительно больше. Динамика показателей представлена на диаграмме.

Таким образом, данная ситуация не позволяет эффективно использовать оборудование, находящееся в распоряжении музеев области, что, несомненно, отрицательно отражается на качестве оказания услуг по предоставлению населения доступа к культурным ценностям, прежде всего, в электронном пространстве.

В связи с современными требованиями, предъявляемыми музеем обществом, необходимо повышение уровня готовности музейных сотрудников к использованию ИКТ в профессиональной деятельности.

Разработка программы повышения квалификации по данному направлению актуальна сегодня в связи с тем, что музейному сотруднику, а особенно специалисту, функциональной обязанностью которого является учет и научное описание коллекций, в настоящее время ежедневно приходится выполнять ряд операций и процедур с помощью ИКТ.

Реализация данной программы повышения квалификации может быть осуществлена на базе института дополнительного образования КемГУКИ, силами профессорско-преподавательского состава кафедры музейного дела. В структуру курсов повышения квалификации включены следующие дисциплины: «Современные направления использования ИКТ в музее»; «Порядок включения музейных предметов в состав Музейного фонда РФ и Государственного каталога Музейного фонда РФ»; «Автоматизированные информационные системы в музее» и др.

Мы полагаем, что эффективность подобной программы будет достигнута лишь при условии, когда руководство музея будет располагать достоверными сведениями об уровне подготовки

сотрудников к использованию ИКТ в профессиональной деятельности. На основании достоверных данных могут быть сформулированы требования к программе и спрогнозированы результаты.

Кроме того, подготовка или переподготовка квалифицированных кадров может быть осуществлена и по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», квалификация «бакалавр», квалификация «магистр». Основные образовательные программы (бакалавр, магистр) по данному направлению определяются компетенциями выпускников, развитыми и консолидированными за счет приобретения профессионального опыта. Так, федеральный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», квалификация «бакалавр», содержит следующие профессиональные компетенции, непосредственно связанные с использованием ИКТ в музейной деятельности:

- быть готовым выполнять работу по текущему и перспективному комплектованию музея (ПК-9);
- быть способным выполнять все виды работ, связанных с учетом и обеспечением сохранности музейных коллекций и объектов культурного и природного наследия (ПК-10);
- быть готовым к участию в разработке выставочных и экспозиционных проектов (ПК-13);
- быть готовым применять современные информационные технологии при разработке новых культурных продуктов (ПК-15) [6].

А стандарт по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», квалификация «магистр», включает следующие компетенции:

- готовность использовать углубленные специализированные знания для решения профессиональных задач (ПК-3);
- владение современными методами обработки и интерпретации информации (ПК-9);
- способность использовать современные программные продукты и ресурсы Интернета для решения задач профессиональной деятельности, в том числе находящихся за пределами профильной подготовки; свободное владение профессионально-профилированными знаниями в области информационных технологий (ПК-10);

- способность составлять методические документы, связанные с внедрением новых методов освоения и сохранения культурного наследия, в том числе применительно к региональным особенностям, и международного опыта (ПК-12) [7].

Данные компетенции приобретаются студентами в период освоения основной образовательной программы в вузе за счет интеграции знаний, умений и опыта применения их на практике. И мы абсолютно согласны с высказыванием проф. А. И. Чучалина, что данные компетенции достигаются через несколько лет после окончания программы (ООП) на основе результатов обучения в вузе [8].

В связи с этим может быть применена методика определения уровня готовности музейных сотрудников к использованию ИКТ, в основе которой лежит принцип качественного выполнения количества операций с помощью компьютерных технологий за единицу времени.

Критерием качества является отсутствие ошибок, допущенных специалистом при выполнении того или иного действия. Инструментом контроля качества должны быть еженедельные, ежемесячные, ежеквартальные и ежегодные индивидуальные отчеты сотрудников музея, где будет указываться объем подготовленной авторской продукции, например количество записей, внесенных в электронный каталог, количество разработанных экскурсий и т. д., в отчетный период в соответствии с планом работы и функциональными обязанностями специалиста. Таким образом, у руководителя музея или структурного подразделения появится возможность оценить уровень подготовки сотрудника к использованию ИКТ. Полученные результаты будут способствовать эффективному планированию мероприятий по повышению квалификации музейных сотрудников в этой сфере.

Кроме того, в последнее время в профессиональной прессе все чаще поднимается вопрос о профессиональных стандартах. Эта тема вызывает растущий интерес работодателей, и не только их. Образовательное сообщество также становится все более ориентированным на рынок труда и предъявляемые им требования к выпускникам.

Федеральные стандарты профессионального образования третьего поколения и поколения 3+ ориентированы на требования работодателей.

На сегодняшний день разработаны проекты профессиональных стандартов в области музейного дела: «Хранитель музейных ценностей»; «Специалист по учету музейных предметов»; «Гид-экскурсовод». В каждом из предлагаемых стандартов в графе «необходимые умения» прописано: «...должен уметь пользоваться компьютерной и иной вспомогательной оргтехникой, средствами связи и коммуникаций». Другие умения непосредственно связаны с использованием ИКТ в практической деятельности работников, занимающих соответствующие должности [4].

Сегодня руководители и научные работники ведущих государственных и муниципальных му-

зеев Кемеровской области высказывают большую заинтересованность в получении профильного музейного образования, дополнительного профессионального образования, однако у большинства музеев отсутствуют средства на обучение сотрудников [5]. И решение данной проблемы ложится на плечи самих сотрудников, заинтересованных в повышении квалификации. Или же другой вариант – целевая подготовка студентов, начиная с первого курса. По нашему мнению, только совместная работа музея и профильной кафедры способна создать настоящего профессионала, необходимого конкретному музею.

Литература

1. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2010 год. – Кемерово: Кузбасс, 2011. – 68 с.
2. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2011 год. – Кемерово: Примула, 2012. – 80 с.
3. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2012 год. – Кемерово: Примула, 2013. – 100 с.
4. Культура: теория и практика [Электронный ресурс]: электрон. журн.: сайт. – URL: <http://theoryofculture.ru/news/profstandart/>. – Загл. с экрана.
5. Родионова Д. Д., Покровская А. Ф. Анализ потребности в квалифицированных кадрах музеев Кемеровской области // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1. – С. 318–320.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]: сайт. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97680/>. – Загл. с экрана.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» (квалификация (степень) «магистр») [Электронный ресурс]: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116366/?frame=1. – Загл. с экрана.
8. Чучалин А. И. Цели и результаты освоения профессиональных образовательных программ // Высшее образование в России. – 2014. – № 2. – С. 5–16.
9. Электронный регион [Электронный ресурс]: сайт. – URL: <http://eregion.ru/>. – Загл. с экрана.

References

1. Informacionno-analiticheskij otchet o dejatel'nosti gosudarstvennyh i municipal'nyh muzeev Kemerovskoj oblasti za 2010 god [Analytical report on the activities of state and municipal museums in Kemerovo region in 2010]. Kemerovo, Kuzbass Publ., 2011. 68 p.
2. Informacionno-analiticheskij otchet o dejatel'nosti gosudarstvennyh i municipal'nyh muzeev Kemerovskoj oblasti za 2011 god [Analytical report on the activities of state and municipal museums in Kemerovo region in 2011]. Kemerovo, Primrose Publ., 2012. 80 p.
3. Informacionno-analiticheskij otchet o dejatel'nosti gosudarstvennyh i municipal'nyh muzeev Kemerovskoj oblasti za 2012 god [Analytical report on the activities of state and municipal museums in Kemerovo region in 2012]. Kemerovo, Primrose Publ., 2013. 100 p.
4. Kul'tura: teorija i praktika: elektronnyj zhurnal [Culture: Theory and Practice electronic journal]. Available at: <http://theoryofculture.ru/news/profstandart/>.
5. Rodionova D.D., Pokrovskaja A.F. Analiz potrebnosti v kvalificirovannyh kadrah muzeev Kemerovskoj oblasti [Analysis of the needs for qualified personnel museums Kemerovo region]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The World of Science, Culture, Education]. 2014, no 1, pp. 318–320.

6. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniju podgotovki 072300 "Muzeologija i ohrana objektov kul'turnogo i prirodnoho nasledija" (kvalifikacija (stepen') "bakalavr") [Federal State Educational Standard of higher education in the direction of training 072300 "Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage" (qualification (degree) "Bachelor")]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97680/>.
7. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniju podgotovki 072300 "Muzeologija i ohrana objektov kul'turnogo i prirodnoho nasledija" (kvalifikacija (stepen') "Magistr") [Federal State Educational Standard of higher education in the direction of training 072300 "Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage" (qualification (degree) "Master")]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116366/?frame=1.
8. Chuchalin A.I. Celi i rezul'taty osvoeniya professional'nyh obrazovatel'nyh programm [Objectives and results of the development of vocational education programs]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2014, no 2, pp. 5–16.
9. Elektronnyj region [Electronic region]. Available at: <http://eregion.ru>.

УДК 069.6

ПРАКТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Покровская А. Ф., аспирант, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, заместитель директора по науке историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» (г. Кемерово). E-mail: aspaf@mail.ru

Кулемзин А. М., доктор культурологии, профессор, член Международного совета музеев (г. Кемерово). E-mail: kulemzin41@mail.ru

В статье анализируется действующая практика информационного обеспечения управленческой деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области. Предложены авторские проекты локальных документов, регламентирующих деятельность музеев по управлению культурными ценностями.

Ключевые слова: информационное обеспечение управленческой деятельности, регламент сайта музея, регламент Госкаталога Музейного фонда РФ.

PRACTICE OF INFORMATION SUPPORT OF ADMINISTRATIVE ACTIVITY IN THE STATE AND MUNICIPAL MUSEUMS OF KEMEROVO REGION

Pokrovskaya A. F., Post-graduate Student, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts, Deputy Director for Science of Historical, Cultural and Natural Museum Preserve "Tomskaya Pisanitsa" (Kemerovo). E-mail: aspaf@mail.ru

Kulemzin A. M., Doctor of Culturology, Professor, Member of the International Council of Museums (Kemerovo). E-mail: kulemzin41@mail.ru

The article analysed actual practice of information support for the administrative activity in the state and municipal museums of Kemerovo region.

The problems are: firstly, contradictions in federal laws and regulations, secondly, the same contradictions and inconsistencies with the federal document on the local level, and thirdly, deficiencies in the interpretation

of certain terms of the museum. All this, combined with the weak feasibility of the guiding documents at the local level, leads to defects in work of the state and municipal museums of Kemerovo region. The authors note a considerable importance to the content of the museums' web-sites in solution of information support problem in management activities of the museums.

In authors' opinion, information activities of museums in Kemerovo region deserve such special attention at the present stage, as representation of museums in the social networks. The proposed projects' copyrights of local documents regulating the activities of museums in the management of cultural values.

A proposed project of the official web-site for the state and municipal museums of Kemerovo region and the recommendations to improve information provision of the museums can be successfully extrapolated to network of museums in other regions of the Russian Federation.

Keywords: Information support of managerial activity, standing orders of the museum's site, standing orders of the state catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation.

Современный этап развития российского общества характеризуется повышенным вниманием к сохранению исторического и культурного наследия.

Если XIX век в России можно по праву назвать «веком становления музея», то в XX столетии в развитии музея обнаруживаются противоречивые тенденции. С одной стороны, сама необходимость существования музея в его традиционной форме ставится под сомнение, с другой стороны, в последние десятилетия XX века был замечен резкий рост интереса к музею у широкой публики, получивший название «музейного бума» [4], который во многом связан с введением новых форм и принципов работы в повседневную практику музея. В изменившихся условиях развития российской экономики в начале XXI века музеи, учитывая традиции, адаптируются к новым требованиям.

В настоящее время в сфере культуры и искусства интенсивно формируется глобальное информационное культурное пространство. Сегодня с помощью новых информационных технологий, средств связи и телекоммуникации, возможно не только получить интересующую информацию о различных музеях, выставках, экспозициях, но и виртуально посетить их в любой точке мира. В этих условиях музею необходимо реагировать на мгновенные и спонтанные изменения в мире культуры. Коммуникационная деятельность музея должна быть гибкой и адаптивной, соответствовать современной культуре. Во многих регионах России музей часто выступает как уникальный центр культуры и духовной жизни, который позволяет на базе своих экспозиций объединять различные категории посетителей.

Таким образом, музей влияет на формирование и развитие имиджа своего региона, способствуя его привлекательности и подчеркивая историко-культурную уникальность.

С середины 2000-х годов в Российской Федерации проводится бюджетная реформа, которая оказала ощутимое влияние на сферу культуры. В результате принятия ряда законов и подзаконных актов изменились организационно-правовые формы государственных учреждений культуры, что определяет сегодня условия деятельности и дальнейшего развития российских музеев. Сегодня, подобно всем другим учреждениям культуры, музеи России переживают период поиска и перемен.

Особую актуальность приобретает проблема повышения эффективности деятельности музеев за счет потенциала информационно-коммуникационных технологий, расширяющих возможности доступа практически не ограниченного круга пользователей к социокультурной информации, хранящейся в музеях.

В начале 2012 года в стране активизировалась работа по включению музейных предметов в Госкаталог Музейного фонда Российской Федерации. В последние годы в ряде субъектов Российской Федерации разработаны стандарты предоставления государственных услуг музейными учреждениями по обеспечению доступа населения к культурным ценностям, в том числе в электронном пространстве.

Однако дальнейший рост наметившихся позитивных тенденций в деятельности отечественных музеев в условиях выполнения ими государственных и муниципальных заданий Российской Федерации по сохранению и публичному пред-

ставлению культурных ценностей во многом сдерживается нерешенными проблемами информационного обеспечения управленческой деятельности.

Понятие «информационное обеспечение» включено в большое количество современных толковых, экономических и финансовых словарей. Так, «Словарь бизнес-терминов» определяет информационное обеспечение, как «информацию, найденную в ходе работ по удовлетворению информационных потребностей пользователя и представленную в виде, удобном для потребителя. В автоматизированных системах – совокупность единой системы классификации и кодирования информации, унифицированных систем документации и информационных массивов» [10].

В словаре ключевых понятий и терминов «Профессиональное образование» авторы определяют информационное обеспечение как «создание информационных условий функционирования системы, обеспечение необходимой информацией, включение в систему средств поиска, получения, хранения, накопления, передачи, обработки информации, организации банков данных» [8, с. 25]. Авторы словаря подчеркивают, что создание информационного обеспечения является обязательным условием построения и функционирования автоматизированных систем управления.

Данное определение информационного обеспечения включили в свое издание и авторы словаря-справочника «Экономика и право» [12, с. 31].

Авторы учебного пособия «Делопроизводство и архивное дело в терминах и определениях» С. Ю. Кабашов и И. Г. Асфандиярова трактуют информационное обеспечение как совокупность информационных ресурсов и услуг, предоставляемых для решения управленческих и научно-технических задач в соответствии с этапами их выполнения [2].

В теории управления под информацией понимают совокупность сведений об изменениях, совершающихся в системе и окружающей её среде, которая уменьшает степень неопределенности знаний о конкретном объекте [1].

Б. А. Райзберг и Л. Ш. Лозовский, авторы «Современного экономического словаря», дают следующее определение информационного обеспечения: «информация, необходимая для

управления экономическими процессами, содержащаяся в базах данных информационных систем» [9, с. 93].

Таким образом, информационное обеспечение управленческой деятельности может быть определено как предоставление субъектам управления информации в виде структурированных данных, обеспечивающее эффективность управления процессами. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что организация информационного обеспечения управленческой деятельности направлена на решение таких задач, как определение потребности в информации, установление источников информации, организация сбора, хранения и преобразования информации в систему структурированных данных для принятия управленческих решений и достижения основных целей организации.

В традиционном информационном обеспечении выделяют следующие основные подсистемы:

- информационно-справочные фонды организации и документационное обеспечение управления, представленное в виде различных унифицированных систем управленческой документации;

- устный обмен информацией [5].

Информационно-справочные фонды, в зависимости от их содержания могут быть систематизированы следующим образом:

- материалы правового характера;

- нормативы, государственные и отраслевые стандарты, регулирующие основные производственные, информационные процессы в организации;

- справочная информация общего характера (адресные, телефонные, торговые справочники и т. д.);

- тематические справочные материалы;

- статистические данные по интересующим организацию вопросам;

- аналитическая информация по политическим, социально-экономическим, технологическим проблемам;

- прогнозы.

В настоящее время в России насчитывается более 2 тыс. музеев, в которых сосредоточено свыше 73 млн единиц хранения [13].

По официальным данным Министерства культуры Российской Федерации, в 2013 году в Сибирском Федеральном округе действуют 358 государственных и муниципальных музеев. По количеству музеев лидируют Алтайский и Красноярский края – по 56 музеев регионального и муниципального подчинения [6]. Третье место в округе занимает Кемеровская область – по данным статистического наблюдения в регионе действуют 45 государственных и муниципальных музеев [3].

В музеях Кемеровской области сосредоточено 10 % Государственного музейного фонда Сибирского федерального округа. Музейный фонд Кузбасса составляет 513 896 единиц хранения основного фонда [3, с. 11].

По административной принадлежности музейная сеть региона делится на две категории: государственные и муниципальные. Вторая категория – муниципальные музеи, то есть музеи поселений, муниципальных районов, городских округов Кемеровской области – насчитывает 42 музея. Государственная и муниципальная музейная сеть Кузбасса представлена двумя организационно-правовыми формами: автономное учреждение культуры и бюджетное учреждение культуры. Каменных музеев в Кемеровской области нет.

Среди 45 музеев 4 музея имеют статус филиала, однако самостоятельно ведут учет фондов и отчитываются по форме статистической отчетности 8-НК как самостоятельные музеи. Это музеи Мариинска, такие как: Городской краеведческий музей, «Береста Сибири», Литературно-мемориальный дом-музей В. Чивилихина. Все они являются филиалами музея-заповедника «Мариинск исторический». В свою очередь, музей-заповедник «Мариинск исторический» своих фондов не имеет. В 2012 году филиалом музея-заповедника «Трехречье» стал экомузей «Тазгол». Эти музеи также отчитываются как самостоятельные. Такая система учета фондов вступает в противоречие с требованиями инструкции по учету и хранению музейных ценностей, принятой в 1985 году, но действующей и в настоящее время.

Структура музейной сети государственных и муниципальных музеев Кемеровской области характеризуется значительным типовым разно-

образием, однако на сегодняшний день не существует четкой классификации музеев Кузбасса. На наш взгляд, данная проблема является результатом отсутствия четкости в понятийно-терминологическом аппарате и недостаточной разработанности стандартов музейной деятельности.

В принятой в 2008 году «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий определено целью формирования и развития информационного общества в Российской Федерации [11].

Одним из основных направлений реализации этой стратегии является пропаганда культурных и нравственных ценностей российского народа, а также сохранение культурного наследия России, обеспечение его доступности для граждан. В соответствии со стратегией к 2015 году доля государственных услуг, которые население может получить с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, в общем объеме государственных услуг в Российской Федерации должна составить 100 %; доля архивных фондов, включая фонды аудио- и видеоархивов, переведенных в электронную форму, – не менее 20 %; доля библиотечных фондов, переведенных в электронную форму, в общем объеме фондов общедоступных библиотек – не менее 50 %, в том числе библиотечных каталогов – 100 %; доля электронных каталогов в общем объеме каталогов Музейного фонда Российской Федерации – 100 % [11].

Данные, опубликованные Институтом развития информационного общества и Министерством культуры Российской Федерации, демонстрируют существенное отставание музеев Кемеровской области от заданных показателей по формированию электронных музейных каталогов, что, в свою очередь, ведет к снижению эффективности оказания музеями услуг по предоставлению населению доступа к культурным ценностям, в том числе в электронном пространстве.

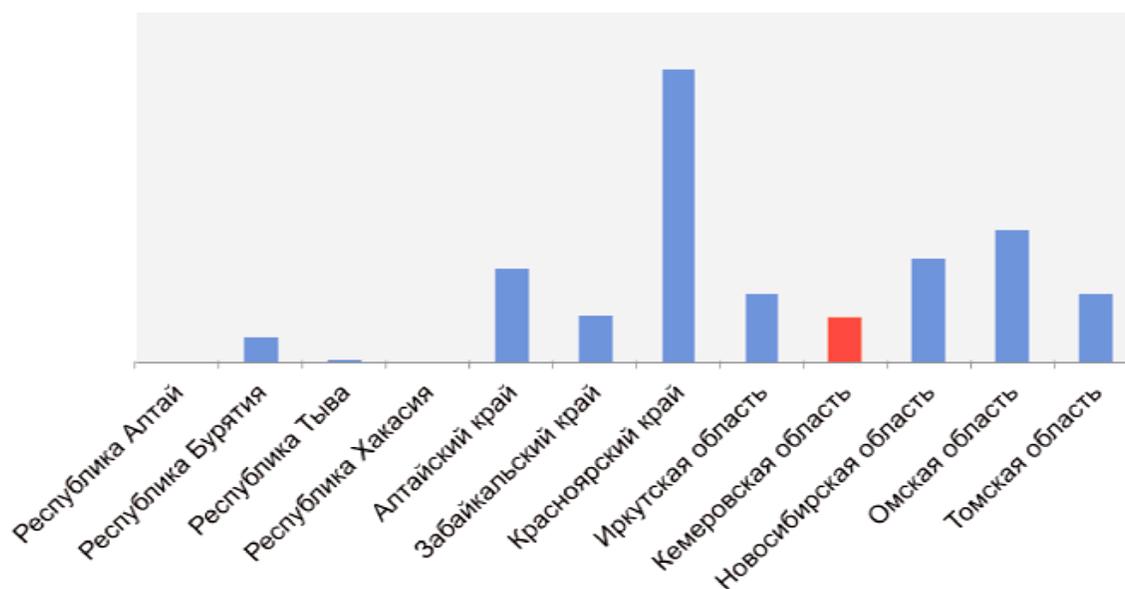


Рисунок 1. Рейтинг субъектов СФО по количеству музейных предметов, информация о которых внесена в электронный каталог на 1 января 2013 года

Анализ нормативно-правовой документации, регулирующей деятельность музеев, позволяет сделать вывод о том, что формирование каталога Музейного фонда Кузбасса в настоящее время затруднено в результате того, что законодательство Кемеровской области не дает четкого определения электронного каталога Музейного фонда Кузбасса. Кроме того, в настоящее время в большинстве государственных и муниципальных музеев Кемеровской области не разработаны локальные нормативные документы, регламентирующие деятельность по использованию ИКТ [7].

В решении проблем информационного обеспечения управленческой деятельности музеев, на наш взгляд, также большое значение имеют принципы информационного наполнения официальных сайтов музеев Кемеровской области. Появление первых интернет-представительств музеев Кузбасса относится к концу 90-х годов XX века. По данным 2001 года, собственные интернет-страницы имели всего 7 музеев. Все ресурсы были выполнены непрофессионально, имели доменные имена третьего уровня и содержали общую информацию об учреждении и предоставляемых услугах. За прошедшие годы ситуация кардинально изменилась. Собственные официальные сайты по данным статистической отчетности за 2013 год имеет 31 из 45 музеев Кемеровской области [3].

Особого внимания заслуживает такой вид информационного обеспечения деятельности музеев Кемеровской области на современном этапе, как представительства музеев в социальных сетях. Социальные сети – явление не только уникальное для пользователей Интернета, но и важное для профессионального понимания перспектив развития Паутины на ближайшие годы, в том числе – новых способов донести до целевой аудитории информацию о своем продукте или услуге. Музеи Кузбасса в соответствии с современными требованиями начинают активно использовать социальные сети, как инструмент продвижения имиджа учреждения в Интернете. Так группы в социальных сетях ведут 9 музеев из 45. В качестве основных каналов музеи выбирают «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram», Facebook, Twitter и «Живой журнал» (ЖЖ).

Преследуя цель создания и продвижения в Интернете позитивного имиджа музея, сотрудники должны мгновенно реагировать на изменения социальной среды. Основные принципы, которых следует придерживаться при ведении блога:

- подчиненность контента интересам целевой аудитории;
- качественный отбор контента официального сайта музея и электронных ресурсов близкой тематики для публикации в блоге;

- комфортность интерфейса;
- высокое качество дизайна;
- наличие функции комментирования тематических сообществ и записей в блогах постоянных читателей;
- ориентация на формирование эмпатии у целевой аудитории.

Данные о музеях Кемеровской области представлены на региональных и общероссийских сайтах по культуре. Прежде всего, это адрес учреждения, режим работы, перечень услуг.

С 2005 года действует официальный сайт «Культура Кузбасса» (<http://culture.kemrsl.ru>), на котором вниманию посетителя предлагается информация о культурной жизни региона. В разделе «Культурный потенциал» размещается краткая справка о каждом учреждении культуры, составленная по единой форме Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области и содержащая следующую информацию: название учреждения, адрес, контактная информация, данные о руководителе, основные проекты.

На 1 января 2014 года в разделе «Культурный потенциал» представлено 39 из 45 государственных и муниципальных музеев. На официальном сайте Кемеровского областного краеведческого музея имеется раздел «Музеи области», где приведен список из 45 музеев с указанием почтового адреса музея, фамилии руководителя, телефона, факса и адреса электронной почты и сайта.

На страницах портала «Музеи России» на 1 января 2014 года представлена информация о 40 государственных и муниципальных музеях Кемеровской области. Из них 9 учреждений не обновляли информацию более 3 лет. Кроме статичной информации, музеи Кузбасса активно представляют новости на сайтах «Культура Кузбасса», «Музеи России», а также в разделе «Культурная жизнь регионов» на сайте Министерства культуры Российской Федерации.

Учитывая тот факт, что одной из главных причин торможения процесса формирования электронных каталогов является неразработанность локальных нормативных актов, необходимо создание и обеспечение поддержания нормативных условий использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности музеев.

На наш взгляд, в качестве таких документов могут быть предложены проекты регламента работ по внесению информации о музейных пред-

метах, находящихся в составе коллекций музея, в Госкаталог Музейного фонда Российской Федерации, и регламента по ведению официального интернет-сайта музея.

Проект регламента работ по внесению информации в Госкаталог разработан в соответствии с федеральными нормативными актами, такими как Закон о Музейном фонде и музеях в Российской Федерации, Положением о Музейном фонде, Положением о Госкаталоге, а также в соответствии с Концепцией формирования и ведения Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации [6]. Документ включает 5 разделов. В раздел «Общие положения» включено определение Госкаталога в соответствии с законодательством, а также дано определение АИС «РЕЕСТР» как периферийного компонента системы, предназначенного для установки в музеях с целью: автоматизации деятельности по ведению учета предметов и коллекций, обмена данными с Центральной информационной системой Госкаталога для последующей регистрации данных о музейных предметах/коллекциях в Госкаталоге и Музейном фонде, получения регистрационных данных от Госкаталога. В разделе «Общие положения» также определено, что реализация государственной функции по ведению Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации в музее проводится в рамках Государственного (муниципального) задания по следующим направлениям:

- Работа по выявлению, собиранию, хранению, учету и научное изучение предметов Музейного фонда Российской Федерации.

- Услуга по публикации предметов Музейного фонда (публичный показ, воспроизведение в печатных изданиях, на электронных и других видах носителей, в том числе в виртуальном режиме).

Также в разделе приведен перечень действий, выполняемых музеем в ходе работы с Госкаталогом.

Второй раздел документа определяет круг лиц, ответственных за работу с Госкаталогом.

Третий раздел «Виды и сроки исполнения работ по внесению сведений о музейных предметах в Госкаталог» разработан на основе унификации процессов, выполняемых при работе с Госкаталогом. В таблице 1 представлена форма характеристики процесса.

Таблица 1

Виды и сроки исполнения работ по внесению сведений о музейных предметах в Госкаталог

Наименование действия	Исполнитель	Сроки исполнения	Документы и нормативные акты	Результаты/критерии
Составление описания для (количество) предметов коллекции (наименование коллекции)	Хранитель коллекции	Ежемесячно	«Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» от 17 июля 1985 года	Составлено описание для запланированного количества предметов
Экспертиза описания	Зав. отделом фондов/главный хранитель	В течение трех дней	Внутримузейная инструкция по учету и хранению музейных ценностей	Ошибки есть/ нет
Исправление ошибок (при наличии таковых)	Хранитель коллекции	В течение трех дней после проведения экспертизы	Должностная инструкция научного сотрудника отдела фондов	Ошибок нет
Повторная экспертиза описания	Зав. отделом фондов/главный хранитель	В течение трех дней	Приказ министра культуры РФ № 106 от 28.03.2012 «Об организации работ с Госкаталогом»	
Передача сведений в систему Госкаталога	Зав. отделом фондов/главный хранитель	В течение одного дня	Концепция формирования и ведения Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации от 19 июля 2011 года	Сведения внесены

Из таблицы видно, что действия по работе с Госкаталогом строго регламентируются нормативными документами федерального и локального уровня, точность соблюдения которых является гарантом качества работы. Также таблица отражает механизм взаимодействия ответственных лиц по работе с Госкаталогом.

Четвертый раздел «Порядок регистрации музейных предметов и коллекций в Госкаталог» включает в себя следующие пункты:

Сведения о музейных предметах, уже включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, для регистрации в Госкаталоге готовят хранители коллекций согласно Перечню параметров описания объектов в составе единой информационной системы Государственного каталога Музейного фонда РФ.

Хранители вносят эти сведения в программу АИС «РЕЕСТР» (ежемесячно в соответствии с настоящим регламентом). Зав. отделом фондов музея/главный хранитель, имеющий право электронной подписи, проводит экспертизу подготов-

ленных материалов и передает сведения в Госкаталог.

Сведения о вновь принятых предметах подготавливаются ответственным за коллекцию, в которую поступил предмет, и заносятся в программу АИС «РЕЕСТР» в течение 10 дней. Подготовленные сведения он передает зав. отделом фондов/главному хранителю, который передает их в Госкаталог.

После получения Свидетельства о регистрации музейного предмета в Государственном каталоге Музейного фонда РФ зав. отделом фондов/главный хранитель вносит номер Свидетельства в Книги поступления основного фонда и передает ответственным за коллекции для внесения этого номера в Инвентарную книгу и Инвентарную карточку на музейный предмет в течение трех дней.

Все Свидетельства о регистрации музейного предмета в Государственном каталоге Музейного фонда РФ хранятся в отделе фондов в сейфе.

В пятом разделе «Контроль исполнения работ» указано должностное лицо, на которого воз-

лагается ответственность за организацию контроля исполнения работ по внесению информации в Госкаталог.

Проект регламента ведения официального сайта музея разработан на основе методических рекомендаций по ведению официальных интернет-сайтов учреждений культуры Кемеровской области, составленных Департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области в 2010 году. Документ содержит два раздела: «Общие положения» и «Регламент работ по ведению сайта». В раздел «Общие положения» включено определение официального сайта государственного/муниципального музея Кемеровской области; в качестве основного назначения сайта обозначено оперативное и полное информирование населения и организаций о деятельности музея, а также перечислены нормативно-правовые акты, определяющие информационное содержание сайта. Второй раздел «Регламент работ по ведению сайта» содержит требования к техническому сопровождению сайта и срокам размеще-

ния информации. Также в данном разделе указан круг лиц, на которых возложена ответственность за подготовку материалов к размещению в соответствующих разделах сайта, описана Процедура размещения информации на сайте.

Внедрение такого регламента с условием строгого соблюдения его положений будет способствовать повышению качества музейных сайтов, что, в свою очередь, привлечет внимание широкой аудитории и к самому музею. Для руководителя музея данный документ станет одним из инструментов контроля процесса предоставления доступа к культурным ценностям в электронном пространстве.

На наш взгляд, как «Регламент работ по внесению информации в Госкаталог Музейного фонда Российской Федерации», так и «Регламент по ведению официального интернет-сайта музея» могут быть взяты за основу при разработке подобных локальных нормативных актов не только в музеях Кемеровской области, но и в музеях других регионов РФ.

Литература

1. Афанасьев Э. В., Ярошенко В. Н. Эффективность информационного обеспечения управления. – М.: Экономика, 1987. – 111 с.
2. Кабашов С. Ю., Асфандиярова И. Г. Делопроизводство и архивное дело в терминах и определениях: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 296 с.
3. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2013 год. – Кемерово: Примула, 2014. – 100 с.
4. Калугина Т. Немного шума из-за бума // Музей. – № 1. – С. 37–41.
5. Мазур Л. Н. Информационное обеспечение управления: Основные тенденции развития: учеб. пособие. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – 188 с.
6. Министерство культуры [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://mkrf.ru/>.
7. Покровская А. Ф. Модель стандарта процессов информационного обеспечения деятельности государственных музеев Кемеровской области // Актуальные проблемы социокультурных исследований: сб. – Кемерово, 2012. – С. 172–182.
8. Вишнякова С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М.: НМЦ СПО, 1999.
9. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
10. Словарь бизнес-терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/business/>.
11. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. – URL: http://base.garant.ru/70498122/#block_1000#ixzz2yv4d3LIY.
12. Экономика и право: слов.-справ. / авт.-сост.: Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. – М.: Вуз и школа, 2004. – 1072 с.
13. Экспериментальная версия ежегодного доклада ВООПИК «Культурное наследие народов Российской Федерации» (Москва, 2009 год) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.voopik.ru/doc/news/v_strane/2009-11-23_01_doklad.pdf.

References

1. Afanasiev E.V., Jaroshenko V.N. *Effektivnost' informacionnogo obespechenija upravlenija*. Moscow, Ekonomika Publ., 1987. 111 p.
2. Kabashov S.Y., Asfandijarova I.G. *Deloproizvodstvo i arhivnoe delo v terminah i opredelenijah*. Uchebnoe posobie. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009. 296 p.
3. *Informacionno-analiticheskij otchet o dejatel'nosti gosudarstvennyh i municipal'nyh muzeev Kemerovskoj oblasti za 2013 god*. Kemerovo, Primula Publ., 2014. 100 p.
4. Kalugina T. Nemnogo shuma iz-za buma. *Muzej*. 2009, no 1, pp. 37–41.
5. Mazur L.N. *Informacionnoe obespechenie upravlenija: Osnovnye tendencii razvitiya*. Uchebnoe Posobie. Ekaterinburg, UrGU Publ., 1999. 188 p.
6. Ministerstvo kul'tury: oficial'nyj sajt. Available at: <http://mkrf.ru/>.
7. Pokrovskaja A. F. Model' standarty processov informacionnogo obespechenija dejatel'nosti gosudarstvennyh muzeev Kemerovskoj oblasti. *Aktual'nye problemy sociokul'turnyh issledovanij*. Kemerovo, 2012, pp. 172–182.
8. Vishnjakova S.M. *Professional'noe obrazovanie*. Slovar'. Kljuchevye ponjatija, terminy, aktual'naja leksika. Moscow, NMC SPO Publ., 1999.
9. Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. *Sovremennij ekonomicheskij slovar'*. Moscow, INFRA-M Publ., 1999. 479 p.
10. Slovar' biznes-terminov. Available at: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/business/>.
11. Strategija razvitiya otrasli informacionnyh tehnologij v Rossijskoj Federacii na 2014–2020 gody i na perspektivu do 2025 goda. *Sistema GARANT*. Available at: http://base.garant.ru/70498122/#block_1000#ixzz2yv4d3LIY.
12. Kurakov L.P., Kurakov V.L., Kurakov A.L. *Ekonomika i pravo: slovar'-spravochnik*. Moscow, Vuz i shkola Publ., 2004. 1072 p.
13. Eksperimental'naja versija ezhegodnogo doklada VOPIK "Kul'turnoe nasledie narodov Rossijskoj Federacii" (Moscow, 2009 god). Available at: http://www.voopik.ru/doc/news/v_strane/2009-11-23_01_doklad.pdf.

УДК 069:908

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СЕТИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Быкасова Л. В., кандидат культурологии, доцент, Сибирский государственный университет (г. Новокузнецк). E-mail: bikasova.larisa@yandex.ru

На примере работ советских и российских ученых в статье проанализированы особенности возникновения и развития сети краеведческих музеев дореволюционного периода, дано определение понятию «местный музей», предложена структура деятельности по формированию краеведческих музеев.

Ключевые слова: музей, краеведческий музей, музей местного края, провинциальный музей, родниоведческий музей, культурно-региональное наследие.

TO A QUESTION OF ESTABLISHING THE NETWORK OF LOCAL LORE MUSEUMS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Bykasova L. V., Candidate of Culturology, Docent, Siberian State University (Novokuznetsk). E-mail: bikasova.larisa@yandex.ru

The history of formation of regional local museums is a classic story of Museum development in the Russian province. There were two ways of education of the regional museums. Some of them arose as a result of the activities of institutions studying the region, for example, the museums of provincial statistical committees, district councils, local scientific societies. The other was created as independent institution-based

initiatives and efforts of individual representatives of local intelligentsia, who understood the importance of studying the region for its further development.

Local museums were the place of storage, scientific processing, systematization of the materials collected in the region study. Visibility and accessibility of systematic and exhibited in museums collections contributed to the promotion of knowledge about the region.

The story of the first museums of local lore identifies common features: they were conceived as an institution, the purpose of which was not in the organization of the region study, and revival of interest in this activity among the local intellectuals based on local, regional material.

The short duration of the existence of local history museums was connected with the fact that the initiative of their organization came from individual representatives of local intelligentsia, who understood the importance of studying the region for its further development. This initiative was not always supported from the side of authorities and public of a particular region. There was no systematic replenishment of Museum exhibits, picking passed from time to time, mainly due to the materials of research expeditions.

Keywords: museum, local lore museum, local museum of a region, provincial museum, a museum of homeland, cultural and regional heritage.

Словосочетание «краеведческий музей» имеет значение феномена определенной территориальной реальности как модуса социокультурного бытия. Можно рассматривать краеведческий музей в качестве предшественника научно-исследовательских и научно-просветительских учреждений в региональных поселениях. Действительно, с одной стороны, краеведческий музей (как уровень территориального бытия) занимается изучением края (региона), «сбором и показом местного материала, состоит из отделов, коллекции которых отражают природу края, его историю и экономику» [4, с. 145]. С другой стороны, сам краеведческий музей (как уровень социокультурного бытия) представляет собой хранилище социальной памяти. Содержание данного хранилища зависит от многих факторов, например, от взаимодействия субъекта с окружающим миром, от материальных и вещественных процессов, от политической системы общества, от отношений между государством и обществом. Мы полагаем, что если ввести в проблему краеведческого музея деятельностное измерение, то краеведческий музей есть специфический объект целерациональных и ценностно-рациональных действий субъекта. Используя данное измерение, можно исследовать механизм возникновения и существования сети краеведческих музеев во второй половине XIX – начале XX века.

Данная проблема интересует как специалистов социогуманитарных наук, так и музейных работников – практиков музейной деятельности. Большой вклад в систематизацию сведений и организацию исследований по этому вопросу

внесли отечественные ученые Д. А. Равикович [4], О. В. Ионова [2], Н. В. Шалаева [7], Л. С. Рафиевко [5], П. Н. Мешалкин [3], О. Н. Труевцева [6] и др.

Теоретическое обоснование отсутствия применения термина «краеведческий музей» представлено в трудах Д. А. Равикович, О. В. Ионовой и др. Авторы объясняют это тем, что до 1917 года (до Октябрьской социалистической революции) количество краеведческих музеев было минимальным, «краеведческий материал не был ведущим» [2, с. 37]. Поэтому терминология, характеризующая прототипы современных краеведческих музеев, – местные, провинциальные, родиноведческие.

С позиций нашего исследования целеустремленное направление деятельности представителей музеев местного края определяется как составная часть культурно-регионального наследия, характеризующегося созданием нового общественно полезного объекта на основе изучения природы, истории определенной территории и хозяйственно-бытовых отношений населения.

Анализируя социальные, экономические, политические и культурно-идеологические предпосылки создания сети местных краеведческих музеев во второй половине XIX – начале XX века, можно выделить такие доминирующие факторы, как:

- 1) наличие огромных природных ресурсов окраин России;
- 2) необходимость освоения неиспользованных земель для решения проблемы перенаселения центральной России;

3) основание в 1845 году в Санкт-Петербурге Императорского Русского географического общества, в задачу которого входило изучение провинциальных территорий;

4) буржуазно-либеральные реформы 60–70-х годов XIX века, промышленные, сельскохозяйственные и социально-политические последствия которых вызвали потребность в изучении природных и экономических условий жизни страны;

5) возникновение местных научных обществ, отделов Русского географического общества;

6) деятельность местной интеллигенции, в том числе политических ссыльных, в целях научной пропаганды, воспитания любви к Родине и удовлетворения материально-практических интересов и нужд.

По нашему мнению, структура деятельности по формированию сети местных музеев дореволюционного периода предполагает наличие следующих компонентов:

- 1) когнитивного;
- 2) ценностно-мотивационного;
- 3) рационально-рефлексивного.

Когнитивный компонент характеризуется тем, что «исследование ограниченных по пространству местностей необыкновенно важно не только для познания всей обширной страны нашей, но и в чисто ученом отношении. Многие явления высокой важности могут быть изучаемы именно лишь с помощью наблюдений, производимых в продолжение многих лет в одной и той же местности» [4, с. 147].

Ценностно-мотивационный компонент характеризует наличие личностно-активного отношения к деятельности по созданию музеев местного края, к самому себе как её участнику. В возникновении местных музеев главенствующая роль принадлежит энтузиастам, людям, посвятившим свою жизнь бескорыстному изучению истории, природы и быта своего края.

Рационально-рефлексивный компонент представлен наличием осознанного, спланированного действия, с ясным пониманием цели и необходимых средств её достижения, а также способностью анализировать, обобщать, делать выводы, контролировать и оценивать ход и результаты деятельности, направленной на создание краеведческих музеев.

Для изучения и оценки эффективности процесса формирования сети краеведческих музеев

во второй половине XIX – начале XX века важно сопоставить запланированные, ожидаемые и реальные результаты. Данное сопоставление необходимо провести на основе исследования событийно-фактологических данных, относящихся к указанному периоду.

По мнению одной из главных теоретиков советского музееведения Д. А. Равикович, расширение внутреннего рынка в России пореформенного периода вызвало особый интерес к исследованию окраин России – Поволжья, Кавказа, Средней Азии и Сибири, появилась необходимость в стационарных исследованиях на местах. Д. А. Равикович придавала большое значение деятельности местных краеведов-любителей, составлявших коллекции и описания своего края, проводивших метеорологические и фенологические наблюдения, обрабатывавших местные архивные материалы. При этом Д. А. Равикович справедливо отмечала, что «уровень развития науки, находившейся в тот период в стадии накопления и систематизации фактов, чрезвычайно слабая изученность страны, преобладание в провинции любительского труда краеведов – все это приводило к тому, что деятельность по изучению края могла выражаться только в сборе фактического материала о его природе, истории, экономике» [4, с. 147]. Следует отметить, что благодаря активности отдельных исследователей, создавались коллекции, на основе которых и формировались музеи местного края.

Историю создания сети краеведческих музеев не следует связывать только с экономической потребностью изучения страны. Просветительское течение 60–80-х годов XIX века внесло свой вклад в развитие этих музеев.

Движущей силой организации музеев в регионах была местная интеллигенция, в том числе политические ссыльные. Отдавая дань заслугам любителей исследования Сибири, Урала, Приуралья, мы должны многих из них вспомнить добрым словом. Среди них крупные краеведы Алтай – Степан Иванович Гуляев и Николай Степанович Гуляев. Их вклад в развитие музейного дела рассмотрен в работе Н. В. Шалаевой [7]. Источниками проведения исследования автора являются неопубликованные материалы центра хранения Архивного фонда Алтайского края, фондов АГКМ, фондов Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея, а также опубликованные работы ученых Гуляевых. Н. В. Шалаева

отмечает, что собирательские интересы С. И. Гуляева и Н. С. Гуляева были разнообразны: книги, рукописи, археологические предметы, минералы, монеты. На протяжении многих лет Гуляевы, понимая необходимость сохранения исторических и культурных памятников, занимались сбором палеонтологических коллекций. Дуплетные экземпляры они передавали в сибирские музеи. Много археологических артефактов Гуляевы пожертвовали Минусинскому музею.

В случае с Минусинским музеем огромная роль в пропаганде и осуществлении идеи создания местного музея принадлежит Николаю Михайловичу Мартьянову. Его вклад в развитие музейного дела специально рассматривался в исследованиях П. Н. Мешалкина [3], О. Н. Труевцевой [6] и др.

Столь же замечательны примеры возникновения музеев в Енисейске – инициатор Александр Игнатьевич Кытманов, в Красноярске – Иннокентий Алексеевич и Юлия Петровна Матвеевы, в Барнауле – Петр Козьмич Фролов.

Позитивно оценивая роль разночинной интеллигенции в создании краеведческих музеев, Д. А. Равикович отмечает, что сотрудниками местных музеев обсуждался вопрос об их профиле и выдвигалось положение, по которому музеи в провинции должны строиться на местном материале и обладать комплексом отделов, стремящихся к всестороннему отражению природы, истории и экономики края. П. В. Алабин, создатель музеев в Вятке и Самаре, подчеркивал возможность использования музеев местного края для просветительских целей: «Правильно устроенный и вполне доступный публике музей, признается одним из лучших способов проведения полезных и необходимых сведений в народную массу. Музей, представляя своим посетителям первоначально только привлекательную сторону знания, легко удовлетворяет любознательность без напряжения и труда, невольно увлекает человека к более близкому и глубокому ознакомлению с предметом, пробуждает в своих посетителях интерес к знанию» (цит. по [4, с. 149–150]).

В отечественном музееведении (музеологии) сложились определенные парадигмы образования музеев местного края. Музеи возникали, во-первых, как результат деятельности учреждений, изучавших край (при статистических комитетах, губернских земствах, местных научных обществах); во-вторых, как самостоятельные учреж-

дения на основе любительского труда местного населения в области изучения края. Данные традиции столь глубоки и самоценны в культурно-историческом отношении, что без их учета не представляется возможным построить современную концепцию формирования сети краеведческих музеев дореволюционного периода.

Обратимся к работе Д. А. Равикович «Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 годы)». Автор констатирует, что доминантой в организации местных музеев являлись губернские статистические комитеты: «Как местные органы Центрального статистического комитета губернские статистические комитеты должны были следить за правильным ведением губернской административной статистики. Наряду с этим основной задачей в их обязанности входило составление описаний губернии в топографическом, историческом, промышленном, сельскохозяйственном отношении. Статистические комитеты имели право снаряжать экспедиции и издавать свои труды, посвященные изучению губерний» [4, с. 152]. Признавая статистические центры в ряде случаев единственными центрами изучения губернии, Д. А. Равикович рассматривает примеры создания краеведческих музеев. Статистическими комитетами были открыты музеи в Архангельске (1859), в Уфе (1865), в Твери (1866), во Владимире (1862), в Тобольске (1870), в Петрозаводске (1871), в Ташкенте (1876), в Екатеринодаре (1879), в Могилеве (1879), в Семипалатинске (1883), в Воронеже (1886) и т. д. [4, с. 153]. Надо отметить, что цели деятельности статистических комитетов заключались во всестороннем описании губернии (природа, экономика, историческое прошлое) и в практической помощи населению в развитии народного хозяйства края. Эти намерения привели к преобладанию естественно-исторического и экономического материала в составе музейных коллекций: золотошвейные изделия, образцы прядильного и ткацкого производства, химические изделия, кожевенное производство и обувь, железные изделия, древние одежды и уборы, предметы народного быта и т. д.

Следуя принципу историзма, Д. А. Равикович отмечает общие закономерности создания краеведческих музеев под влиянием земских учреждений в Новгороде (1863), Вятке (1874) и т. д. [4, с. 154]. В соответствии со своими полномочиями земские учреждения оказывали матери-

альную поддержку не только образовательным учреждениям, но и местным музеям. Земские учреждения, так же как и статистические комитеты содействовали формированию местных музеев, занимавшихся изучением края. Практическая значимость деятельности земств оказывала благотворное влияние на формирование музейных коллекций.

Следующим фактором, содействующим организации провинциальных музеев, стали научные общества комплементарного типа: «одни из них – местные отделы Русского географического общества, например, преследовали цель всестороннего изучения края – его природы, экономики, истории; другие – такие, как Рижское общество любителей природы, Ярославское общество исследователей природы, Уральское общество любителей естествознания и другие, ставили перед собой задачу изучения природы края; третьи – такие, как Рижское и Одесское общества истории и древностей, архивные и археологические ученые комиссии в Рязани, Тамбове, Костроме, Ярославле, Пскове, Орле и т. д., – занимались сбором и изучением исторических памятников» [4, с. 157].

Представляется уместным отметить некоторые ситуации, приводившие к неравномерности, стихийности развития местных музеев, – взаимоотношения музеев с местной администрацией; отсутствие помещений и постоянных средств; смена «консерваторов» (хранителей), работавших

в музее. Отношения между местными музеями и органами местного самоуправления (городскими думами) носили формально-бюрократический характер. Этим объясняется привлечение широких слоев населения в действия по изучению края и по организации местных музеев. Большую роль в создании музейных коллекций играли дары от местного населения. Факты возникновения и существования местных музеев на основе пожертвований широких слоев населения и материальной поддержки представителей третьего сословия (купцов) рассмотрены автором данной статьи в отдельном издании [1].

Подводя итоги, следует выделить следующие онтологические характеристики краеведческих музеев, созданных во второй половине XIX – начале XX века:

- 1) местные музеи являются достоянием исторической реальности;
- 2) местные музеи – это особая разновидность (модус) социокультурного бытия, то есть наличия временных и пространственных характеристик деятельности людей;
- 3) местным музеям присущи такие качества, как кумулятивность и диффузия;
- 4) местные музеи – объект действий субъекта.

Таким образом, краеведческий музей есть своеобразный дубликат истории, экономики, природы определенного региона.

Литература

1. Быкасова Л. В. Благотворительность в истории культурной жизни Западной Сибири конца XVIII – начала XX века: моногр. / СибГИУ. – Новокузнецк, 2007. – 140 с.
2. Ионова О. В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // История музейного дела в СССР. – М., 1957. – Вып. 1. – С. 37–57.
3. Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX века. – Красноярск, 1995. – С. 43–53.
4. Равикович Д. А. Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века // История музейного дела в России. – М., 1960. – Вып. 2. – С. 145–176.
5. Рафиенко Л. С. П. К. Фролов и Барнаульский музей ведомства кабинета // Краеведческие записки. – Барнаул, 1999. – Вып. 3. – С. 7–13.
6. Труевцева О. Н. История сибирского музея: методология, историография, источники: учеб. пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ин-та искусств и культуры, 1999. – 208 с.
7. Шалаева Н. В., С. И. Гуляев и Н. С. Гуляев и развитие музейного дела на Алтае (вторая половина XIX – начало XX века) // Гуляевские чтения. – Барнаул, 1998. – Вып. 1. – С. 120–123.

References

1. Bykasova L.V. Blagotvoritel'nost' v istorii kul'turnoj zhizni Zapadnoj Sibiri konca XVIII – nachala XX veka [Charity in the history of the cultural life of Western Siberia of the late XVIII – early XX centuries]. Novokuzneck, 2007. 140 p.

2. Ionova O.V. Sozdanie seti kraevedcheskih muzeev RSFSR v pervye desjat' let sovetskoj vlasti [Creation of a network of local lore museums of the RSFSR in the first ten years of Soviet power]. *Istorija muzejnogo dela v SSSR – History museums in the USSR*. Moscow, 1957, iss. 1, pp. 37–57.
3. Meshalkin P.N. Mecenatstvo i blagotvoritel'nost' sibirskih kupcov-predprinimatelej. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka [Sponsorship, charity Siberian merchants and businessmen. Second half of XIX – early XX century]. Krasnoyarsk, 1995, pp. 43–53.
4. Ravikovich D.A. Muzej mestnogo kraja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Museums of the local region in the second half of XIX – early XX century]. *Istorija muzejnogo dela v Rossii – History museums in the Russia*. Moscow, 1960, iss. 2, pp. 145–176.
5. Rafeenko P.S. P.K. Frolov i Barnaul'skij muzej vedomstva kabineta [P.K. Frolov and Barnaul Museum of the office of the Cabinet]. *Kraevedcheskie zapiski – Local lore notes*. Barnaul, 1999, iss. 3, pp. 7–13.
6. Truevcev O.N. Istorija sibirskogo muzeja: metodologija, istoriografija, istochniki. Uchebnoe posobie [The history of the Siberian Museum: methodology, historiography, sources: the manual]. Barnaul, Altai Institute of Arts and Culture Publ., 1999. 208 p.
7. Shalaeva N.V. S.I. Guljaev i N.S. Guljaev i razvitie muzejnogo dela na Altae (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [S.I. Gulyaev and the N.S. Gulyaev and Museum development in Altai (second half of XIX – beginning of XX century)]. *Guljaevskie chtenija – Guljaevskii reading*. Barnaul, 1998, iss. 1, pp. 120–123.

УДК 069:01

ЭКОМУЗЕЙ ПРИТОМЬЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Кимеев В. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, директор экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района (г. Кемерово). E-mail: Kimeev@mail.ru

В статье характеризуются этапы проектирования шести экомuzeев Притомья («Тазгол» в шорском поселке Усть-Анзас Таштагольского района, «Чолкой» в телеутском селе Беково Беловского района, «Калмаки» в татарском поселке Юрты-Константиновы Яшкинского района, в русских притрактовых селах – «Ишим» и «Брюханово» (Красное), «Тюльберский городок» в Кемеровском районе. Анализируются разнообразие форм и перспективы реализации этих архитектурных проектов в 1990–2014 годы. Показаны объективные и субъективные причины провалов некоторых проектов в условиях социально-экономического кризиса в России 1990-х годов в сравнении с опытом создания других российских экомuzeев.

Ключевые слова: экомuzeей, российские музеи, архитектурный проект, экспозиция, коренные малочисленные народы Сибири, русские сибиряки.

NEARBY TOM ECOMUSEUMS AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

Kimeev V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts, Director of Ecomuseum Reserve “Tyulbersky Gorodok” of the Municipal District of Kemerovo (Kemerovo). E-mail: Kimeev@mail.ru

The article deals with the design stages of six nearby Tom ecomuseums (“Tazgol” Shor settlement Ust-Anzas Tashtagol district, “Chalkoi” in Teleut village Bekovo, Belovsky district, “Talmaci” in Tatar village Yurt-Konstantinovy, Askinsky district, nearby tract Russian villages “Ishim” and “Bryukhanovo” (Krasnoye), “Tullbergsky gorodok” in Kemerovo district. It analyzes a variety of forms and prospects of implementation

of these architectural projects in 1990–2014. It shows the objective and subjective reasons of the failures of some of the projects in terms of socio-economic crisis in Russia in the 1990s in comparison with the experience of creating the Russian ecomuseums.

Keywords: ecomuseum, Russian museums, architectural design, exposition, small indigenous peoples of Siberia, Russian Siberians.

Оригинальные формы сохранения этнокультурного наследия в местах компактного проживания аборигенов и русских старожилов Притомыя были впервые предложены в России начала 1990-х годов по программе «Культура Кузбасса» творческой группой опытных московских архитекторов. Первым стал комплексный музей-заповедник «Томская Писаница», организованный по инициативе археолога А. И. Мартынова и поддержке областных властей в 1988 году. Для проектирования экспозиций были привлечены высокопрофессиональные архитекторы: А. Г. Афанасьев (Москва), В. Н. Усольцев (Новокузнецк). По проекту из подлинных жилых и хозяйственных построек начала XX века, вывезенных в 1989 году из Горной Шории, в схожем ландшафте заповедника был смоделирован этнографический комплекс, получивший название «Шорский улус Кезек». На самом деле жилой дом был срублен умельцами русскими плотниками в чашу с замком для русских приискателей (бергалов), безуспешно пытавшихся намыть золото в ручье Кезек, как это они делали в то время по речке Анзас. Затем дом был продан и использовался шорцами, дополнившими усадьбу летней кухней и амбаром.

Реставрация вывезенных построек производилась после контрольной сборки профессиональными плотниками по рабочим архитектурным проектам, выполненным архитектором В. Н. Усольцевым, производившим в процессе работ авторский надзор. В состав комплекса вошли дом-одноклеть Марфы Кискоровой с самцовой желобовой крышей, глинобитной русской печью и полностью восстановленным интерьером с мебелью, приобретенной вместе с домом, а также летняя кухня, двухъярусный амбар, кузница. Дополнительно были реконструированы: баня, свинарник, шаманский каркасный шалаш, крытый берестой, и бревенчатая юрта, кладбище с надмогильными сооружениями и детскими захоронениями на деревьях в виде берестяных свертков. В ближайших планах руководства «Томской Писаницы» – создание на территории музея этнографической экспозиции под открытым не-

бом, характеризующей архитектурные традиции и быт русского старожильского населения Притомыя [7, с. 150].

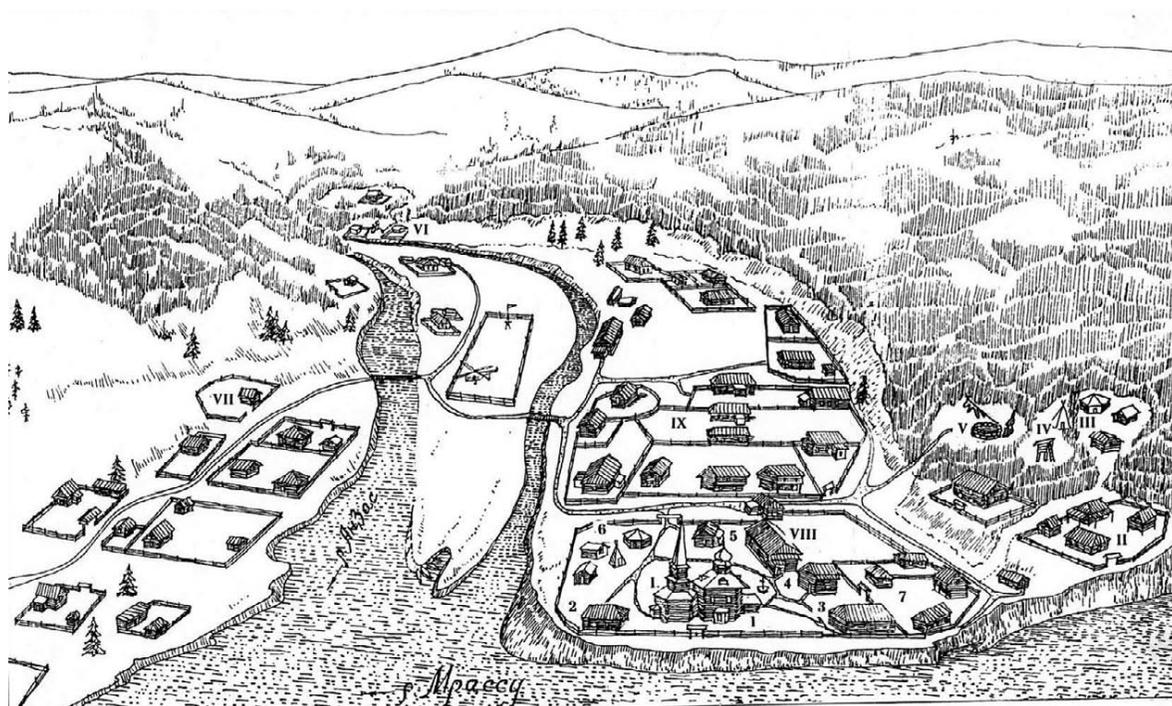
В дальнейшем, согласно Решению Кемеровского областного Совета народных депутатов № 85 от 16.03.1990, за 20 лет тем же творческим коллективом архитекторов, археологов, этнографов, плотников-реставраторов и представителей национально-политических элит после научных изысканий были спроектированы шесть национальных экомузеев народов Притомыя в местах их компактного проживания, три из которых – шорский «Газгол» в п. Усть-Анзас, телеутский «Чолкой» в п. Беково, комплексный экомузеев-заповедник «Гюльберский городок» в п. Городок – в настоящее время официально действуют [1].

В 2011 году другим авторским коллективом из Кемеровского областного краеведческого музея предложена научная концепция нового комплексного музея-заповедника Горной Шории – «Трехречье» в п. Усть-Кабырза Таштагольского района, создание которого, к сожалению, началось без архитектурного проекта и отвода земельного участка. В месте музеефикации раскопанного еще в 2009 году, в п. Усть-Кабырза многослойного поселения и грунтового могильника эпохи бронзы в виде некрополя в 2013 году установили два деревянных идола, символизирующих раскопанных, так называемых «кабырзинскую принцессу» и «витязя», которые уже стали местом поклонения для туристов. В 2011 году в самом поселке соорудили комплекс-новодел, названный «Гулагом», хотя в Усть-Кабырзе всегда существовала только колония-поселение осужденных уголовников, закрытая по требованию местных жителей в середине 1990-х годов. Дополнением музея-заповедника «Трехречье» должна стать «Азаская пещера» – памятник природы, где по мифам якобы обитает «снежный человек» [4, с. 87]. В 2012 году в состав музея-заповедника «Трехречья» включили ранее созданный экомузеев «Газгол», находящийся в 60 км ниже по течению по реке Мрассу и имеющий несколько музеефициро-

ванных подлинных памятников народной и гражданской архитектуры, а также памятники археологии эпохи бронзы и Средневековья.

В первом создаваемом с 1990 года экомузее «Тазгол» на площади в 5 га в характерном для этих мест этнокультурном ландшафте на нижней надпойменной террасе реставрирован комплекс подлинных памятников, связанных с деятельностью Алтайской православной миссии – дом псаломщика, дом торговца «пай Степана» и двухъярусный амбар, которые используются сейчас для проживания туристов и хранения материалов музея (рис. 1). В 1992 году был залит фундамент для реконструкции по проекту Троицкой церкви, однако в результате смены районных властей и

отсутствия финансирования заготовленный сосновый лес сгнил, и вряд ли работы будут продолжены. Рядом стоящий подлинный заброшенный дом мрасского миссионера (рис. 2) разрушается, хотя еще в 1991 году был разработан проект его реставрации. Сделанный анализ архитектурно-планировочной организации исторического центра п. Усть-Анзас и его окружающей застройки с позиций определения сохранности ценных элементов исторического ландшафта, отдельных памятников истории и культуры, их утрат и изменений, а также выявления элементов дисгармонии, нарушающих выразительность историко-архитектурной и природной среды, местными властями не используется.



I. МИССИОНЕРСКИЙ СТАН

1. Троицкая церковь.
2. Миссионерская школа.
3. Дом миссионера.
4. Амбар миссионера.
5. Дом псаломщика.
6. Традиционные жилища.
7. Усадьба паштыка.

II. УСАДЬБА ИВАНОВА

- III. ПОСЕЛОК ЛИТЕЙЩИКОВ
- IV. ОРЕХОВЫЙ СТАН
- V. ЖЕРТВЕННИК
- VI. ЗОЛОТОПРИИСК
- VII. ДОМ УЧЕНЫХ
- VIII. КЛУБ
- IX. ПОСЕЛОК УСТЬ-АНЗАС

Рисунок 1. АЭМЗТГ Р1-01. Генплан экомузее «Тазгол». Автор А. Г. Афанасьев (1991). Рисунок, тушь



Рисунок 2. МАЭ 3646, б/н. Миссионерский стан в шорском улусе Усть-Анзас. Вид с г. Кабакташ и кладбища. Автор Н. П. Дыренкова (1927). Фотография

Экомузей создавался с целью сохранения многовекового историко-культурного и природного наследия мрасских жителей Горной Шории. На верхней надпойменной террасе реки Мрассу в 1996 году реконструирован после раскопок подлинный археологический памятник «Кайчак» – погребение кыргызского воина по обряду кремации. На соседней поляне этой террасы местным жителем-шорцем реконструирован свой охотничье-промысловый стан, состоящий из охотничьей избушки с нарами и очагом из двух приставленных к стене плах, обмазанных глиной, а также из навеса со станком *пабрык* для размалывания кедровых шишек, каркасного балагана *одаг* из колотых бревен, срубного *лабаза* на высоких столбах для хранения продуктов, бревенчатой эстакады для погрузки мешков с орехом на вьючных лошадей. На отдаленной поляне представлена реконструкция

поселения древних шорских металлургов, раскопанного археологом Ю. В. Шириным в урочище «Сайлагол» на р. Мрассу и выполненная археологом А. М. Зиняковым с реконструкцией плавильной печи под навесом, каркасной юрты «одаг» и кузницы в срубной избушке. На третьей открытой поляне верхней террасы в ограде смоделирована после реставрации усадьба местного русского плотника Г. Иванова с подлинным домом, двумя амбарами и баней. В окрестностях п. Усть-Анзас сохранились развалины бывшего золотоприиска, а в зонах охраняемого природного ландшафта – многочисленные памятники дикой природы – живописные скалы и Сагинский водопад.

Нереализованной осталась реконструкция шорского улуса Тазгол на поляне между поселением литейщиков и охотничье-промысловым станом. В 2008 году члены коллектива шорского

фольклорного ансамбля «Чылтыс» из г. Таштагол на этой поляне в нарушении генплана набросали несколько каменных куч по аналогии с монгольскими обо, вкопали, как у хакасов, деревянный столб-коновязь *сарчын* и приспособили для подвязывания ленточек *ялама* якобы «священную березу» на краю поляны. С тех пор ежегодно на поляне проводятся шаманские камлания и обряды по сценарию и при непосредственном участии активистов общества «Таглыг-Шор». Сами местные жители таких обрядов здесь не проводят, но при-

ходят сюда во время организованных властями мероприятий по случаю юбилея поселка.

Экспозиции телеутского экомuzeя «Чолкой» по проекту 1992 года должны были создаваться в центральной части с. Беково в поросшей ивняком пойме р. Бачат (рис.3). Сам поселок состоит из трех слившихся воедино населенных пунктов: старинного телеутского улуса Чолкой (Ары-Паят), ставшего к началу XX века селом Челухоевским, деревни Верховская (Сас) и села Беково – со смешанным телеутско-русским населением.

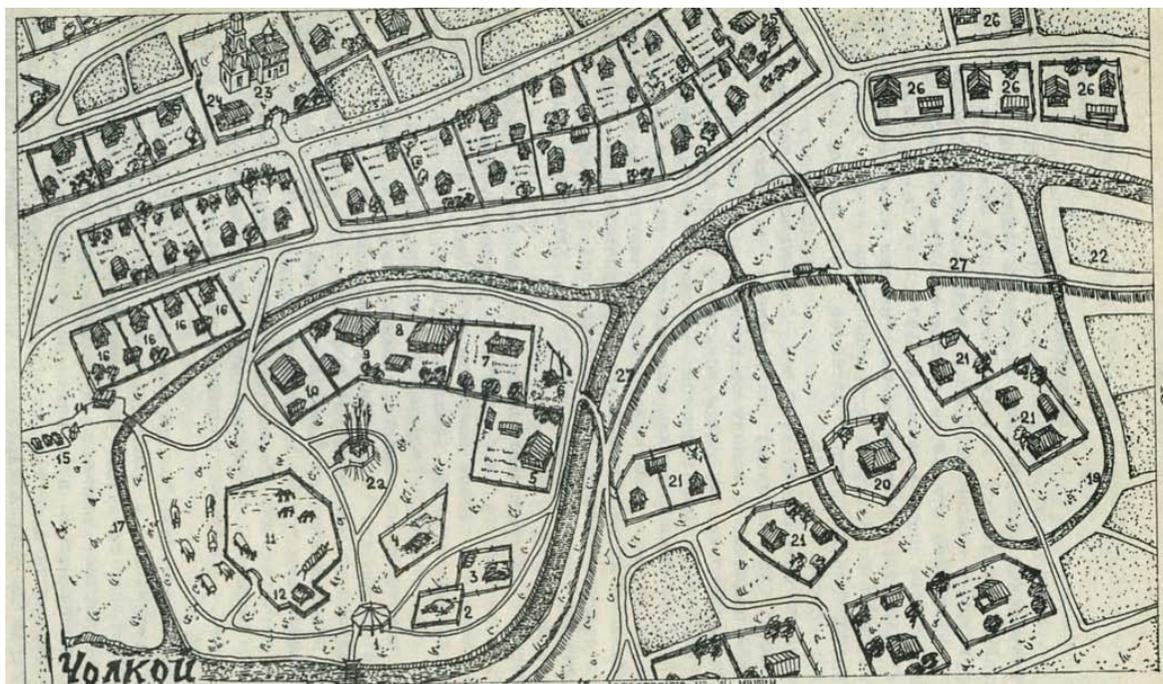


Рисунок 3. АЭМЗТГ Р1-02. Генплан экомuzeя «Чолкой». Автор А. Г. Афанасьев (1992). Рисунок, гуашь

Организация экомuzeя целиком опиралась на традиционные представления о жизни и культурное наследие телеутов, что позволило разработать научную концепцию с учетом интересов местных жителей, а затем и населения всего района. Финансирование проекта осуществлял Департамент культуры Кемеровского облисполкома на основании решения Кемеровского областного совета народных депутатов № 274 от 22.07.1991 «О первоочередных мерах по возрождению телеутской народности». Проект прошел экспертизу на Всероссийской научной конференции в п. Бе-

ково в августе 1992 года, но реализован в первоначальном виде не был

Создание экспозиций началось в 1998 году директором историко-этнографического музея «Чолкой» В. И. Челухоевым в помещениях второго этажа местного Дома культуры в виде витрин и диорам по этноэкологии телеутов, древностям «Телеутской землицы», традиционному быту, искусству, обрядам и обычаям, выставки декоративно-прикладного искусства и современной истории [6, с. 449]. Этого показалось ему мало, и с 2004 года под руководством и непосред-

ственным участием директора музея и его сына на площадке у Дома культуры без какого-либо проекта и отвода земли началось активное сооружение новоделов – сторожевой башни странной конструкции, алтайской конусообразной юрты *аланчик* из жердей и бересты, многоугольной юрты из полубревен, телеутской плетеной полумезанки по образу той, в которой родился директор, срубного дома-пятистенка с баней и стайкой, где директор содержит домашних животных (рис. 4). Причем все постройки выставлены в ряд в охранной зоне здания Дома культуры

прямо над магистральным подземным водопроводом. В юрте директор, объявивший себя главным телеутским ханом, принимает и угощает гостей, а на площадке перед Домом культуры проводит различные обряды у ритуального костра и даже, войдя в роль, совершает предсказания, например, о возможных результатах олимпийских игр или проводит лечебные камлания с бубном, оставаясь в душе, как бывший член КПСС, убежденным атеистом. Все это пользуется большой популярностью у властей, журналистов и многочисленных туристов.



*Рисунок 4. АЭМЗТГ Ф1-02. Реконструкции под открытым небом у ДК.
Автор В. М. Кимеев (2007). Фотография*

В селитебной части села Беково сохраняются подлинные объекты: реставрированная местным приходом без проекта кирпичная Пантелеймоновская церковь конца XIX века с кирпичной церковно-приходской школой и несколько

деревянных жилых домов исторической застройки по улице Набережной. Жилые постройки не реставрированы, не используются для экскурсий и разрушаются.

Основой экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок», создаваемого с 2003 года, стало сохранившиеся в Притомье, раскопанное и музеефицированное в 1997–2000 годах средневековое ритуальное городище «Городок», датируемое началом II тыс. н. э. При музеефикации археологического памятника – ритуального городища – был предложен и реализован «реконструктивный» метод с внесением элементов реконструкций на отдельных раскопанных и подвергшихся изучению участках. По проекту были реконструированы оборонительный комплекс в виде забора из полубревен с земляным валом и воротами, плавильные печи под навесом и внутри одной реконструированной каркасной постройки, культовый жертвенник «таелга» в виде лабаза на столбах и приставленной к столбу жер-

ди с навешанной шкурой барана, реконструкции шаманского чума (рис. 5). Пространственное моделирование изначальной структуры позволило включить объекты в экспозиционную структуру музея, в которой они представлены как часть природно-физического феномена измененной историко-культурной среды, что создает уникальную визуально-пространственную модель на базе экспонируемого памятника. Остальная часть городища представлена в «натурной консервации» для сохранения первоначального облика памятника. На одном из раскопанных участков с жилищем допустимо сооружение временных защитных сооружений в виде навесов. Такой «открытый» показ позволит представить городище как часть рекреационной системы историко-ландшафтного комплекса экомuzeя [3, с. 23].



Рисунок 5. Реставрация экомuzeя «Тюльберский городок»

Кемеровского государственного университета в Кемеровском районе. Диплом выставки «Золотая капитель» в 2001 году. Авторы проекта: В. Н. Усольцев, И. А. Платонова

ЭКСПЛИКАЦИЯ

1. Казачий деревянный острог XVII–XVIII веков.

- 1.1. Проездная срубная башня.
- 1.2. Четыре срубные угловые башни с острожными стенами (Бельская, Братская, Томская, Кузнецкая).

- 1.3. Казачья деревянная Успенская церковь.
- 1.4. Воеводский двор-комплекс с баней и амбарами.
- 1.5. Съезжая изба.
- 1.6. Таможня-рентерия.
- 1.7. Тюрьма острожная.
- 1.8. Острожная караульная изба.

- 1.9. Усадьба казачьего атамана Теплинского.
- 1.10. Гостинный двор.
- 1.11. Дом русских старожилов Притомья.
- 1.12. Аманацкая.

2. Средневековое ритуальное городище.

- 2.1. Ритуальные мастерские тюльберов.
- 2.2. Культовый жертвенник.
- 2.3. Восстановленная стена городища.
- 2.4. Конный взвоз.
- 2.5. Легкий подвесной мост.
- 2.6. Дворец тюльберского хана.
- 2.7. Одиннадцать срубных юрт.
- 2.8. Порываевские курганы.
- 2.9. Культовый жертвенник «Таелга».

3. Казачья заимка.

- 3.1. Дом казака.
- 3.2. Двор-конюшня.

4. Речная казачья пристань со струками.

- 4.1. Пристань.

5. Посад русских старожилов.

- 5.1. Усадьба крестьянина-земледельца.
- 5.2. Усадьба крестьянина-ремесленника.
- 5.3. Купеческий дом с лавкой.

6. Заповедные леса.

- 6.1. Заповедный грибной лес.

7. Заповедные территории.

7.1. Заповедный овраг с примыкающим скальным берегом.

В экомузее «Тюльберский городок» реконструированы типичные для сибирских острогов одна проездная и три угловые срубные башни. Этот оборонительный комплекс из башен и забора-частокола, а также реконструированные под жилые и хозяйственные постройки острога современные деревянные здания учебно-научного центра КемГУ создают собирательный образ сибирского казачьего острога XVII–XVIII веков, органично вписывающийся в окружающий исторический ландшафт. Причем каждая из башен является точной реконструкцией какой-либо известной башни по материалам раскопок археологов или графическим реконструкциям архитекторов (Борисо-Глебовская проездная башня Верхотомского острога, угловая Александровская башня Сосновского острога, угловая Георгиевская башня Братского острога, угловая Михайловская башня Томского острога). Предусмотрена в проекте реконструкция Преображенской часовни по аналогу часовни Кашира, реставрированной в Новгородском музее «Витославицы».

Этнографическая экспозиция в экомузее-заповеднике «Тюльберский городок» представлена в интерьере реконструированных по проектам «Казачьей караульной избы», «Георгиевской и Александровской угловых башен», а также в выставочном павильоне подлинными предметами быта русских старожилов, шорцев и телеутов. Предполагается обустройство интерьера в жилом доме, амбаре, кузнице и бане усадьбы казачьего атамана Ивана Теплинского.

Непосредственно на территории экомузее выделены особо охраняемые природные зоны: «заповедный грибной лес» и скальные выходы с береговыми террасами и оврагами с редкими видами рептилий и растений, занесенных в Красную книгу Кузбасса.

Несмотря на популярность и известность за счет оригинальных экспозиций под открытым небом, ежемесячно проводимых народных календарных праздников экомузее-заповедник все годы существования, начиная с 2003 года, переживает трудные времена. Частая смена муниципальных районных властей всех уровней и отсутствие финансирования фактически приостановили дальнейшую реализацию проекта – реконструкцию усадьбы казачьего атамана Ивана Теплинского из нескольких объектов и тюльберского улуса с культовыми сооружениями за пределами городища. Осталась не обустроенной экологическая тропа по территории экомузее. Имеющиеся объекты – 4 башни с забором-частоколом между ними и городище – уже требуют реставрации после более 10 лет эксплуатации. Отсутствие дороги (хотя бы грунтовой) на пути до экомузее протяженностью 10 км из соседнего села Старочервово не позволяет даже в летнее время организовать массовый туризм и получить собственные средства музее-заповеднику. Выходом из тупика может стать присоединение экомузее-заповедника «Тюльберский городок» в качестве филиала к крупным кузбасским музеем-заповедникам, «Томской Писанице» или «Красной Горке», в случае включения Кемеровского района в состав г. Кемерово.

Основой полностью не состоявшегося татарского экомузее «Калмаки» площадью 10 га по проекту должна была стать историческая часть п. Юрты-Константиновы Яшкинского района, представленная комплексом памятников

народной архитектуры и деревянной мечетью, построенной в начале XX века (рис. 6 и 7). Анализ существующего состояния поселка Юрты-Константиновы и округа проведен московским архитектором А. Г. Афанасьевым в 1991 году с позиций определения сохранности отдельных памятников истории и культуры, сохранности ценных элементов прилегающего ландшафта, их утрат и изменений, а также выявления элементов дисгармонии, нарушающих выразительность

историко-архитектурной и природной среды. Проведена была также оценка функциональной структуры села и его опорной застройки, этносоциологическое обследование населения, раскопки Сосновского казачьего острога. Несмотря на то, что проект разрабатывался при непосредственном участии местных жителей, прошел экспертизу и согласование с местными органами власти, из-за разорения местного сельхозпредприятия в 1990-х годах реализован не был.

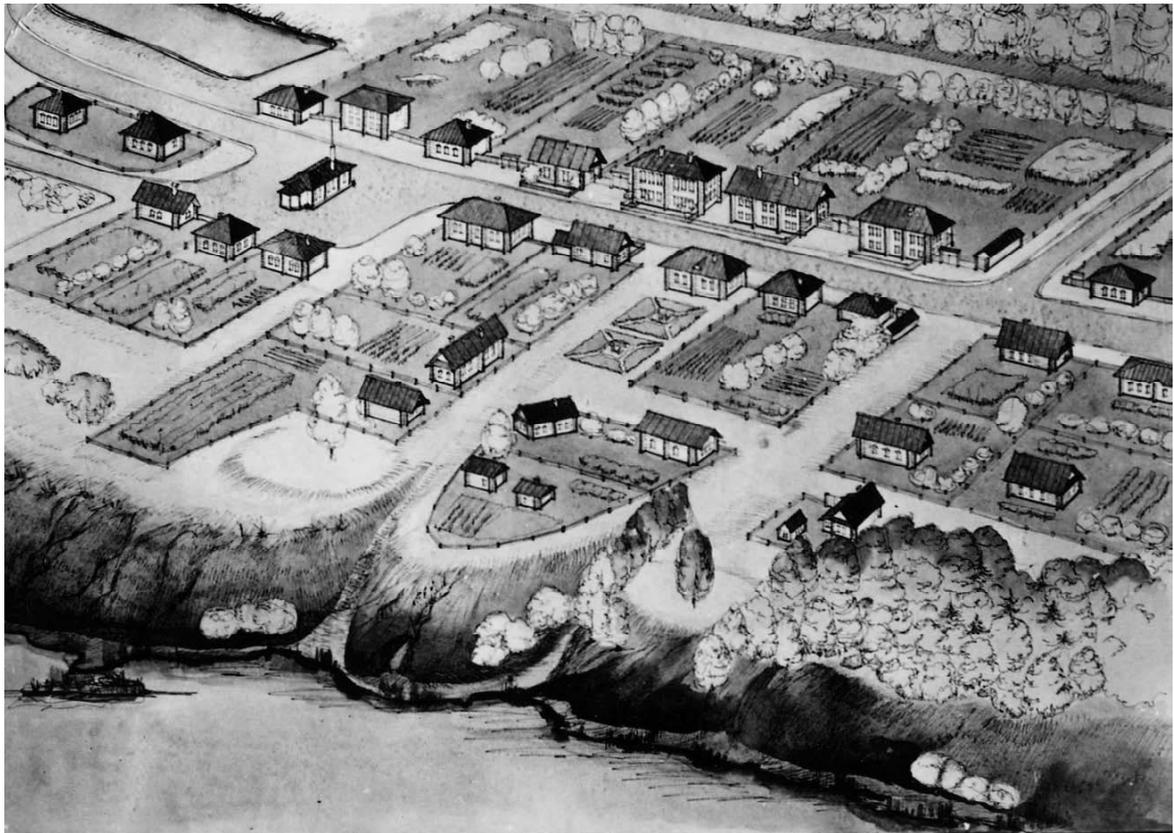


Рисунок 6. АЭМЗТГ Р1-03. Генплан экомuzeя «Калмаки» (вид с Курьи).
Автор А. Г. Афанасьев (1991). Рисунок, тушь

Руководителю местного фольклорного ансамбля «Дуслык» (Дружба) удалось создать из собранных предметов быта и вспомогательного материала небольшую выставочную экспозицию в одной из комнат местного клуба. После закрытия рядом стоящей школы, перспективы развития поселка полностью исчезли. Продолжают раз-

рушаться памятники архитектуры: деревянное здание бывшей мечети; деревянная двухэтажная изба-связь – бывшая мусульманская школа-медресе (ныне жилой дом, который планируют перевезти в музей-заповедник «Томская Писаница»); несколько других жилых домов XIX – начала XX века, сохранившихся в центре поселка.

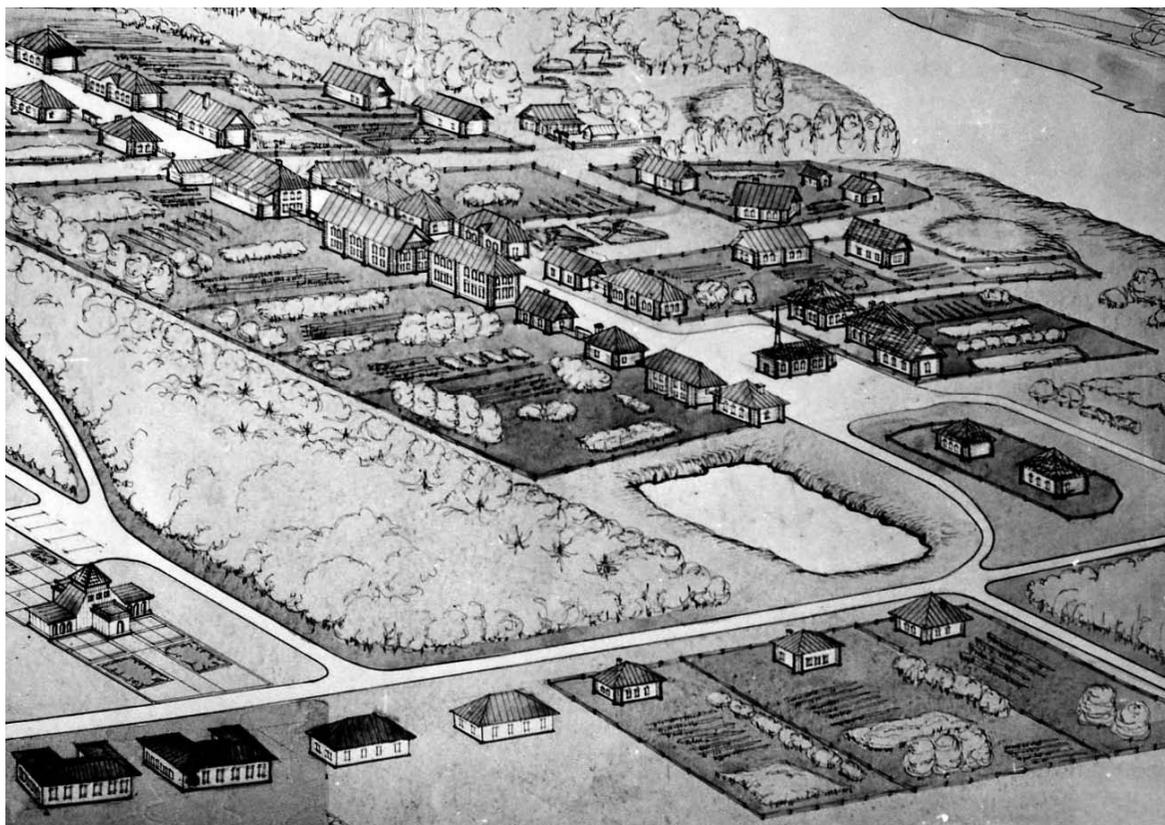


Рисунок 7. АЭМЗТГ Р2-03. Вид главной улицы и площади с мечетью.
Автор А. Г. Афанасьев (1991). Рисунок, тушь

Вряд ли можно надеяться на поддержку местных властей или областного татарского национально-культурного центра «Дуслык» в создании экспозиций экомuzeя в условиях экономического спада в Кузбассе.

Нереальным остается и проект создания филиала экомuzeя «Калмаки» в соседнем селе «Сосновый острог». Произведенные в 1996 году частичные раскопки сохранившейся площадки Сосновского острога 1957 года позволяли его реконструировать. Но опасность исчезновения самого села из-за массового отъезда местных жителей в г. Томск и п. Яшкино, а также отсутствие грунтовой дороги в сторону Томской области не позволят организовать как реконструкцию объектов, так и туристическое обслуживание экспозиций. Дома на Прибрежной улице с исторической планировкой разрушаются.

Скорее всего не будут реализованы проекты экомuzeев «Ишим» на Московском тракте и «Брюханово» на Томско-Кузнецком тракте, которые проектировались для сохранения памятников наследия, связанных с историей русской колонизации Кузнецкого края.

Схема развития экомuzeя «Ишим» Яйского района была ориентирована на выявление, воссоздание, реставрацию и использование уникального историко-архитектурного наследия – характерной сельской среды общественного центра с застройкой начала XX века – развалин каменной трехпрестольной Спасской церкви, сохранившегося комплекса общественных (волостная управа, трактир) и жилых зданий различного типа на приречном участке вдоль улицы Декабристов по трассе бывшего Московского тракта. Уже после сдачи проекта каменные и деревянные постройки никем

практически не охраняются и быстро разрушаются. Еще на стадии проектирования в 1992–1993 годах местные жители с. Ишим высказывали сомнения о возможности создания здесь музея под открытым небом, называя большинство односельчан и местные власти «странниками», для которых абсолютно безразлична судьба наследия, к которому ни они, ни их предки-переселенцы не имеют никакого отношения. После полного банкротства местных сельскохозяйственных произ-

водств в 1990-е годы окончательно были похоронены и сам проект, и идея музеефикации.

Основой еще одного притрактового экомузея «Русское село Брюханово» (рис. 8) мог бы стать «Музей истории крестьянского быта» (рис. 9), созданный в 1993 году в двухэтажном доме-крестовике сельского «торгующего купца» Пьянкова в виде витрин с одеждой и предметами быта в комнатах, а также диорамой в виде макета русской печи и полатей [2, с. 183].



- | | |
|---|----------------------------------|
| 1. Музей истории крестьянского быта (дом купца Пьянкова). | 7. Почтово-телеграфная контора. |
| 2. Купеческий амбар-магазин. | 8. Магазины. |
| 3. Троицкая церковь. | 9. Волостная управа. |
| 4. Воскресная приходская школа. | 10. Дом волостного пристава. |
| 5. Дом сибиряка-чалдона. | 11. Дома зажиточных крестьян. |
| 6. Купеческие дома. | 12. Дом крестьянина-переселенца. |

Рисунок 8. ЭМЗТГ Р1-6. Генплан экомузея.
Автор Е. В. Попов (1996). Рисунок, тушь



*Рисунок 9. ЭМЗТГ Ф2-6. Дом Пьянкова (Музей истории крестьянского быта).
Автор В. М. Кимеев (1996). Фотография*

Рядом со зданием музея на центральной площади находится действующая отреставрированная в 1996 году стараниями служителей Кемеровской митрополии каменная Троицкая церковь, которая, однако, как и в с. Беково, не используется сотрудниками музея для экскурсий для редких приезжих. Остальные памятники народной архитектуры – жилые дома различных типов, дом лесника, почтовая станция, церковно-приходская школа разрушаются, а волостная управа начала XX века сгорела по халатности местных властей.

В заключение напрашивается вывод, что многие несвершившиеся проекты музеев, какими бы радужными и профессиональными они не были, смогли бы реализоваться только при совместных многолетних усилиях специалистов, местных жителей, а главное при активной финансовой поддержке местных и региональных властей. К сожалению, эта «активность» зачастую сводится к возвеличиванию своей личности в деле «возрождения» историко-культурного наследия в лощеных фотоальбомах, в то время как гибнут памятники народной архитектуры и исчезают предметы этнографического быта.

Литература

1. Кимеев В. М. Экомусеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника и функции. – Томск, 2008. – 452 с.
2. Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. – Кемерово, 1997. – 205 с.

3. Кимеев В. М., Глушкова П. В. Древние дороги тюльберов. – Кемерово: Кузбасс, 2010. – 62 с.
4. Семь чудес Кузбасса: фотоиллюстрир. альбом. изд. – Кемерово, 2013. – 159 с.
5. Притомские калмаки. Историко-этнографические очерки. – Кемерово, 1998. – 152 с.
6. Челухоев В. И. Телеуты, история народа // Труды Кузбасской комплексной экспедиции / Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово, 2004. – Т. 1: Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. – С. 449–451.
7. Юсифова Л. Ю. «Томская Писаница» как туристская дестинация // Вестн. АлтГПА: Музееведение и сохранение историко-культурного наследия. – Барнаул, 2014. – № 18. – С. 149–152.

References

1. Kimeev V.M. Ekomuzej Pritom'ja v postindustrial'nom obshchestve: genezis, arhitektonika i funkcii [Ecomuseums in the post-industrial society: genesis, architectonic and functions]. Tomsk, 2008. 452 p.
2. Kimeev V.M. Kas'minskie chaldony. Byt i kul'tura russkikh starozhilov Kas'minskoj volosti [Kasminsky Chaldons. Life and culture of old Russians in Kasminskaya parish]. Kemerovo, 1997. 205 p.
3. Kimeev V.M., Glushkov P.V. Drevnie dorogi tyul'berov [Ancient roads of Tyulbers]. Kemerovo, Kuzbass Publ., 2010. 62 p.
4. Sem' chudes Kuzbassa: fotoilljustrirovannoe al'bomnoe izdanie [Seven Wonders of Kuzbass: photo-illustrated album edition]. Kemerovo, 2013. 159 p.
5. Pritomskie kalmaki: istoriko-etnograficheskie ocherki [Near by Tom Kalmaks: historical and ethnographic essays]. Kemerovo, 1998. 152 p.
6. Cheluhoev V.I. Teleuts. Teleuty, istorija naroda [History of the people]. *Trudy Kuzbasskoj kompleksnoj ekspedicii. T. 1. Belovskij, Jashkinskij, Tashtagol'skij rajony Kemerovskoj oblasti – Proceedings of the Kuzbass complex expedition. Vol. 1. Belovo, Jashkino, Tashtagol districts of Kemerovo Region.* Kemerovo, Institute of Coal and Coal Chemistry Publ., 2004, pp. 449–451.
7. Yusifova L.Y. "Tomskaja Pisanica" kak turistskaja destinacija ["Tomskaya Pisanitsa" as a tourist destination]. *Vestnik AltGPA: Museevedenie i sohranenie istoriko-kul'turnogo nasledija – Vestnik AltGPA: Museology and preservation of historical and cultural heritage.* Barnaul, 2014, no 18, pp. 149–152.

УДК 069.8

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭТНОСОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ СЕВЕРА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Насонов А. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Пронина С. А., аспирант, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: swetlanapro@yandex.ru

В статье рассматривается проблема актуализации духовного наследия этносов юга Западной Сибири в работе музеев под открытым небом севера Кемеровской области. По мнению авторов, комплексное сохранение духовного наследия возможно только при использовании культурно-ландшафтного подхода, который подразумевает сохранение объектов традиционной культуры в естественном природном окружении.

Ключевые слова: нематериальное наследие, духовное наследие, музей под открытым небом, ревитализация, фондово-исследовательская работа музеев, культурно-образовательная деятельность музеев.

ETHNIC SPIRITUAL HERITAGE OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN OPEN-AIR MUSEUMS OF THE NORTH OF KEMEROVO REGION

Nasonov A. A., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Pronina S. A., Post-graduate Student, Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: swetlanapro@yandex.ru

The article deals with the problem of ethnic spiritual heritage actualization of the south of Western Siberia in open-air museums of the north of Kemerovo region, that is to say open-air museum “Mariinsk istoricheskij,” historical, cultural and natural museum “Tomskaja Pisanica,” ecological open-air museum “Tjul’berskij gorodok.” The authors draw attention to feature of this region, which consists of intension of cultural contacts. In this relation it is stressed that special role of open-air museums in cultural tradition communication, as well as it is defined concept “non-material cultural heritage” and “spiritual heritage.” Accordingly it described forms of spiritual heritage work in aforecited open-air museums. For example, annually in these museums organized theatrical events actualizing Siberian indigene calendar are held. As part of these activities, scientifically based reconstruction of indigenous rituals, prepared jointly with the museum staff and folk groups of Kemerovo region are carried out. The main methods of spiritual heritage actualization in open-air museums show fixation and science-based reconstruction. The fixation method is used when playing rites of Siberian indigenes. In the open-air museums, speakers of tradition (Shors, Teleuts and others) are invited. They transmit a tradition during museum festivals. However, the main method is science-based reconstruction, as reproducing Russian settlers’ heritage, a tradition which is difficult to find a speaker of. Rites are reconstructed on the basis of the published scientific literature and field data on the cultural heritage of Siberia. Reconstruction is complex: as the financial capacity of the museum recreated ritual paraphernalia, costume elements, traditional food, also used authentic items from the museum’s collections. As part of the theatrical events not only updated calendar rites, but also folk games, superstitions, folklore, etc.

The authors make a conclusion that conservation and actualization of spiritual heritage should be conducted taking advantage cultural landscape approach, because it implies an object of traditional culture conservation in native environment. Cultural and educational activities’ importance of open-air museums of the north of Kemerovo region within spiritual heritage increases in relation to dynamic development of religious truism in Russian Federation.

Keywords: non-material heritage, spiritual heritage, open-air museum, revitalization, stock-research work of museums, cultural and educational activities of museums.

Потребность человеческого сообщества в сохранении самобытности является необходимым условием дальнейшего его существования. Однако на протяжении своего развития любой этнос эпизодически или регулярно вступает во взаимодействие с другими культурными системами. Если такие контакты приводят к утрате уникальных черт, идентифицирующих индивида в культуре, эти процессы следует считать ассимиляционными, и не о какой самобытности в данном случае, как правило, в итоге говорить не приходится. Однако если контакты приводят не к «растворению» одной культуры в другой, а взаимному или одностороннему обогащению, такую ситуацию следу-

ет характеризовать как аккультурацию, способствующую не только сохранению самобытности, но и преодолению культурной стагнации.

Юг Западной Сибири являлся в прошлом чрезвычайно культурно-контактным регионом. Таковым он остается и **сейчас**. Воздействие различных государственных образований Древности и Средневековья, динамичные этнические и лингвистические процессы, разнонаправленные религиозные влияния многие века формировали пеструю культурную палитру региона. На сегодняшний день одним из главных социокультурных институтов выявления, изучения, сохранения и использования в туристских целях богатейшего

историко-культурного наследия юга Западной Сибири являются музеи под открытым небом, выступающие транслирующими посредниками между членами сообщества и их культурной традицией.

В данной статье авторами предпринята попытка охарактеризовать тот аспект деятельности данной категории музеев, который затрагивает работу с нематериальным культурным наследием, в частности с духовным наследием. Обращение к нематериальному культурному наследию и его актуализацию в деятельности музеев под открытым небом можно рассматривать как формирование новой концептуальной модели музея, делающей его «живым», сохраняющим свои институциональные особенности, менее консервативным, отвечающим современным требованиям человека. В этом случае роль музея под открытым небом в сохранении нематериального духовного наследия сложно переоценить, поскольку он транслирует информацию.

Под нематериальным наследием современными исследователями понимаются обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [3, с. 246; 4, с. 55]. Долгое время презентация нематериального наследия ограничивалась показом его элементов: танцев, обрядов, технологий и т. д., причем подавалось все это как отдельные составляющие той или иной культуры, не связанные объединяющим понятием «нематериальное наследие». Современное состояние музейного дела ориентировано на интегративность, вовлеченность, комплексность, взаимообусловленность музея и объектов хранения [4, с. 55]. Во всем многообразии нематериального культурного наследия можно выделить категорию духовного наследия, включающую в себя комплекс религиозных воззрений и способы их выражения в обрядах и ритуалах, локализованных в сакральных местах и жилище или сосредоточенных в культовых сооружениях.

Деятельность музеев под открытым небом разнообразна. Сотрудники профессиональной научно-исследовательской (в том числе фондовой) работы сохраняют материал о праздниках, обрядах и многом другом, зафиксированный на аудио-,

видео-, цифровых носителях и оформленный в качестве определенного фондового собрания. Подобным образом осуществляется музеефикация духовной культуры, что подразумевает преобразование компонентов нематериального наследия, утративших механизмы естественной трансляции традиции, в объекты музейного показа в музее под открытым небом с целью максимального сохранения и актуализации. Элементы нематериального наследия в рамках музеефикации могут быть воссозданы и актуализированы в музее под открытым небом путем музейной интерпретации, научной реконструкции и ревитализации. Зачастую музейная интерпретация служит почвой для следующего этапа – научно обоснованной реконструкции. В случае с нематериальным наследием реконструкция представляет собой моделирование утраченных элементов традиционной духовной культуры с целью получения информации об их функционировании. Заключительным этапом в музейной работе с нематериальным духовным наследием является ревитализация, или «оживление». Уникальность данного метода заключается в восстановлении способности объектов нематериального духовного наследия к функционированию и самовоспроизведению, будучи включенными в музейный комплекс». Перечисленные методы могут быть взяты в комплексе либо по отдельности как автономные направления внутри музеефикации [4, с. 56].

Рассмотрим процессы актуализации духовного наследия на примере музеев под открытым небом севера Кемеровской области: музея-заповедника «Мариинск исторический», экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок», историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница».

Музей-заповедник «Мариинск исторический»

На территории г. Мариинск находится несколько объектов духовного наследия, которые используются в работе музея [6]. Наиболее крупные из них:

– Православно-мемориальный комплекс «Память», посвященный жертвам политических репрессий 30–50-х годов XX века, с Часовней Святой Анастасии Узорешительницы. На территории комплекса регулярно проводятся экскурсии

и аудиоэкскурсии для туристов. Часовня является действующей, в ней регулярно проводятся богослужения.

– Свято-Никольский кафедральный собор. В составе организованных туристических групп собор посещают паломники. Служители собора активно сотрудничают с музеями, принимают участие в музейных мероприятиях, являются инициаторами многих мероприятий. При соборе действует воскресная школа, воспитанники которой также часто посещают музеи и музейные мероприятия.

Совместно со служителями собора музеем-заповедником был разработан и готовится к изданию путеводитель «Храмы и святые источники Мариинского уезда». Также музеем-заповедником «Мариинск исторический» разработан экскурсионно-познавательный маршрут «Храмы и святые источники Мариинского уезда».

В программе экскурсии: встреча туристической группы на Часовне Филарета Срезневского (поселок Верх-Чебула), посещение освященных источников Семиона Верхотурского и Филарета Срезневского, посещение Православно-Мемориального комплекса «Память» с часовней Анастасии Узорешительницы, обзорная экскурсия «Храмы и святые источники Мариинского уезда» по маршруту «Верх-Чебула – Мариинск», посещение Свято-Никольского кафедрального собора, тематическая экскурсия «Святые лики» (краеведческий музей), показ кинофильмов о святых источниках и храмах Мариинского уезда (музей «Береста Сибири»). В летнее время программа дополняется посещением места захоронения священников, погибших в период репрессий, и святого источника «Пророка Илии» с омовением в купели.

В рамках проекта «Деревянные персонажи старого города» музея-заповедника «Мариинск исторический» 18 декабря 2013 года на месте, где до 30-х годов XX века находился трехпрестольный Никольский собор, разрушенный впоследствии большевиками, был установлен и освящен памятный знак в честь Святителя Николая Мирликийского. Посещение скульптурной композиции Николая Мирликийского входит в программу обзорной экскурсии по городу и туристического маршрута «Деревянные персонажи старого города».

В охранной зоне города сохранилось культовое сооружение 1896 года – здание еврейской синагоги – яркий образец каменного зодчества. В 1931 году евреи отказались от синагоги, и здание было передано горисполкому под культурный очаг. Там до войны находился спортивный клуб «Динамо», а затем почтамт. С 1999 года здание пустует. Оно находится в аварийном состоянии и требует реставрации. Тем не менее, здание синагоги является одним из достопримечательных объектов, через которые проходит обзорная экскурсия по городу.

В Краеведческом музее имеется большая коллекция православных икон разного возраста и старинные церковные книги конца XVIII–XIX века. Они экспонируются во временных выставках и используются на музейных уроках в качестве наглядного материала.

В музеях регулярно проводятся лекции, музейные уроки, театрализованные мероприятия, выставки, посвященные как православным, так и народным, языческим праздникам – Рождество и рождественские колядки, Крещение и святочные гадания, Масленица, Пасха, Троица, Иван Купала, День православной книги, Медовый и Яблочный спас, Покрова Богородицы и т. д. Сотрудники музеев также участвуют в организации католических праздников, которые проводятся Центром немецкой культуры «Гармония». В экспозиции под открытым небом «Земля предков» (селькупское стойбище) в рамках театрализованной экскурсии проводится обряд камлания селькупского шамана и задабривания духов. Сотрудниками музея «Береста Сибири» по мотивам славянских традиций и обрядов разработан и проводится театрализованный обряд на долгую и счастливую супружескую жизнь «Берестяная свадьба».

Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница»

В настоящее время музей-заповедник вышел за рамки краеведения. На его объектах представлена культура народов, живших и проживающих как непосредственно в Кемеровской области, так и на территории сопредельных ей регионов. Сегодня в музее-заповеднике открыты для посещения следующие археологические и этнографические комплексы: «Древнее святилище»; «Мифология», эпос «Славянский мифологический лес», Часовня.

Славянский мифологический лес (реконструкция языческого святилища)

Капище, возведенное на «Томской Писанице», представляет собой реконструкцию этого святилища, уменьшенную в два раза. Площадка вымощена камнем-плитняком для облегчения просмотра. С этой же целью ров заменен выложенными по краю лепестков камнями. На экспозиции в центре капища находится копия Збручского идола. Збручский идол, скульптура X века, один из редких памятников славянского языческого культа, найденный у села Гусятин в р. Збруч (приток Днестра) в 1848 году. После принятия христианства был, вероятно, сброшен в воду (подобно идолам Перуна в Киеве и Новгороде).

На капищах разжигали ритуальный огонь. Эти костры разводили от «живого огня» – добытого трением. На экспозиции представлено сооружение для добывания огня. Вокруг капища расположены макеты основных славянских идолов: Род – прародитель вселенной, Рожаницы – небесные хозяйки мира, Велес – «скотий бог», Руевит – бог войны, судья душ в загробном мире, Сварог – отец бога солнца, Святовид – бог плодородия, Чур – охранитель границ, Ярило – божеество солнца и плодородия. По кругу капище обнесено деревянной оградой, на которую вешают черепа жертвенных животных. Круг и овал – магические фигуры для славян [5].

Часовня в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

В сентябре 2008 года в музее-заповеднике «Томская Писаница» появилась новая экспозиция – действующая часовня-храм. Освоение Сибири Российским государством изначально было связано с распространением христианства среди местного населения. Часовня как памятник этого исторического процесса построена по инициативе губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева за 4 месяца. Здание уникально по своей архитектуре. Его высота составляет 33 метра. Таких высоких часовен в Кузбассе больше нет. Построена она по канонам древнерусского зодчества из лучших сортов дерева (сосна и лиственница) на живописном берегу р. Томи. Названа часовня в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кирилл и Мефодий происходили из благочестивой болгарской семьи. В семье было семь сыновей, причём Мефодий – старший, а Кирилл млад-

ший из них. До пострижения в монахи Мефодий сделал неплохую военно-административную карьеру, но впоследствии принял монашество в одном из монастырей. Кирилл был очень образованным для своего времени человеком. Он составил славянскую азбуку и начал переводить Евангелие на славянский язык [5].

В фондах музея-заповедника «Томская Писаница» собраны уникальные коллекции культовых предметов телеутов и шорцев. Музейные экспонаты данной коллекции представляются в рамках передвижных выставок, которые в течение года организуются администрацией музея-заповедника. За многие годы работы музея-заповедника праздничная культура стала его неотъемлемой частью. В течение всего года сотрудниками музея-заповедника ведется работа по актуализации нематериального духовного наследия в рамках реконструкции обрядов и праздник, наиболее крупные из них – Рождество, Масленица, Троица, Пасха, Братчина-пир (праздник урожая) и день Ивана Купалы. Данные мероприятия празднуются на территории музея-заповедника «Томская Писаница» и отмечаются с размахом, жители Кемеровской области с большим удовольствием посещают данные мероприятия и принимают участие в них. Сохранение самобытной культуры народа и знакомство с ней массовой аудитории – несомненно значимый момент в работе музея. Музей под открытым небом «Томская Писаница» активно актуализирует в своей работе как языческие, так и православные праздники.

Экомузей-заповедник «Гюльберский городок»

В рамках культурно-образовательной деятельности в экомузее-заповеднике актуализируется нематериальное культурное наследие как русских, так и коренных жителей Сибири. Ежегодно в музее организуются театрализованные мероприятия, актуализирующие сибирский народный календарь. В рамках таких мероприятий проводятся научно-обоснованные реконструкции народных обрядов, подготовленные сотрудниками музея совместно с фольклорными коллективами Кемеровской области. Наиболее значимыми праздниками народного календаря для экомuzeя являются Святки, Сретенье, Масленица, Иван Купала, Медовый Спас и Спиридон-Солнцеворот. Также в музее отмечают профессиональные праздники, такие как Международный день эко-

лога и День этнографа, в структуру которых органично включается презентация нематериального наследия. К празднованию Дня эколога приурочены троицкие обряды, а на День этнографа студенты демонстрируют свое знание народной культуры и принимают участие в обрядовых действиях.

Основными методами актуализации нематериального наследия в экомузее «Тюльберский городок» выступают фиксация и научно-обоснованная реконструкция [7]. Метод фиксации используется при воспроизведении обрядов коренных жителей Сибири. В экомузее приглашаются носители традиции (шорцы, телеуты), которые транслируют ее в рамках музейных праздников. Примером может служить фиксация телеутского обряда «сомдор», который посетители музея наблюдают на ритуальном тюльберском городище. Однако доминирующим методом является все же научно обоснованная реконструкция, так как для воспроизводства наследия русского населения Сибири сложно найти носителя традиции. Обряды реконструируются на основе научной литературы и опубликованных полевых материалов по культурному наследию Сибири. Реконструкция носит комплексный характер: по мере финансовых возможностей музея воссоздаются ритуальная атрибутика, элементы костюма, традиционная пища, также используются подлинные предметы из коллекций музея. В рамках театрализованных мероприятий актуализируется не только календарная обрядность, но и народные игры, суеверные представления, фольклор и т. д.

Обряды реконструируются силами сотрудников музея, но зачастую в структуру мероприятия

включаются выступления фольклорных коллективов Кемеровской области. Гости мероприятия принимают непосредственное участие в реконструкции обрядовых действий, под руководством ведущего воспроизводят традиционные формы.

Таким образом, духовное наследие этносов юга Западной Сибири, представленное в музеях под открытым небом северной части Кемеровской области, весьма разнообразно и включает как верования коренного населения, так и объекты мировых религий. Вместе с тем, следует обратить внимание, что комплексное сохранение и актуализация духовного наследия возможны только при использовании культурно-ландшафтного подхода, сохранении объектов традиционной культуры в естественном природном окружении [1]. На сегодняшний день важность культурно-образовательной деятельности музеев под открытым небом севера Кемеровской области с духовным наследием возрастает в связи с динамичным развитием религиозного туризма в Российской Федерации [2].

Актуализация духовного наследия именно усилиями квалифицированных сотрудников музеев под открытым небом играет в современном обществе особую роль, поскольку не предполагает миссионерские действия, а стремится решить только культурно-познавательные, образовательные и исследовательские задачи. Музей становится площадкой свободного взаимодействия носителей различных духовно-религиозных воззрений, способствует формированию установок терпимости к иной культурной традиции.

Литература

1. Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия // Обсерватория культуры. – 2013. – № 1. – С. 67–73.
2. Житенев С. Ю. Современные культурно-познавательные путешествия // Вопр. культурологии. – 2014. – № 4. – С. 19–23.
3. Кирюшина Ю. В. Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности // Извест. Алт. гос. ун-та. Сер. Философия, социология и культурология. – 2011. – № 2–1 (70). – С. 244–247.
4. Курьянова Т. С. Музей и нематериальное культурное наследие // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 361. – С. 55–57.
5. Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.gukmztp.ru/index2.html>. – Загл. с экрана.
6. Музей-заповедник «Мариинск исторический» [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.mariinsk-tur.ru/>. – Загл. с экрана.
7. Экомузеев-заповедник «Тюльберский городок» [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://tyulber.kemsu.ru/>. – Загл. с экрана.

References

1. Vedenin Ju.A. Kul'turno-landshaftnyj podhod k sohraneniju nasledija *Observatorija kul'tury*, 2013, no 1, pp. 67–73.
2. Zhitenev S.Ju. Sovremennye kul'turno-poznavatel'nye puteshestvija. *Voprosy kul'turologii*, 2014, no 4, pp. 19–23.
3. Kirjushina Ju.V. Nematerial'noe kul'turnoe nasledie – aktual'noe ponjatie sovremennosti. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija. Filosofija, sociologija i kul'turologija*, 2011, no 2–1 (70), pp. 244–247.
4. Kur'janova T.S. Muzej i nematerial'noe kul'turnoe nasledie. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no 361, pp. 55–57.
5. Istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik “Tomskaja Pisanica”. Available at: <http://www.gukmztp.ru/index2.html>.
6. Muzej-zapovednik “Mariinsk istoricheskij”. Available at: <http://www.mariinsk-tur.ru/>.
7. Ekomuzej-zapovednik “Tjul'berskij gorodok”. Available at: <http://tyulber.kemsu.ru/>.

УДК 069: 394.21.(571.17)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДОВОЙ КУХНИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Кимеева Т. И., кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Глушкова П. В., магистрант кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Статья посвящена проблемам актуализации нематериального культурного наследия, а именно обрядовой кухни в деятельности музеев Кемеровской области. Авторами обобщен опыт реконструкции и презентации ритуальных блюд в рамках музейных мероприятий, раскрыт научный потенциал данного явления, выявлены проблемы актуализации традиционной обрядовой кухни и определены пути их решения.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, календарная обрядность, обрядовая кухня, актуализация культурного наследия, реконструкция наследия.

UPDATING THE TRADITIONAL CUISINE RITUAL IN MUSEUMS OF KEMEROVO REGION

Kimeeva T. I., Candidate of Culturology, Docent, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Glushkova P. V., Undergraduate Student of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

In modern society, there has been increased interest in the intangible cultural heritage. Relevance of that ritual kitchen as one of the layers of this heritage is an integral part of calendar rites. Ceremonies are recreated in the museum activities. There is a need to justify the methods traditional cuisine update in the structure of rites held at the museum. This problem was not considered by culturologists. A study of museums of Kemerovo region has allowed to identify the most popular method of updating the traditional cuisine, a reconstruction based on ethnographic descriptions. Ritual serves of traditional Russian cuisine in Siberia are closely connected with the national calendar. Especially their preparation and selection reflect the deep representation of the people of the world order. The article examines the current state and possible reconstruction in museums of Kemerovo region in the structure of the kitchen ritual ceremonies calendar cycle in Russian and their attachment

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ №13-11-42006.

to the seasonal rites in the indigenous population, Shors and Teleuts. We consider other forms of update: master classes at the museum, organizing fairs, specialized programs. Ritual kitchen can be presented in the framework of the thematic excursions, where by means of material objects from the museum's collections can be represented by intangible heritage, dishes based on traditional recipes.

Keywords: intangible cultural heritage, calendar rites, ritual kitchen, updated cultural heritage, reconstruction heritage.

Современные музееведческие исследования свидетельствуют о повышенном интересе к нематериальному культурному наследию. Ряд ученых утверждает, что «появление в музеях нематериальных объектов наследия не есть открытие сегодняшнего дня и... первые попытки их включения в сферу музейных интересов можно отметить уже в XIX веке» (см. [1]). Другие музееведы считают, что научный интерес к нематериальному культурному наследию, включающий осмысление его сути, способов сохранения и актуализации начался сравнительно недавно. Как целостное явление данный вид культурного наследия попадает в сферу интереса ученых с конца 1980-х годов, а объектом пристального внимания становится с начала XXI столетия после обсуждения на различных международных музейных форумах, заседаниях Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Международного совета музеев, Международного комитета по музеологии и других институций. Подчеркивая особую актуальность нематериального культурного наследия культурологи акцентируют наличие в Конвенции 2003 года формулировки, согласно которой данное явление народной культуры можно назвать «горнилом культурного разнообразия» и «гарантией устойчивого развития» культуры и общества (см. [3]).

Под актуализацией наследия понимается «деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации» [7]. Вопросы актуализации культурного наследия волнуют прогрессивное человечество всего мира. Это подчеркивалась в «Международной конвенции по охране нематериального культурного наследия», принятой на Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже 17 октября 2003 года. В документе сформулировано, что нематериальное культурное наследие проявляется в устных традициях и формах выражения, вклю-

чая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; в исполнительских искусствах; обычаях, обрядах, празднествах; знаниях и обычаях, относящихся к природе и вселенной; знаниях и навыках, связанных с традиционными ремеслами [6].

Традиционная обрядовая кухня представляет собой один из интереснейших пластов нематериального культурного наследия, однако исследования в данной области часто сводятся к изучению рецептов блюд, либо в работах фольклористов и этнографов содержатся лишь фрагментарные сведения. В рамках актуализации нематериального наследия в музеях народной кухни не всегда отдается должное, она презентуется лишь как дополнение по отношению к другим объектам нематериального или материального наследия.

Традиционная обрядовая кухня каждого народа уникальна и отражает не только знания о приготовлении блюд, но и содержит в себе множество семантических пластов. В особенностях приготовления и выбора обрядовых блюд находят отражение глубинные представления о мироустройстве того или иного народа. Сибирская обрядовая кухня русских достаточно разнообразна. Ритуальные блюда тесно увязаны с народным календарем. Взаимосвязь обусловлена не только сезонностью продуктов, но и семантикой того или иного блюда. Так, свинина связывалась в народном сознании русских крестьян с плодородием и обилием, мясные блюда выполняли продуцирующую функцию. Яйцо являлось символом жизни, обновления. Поэтому блюда из яиц обязательны для праздников весеннего цикла. Естественно, что имеется тесная связь с христианскими запретами на определенные продукты во время постов. Блюда ритуальной кухни русских можно условно разделить в зависимости от принадлежности их к тому или иному календарному циклу.

Самым большим праздником зимнего цикла являлись Святки. Разговевшись на Рождество, русские крестьяне накрывали изобильный стол

на празднование Нового года. Последний как новая веха в жизни задавал вектор следующего года. Поэтому стол на данный праздник был очень богатым. Наряду с традиционной выпечкой присутствовали мясные блюда. Обязательными являлись блюда из свинины. К Новому году закалывали поросенка и запекали его. Это должно было обеспечить богатый урожай и благополучие на весь будущий год. На святочных вечерах молодежь угощалась лакомствами, которые они получили в ходе колядования: «сырчиками» – замороженными колобками из сметаны и творога, пирогами и шаньгами, лепешками из кислого теста, покрытыми смешанной с мукой сметаной [8].

Стоит отметить, что Святочная кухня практически не актуализируется в музеях. Несмотря на то, что Святки проводятся повсеместно, акцент делается непосредственно на обрядовых действиях. Традиционные же блюда игнорируются, несмотря на то, что они имели очень важное значение в сознании сибирского крестьянина. Хотя в практику экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» вводится приготовление на Святки «сырчиков», которыми угощают колядующих во время реконструкции одноименного обряда.

Весенний цикл открывался разгульным праздником Масленицы. Символом ее являлись блины или другая выпечка круглой формы – шаньги, пироги с различными начинками. В сибирской кухне блюда этого праздника отличало обилие жирной пищи – молока, сметаны, масла, яиц и творога. Старожилы готовили не только простые блины, но и слоеные блинники – сложенные стопкой тонкие блины, промазанные между слоями маслом и болтушкой из разведенных молоком яиц, запекаемые затем в печи. Мяса на Масленицу в Сибири не ели, но к празднику заготавливали много рыбы, которую жарили, варили, запекали [4, с. 177]. **Обязательные блюда из злаковых** в народном сознании увязывались с идеей плодородия, а круглая форма соответствовала солярному знаку, в этом отражалась взаимосвязь Масленицы с весенним равноденствием. Производящее значение заключалось в обилии, жирности пищи во время сырной недели.

В рамках актуализации масленичной кухни в музеях Кемеровской области повсеместно выпекаются блины. Однако не всегда акцентируется внимание на семантике данного блюда. Кроме

того, игнорируются другие виды выпечки, также широко бытовавшие в русских селах. Например, незаслуженно обходится вниманием такое специфически сибирское блюдо, как шаньги. В то время как включение в актуализацию региональных компонентов культуры, способствует более глубокому ее познанию и пониманию.

В экомузее «Тюльберский городок» гости не только могут угоститься блинами. Ведущий мероприятия объясняет значение этого ритуального блюда. Еще одной ритуальной выпечкой становятся пирожки с яйцом, также символизирующие солярный знак и весеннее обновление.

Следующий за Масленицей обрядовый русский праздник также заслуживает внимания в плане его актуализации в музее. Весну, по поверьям, приносят на крыльях птицы. Независимо от климатических условий местности, а также раннего или позднего потепления, русские Сибири отмечали прилет птиц 9 марта (по старому стилю), в день 40 мучеников по церковному календарю, по народному обозначению – «Сороки» [4, с. 186]. В Сибирских селах в этот день выпекали жаворонков из теста, символизовавших приход весны [5, с. 50]. В экомузее-заповеднике «Тюльберский городок» по этнографическим описаниям воссоздаются подобные фигурки из теста, которые используются в реконструкции обрядовых действий, направленных на закликание весны, также по ним проводится гадание: внутрь запекается предмет, на основе которого предсказывается будущее: кольцо, денежка и т. д.

Пасхальная кухня была разнообразной как в европейской части России, так и в Сибири. Обилие мясных блюд сочеталось с мучными и молочными. Обязательным атрибутом пасхального стола являлся кулич или творожная пасха (панафида). Куличи используются музеями в рамках проведения пасхальных мероприятий в качестве угощения или как атрибут праздничного стола. В музее «Археология, этнография и экология Сибири» в рамках празднования Чистого четверга была актуализирована технология изготовления куличей и панафид посредством презентации традиционных рецептов. Ключевым элементом пасхальных торжеств было крашеное яйцо, совмещающее в себе два семантических пласта: христианский и языческий, связанный с идеей нарождающейся жизни. В музеях Кемеровской

области яйца красят в рамках всех пасхальных мероприятий. Традиционно в структуру праздника включаются игры с яйцами. Самой популярной становится катание яиц с лотка. Смысл игры в старину сводился к стремлению попасть в разложенные на кону яйца соперников. Когда катившееся яйцо ударялось о чье-нибудь из лежащих на земле, играющий брал это яйцо себе. Выигрывал тот, чье яйцо прокатилось дальше. В музее КемГУ «Археология, этнография и экология Сибири» был проведен мастер-класс по окраске яиц традиционными для сибирского региона способами. Стоит отметить, что в Сибири не прослеживается традиция расписывать яйца: их красили луковой шелухой, реже – цветными нитками. Зачастую данная региональная особенность игнорируется музеями Кемеровской области.

Яйца красили не только на Пасху, но и на другие праздники весеннего цикла: на Красную горку, на Троицу, на Николу Вешнего. Календарный праздник Никола Вешний проводится в экомузее «Тюльберский городок». В рамках мероприятия реконструируются традиционные игры с яйцом. Данные игры представляют собой не только развлечения, но имеют и продуцирующее значение: катание яйца – символа плодородия, обладает способностью передать свои свойства земле, которая должна впоследствии дать богатый урожай. Также гости мероприятия угощаются традиционными пирожками со злаковыми, семантически увязанными с культом земледелия.

Значимым праздником весенне-летнего цикла являлась Троица. При проведении данного праздника в музеях акцент делается, прежде всего, на обрядовых действиях, традиционная кухня либо не учитывается, либо воспроизводится фрагментарно. В экомузее-заповеднике «Тюльберский городок» варят яйца, которые используются при проведении Троицких обрядов. В стадии разработки находится идея изготовления на троичные гуляния яичницы и реконструкция обряда яичного заговенья. Актуальной также видится идея презентации обряда приготовления на Троицу пива, бытовавшая в Сибирских селах.

В обрядах перехода от лета к осени главным блюдом становится поспевший урожай. Наиболее популярным праздником, проводимым в музеях Кемеровской области, является Медовый Спас. В рамках празднования Медового Спаса гостей

традиционно угощают медом. В народе считалось, что тот, кто его испробует, не будет знать болезней целый год. При функционировании в экомузее-заповеднике «Тюльберский городок» пасеки участники мероприятия могли наблюдать непосредственно процесс извлечения меда из ульев, то есть познакомились еще и с традиционными занятиями русских Сибири. Впоследствии же стал использоваться покупной мед, однако неотъемлемой частью мероприятия остается освящение его церковнослужителем.

Для всех, без исключения, обрядов календарного цикла русских обязательными были блюда из злаков. Среди них – традиционная выпечка, которая либо формой, либо содержанием соответствовала представлениям о том или ином празднике. Из зерновых также готовили ритуальные напитки – пиво и квас из ячменного солода. Для приготовления солода мешки с ячменем погружали в воду, где они мокли в течение двух недель. Вымоченное зерно расстилали на соломе, зерно прорастало. После достижения ростками размеров пчелиной лапки, их сгребали, сушили и мололи. Полученный солод, смешанный с мукой или ячменными отрубями, заливали горшком горячей воды, кипятили и ставили на ночь в вытопленную печь. Жидкость оставляли в прохладном месте для брожения, после окончания брожения процеживали и опускали в погреб.

Похожая технология приготовления ритуальных напитков была известна автохтонным народам Кемеровской области – шорцам и бачатским телеутам, которые в культовых обрядах применяли напитки на основе солода. Приготовленные для обрядов «абыртку», «араку» или «татар арагазы» заливали в большие туеса «түүс», доставляемые на праздник. После шаманского камлания, как правило направленного на благополучие рода и плодородие, служитель культа черпал напиток специальной деревянной чашкой и разбрызгивал – «кропил» напиток духам, обитающим на четырех сторонах света. При этом произносились специальные заклинания, чтобы обрядовый жертвенный напиток был принят. После «угощения» ритуальным напитком почитаемых духов, его отведали все участники обряда.

Практиковалось у шорцев, занимающихся наряду с охотой мотыжным земледелием, использование блюд из злаков в обрядах жертвоприно-

шения домашним покровителям «орекеннерам». Телеуты похожие обряды устраивали для «эмегендеров». Изображения этих духов, изготовленных в виде стилизованных антропоморфных фигурок с глазами из перламутровых бисерин, для обряда устанавливали в ряд на лавке и «кормили» из обрядовой деревянной чашки: шорцы – «талканом» – мукой из обжаренных зерен ячменя, разведенной водой до жидкой кашицы; телеуты – обильно сдобренной маслом кашей «саламат». Проводивший обряд проговаривал при этом заклинания, под действием которых дух, покровительствующий семье или роду, «вселялся» в изображение и, вкусив ритуальной кашицы, помогал обеспечить благополучие семье или роду [2, с. 134, 136, 159]. Злаки использовались телеутами для «хвороста», сворачиваемого в форме кольца, и другой разнообразной выпечки, а также приготовления пресного теста для вареников, начиненных рубленным мясом.

В летних и переходных (от лета к осени) обрядах готовили ритуальные блюда. Они могли быть только из растений (созревших плодов или клубней). У русских такие блюда предварительно освящались церковнослужителем. Шорцы после сбора кандыка в начале лета готовили «абыртку», заквашивая ее не на солоде, а на собранных луковицах растения. Такие блюда также имели символическое значение: их потребление было направлено на плодородие растений в последующем сезоне.

Автохтонные народы Сибири к календарной обрядности обращались фрагментарно. Так, в проводимых в Историко-этнографическом музее «Чолкой» реконструкциях календарного обряда «Кёлдо», отражающих взаимосвязь с русским обрядом колядования на Рождество, участники ходят по дворам, поют песни под аккомпанемент комуса и собирают в специально сшитые для этого обряда мешочки хлеб «калаш», кровавую колбасу «кан» и крашеные яйца.

В традиционных праздниках у шорцев практикуются бескровные кропления духам в виде «талкана». У телеутов жертвоприношения духам «пайана» в обрядах весеннего и свадебного поклонения «сомо» подразумевают как использование злаков, так и молока. Каждая из березок жертвенника «сом» посвящена определенному

духу. Последняя предназначена злему духу, ее называют «вдовьей» и испытывают перед ней чувство повышенного страха, стараясь ее особенно задобрить, поклониться во время свадьбы во избежание вдовьей участи. К этой березке подвязывался туесок с жертвенным зерном. Во избежание болезней в семье устраивали обряды «кропления» у данного жертвенника молоком.

Исследование этнографических источников свидетельствует, что в музее «Чолкой» закономерной является реконструкция обрядов с использованием зооморфных фигурок из злаков. У телеутов страдающий заболеванием рук изготавливал из теста фигурки лягушки, ящерицы, змеи для проведения специального обряда. Приглашенный шаман совершал с ними ритуальные действия с заклинаниями «алкаш сос», бросая эти изображения в разведенный огонь для исцеления больного [2, с. 156].

Таким образом, в обрядовой кухне используются определенные продукты питания, наделенные особой семантикой. Зарождение новой жизни символизирует куриное яйцо, фигурирующее у русских в целом ряде календарных праздников. У телеутов яйцо встречается в рождественских «Кёлдо» и, вероятно, заимствовано вместе с самим обрядом. Наличие солярного культа отражает выпечка круглой формы: блины и шанги у русских, свернутый кольцом хворост у телеутов. Продуктами, отвеживание которых предвещало плодородие, являлись злаковые, которые использовались всеми народами Кемеровской области. Имели место ритуальные блюда, связанные с зооморфным культом: у русских это выпечка в виде жаворонков и блюда из курицы, у телеутов – жертвенные фигурки ящерицы, змеи, лягушки. Стремление к благополучию у всех народов связано было с потреблением в ритуальных обрядах мясных блюд.

На основе анализа деятельности музеев Кемеровской области можно сделать ряд выводов. Традиционная кухня актуализируется в основном в рамках проведения музейных праздников, основанных на народном календаре. Наиболее популярным методом актуализации становится реконструкция на базе этнографических описаний, хотя нередко используется и метод стилизации. Ритуальные блюда воспроизводятся опосредованно

но и предлагаются гостям в качестве угощения, хотя в некоторых музеях наблюдается тенденция использовать ритуальные блюда в рамках реконструкции традиционных обрядов и народных игр. Недостаточное внимание уделяется актуализации семантики тех или иных блюд. Единичны случаи проведения мастер-классов по приготовлению традиционных кушаний.

На наш взгляд, потенциал такого пласта нематериального наследия, как традиционная обрядовая кухня используется недостаточно. Ритуальные блюда могут актуализироваться в рамках календарных обрядов, однако, не в качестве дополнения, а как самостоятельное явление. Можно также актуализировать традиционные способы приготовления блюд, проводить мастер-классы, интерактивные программы, устраивать ярмарки. Ритуальная кухня может быть презентована в рамках тематических экскурсий посредством материальных предметов, кухонной утвари. Актуализация народной кухни в реконструкции календарной обрядности в музее также позволяет опосредованно презентовать материальное наследие: возникает потребность в реконструкции на основе подлинных музейных предметов кухонной и столовой утвари, печи, в которой готовились блюда, красного угла, где накрывался в избе праздничный стол и т. д.

При актуализации традиционной кухни в рамках музейной деятельности необходимо опираться на те же принципы, что и при актуализации других пластов нематериального наследия: научности, ориентации на подлинность, комплексности, темпоральной соотнесенности, аттрактивности и интерактивности. То есть традиционные блюда должны изготавливаться с ориентацией на научную литературу или полевые материалы; по формальным признакам обладать высокой степенью достоверности; при презентации ритуальных блюд должна использоваться соответствующая утварь (возможно использование реконструкций), а также воспроизводиться процессы приготовления, актуализироваться семантика блюда; презентация тех или иных яств должна проводиться в соответствующий период времени, в увязке с традиционным календарем; и, наконец, презентовать традиционные блюда и технологии их изготовления стоит в увлекательной форме, вовлекая посетителя в данный процесс.

Так, на основе уже имеющегося в практике отдельных музеев Кемеровской области опыта и введения разработанных культурологических методик, становится возможной актуализация уникального пласта нематериального наследия, традиционной обрядовой кухни народов Кузбасского Притомья.

Литература

1. Каулен М. Е. Музеефикация объектов наследия: от предмета до традиции // Культура российской провинции: век XX–XXI веку. – Калуга, 2000. – С. 200.
2. Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX века). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – 295 с.
3. Климов Л. А. Музей в сохранении и презентации нематериального культурного наследия: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. – СПб., 2012.
4. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996. – С. 269.
5. Макаренко А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, Сибир. издат. фирма, 1993. – С. 50–52.
6. Международная конвенции по охране нематериального культурного наследия, Париж, 17 окт. 2003 года [Электронный ресурс]. – URL: fapcom.ru/files/Konventsija_ob_ohrane_nematerial_nogo_kul_turnogo_nasledija.pdf. – Загл. с экрана.
7. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.
8. Фурсова Е. Ф. Календарные обряды [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/fursova/calendar.html>. – Загл. с экрана.

References

1. Kaulen M. Ye. Muzeefikacija ob'ektov nasledija: ot predmeta do tradicii. *Kultura rossijskoj provincii: vek XX – XXI veku*. Kaluga, 2000, p. 200.
2. Kimeyeva T. I. Kul'tura narodov Pritomja kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodejstvija (konec XIX – nachalo XXI veka). Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 295 p.

3. Klimov L. A. Muzej v sohraneni i prezentacii nematerial'nogo kul'turnogo nasledija. Avtoref. diss. kand. kul'turologii. 24.00.03. Sankt-Peterburg, 2012.
4. Lipinskaja V.A. Starozhily i pereselency. Russkije na Altaje. XVIII – nachalo XX veka. – Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 177, 186.
5. Makarenko A.A. Sibirskij narodnyj calendar'. Novosibirsk, Nauka Publ., Sibirskaia izdatel'skaia firma Publ., 1993, pp. 50–52.
6. Mezhdunarodnaja konvencija po ohrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledija, Parizh, 17 oktjabrja 2003 goda. Available at: fapcom.ru/files/Konventsija_ob_ohrane_nematerial_nogo_kul_turnogo_naslediya.pdf.
7. Rossijskaja muzejnaja enciklopedija. Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>.
8. Fursova Ye.F. Kalendarnyje obrjady. Available at: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/fursova/calendar.html>.

УДК 94 (47) 084

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ (СССР) В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Реховская Т. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

В данной статье рассматриваются вопросы развития культуры питания и происходящие изменения в политике продовольственной безопасности населения страны, взаимосвязь этих процессов. Выявляются причины, повлиявшие на изменения в культуре питания населения, а также рассматриваются факторы, определявшие степень продовольственной защищённости жителей страны.

Ключевые слова: культура, питание, продовольственная безопасность, государство, горожане, крестьяне, голод.

THE FOOD CULTURE OF POPULATION AND THE POLICY OF FOOD SECURITY IN RUSSIA (USSR) IN THE 1920–1930S

Rekhovskaya T. A., Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

This article considers the problems of development of food culture in the period of construction in Russia, and then in the Soviet Union with the new socialist state government. In this state changes were exposed to all aspects of human life. The place and role of the state in society changed. The article discusses the relationship of the changes in the socio-economic and political courses with state of food culture of the population.

It analyzed the second indicator nutrition and food security of which also depended on the changes in the country. Periods are distinguished in compliance with food safety of the population and decreasing its level. It considered to be the possible reasons for such fluctuations. Considerable attention is paid to the analysis of hunger as extreme food insecurity. Further interaction between the principles of food security and state of food culture of the society. The article considers the 1920–1930s. This chronological period is chosen not by chance, these were the years when the process of the establishment of the Soviet state was carried out, when all the economic, political structures were formed, the principles of existence of this state formed its ideology and cultural norms. This period formed a management strategy that state and norms of the relationship between man and power in this country had. The period of the 1920–1930s is the time rate fluctuations from the rigidly centralized management system

(military communism) to the revival of market relations (New economic policy), but at the end of the studied period, the process built a command system of economic management, more in the care of the state, final and irrevocable.

The following changes in people's lives occurred. In the early 1920-ies was the destruction of the old Imperial Russian food culture, the formation of the new "proletarian" begins. The period of New Economic Policy for a short time revives the old style of life, that in the period of the 1930-ies disappears without a trace. However, in the minds of people persistently implemented the principles of the new Soviet power culture.

Also the state defends its exclusive right to food distribution among the population, thereby subjecting the will of the people in this power. Thus, a crucial role in the culture of nutrition to determine the degree of food security of the population was played by the state, which sought to control the population, and to dispose of their will, actions and thoughts.

Keywords: culture, food, food security, state, city-dwellers, peasants, hunger.

В 20–30-х годах XX века в Советской России (СССР) происходили грандиозные изменения не только в социально-экономической сфере, но и в сфере культуры и быта. Изменениям подвергался весь старый уклад, многое из материальной и духовной культуры бывшей России. В том числе подверглась изменениям и культура питания жителей страны. Эти преобразования были вызваны, во-первых, изменением статуса ряда социальных групп – носителей определённой культуры питания. К ним можно отнести дворянство, буржуазию и духовенство.

Во-вторых, стремлением новой советской власти кардинально перестроить весь быт, изгнав из него дворянско-буржуазный дух и установить новый – пролетарский. В-третьих, тяжелой экономической ситуацией, приведшей к нехватке продовольствия и к голоду в отдельных регионах страны. В этой связи можно говорить о том, что культура питания была тесно связана с продовольственной безопасностью населения, а в отдельные периоды осуществление продовольственной безопасности и составляло определённую культуру питания.

Под культурой питания понимается наличие в рационе определённого набора продуктов, используемого для приготовления пищи, сам процесс приготовления пищи в соответствии с определёнными стандартами, принятыми в данном культурном пространстве, обычай потребления пищи. Продовольственная безопасность – это понятие социально-экономическое и политическое, обозначающее проведение такой политики, при которой человек получает необходимое для удо-

влетворения его физиологических потребностей количество продуктов питания. С другой стороны, продовольственная безопасность – это такая сложившаяся социально-экономическая ситуация, способствующая приобретению или получению человеком всё того же необходимого количества продуктов питания.

Вопросы продовольственной безопасности и продовольственного обеспечения населения в последние годы всё активнее изучаются историками, причём как отечественными, так и зарубежными. Эта тема может являться самостоятельным объектом исследования или рассматриваться в контексте изучения общих социально-экономических и политических процессов. Ряд культурологов и философов занимаются непосредственно рассмотрением проблем формирования и развития культуры питания.

Цель данной статьи – проанализировать изменение культуры питания населения в контексте изменяющихся социально-экономических, политических и культурных сфер общества и государства. Также необходимо выявить степень продовольственной безопасности (защищённости) населения на протяжении 20–30-х годов XX века и определить причины, влиявшие на этот процесс. В дальнейшем необходимо установить взаимосвязь между процессом осуществления продовольственной безопасности и состоянием культуры питания на разных этапах развития страны в 20–30-е годы XX века.

Хронологические рамки работы – временной этап, охватывающий 20–30-е годы XX века – сложный, противоречивый период развития страны

в целом и регионов в отдельности. В эти годы несколько раз изменялся социально-экономический курс, а изменения в политической сфере надолго определили направление развития СССР. Так как элементы духовной сферы общества (к каковым и относится культура питания) зависели в советском государстве от развития экономической и политической сфер, то на протяжении обозначенного периода они не раз трансформировались.

Начало 20-х годов XX века сопровождалось проведением политики военного коммунизма. В экономической сфере эта политика сопровождалась разрушением рыночных отношений, в том числе и разрушением рынка как основного инструмента распределения продуктов питания, особенно в городах. Чем определялось такое решение? Во-первых, политика военного коммунизма проводилась в условиях экономического кризиса в стране, когда наблюдался дефицит практически всех товаров.

Во-вторых, пришедшие к власти большевики считали, что в этих условиях они должны начать строительство коммунизма, который, как известно, должен исключать все рыночные отношения. Эти два фактора и определяли развитие страны в начале 20-х годов XX века. В условиях дефицита продовольствия государство сосредотачивает в своих руках систему распределения продуктов питания, этому же способствовало и видение государства как основного органа, определявшего развитие общества. Для большинства городского населения вводились продовольственные карточки, по которым жители получали основные продукты питания. Образовывались также специальные пункты питания – общественные столовые, где «прикрепленные» к ним жители получали определённый набор продуктов. Государство придавало такому способу распределения продуктов политическое значение. Об этом говорит тот факт, что столовые, как правило, были нерентабельными даже в рыночных условиях [1, с. 70].

На данном этапе меняется культура питания сразу по нескольким направлениям. Во-первых, в связи с разрушением устоявшейся системы приобретения продуктов питания потребитель лишается свободы в выборе предпочитаемых им продуктов питания. Вместо этого от государства он получает продовольствие далеко не всегда со-

ответствующее его вкусовым предпочтениям и тому набору продуктов, который человек использовал бы в иных условиях жизни. Во-вторых, нарушаются условия питания. Если раньше человек предпочитал домашнее питание, то теперь приём пищи становится явлением общественным через пользование общественными столовыми. Ни о каком питании в кафе и ресторанах в этот период не могло быть и речи, так как эти заведения считались элементами буржуазного образа жизни, который надо было беспощадно искоренять.

В меньшей степени подверглась изменениям культура питания крестьян, так как в сельской местности в большей степени сохранялся старый традиционный уклад жизни. Однако экономические изменения коснулись и их жизни. В ходе политики военного коммунизма осуществлялась продразвёрстка – система мер, направленная на изъятие продовольствия у крестьян с целью обеспечения ими горожан. Продразвёрстка проводилась весьма жестоким способом, порой крестьяне оставались без запасов продовольствия и вынуждены были голодать.

В данном случае менялась и их культура питания, так как и из их рациона исчезали традиционные продукты питания. Продовольственная ситуация начала 20-х годов была весьма тяжёлой, из-за нехватки продуктов питания некоторые регионы страны стояли перед угрозой голода. В таком случае можно говорить, что жителям была не гарантирована их продовольственная безопасность и вся их культура питания сводилась к необходимости выжить в условиях ограниченности ресурсов. Продовольственная политика, проводимая государством в период военного коммунизма, представляла собой политику регулирования продовольственной безопасности населения.

В отношении крестьянства государство сознательно снижало уровень их продовольственной защищённости, реквизируя имеющиеся у них продукты питания. В отношении горожан, казалось бы, проводилась политика по усилению их продовольственной защищённости (путем распределения продуктов питания по карточкам), гарантирующая тем самым продовольственный минимум в условиях дефицита. Однако в данной политике прослеживается желание государственных лиц продемонстрировать свою власть

над обществом, определяя статус государства как единственного органа, распоряжающегося материальным благополучием, а в отдельных случаях и жизнями людей, если при этом учесть, что государство во многом само виновато в возникновении продовольственных трудностей.

Как видим, в данный период роль государства в создании продовольственных проблем, а затем в их решении, была весьма значительной. Как и культура питания, продовольственная безопасность изменялась под непосредственным влиянием и контролем государства. В этот период политика продовольственной безопасности определяла культуру питания общества, так как в условиях продовольственного дефицита речь шла не о соблюдении каких-то устоявшихся культурных норм, а о элементарной возможности выжить.

Политика военного коммунизма в 1921 году сменяется новой экономической политикой (НЭПом), хотя в Западной Сибири эта смена произошла намного позже. В ходе НЭПа Россия переживает значительные социально-экономические изменения, направленные на возрождение рыночных отношений во всех сферах экономики, а также на предполагаемые изменения в социальной и культурной сферах. В ходе НЭПа происходит восстановление многих элементов быта, которые были свойственны старой дореволюционной России. Это касалось и возрождения элементов культуры питания. Представители буржуазных слоёв (по терминологии того времени) могли позволить себе старые привычки, так как обладали достаточными финансовыми ресурсами и не испытывали идеологического контроля или давления со стороны государства.

Вместе с тем в полной мере возрождается традиционная культура питания крестьян, которые в этот период получают определённую свободу в своей экономической деятельности, что и определяет их быт. Продолжает существовать и возникшая «пролетарская» культура, направленная, как и раньше, на изменения общества и образа жизни людей. В её рамках продолжает формироваться новый стиль жизни – пролетарский.

Применительно к культуре питания отстаивались идеи общественного питания как в городах, так и сельской местности, потому что именно такой стиль существования свойственен социализ-

му. Коренным образом государственные деятели хотели изменить и место женщины в семье, превратив её из кухарки в общественницу, что также было шагом в сторону формирования системы общественного питания. Дети рабочих отдыхали в пионерских лагерях, где опять же осуществлялся коллективный приём пищи. Таким образом, период НЭПа – это был период определённой свободы, приведший к существованию различных культурных типов питания.

Вопрос о продовольственной безопасности в этот период не стоял остро, так как в период НЭПа наблюдался экономический подъём и в сельском хозяйстве, и в промышленности. В данный период можно говорить о частных случаях проблем питания отдельных граждан, которые были вызваны их низким материальным достатком. Это в свою очередь было связано с тем, что рыночные отношения породили имущественное расслоение населения.

Роль государства в годы НЭПа на определённом этапе его существования и во многих вопросах не была определяющей. Вместе с тем полной свободы в годы НЭПа в стране не было. Государство опять же дозировало меру свободы и определяло направления развития всех сфер общества. Поэтому, когда НЭП стал препятствием на пути задуманных руководством СССР экономических изменений, он был уничтожен, или, как тогда говорили, свёрнут. Наступление на НЭП началось с 1927 года, когда государство не могло в полном объёме собирать необходимое ему количество сельскохозяйственной продукции. Вместе со свёртыванием НЭПа были уничтожены и свойственные ему социальные структуры и культурные явления.

Следующими этапами экономического развития СССР были индустриализация и порождённая ею коллективизация. Это был период окончательного формирования тоталитарного строя в стране. Сельское хозяйство подверглось очередному реформированию: был проведён процесс коллективизации, направленный на создание коллективных хозяйств (преимущественно колхозов) и сопровождавшийся уничтожением определённой части сельского населения, так называемых кулаков. В результате проведения коллективизации сельское хозяйство страны вступило в по-

лосу кризиса. Крайним проявлением такого кризиса стал спровоцированный государством голод 1932–1933 годов, повлекший смерти нескольких миллионов человек.

Изменения произошли и в городской среде. Процесс индустриализации предусматривал создание мощного промышленного сектора в стране и сопровождался значительными изменениями. Одним из непосредственных результатов индустриализации стал процесс урбанизации, приведший к резкому росту городского населения и изменению его образа жизни. Коллективизация в этом контексте рассматривалась как способ подчинения крестьянства с целью доступа государства к сельскохозяйственным ресурсам с последующей их реализацией на международном рынке и приобретением на вырученные деньги оборудования для промышленных предприятий.

В результате этих двух судьбоносных экономических процессов жертвами стали опять же жители страны, так как о социальных последствиях этих реформ никто не задумывался. Коллективизация повлекла за собой кризис сельского хозяйства, приведший к сокращению объёмов производства, что не могло не отразиться на качестве питания как городского, так и сельского населения. Продовольственная ситуация была ещё более усугублена экономической деятельностью правительства страны, которое с целью увеличения средств для индустриализации отправляло все имеющееся в стране продовольственные товары за рубеж, игнорируя надвигавшийся на страну голод. Поэтому вполне оправдан вывод, что голод 1932–1933 годов – это не результат стихийных бедствий, а закономерное следствие аграрной политики сталинского режима и реакции на неё крестьянства [3, с. 233].

Причём от голода в большей степени пострадали крестьяне, так как у них изымались все продовольственные товары. В городах опять вводилось распределение продуктов питания по карточкам. Первые карточки появляются уже в 1929 году, просуществовала карточная система до 1934 года. Продовольственные карточки были нескольких видов в зависимости от категории трудящихся их получавших. Каждый вид карточки предполагал определённый ассортимент продуктов питания и их количество. Безусловно,

конец 20-х – первая половина 30-х годов XX века были периодом ухудшения продовольственной ситуации в стране, но и в 1934 году после отмены карточной системы продовольственная ситуация в стране оставалась напряжённой.

Если говорить о соблюдении продовольственной безопасности в стране в этот период, то необходимо отметить её полное отсутствие. Наоборот жители были поставлены в тяжелейшие экономические условия, а их продовольственная защищённость сознательно снижалась. В письме, отправленном М. Ф. Бирштейном Председателю СНК СССР Рыкову, констатировался факт, что население умирает. Далее ставился вопрос: «Зачем же Правительство здоровую пищу – пшеницу, сахар и прочее отдаёт за границу и держит население на навозном корме?» (см. [2, с. 220]).

Сложилась ситуация, аналогичная той, которая была в начале 20-х годов XX века в период проведения политики военного коммунизма. Это снижение продовольственной защищённости крестьян и распределение продовольствия по карточкам в городах, усиливавшее роль государства как единственного органа, обладавшего инструментами решения продовольственных проблем.

Что касается культуры питания, существовавшей в этот период, то здесь тоже не всё однозначно. Вместе с уничтожением НЭПа безвозвратно ушли в прошлое все элементы культуры питания, существовавшей ещё в царской России. Продовольственный кризис стал отправным пунктом в развитии культуры питания крестьян и горожан, как это уже было при военном коммунизме. На этом этапе развития продовольственная безопасность стала определять культуру питания основной части общества. Однако со второй половины 30-х годов XX века происходит формирование новой «советской» культуры питания, в рамках проводимой культурной политики.

Решающей фигурой в этом процессе был нарком пищевой промышленности Микоян. В этот период начинают формироваться стандарты на основные продукты питания, которые должны выпускаться отечественной пищевой промышленностью. Создаются специальные торговые, узнаваемые населением, бренды продуктов питания. Основной упор по-прежнему делается на

общественное питание, для него разрабатывается специальная рецептура блюд, в которой учитывается необходимое человеку количество калорий, а также витаминов и микроэлементов. Уделяется внимание и домашнему питанию, образцом для приготовления блюд в домашнем хозяйстве стала книга «О вкусной и здоровой пище», вышедшая в свет в 1939 году. В этой книге, по сути, резюмируются основные стратегии культуры питания советского человека и постулируются как уже состоявшиеся и внедрённые в бытовую жизнь каждого рядового гражданина [4, с. 63].

Таким образом, 30-е годы XX века были весьма противоречивыми в плане развития культуры питания. Однако её отличительная особенность – это то, что население было не свободно в своих гастрономических пристрастиях, которые определялись либо состоянием сельского хозяйства в стране, либо целенаправленной политикой государства, регулировавшего все сферы культуры, в том числе и культуру питания. Продовольственная защищённость населения также была крайне низкой и в некоторые периоды определяла культуру питания населения.

В результате проведённого исследования можно констатировать наличие прямой зависимости между социально-экономическими, политическими изменениями в обществе и изменением культуры питания населения. Культура питания не формировалась как что-то стихийное, а являлась результатом целенаправленной деятельности государства на протяжении всего изучаемого периода. Продовольственная безопасность населения также определялась государством, исходящим из своих расчётов.

Все проводимые реформы разрабатывались без учёта их последствий для населения. В определённой степени государство допускало негативные последствия своей политики, что позволяло ему удерживать свою власть над обществом. Государство оставляло в своих руках стратегический товар – продовольствие, от которого зависело не только материальное благополучие людей, но порой и сама их жизнь. Однако даже массовый голод населения не влиял на изменение политического курса. Существовала тесная взаимосвязь между культурой питания и сохранением продовольственной безопасности населения, которой она подчас определялась.

Литература

1. Воробьёв Н. В. Деятельность городской и рабочей потребительской кооперации Сибири по развитию общественного питания в 1921–1929 годах // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2010. – Вып. 335. – С. 68–72.
2. Зима В. Ф. Антикрестьянская политика и голод 1932–1933 годов // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – С. 219–224.
3. Кондрашин В. В. Голодомор 1932–1933 годов в России и на Украине: причины, масштабы, последствия // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – С. 232–238.
4. Сохань И. В. Тоталитарный дискурс культуры еды в Советской России 1920–1930-х годов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2010. – Вып. 332. – С. 63–68.

References

1. Vorobjev N.V. Dejatel'nost' gorodskoj i rabochej potrebitel'skoj kooperacii Sibiri po razvitiju obshchestvennogo pitaniya v 1921–1929 godah [A city and the working of consumer cooperation of Siberia development of public catering in 1921–1929 years]. *Vestnik Tomsk State University*, 2010, iss. 335, pp. 68–72.
2. Zima V.F. Antikrest'janskaja politika i golod 1932–1933 godov [Antichristianity policy and famine of 1932–1933 years]. *Agrarnoje razvitije i prodovol'stvennaja bezopasnost' Rossii v XVIII – XX vekah – The Agricultural development and food security of Russia in the XVIII – XX centuries*. Orenburg, OGPU Publ., 2006, pp. 219–224.
3. Kondrashin V.V. Golodomor 1932–1933 godov v Rossii i na Ukraine: prichiny, masshtaby, posledstviya [The Holodomor of 1932–1933 in Russia and Ukraine: causes, extent and effect]. *Agrarnoje razvitie i prodovol'stvennaja bezopasnost' Rossii v XVIII – XX vekah – The Agricultural development and food security of Russia in the XVIII – XX centuries*. Orenburg, OGPU Publ., 2006, pp. 232–238.
4. Sohan' I.V. Totalitarnyj diskurs kul'tury edy v Sovetskoj Rossii 1920–1930 godov [Totalitarian discourse of food culture in Soviet Russia in the 1920s–1930s]. *Vestnik Tomsk State University*, 2010, iss. 332, pp. 63–68.

УДК 008

МУЗЕИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Алексеева Л. С., заведующая Музеем истории православия на земле Кузнецкой, религиозная организация «Кемеровская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)», аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: alekslora@rambler.ru

Кулемзин А. М., доктор культурологии, профессор, член Международного совета музеев (г. Кемерово). E-mail: kulemzin41@mail.ru

В данной статье изложен материал о деятельности духовенства Тобольской и Томской епархий в деле сохранения памятников церковной старины, о первом сибирском дореволюционном древлехранилище, а также в хронологическом порядке представлена история создания современных церковных музеев.

Ключевые слова: древлехранилище, епархиальный музей, экспозиция, деятельность музея, музейная коллекция.

MUSEUMS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SOUTH OF WEST SIBERIA

Alekseeva L. S., Head of the Museum of the History of Orthodoxy in the Land of Kuznetsk, Religious Organization "Kemerovo Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)," Post-graduate Student, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: alekslora@rambler.ru

Kulemzin A. M., Doctor of Culturology, Professor, Member of the International Council of Museums (Kemerovo). E-mail: kulemzin41@mail.ru

Museums are one of the key structures in the development of society. They not only collect and store the museum objects, but also engage in their research and presentation. The same goal is pursued by reconstituted and newly created church museums. This article sets out the material on the activities of the clergy of Tobolsk and Tomsk dioceses in the preservation of monuments of ecclesiastical tradition, the first Siberian prerevolutionary church museum, as well as chronologically presents the history of the creation of modern ecclesiastical museums.

Keywords: church museum, diocesan museum, exhibition, museum activities, museum collection.

На протяжении многих веков Русская православная церковь создавала и хранила исторические и художественные ценности, большую часть которых составляла церковная утварь и богослужебные предметы. Несомненно, Русская православная церковь сыграла огромную роль в сохранении и организации древлехранилищ и церковных музеев в дореволюционной России. Так, например, во второй половине XIX века, наряду с созданием светских археологических и исторических обществ, во многих епархиях Московской патриархии были организованы церковные археологические общества, целью кото-

рых являлось выявление, изучение и сохранение памятников древности. После Октябрьской революции церковные музеи были ликвидированы, а их собрания влились в коллекции исторических, художественных, краеведческих музеев или перепрофилированы в антирелигиозные. Первый музей вновь был открыт в 1944 году как Церковно-археологический музей при Московской духовной академии.

В настоящее время намечена тенденция возрождения музейного дела Русской православной церковью. Это подтверждается тем, что в 2007 году Русская православная церковь заявила о на-

мерении возродить систему собственных музеев [18], а 27 июня 2008 года Архиерейский собор Русской православной церкви в определении «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской православной церкви» счел «полезным создание при епархиальных управлениях, духовных школах, монастырях и приходах древлехранилищ (церковных музеев) для сохранения духовного, исторического и культурного наследия православной традиции, запечатленной в материальных памятниках прошлого» [13]. К вопросу о правильном использовании, сохранении и восстановлении движимых и недвижимых памятников культуры Архиерейский собор вернулся и на заседаниях в 2013 году [16].

Стоит также отметить, что в 2011 году Священный синод Русской православной церкви утвердил типовой устав частного учреждения культуры «Церковный музей _____ епархии Русской православной церкви», который применим к епархиальным и приходским музеям [9].

В настоящее время в России действует огромное множество церковных музеев, однако, за отсутствием единого координирующего центра, куда могли бы поступать все сведения о них, не представляется возможным указать их полное количество. Сеть церковных музеев активно распространяется и на территории Западной Сибири.

Прежде чем перейти к современности, обратимся к истории формирования первого церковного сибирского музея, который был учрежден при Тобольском Церковно-православном братстве во имя великомученика Димитрия Солунского. Согласно уставу братства, помимо миссионерской и проповеднической деятельности, было предусмотрено обнародование и сохранение «вещественных памятников церковной старины, имеющих в церквах Тобольской епархии или у частных лиц» [23, с. 1].

В связи с этим членами братства в 1899 году была разработана специальная программа, требующая предоставить в Совет братства сведения о церковных памятниках. Полученные сведения были систематизированы, после чего Совет братства обратился в Тобольскую духовную консисторию с ходатайством о создании циркулярного распоряжения по епархии «о тщательном сохранении вещественных памятников старины...

Строго воспретив таковые поновлять, исправлять, видоизменять, продавать или же совсем уничтожать без ведома и согласия Епархиального Начальства» [23, с. 1–2].

Заботы братства о сохранении вещественных памятников способствовали учреждению в Тобольской епархии церковно-археологического древлехранилища. Так, на совете братства, состоявшемся 8 сентября 1900 года преосвященный Антоний выступил с предложением об устройстве в г. Тобольске церковно-археологического музея, в котором посетители могли познакомиться с памятниками церковной старины. Организация древлехранилища была поручена ректору Тобольской духовной семинарии П. Д. Головину [23, с. 1–2].

23 марта 1901 года устройтелем древлехранилища архипастырю был предоставлен «проект Устава церковного древлехранилища при Тобольском братстве св. великомученика Димитрия». После рассмотрения в Министерстве внутренних дел и внесенных в него дополнений 13 ноября 1901 года устав был утвержден Священным синодом.

Согласно уставу древлехранилища его покровителем являлся правящий епархиальный архиерей, хранителем был назначен преподаватель тобольского епархиального женского училища, кандидат богословия, священник Александр Юрьевский, помощником хранителя – диакон Тобольского кафедрального собора Иоанн Чибисов. Действительными членами на момент открытия древлехранилища являлись 22 человека. Малая численность членского состава объяснялась тем, что институт древлехранилища для сибирской епархии являлся новой структурой. Действительными членами древлехранилища являлись как духовенство Тобольской епархии (ректор Тобольской духовной семинарии П. Д. Головин, кафедральный протоиерей А. Н. Архангельский и др.) так и миряне (А. А. Мацкевич, бывший Тобольский жандармский полковник, А. А. Городков, смотритель духовного мужского училища, К. К. Васильев, губернский архитектор и др.).

Для размещения коллекций древлехранилища в 1901 году выделено бывшее помещение ризницы, состоявшее из одной небольшой комнаты (11 арш. в длину и 10 арш. в ширину), в нижнем

этаже Софийского собора. На отпущенные братством средства, в ризнице был сделан ремонт, а в августе 1903 года был приобретен шкаф для размещения в нем рукописей и книг. Начиная с 1902 года благодаря содействию братства со всей епархии в коллекцию молодого древлехранилища стекаются вещественные и письменные памятники церковной старины. К моменту открытия Тобольского древлехранилища фондовая коллекция насчитывала 908 памятников, из них 284 вещественных и 634 письменных предмета [24, с. 34–42].

Открытие церковного древлехранилища состоялось 26 октября (по ст. ст.) 1902 года, в день памяти вмч. Димитрия Солунского, покровителя братства. Накануне этого события председателем братства Н. Д. Скосыревым в сослужении священников А. Юрьевского (хранитель древлехранилища) и К. Киановским (секретарь братства) в древлехранилище был отслужен молебен вмч. Димитрию Солунскому с чином малого водосвящения. Примечательно то, что на молебне читалось Евангелие по старопечатной книге, изданной в 1648 году, а также при освящении воды был использован крест, подаренный царем Михаилом Феодоровичем первому Тобольскому архиепископу Киприану в 1621 году. В день братского праздника, на общем собрании братства, преосвященнейший Антоний, епископ Тобольский и Сибирский, объявил церковное древлехранилище открытым, после чего хранитель древлехранилища, по совместительству преподаватель Тобольского епархиального женского училища, кандидат богословия священник А. Юрьевский выступил с докладом об учреждении Тобольского древлехранилища.

В отчете о деятельности церковного древлехранилища в период с 1902 по 1903 год, подготовленном хранителем ризницы, отмечается, что общее количество посетителей за указанный период составило 519 человек. Отметим, что время для посещения было ограниченным (воскресные дни – с 13.30 до 14.30, в среду – с 11.00 до 13.00), позже, по просьбе горожан, его можно было посещать ежедневно. Посетителями древлехранилища являлись лица различного возраста и социального положения. Преимущественно среди посетителей были воспитанники женских и мужских духовных заведений. Достаточно часто музей посещали ста-

рообрядцы, которые в основном интересовались древними крестами, старопечатными книгами, иконами. Осмотр древлехранилища сопровождался экскурсией, проводимой его хранителем [24].

Ко дню открытия коллекция Тобольского церковного древлехранилища насчитывала 918 единиц хранения (284 вещественных и 634 письменных памятника). Первоочередным источником поступления памятников стал Софийско-Успенский кафедральный собор. Из него было передано в древлехранилище 98 вещественных и 328 письменных памятников.

В коллекциях Тобольского древнехранилища находилась старинная церковная утварь: престолы, антиминсы, на престольные кресты, сосуды, облачения, рукописи, иконы; личные вещи Тобольских архиереев; ставленнические грамоты; рукописные книги, альбомы с фотографиями соборов и церквей, проповеди. Среди экспонатов были такие интересные вещи, как посох, данный первому Тобольскому архиепископу Киприану патриархом Филаретом (Романовым) в 1621 году; письма святителя Димитрия Ростовского; антиминс Никольской церкви Антониева монастыря, датированный 1640 годом, серебряный потир 1657 года, портрет патриарха Иоакима, написанный в 1678 году, книги издания Острожского и Виленского братств и редкие книги XVII века полемического характера, относящиеся к борьбе с католиками. В 1902 году в древлехранилище был передан древний серебряный крест с мощами из курганской Троицкой церкви и старинные рукописные ноты крюкового пения. «Сердцем Древлехранилища», по мнению священника Юрьевского, являлись четыре автографа почитаемого сибирского святителя Димитрия Ростовского [23].

Экспонаты для выставки приобретались в разных местах на средства самого древлехранилища, которые составлялись из ежегодных членских взносов и пожертвований. К 1907 году, после пяти лет существования, фонды Тобольского древлехранилища состояли из 1731 предмета, а к началу 1918 года – 2228.

Помимо сохранения и изучения местного церковного материала, Тобольским древлехранилищем было предпринято издание книги под названием «Тобольское церковное древлехранилище». В книгу были помещены материалы церковно-исторического и церковно-археологического со-

держания; статьи по местной церковной истории, которые публиковались в «Тобольских епархиальных ведомостях». Это делалось с целью распространения церковных краеведческих исследований среди широкого круга читателей.

Отметим, что с созданием Тобольского церковного древлехранилища в 1903 году была учреждена Тобольская архивная комиссия, члены которой также занимались сбором, описанием и систематизацией архивных и церковных документов исторического содержания.

Древлехранилище сотрудничало и с другими существующими в России церковными древлехранилищами и обществами. В обмен на свои труды древлехранилище получало их издания, так церковно-археологический отдел при Московском обществе любителей духовного просвещения прислал в Тобольское древлехранилище 16 своих книг церковно-археологического и исторического содержания [25, с. 204].

Тобольское церковное древлехранилище существовало около 15 лет. За годы существования в нём была собрана богатая коллекция различных предметов церковной старины, представлявших собой большую ценность. К сожалению, в годы революции большая часть фондов была расхищена, а уцелевшая часть хранится в Тобольском краеведческом музее.

Несколько иначе сложилась ситуация по сохранению памятников церковной старины в других территориях юга Западной Сибири. В отличие от Тобольского древлехранилища, основанного в 1902 году, в других сибирских губерниях к созданию церковных музеев приступили намного позже. Так, в Томской епархии впервые с идеей о создании церковного музея в 1887 году выступил епископ Томский Исаакий (Положенский). Однако сразу же было оговорено, что за отсутствием фонда и неимением средств для содержания такая идея является преждевременной. Поэтому в условиях того времени важное значение приобрело собирание и исследование церковного наследия с научной точки зрения. В заключение своего выступления епископ представил свои предложения о приведении в известность древних церковных памятников, путем их публикации в печатных органах. Что в свою очередь способствовало бы сохранению материальных ценностей [12, с. 1–5].

Во время управления епархией преосвященного Анатолия (Каменского) состоялось одно из ярких событий в культуроохранной деятельности Томской епархии – открытие в 1916 году Томского историко-археологического общества. Члены общества, как духовенство, так и ученые-миряне, активно начали вести работу по сбору сведений, описанию, наблюдению за сохранностью старинных храмов, церковной утвари и т. д., а также принятию мер против их порчи и уничтожения и т. д.

Наряду с исследовательской работой члены церковно-историко-археологического общества заботились о создании в г. Томске церковного древлехранилища. В первую очередь о скорейшем открытии древлехранилища ратовали преосвященный Гавриил (Воеводин), епископ Барнаульский, викарий Томской епархии, и протоиерей Сергей Дмитриевский. Известно, что члены общества ходатайствовали перед преосвященнейшим Анатолием, епископом Томским и Алтайским, о выделении комнаты в Епархиальном доме им. И. М. Некрасова для оборудования в ней Церковного древлехранилища [22, с. 619–624].

Активная деятельность членов общества по организации томского древлехранилища также подтверждается тем, что они выходили на уровень руководителей благочиний. На ежегодном съезде благочинных Томской епархии, который проходил в декабре 1916 года, был заслушан доклад председателя общества епископа Гавриила и протоиерея С. Дмитриевского с обоснованием создания «Музея церковной местной древности» и прозвучал призыв на оказание финансовой помощи для приобретения музейного оборудования [8].

Член историко-археологического общества протоиерей С. Дмитриевский в декабре 1917 года вновь обратился к духовенству, где призывал «принять меры к сохранению памятников церковной старины», а также «ради лучшей сохранности для науки старинных предметов, ненужных для церковного употребления... переслать их в томский археологический музей» [6].

Автор предполагает, что официального открытия экспозиционного пространства древлехранилища в силу политических событий не произошло. Скорее всего, в выделенном под древлехранилище помещении членами общества проводился сбор и изучение поступивших памят-

ников, однако тематика и количественный состав коллекции в настоящее время являются не выявленными.

События 1917 года приостановили деятельность по формированию второго по счету в Западной Сибири церковного музея. Те же события внесли свои коррективы и в деятельность единственного сибирского церковного музея – Тобольского древлехранилища – оно было полностью разорено. Как отмечает М. Н. Сафронова, в 1925 году городские власти, дабы предупредить полное уничтожение фондов церковного музея, приняли решение о передаче сохранившихся экспонатов в музей Тобольского Севера (Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник), в котором они хранятся и в настоящее время [21].

Первым современным церковным музеем на территории юга Западной Сибири стал музей Истории православия на Алтае, открытый в 2005 году на базе Барнаульской православной духовной семинарии [15, с. 128–132]. Музей был создан по инициативе епископа Барнаульского и Алтайского Максима. Как отмечается на сайте Барнаульской епархии, одной из предпосылок создания музея послужили юбилейные в жизни Барнаула и Алтайского края даты: 175-летие со дня крещения первого коренного жителя Горного Алтая – семнадцатилетнего Элески, день, с которого началась деятельность Алтайской духовной миссии; 10-летие воссоздания Барнаульской епархии и 100-летний юбилей Барнаульского кафедрального собора в честь Покрова Божией Матери [19].

Активное участие в создании и сборе экспонатов музея принял епископ Барнаульский и Алтайский Максим. Основу музейной экспозиции составили святыни и предметы музейного значения, переданные из Покровского собора города Барнаула. В коллекцию входят богослужебные книги и иконы XIX – начала XX века, а также письма репрессированных священнослужителей, фотографии храмов, разрушенных после революции. Экспозиционное пространство музея располагается в четырех залах соответствующих тематик: «Духовная жизнь города Барнаула (середина XVIII – начало XX века)», «Алтайская духовная миссия (середина XIX – начало XX века)», «Приходы и Святыни истории Барнаульской епархии»,

«Зал новомучеников Алтайских (начало XX – середина XX века)». В основном музей ориентирован на воспитанников воскресных школ и студентов Барнаульского православного духовного училища.

Следующим стал Музей истории Новосибирской епархии, открытый 17 февраля 2006 года в резиденции Новосибирского епархиального управления. Идея создания Музея истории Новосибирской епархии принадлежит правящему архиепископу Новосибирской и Бердской епархии Тихону (Емельянову). В день торжественного открытия музея в своем слове владыка отметил, что давно мечтал об открытии подобного музея. Стоит сказать, что это не первый музей, созданный трудами владыки Тихона, первый музей был основан в конце 1980-х годов в московском Свято-Даниловом монастыре [27]. В музее представлена история Новосибирской (Николаевской) епархии, церковных деятелей, а также ведется сбор информации о церковно-священнослужителях, принявших участие в Великой Отечественной войне. В экспозиции музея видное место занимает пасхальное облачение, принадлежавшее Иоанну Кронштадтскому, среди других экспонатов представлены четки преподобного Амвросия Оптинского, а также четки и посох патриарха Тихона, управлявшего Русской православной церковью в годы правления И. В. Сталина [1].

4 октября 2008 года в рамках торжеств, посвященных 150-летию Томской духовной семинарии, архиепископ Томский и Асиновский Ростислав, торжественно открыл Церковно-археологический кабинет при семинарии. Музейный корпус расположен на территории Богоявленского кафедрального собора. Основу экспозиции составляют предметы церковного искусства, в том числе икона первой половины XVI века, первопечатная Острожская Библия, книга с автографом царевны Софьи Алексеевны, ряд Антиминсов. Жемчужиной фондов музея считаются Царские врата XVII века ярославско-ростовской школы. Экспозиция томского церковного музея условно разделена на четыре раздела:

*Иконы Иисуса Христа.
Иконы Божией Матери.
Раздел избранных святынь.
Цикл праздничных икон.*

Также в экспозиционном пространстве размещена коллекция Антиминсов, складней и богослужебной утвари [1, с. 241–243].

Авторы статьи «Современная жизнь Томской духовной семинарии» отмечают особую поддержку в организации музея святейшего патриарха Алексия II. Так, когда архиепископ Томский Ростислав обратился за благословением об устройении музея к первосвятителю, то патриарх не только поддержал эту инициативу, но и передал в дар музею коллекцию старинных икон и предметов, кроме того, его святейшество передал свое богослужебное облачение, а также мантию и Патриарший куколь [17, с. 12–14].

В том же 2008 году состоялось официальное открытие еще одного сибирского крупного музея – Музея истории Алтайской духовной миссии, который расположен в историко-архитектурном комплексном памятнике – Бийском Архиерейском подворье. По благословению епископа Барнаульского и Алтайского Максима, в 2006 году благочинный Бийского округа иерей Валерий Замятин и Бийское отделение Демидовского фонда (исполнительный директор – В. В. Буланичев) приступили к формированию фонда будущего музея. В настоящее время, как отмечает директор музея П. С. Коваленко, по состоянию на 1 октября 2013 года, музей насчитывает более 46 тысяч экспонатов основного и научно-вспомогательного фондов, действует в составе 15 тематических экспозиций, которые размещены в залах трех этажей архиерейского дома. Кроме того, разрабатывается и реализуется большое количество музейных и экскурсионных программ, также разработан и реализуется проект музеефикации комплексного историко-архитектурного памятника «Бийское архиерейское подворье» [11].

К церковным музеям Западной Сибири относится и Музей истории православия на земле Кузнецкой, образованный 3 ноября 2010 года по инициативе епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха (Смирнова).

Необходимость создания Музея истории православия на земле Кузнецкой была вызвана тем, что на территории Кемеровской и Новокузнецкой епархии сохранилось определенное количество материалов, которые имели бесспорное историко-культурное значение. И до образования музея, и в настоящее время предметы поступают на хра-

нение, как правило, в качестве даров, как от священнослужителей, так и от прихожан храмов. И все они являются свидетельствами, памятниками тех или иных периодов культурно-религиозной жизни в Кузбассе. При условии их систематизации и размещения в экспозиции это может выполнять репрезентативные функции, отражая самые главные события в становлении церковной жизни на карте региона [14]. Образцом для создаваемого музея послужил Церковно-археологический музей имени святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II при Московской православной духовной академии, основанный в 1814 году и воссозданный в 1948 году [26].

Начальным этапом комплектования музейных фондов Кемеровской епархии стал процесс классификации стихийно образовавшегося массива материалов различного характера: от архивных источников до произведений искусства. Все это распределяется по основным разделам, которые состоят из архивных документов (отчетов благочиния, наградных писем, приказов, рапортов, периодики и т. п.), старопечатных книг и богослужебных изданий Нового времени, предметов церковной и бытовой утвари, священнических облачений, видео- и аудиоматериалов. Значительную группу артефактов музейной коллекции составляют произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Это иконы, предметы медного литья, деревянная скульптура, полотна светских живописцев.

В процессе научно-исследовательской деятельности Музея истории православия на земле Кузнецкой четко обозначились подходы к изучаемым объектам: привлечение широкого культурно-исторического контекста, особое внимание к местным краеведческим изысканиям, взаимодействие со светской методологией в познании тех или иных явлений церковной жизни.

Исходя из этого при построении уже первой экспозиции «Патриархи в Кузбассе» специалистами музея были изучены и отобраны те материалы, в которых соединяются общецерковные события с местным процессом епархиального существования. При разработке тематико-экспозиционного плана и построения выставки использованы материалы епархиального музея, архива Московской патриархии, администрации Кемеровской области, Кемеровского областного краеведческо-

го музея, архива Кемеровского епархиального управления, личных архивов церковнослужителей. Научной основой данной выставки стали публикации кемеровских и новокузнецких ученых. (А. М. Адаменко, А. В. Горбатова, Л. В. Быкасовой, Л. А. Тресвяцкого, А. Шадринной и др.). Открытие выставки «Патриархи в Кузбассе» состоялось 24 апреля 2011 года.

Особенным аспектом деятельности музея стал долговременный проект с Межрегиональным общественным фондом «Фонд святого всехвального апостола Андрея Первозванного» (г. Москва). Под патронажем данной организации существует Собрание русских икон – одна из крупнейших частных коллекций, которая насчитывает более 600 икон и предметов церковного декоративно-прикладного искусства. Данное собрание на несколько лет предоставило Музею истории православия на земле Кузнецкой выставку шедевров древнерусской иконописи, выполненных в различных стилях и техниках. В состав экспозиции вошли иконы начала XVI – рубежа XIX–XX веков **высокого художественного качества**. Эта выставка создана с той целью, чтобы музейный посетитель мог ознакомиться с иконографическим репертуаром русской иконы Средневековья и Нового времени.

В 2014 году на территории юга Западной Сибири состоялось еще одно значимое в музейной жизни событие – в г. Тобольске открылся музей Истории православия в Сибири. Музей размещен в мемориальном здании Архиерейского дома, расположенного на Софийском дворе Тобольского кремля. Архиерейский дом был построен в 1775 году, и вплоть до 1918 года в нем располагалась резиденция тобольских архиереев. Этот уникальный совместный проект Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и Тобольской митрополии на экспозиционной площадке с помощью интерактивных технологий знакомит посетителей музея с зарождением, становлением и распространением православия в сибирском крае [5].

Также 8 января 2014 года в рамках празднования 20-летнего юбилея Кузбасской семинарии в Духовной школе состоялось открытие церковного музея. Основу экспозиции составили старинные книги из фондов семинарской библиотеки. Самыми древними из них являются издания,

напечатанные еще до книжной справы патриарха Никона в XVII веке: Канонник (1651) и Псалтирь следованная (1652) [4].

Стоит отметить, что на территории юга Западной Сибири помимо музеев, действующих на базе епархий и духовных школ, существуют приходские музеи и частные коллекции, фондоформирующий центр которых – иконы, богослужебные книги и предметы церковной утвари. Хранителями частных коллекций являются как священно-церковнослужители, так и светские люди.

Таким образом, сравнение коллекций церковных музеев, действующих на территории Юга Западной Сибири, позволяет говорить о довольно типичном наборе ее разделов. В более широком смысле можно отметить аналогичные проявления деятельности сибирских музеев. И в Музее истории православия на Алтае (г. Барнаул), и в Епархиальном музее истории Новосибирской епархии, и в Церковно-историческом музее при Томской духовной семинарии, и в Музее истории православия на земле Кузнецкой вместе с комплектованием, учетом, сохранением и экспонированием памятников ведется широкая работа по сохранению духовного наследия и просвещению общества. Этим определяются и основные векторы научно-исследовательской деятельности.

Современная ситуация ставит музеи перед необходимостью все активнее включаться в решение социально-культурных проблем своих регионов. Встраиваясь в миссионерскую, образовательную, информационную работу епархий, музеи увеличивают сферу своих контактов, сплавляя дореволюционный опыт и новые формы коммуникации с населением. Здесь очень важны разные способы взаимодействия со светскими структурами. Церковные музеи активно сотрудничают с вузами и культурными учреждениями регионов. Так, например, в Томске в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры памяти святых первоучителей Кирилла и Мефодия состоялся форум «Православное наследие как источник духовного и общественного развития России», одна из секций которого была посвящена вопросам музейной педагогики в стенах музея Томской духовной семинарии.

Такая же социальная открытость характерна и для Музея истории Православия на Алтае, действующего на базе Барнаульской духовной

семинарии. Однако здесь научная деятельность больше направлена на анализ и изучение существующей музейной коллекции, в первую очередь исследуются иконописные традиции [7; 10; 15].

Создание музея истории Алтайской духовной миссии в г. Бийске способствовало разработке концепции и реализации музеефикации объектов Бийского архиерейского подворья, а также его вовлечению в музейное и туристическое пространство.

Сотрудники Музея истории православия на земле Кузнецкой совместно с различными социальными институтами ведут активную научную деятельность, благодаря которой складываются свои традиции. Так, традиционными стали Православные историко-краеведческие чтения, музейное пространство неоднократно являлось базой проведения семинаров для студентов Кемеровского государственного университета и Кемеровского государственного университета культуры и искусств по истории Древней Руси,

традиционным русским праздникам и иконографии [2, с. 62–65]. Отдельный вектор исследовательской деятельности направлен на изучение истории православия на современной территории Кемеровской области и существующей фондовой коллекции [3].

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что возрождение и создание церковных музеев оказывают благотворное влияние на сохранение и презентацию историко-культурного наследия, относящегося главным образом к Русской православной церкви. Несмотря на сравнительно недавнее возникновение этих учреждений, они уже успели пополниться различными ценными предметами, которые представляют собой неисчерпаемый материал для научных исследований по истории епархии, духовных учебных заведений, храмов, монастырей. Также музеи церковного профиля содействуют оживлению в российском обществе интереса к церковной и светской истории отечества.

Литература

1. Алексеева Л. С. Возрождение музейных традиций Русской православной церковью в Западной Сибири // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. ст. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – 2009. – Вып. 3.
2. Алексеева Л. С. Деятельность Музея истории православия на земле Кузнецкой в сфере духовно-нравственного воспитания // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20.
3. Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Народная икона как объект изучения в Музее истории православия на земле Кузнецкой // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 27.
4. В Кузбасской семинарии открылся церковный музей [Электронный ресурс]. – URL: http://npds.ucoz.ru/news/v_kuzbasskoj_seminarii_otkrylsja_cerkovnyj_muzej/2014-01-12-611.
5. В Тобольске открыли «Музей истории Православия в Сибири». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1191100>.
6. Дмитриевский С. Вниманию духовенства // Томские епархиальные ведомости. – 1917. – № 23.
7. Железникова Н. П. Православные традиции в региональном художественном наследии: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2004.
8. Журнал № 5 съезда благочинных томской епархии // Томские епархиальные ведомости. – 1917. – № 1.
9. Журнал № 78 заседания Священного синода от 27 июля 2011 года. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1586149.html>.
10. Замолоцких Г. Д. Первые иконы в Музее истории православия на Алтае [Электронный ресурс] // Вестн. Алт. гос. пед. акад. – 2007. – № 7-2. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18917216>.
11. Коваленко П. С. Создание и особенности реализации инновационного проекта музеефикации архитектурного и историко-культурного памятника «Бийское архиерейское подворье» [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры и образования. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21159103>.
12. Мисюров А. О необходимости помещения в неофициальной части Томских епархиальных ведомостей материалов исторического содержания // Томские епархиальные ведомости. – 1887. – № 2.
13. Определение освященного Архиерейского собора Русской православной церкви 24–29 июня 2008 года «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской православной церкви» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428914.html>.

14. Положение о Музее истории православия на земле Кузнецкой: утв. епархиальным архиереем Православной религиозной организации Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской православной церкви Аристархом, епископом Кемеровским и Новокузнецким 02.12.2010.
15. Полякова Е. А. Музеи духовных учебных заведений как составляющая образовательно-воспитательного процесса (на примере музея Истории православия на Алтае Барнаул. православ. духов. семинарии) // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009.
16. Постановления освященного Архиерейского собора Русской православной церкви (2–5 февр. 2013 года). Культура, книгоиздание, информационная работа [Электронный ресурс]. – URL: http://e-vestnik.ru/docs/postanovleniya_arhiereyskogo_sobora_6531.
17. Зулин С., протоиерей, Милентьев Д. Современная жизнь Томской духовной семинарии // Томские епархиальные ведомости. – 2008. – № 12 (131).
18. Русская православная церковь возродит систему собственных музеев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/24266.htm>.
19. Барнаульская епархия [Электронный ресурс]: сайт. – URL: <http://www.altai-eparhia.ru/life/museum/>.
20. Томская православная духовная семинария [Электронный ресурс]: сайт. – URL: http://tompds.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4&Itemid=3.
21. Сафронова М. Н. Из истории Тобольского древлехранилища [Электронный ресурс] // Сибирская газета. – 2010. – № 12. – URL: <http://www.ihtus.ru/122010/st14.shtml>.
22. Собрание Совета Церковно-археологического общества // Томские епархиальные ведомости. – 1916. – № 22.
23. Тобольское церковное древлехранилище // Тобольское церковное древлехранилище. – 1903. – № 1.
24. Тобольское церковное древлехранилище в 1902–1903 годах // Тобольское церковное древлехранилище. – 1904. – Вып. 3.
25. Устав Тобольского братства св. великомученика Димитрия Солунского // Тобольские епархиальные ведомости. – 1890. – № 23–24.
26. Церковно-археологический кабинет при Московской духовной академии [Электронный ресурс] // Московская православная духовная академия: сайт. – URL: <http://www.mpsda.ru/cak/info>.
27. Шабунин Е. Освящение музея истории Новосибирской епархии // Сибирь Православная. – 2006. – № 1 (5).

References

1. Alekseeva L.S. Vozrozhdenie muzejnyh tradicij Russkoj pravoslavnoj cerkov'ju v Zapadnoj Sibiri. *Muzeevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie. Sbornik statej*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2009, iss. III.
2. Alekseeva L.S. Dejatel'nost' Muzeja istorii pravoslavija na zemle Kuzneckoj v sfere duhovno-nravstvennogo vospitanija. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no 20.
3. Alekseeva L.S., Olenich L.V. Narodnaja ikona kak ob'ekt izuchenija v Muzee istorii pravoslavija na zemle Kuzneckoj. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2014, no 20.
4. V Kuzbasskoj seminarii otkrylsja cerkovnyj muzej. Available at: http://npds.ucoz.ru/news/v_kuzbasskoj_seminarii_otkrylsja_cerkovnyj_muzej/2014-01-12-611.
5. V Tobol'ske otkryli "Muzej istorii pravoslavija v Sibiri". Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1191100>.
6. Dmitrievskij S. Vnimaniju duhovenstva. *Tomskie Eparhial'nye Vedomosti*, 1917, no 23.
7. Zheleznikova N.P. Pravoslavnye tradicii v regional'nom hudozhestvennom nasledii. Diss. kand. iskusstvovedenija. 17.00.04. Altajskij gosudarstvennyj universitet. Barnaul, 2004.
8. Zhurnal № 5 s"ezda blagochinnyh tomskoj eparhii. *Tomskie eparhial'nye vedomosti*, 1917, no 1.
9. Zhurnal № 78 zasedanija Svjashchennogo sinoda ot 27 ijulja 2011 goda. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1586149.html>.
10. Zamolockih G.D. Pervye ikony v Muzee istorii pravoslavija na Altae. *Vestnik Altajskoj gosudarstvennoj pedagogičeskoj akademii*, 2007, no 7-2. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18917216>.
11. Kovalenko P.S. Sozdanie i osobennosti realizacii innovacionnogo proekta muzeefikacii arhitekturnogo i istoriko-kul'turnogo pamjatnika "Bijskoe arhierejskoe podvor'e". *Mir nauki, kul'tury i obrazovanija*. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21159103>.

12. Misjuren A. O neobhodimosti pomeshchenija v neoficial'noj chasti Tomskih eparhial'nyh vedomostej materialov istoricheskogo sodержanija. *Tomskie eparhial'nye vedomosti*, 1887, no 2.
13. Opredelenie osvjaxshennogo Arhierijskogo sobora Russkoj pravoslavnoj cerkvi 24–29 ijunja 2008 goda “O voprosah vnutrennej zhizni i vneshnej dejatel'nosti Russkoj pravoslavnoj cerkvi”. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428914.html>.
14. Polozhenie o Muzeje istorii pravoslavija na zemle Kuzneckoj: utverzhdennoe eparhial'nym arhierieem Pravoslavnoj religioznoj organizacii Kemerovskoj i Novokuzneckoj Eparhii Russkoj pravoslavnoj cerkvi Aristarhom, episkopom Kemerovskim i Novokuzneckim 02.12.2010.
15. Poljakova E.A. Muzei duhovnyh uchebnyh zavedenij kak sostavljajushchaja obrazovatel'no-vospitatel'nogo procesa (na primere muzeja Istorii pravoslavija na Altae Barnaul'skoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii). *Akademicheskie i vuzovskie muzei: rol' i mesto v nauchno-obrazovatel'nom processe. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2009.
16. Postanovlenija osvjaxshennogo Arhierijskogo sobora Russkoj pravoslavnoj cerkvi (2–5 fevralja 2013 goda). Kul'tura, knigoizdanie, informacionnaja rabota. Available at: http://e-vestnik.ru/docs/postanovleniya_arhierijskogo_sobora_6531.
17. Protocerej Zulin S., Milent'ev D. Sovremennaja zhizn' Tomskoj duhovnoj seminarii. *Tomskie eparhial'nye vedomosti*, 2008, no 12 (131).
18. Russkaja pravoslavnaja cerkov' vozrodit sistemu sobstvennyh muzeev. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/news/24266.htm>.
19. Barnaul'skaja eparhija. Sajt. Available at: <http://www.altai-eparhia.ru/life/museum/>.
20. Tomskaja pravoslavnaja duhovnaja seminarija. Sajt. Available at: http://tompds.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4&Itemid=3.
21. Safronova M.N. Iz istorii Tobol'skogo drevlehranilishcha. *Sibirskaja gazeta*, 2010, no 12. Available at: <http://www.ihus.ru/122010/st14.shtml>.
22. Sobranie Soveta Cerkovno-arheologicheskogo obshchestva. *Tomskie eparhial'nye vedomosti*, 1916, no 22.
23. Tobol'skoe cerkovnoe drevlehranilishche. *Tobol'skoe cerkovnoe drevlehranilishche*, 1903, no 1.
24. Tobol'skoe cerkovnoe drevlehranilishche v 1902–1903 godah. *Tobol'skoe cerkovnoe drevlehranilishche*, 1904, iss. 3.
25. Ustav Tobol'skogo bratstva svjatogo velikomuchennika Dimitrija Solunskogo. *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti*, 1890, no 23–24.
26. Cerkovno-arheologicheskij kabinet pri Moskovskoj duhovnoj akademii. *Moskovskaja pravoslavnaja duhovnaja akademija*. Sajt. Available at: <http://www.mppda.ru/cak/info>.
27. Shabunin E. Osvjaxshenie muzeja istorii Novosibirskoj eparhii. *Sibir' Pravoslavnaja*, 2006, no 1 (5).

УДК 069.1:338.48(571.17)

МУЗЕИ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА В КУЗБАССЕ

Ковешникова Е. А., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры музейного дела, директор музея, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: ezlena@mail.ru

Статья посвящена актуальной теме развития регионального культурного туризма в Кузбассе и значения музеев как ведущих центров в этой сфере деятельности. Автор анализирует становление культурного туризма, основывающегося на использовании историко-культурного потенциала и других ресурсов региона. Кузбасс рассматривается как новый туристический регион и перспективная дестинация.

Ключевые слова: музей, туризм, культурный туризм, региональный туризм, историко-культурное наследие, дестинация.

THE MUSEUMS AND DEVELOPMENT OF REGIONAL CULTURAL TOURISM IN KUZBASS

Koveshnikova E. A., Candidate of Historical Sciences, Docent, Docent of Chair of Museum Science, Director of Museum, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: ezlena@mail.ru

Development of regional cultural tourism contributes to the integration of socio-cultural space in the region. Formation of the tourism industry has identified the development of new methods and approaches to the use of various resource potential, as well as historical and cultural heritage of local areas in the region. All become popular tourist destinations on the small provincial towns. There is a need to develop promising tourist routes in Kemerovo region. Great importance in the development of the domestic regional tourism play museums, especially local lore museums. In modern conditions, a local history museum is a hallmark of the region. Actively involved in the development of domestic tourism reserve museums area. To attract tourists to the region, the main emphasis should be on the quality of the tour product offered by museums. Tourism development in Kuzbass region is an important economic and socio-cultural elements of regional policy of the administration of Kemerovo region. Kuzbass is regarded as the most promising area for the development of cultural tourism.

Keywords: museum, tourism, cultural tourism, regional tourism, historical and cultural heritage, destination.

Социальные, культурные и другие общественные процессы, протекающие в Кузбассе, отражают современную социокультурную ситуацию в России и мире. Важным сегодня становится развитие регионального (внутреннего) культурного туризма, который способствует интеграции социокультурного пространства региона, развитию коммуникативных процессов, интеллектуальному и нравственному совершенствованию индивида, формированию принципов толерантности в целом и в отношении разнообразия культур в частности. Внутренний туризм, и особенно такой вид, как познавательный, или культурный туризм, в большей степени соответствует основным направлениям деятельности музея любого профиля. Становление сферы туризма определило дальнейшее развитие новых методов подхода к использованию разнообразного ресурсного потенциала, в том числе и историко-культурного наследия локальных территорий региона.

В настоящее время во всем мире все популярнее становятся туристические маршруты по малым, провинциальным городам и отдаленным селениям региона. Города Кемеровской области (Кузбасса) не являются исключением и идеально подходят для такого вида путешествий. Например, небольшой старинный город Мариинск, который имеет статус исторического города, вклю-

ченного в новую туристическую зону, привлекает своими каменными и резными деревянными постройками в стиле сибирского барокко. Мариинский краеведческий музей, сотрудничая с образовательными учреждениями, общественными организациями и социокультурными учреждениями, принимает активное участие в жизни города, проводит многочисленные экскурсии, организует выставки, разрабатывает новые экскурсионные маршруты. Задача музея – сохранять наследие, пробуждать интерес у посетителей к истории родного края.

Мариинский район интересен не только историей, он уникален и своей природой, поэтому здесь открыты новые маршруты экологических троп и работа в этом направлении продолжается. Таких мест в Кузбассе немало, а следовательно, есть необходимость в развитии перспективных туристических маршрутов на территории области.

По количеству музеев Кузбасс входит в первую десятку регионов России, это очень привлекательная территория для любителей спортивного, культурного и других видов внутреннего туризма.

Большое значение в развитии внутреннего регионального туризма играют краеведческие музеи. Кемеровский областной краеведческий музей – старейший музей Кузбасса, ведущий

центр методической, научно-исследовательской и краеведческой работы в области. В современных условиях краеведческий музей является визитной карточкой региона [1]. Здесь аккумулируется большая часть всесторонней краеведческой информации о природе, истории и культуре края, которая предполагает всевозможные коммуникативные способы ее трансляции.

Так же активно включен в развитие сферы внутреннего туризма Музей-заповедник «Красная Горка», созданный на территории бывшего угольного рудника в городе Кемерово. Район Красной Горки представляет собой музей под открытым небом: здесь, на крутом берегу реки Томи сохранен уникальный комплекс памятников горнопромышленного и историко-культурного наследия, находящихся в своей естественной ландшафтной среде. Памятники составляют единый сюжетно-тематический комплекс, связанный с развитием угольной промышленности Кузбасса. Каждый из этапов этого развития оставил свой след в виде недвижимых памятников истории и культуры. Самый древний из них – «Горелая гора», это место открытия Кузнецкого каменноугольного бассейна в 1721 году. Старейшими в городе архитектурными сооружениями являются постройки Акционерного общества Копикуз (1912–1919). Сохранились жилые дома от уникальной международной промышленной организации Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК «Кузбасс»), действовавшей на территории Кузбасса в 1922–1927 годах.

В этот период на руднике работали граждане более 30 национальностей из разных стран мира. Данный исторический факт особенно актуален в связи с особенностью многонационального компонента в региональном развитии территории. Местоположение музея предопределило главную тематику его экспозиций и выставок: история Кемеровского рудника и города Кемерово. Наряду с экскурсиями в помещении музея проводятся экскурсии по территории Красной Горки с показом историко-архитектурных памятников.

Музей постепенно становится одним из культурных центров города, любимым местом отдыха горожан, постоянно расширяет спектр своей туристической деятельности, предлагая все новые экскурсионные маршруты. Наличие благоу-

строенной территории позволяет организовывать театрализованные постановки, праздники, дни семейного отдыха и т. д. Но главной задачей музея остается сохранение историко-культурного наследия и его популяризация [2].

Ведущую роль в формировании и развитии внутреннего туризма занимает музей-заповедник «Томская Писаница», имеющий мировую известность. Он внесен в перечень особо охраняемых объектов ЮНЕСКО. «Томская Писаница» – первый в Сибири музеефицированный памятник наскального искусства, уникальный комплекс истории и культуры народов Евразии. В составе музея несколько комплексных зон показа под открытым небом: Томская Писаница, архитектурно-этнографическая территория «Шорский улус Кезек», зона мифологии, эпоса и календарей народов Сибири, археодом с древними жилищами и погребениями, музей наскального искусства Азии, природа музея-заповедника, музей естественной истории (историческая геология, минералогия, палеонтология) [3; 4]. Кемеровская область богата памятниками археологии от палеолита до XV века н. э., эпохи неолита и бронзы с изображениями животных, сцен охоты предков, населявших Кузнецкую землю.

На территории Кузбасса сделаны и палеонтологические открытия в Шестаково (Чебулинский район), там найдено уникальное захоронение скелетов динозавров. В целом в области насчитывается около 700 различных памятников истории.

В Кузбассе в настоящее время реализуются два крупных инвестиционных проекта. Это туристические комплексы «Шерегеш» в Горной Шории и «Танай» в Промышленновском районе. Благодаря природной красоте Горную Шорию называют «Сибирской Швейцарией». Здесь расположен национальный парк с уникальной первозданной флорой и фауной. На его территории, в поселке Усть-Анзас, у священной для шорцев горы Айган, создан этнографический музей под открытым небом «Тазгол». «Тазгол» в переводе с шорского означает «ровный луг». Это родина коренного малочисленного древнего тюркоязычного народа – шорцев, проживающих на территории Кузбасса. Экспозиция музея знакомит с культурными традициями горных шорцев. Это первый в Кузбассе практический опыт создания

этнографического музея под открытым небом в естественной среде. Быт, обычаи и традиции исконных обитателей Горной Шории с VI до начала XX века воссозданы в экспозиции экомuzeя [5].

В Горной Шории можно хорошо отдохнуть, так как здесь активно развивается горнолыжный, пешеходный, водный и конный туризм. В целом у этого района области есть все необходимые предпосылки для того, чтобы стать туристическим центром международного уровня, поскольку по составу и качеству рекреационных ресурсов на относительно небольшой территории Горная Шория превосходит большинство других рекреационных зон России. Также необходимо расширять функциональную деятельность музея «Тазгол». Он, действительно, может и должен способствовать развитию внутреннего туризма в различных его проявлениях на данной локальной территории, так как именно музей имеет самое прямое отношение к истории, культуре, образованию и сфере туризма.

В целях сохранения культурного и исторического наследия коренного малочисленного народа телеутов создан историко-этнографический музей «Чолкой», расположенный в Беловском районе. Экспозиция музея «Чолкой» популяризирует историю коренного малочисленного народа, проживающего на территории Беловского района, – телеутов. В рамках реализации регионального проекта «Культура» музей реконструирован и активно участвует в различных всероссийских, региональных, областных и районных мероприятиях, получает областные и районные гранты. Музей «Чолкой» пользуется популярностью не только в области, но и за ее пределами, здесь побывали туристы из Англии, Франции, США и многих других стран ближнего и дальнего зарубежья.

Несмотря на рост музейной сети, который наметился с конца 90-х годов XX века, территория Кузбасского региона оказалась не подготовлена для развития внутреннего туризма, а население не заинтересовано в этом. Развитие туризма в Кемеровской области сдерживало в первую очередь отсутствие подготовленных к показу историко-культурных памятников, функционального участия музеев, квалифицированных кадров в этой сфере. Сегодня имеется возможность на доста-

точно развитой ресурсной базе сформировать качественный туристский продукт, основанный на сочетании различных видов туризма, что позволит повысить финансовую эффективность работы отрасли, смежных с ней отраслей и музеев [6].

Несмотря на то, что в мире наметилась общая тенденция развития туризма, музеи зачастую остаются в стороне, в то время, когда именно они должны играть ведущую роль в этом процессе. Поэтому один из наиболее реальных путей развития индустрии туризма – увеличивать не только интенсивность туристического потока в регион, но и повышать качество туристических услуг, развивать инфраструктуру, совершенствовать методику экскурсионного обслуживания в познавательных целях. В этом направлении следует развивать и расширять границы межкультурного диалога на основе модели музейно-туристической коммуникации. Исследование проблемы формирования и развития внутреннего туризма на региональном уровне и роли музеев в этом процессе позволяет сделать следующие выводы. В сфере внутреннего туризма происходят значительные изменения, влияющие на социокультурную и экономическую ситуацию в регионе, в свою очередь региональная экономика и уровень культуры существенно влияют на динамику развития регионального, а следовательно, и международного туризма. Для некоторых регионов международный туризм может быть более привлекательным и прибыльным, чем внутренний туризм, если музеи будут играть аккумулятивную коммуникативную роль социокультурных центров. Таким регионом, где музеи активно включаются во внутренний туризм, разрабатывают новые экскурсионно-туристические маршруты, является Кузбасс. Наблюдается большая конкуренция среди регионов в привлечении туристов, где немаловажную роль играет привлекательность туристических маршрутов с точки зрения оптимального визуального восприятия и получения полноценной познавательной информации. Анализ состояния и развития внутреннего туризма Кузбасского региона показал, что для привлечения туристов в регион необходимы: четкое понимание причины побуждения туристов к поездке; детальная программа и высокий уровень обслуживания музеями туристов; дифференцированный подход по отно-

шению к различным категориям посетителей на региональном и международном уровнях; хорошо отлаженная организационная структура для координации в регионе стимулирующих внутренний туризм усилий и повышения роли музеев.

Кузбасс как новый туристический регион и перспективная дестинация обладает огромным потенциалом туристских ресурсов, привлекательностью в плане культурно-познавательного информационного потока как для российских, так и для зарубежных посетителей. История и культура Кузбасского региона, культурные традиции многочисленных народов, проживающих на его территории, природные и исторические памятники и другие туристские объекты все еще остаются неизвестными не только иностранному туристу, но зачастую и местным жителям. Развитие сферы туризма в России во многом определяется государственной политикой. Основные задачи, принципы, направления и стратегии государственной политики России в сфере туризма определены Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегией развития туризма в Российской Федерации до 2015 года и рядом других нормотивно-правовых документов.

Администрация Кемеровской области на сегодняшний день рассматривает развитие туризма как одно из перспективных направлений в Кузбассе, о чем свидетельствует выход в свет постановления губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева «О создании общественного туристского совета при губернаторе Кемеровской области» от 21.08.2009, в последней редакции от: 01.11.2011 [2; 5].

Для привлечения туристов в конкретный регион основной акцент необходимо сделать в первую очередь на качестве экскурсионного продукта, предлагаемого музеями, сервисе и цене. Современное состояние отечественных и особенно региональных предприятий туристического бизнеса свидетельствует о том, что они пока не в состоянии полностью финансировать собственную модернизацию, реконструкцию и расширение. Кузбасс в этом отношении не исключение, хотя здесь наблюдается несколько иная ситуация в связи с тем, что регион только начинает делать по-

ступательные шаги в сферу туристического бизнеса, поэтому в большинстве случаев приходится создавать с нуля свою инфраструктуру и строить новые социальные объекты для успешного развития культурного туризма. В этих условиях очень остро проявляется необходимость финансовой поддержки со стороны государственных органов и региональных структур.

Туризм в начале XXI века стал одним из ведущих направлений социально-экономической, культурной и политической деятельности большинства государств и регионов мира. Путешествия в настоящее время перестали быть просто удовольствием, развлечением или роскошью, а превратились в неотъемлемую часть жизни современного человека, связанную с удовлетворением духовных, интеллектуальных и иных потребностей, восстановлением и развитием физических сил человека, поддержанием необходимого уровня его жизнедеятельности. Богатейшее культурно-историческое наследие как страны, так и региона на сегодняшний день представляет собой мощный ресурс для развития туризма. Именно в туризме заложена основа для процветания многих российских регионов. Действительно, как показали последние несколько лет, в отдельных российских регионах туризм развивается достаточно успешно, особенно там, где в него включены музеи. Это позволяет обеспечить высокие и устойчивые темпы экономического и культурного роста данных регионов, способствует интеграции национальной туристической индустрии в мировую экономику, росту занятости и повышению уровня жизни населения, а также увеличивает поступления в бюджеты всех уровней.

Тема вовлечения музеев в туристическую сферу неоднократно обсуждалась на различных научных конференциях Кузбасского региона, а в докладах отмечалось особое значение, ведущая роль музейных учреждений в разработке новых экскурсионно-познавательных маршрутов и развитии внутреннего туризма [4]. На этих встречах также говорили о проблемах взаимодействия музеев с индустрией туризма и дальнейших перспективах ее развития, о роли туристического продукта, который предоставляет музей туристам, как яркого, запоминающегося, несущего в себе определенный образовательный элемент

и выступающего в данном случае в форме органично воспринимаемой информации. Поэтому в связке «туризм – музей» изначально заложен высокий потенциал взаимного сотрудничества, основанный, с одной стороны, на стремлении туриста получить впечатления и, с другой стороны, на возможности музея такие впечатления предоставить.

Развитие туризма в Кузбасском регионе является важной экономической и социокультурной составляющей региональной политики администрации Кемеровской области. Кузбасс, как и некоторые другие регионы страны, является в этом отношении перспективной территорией, имеющей большой потенциал для привлечения внутренних и иностранных туристов. Сейчас развитие въездного международного туризма является приоритетным направлением деятельности государственных и муниципальных органов власти в Кузбасском регионе. За последние годы удалось утвердить благоприятное отношение к региону с точки зрения безопасности и сформировать имидж Кузбасса как уникальной турист-

ской дестинации, гармонично сочетающей природные, культурные и рекреационные ресурсы.

На наш взгляд, туристскую дестинацию Кузбасса следует развивать по определенному типу, где центром целенаправленного развития туризма становятся музеи, для которых сохранение традиций, истории, культуры является основной деятельностью. Ведь для туристов Кузбасский регион имеет высокую степень привлекательности также благодаря своей истории, культуре, науке.

Таким образом, Кузбасс – это относительно новый для освоения регион, имеющий богатое историко-культурное наследие, особенности которого могут быть использованы для создания благоприятного имиджа региона на туристском рынке.

Для развития внутреннего туризма в регионе необходимо активное участие не только органов местной власти, но и музеев, в первую очередь краеведческих, музеев-заповедников, а также туристических фирм, создание благоприятного климата и инфраструктуры с целью привлечения туристов.

Литература

1. От хоровода – к «Золотому кольцу» // Кузбасс – 14.01.2014.
2. Закон Кемеровской области от 13 июля 2009 года № 88-ОЗ «О развитии внутреннего и въездного туризма» // Кузбасс. – 2009. – 17 июля. – С. 6–8.
3. Ковешникова Е. А. Перспективы развития культурно-познавательного туризма в Кузбассе // Музей и этнокультурный туризм: сб. мат-лов III ежегод. Междунар. симпоз. Комитета музеологии Сибири. – Новосибирск, 2010. – С. 369–375.
4. Ковешникова Е. А. Развитие культурного туризма в Кузбассе // Ученые записки НИИ прикладной культурологии: науч. журнал. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. – Т. 2 (6). – С. 90–95.
5. Постановление губернатора Кемеровской области № 45-пг «О создании общественного туристского совета при губернаторе Кемеровской области»: принято 21.08.2009, последняя редакция от 01.11.2011.
6. Туризм в Кузбассе / В. Я. Северный [авт.-сост. и др.]. – Кемерово: Кузбасс: СКИФ, 2009. – 244 с.

References

1. Ot horovoda – k “Zolotomu kol’cu”. *Kuzbass*, 14.01.2014.
2. Zakon Kemerovskoj oblasti ot 13 ijulja 2009 goda № 88-OZ “O razvitii vnutrennego i vjezdnogo turizma”. *Kuzbass*, 17.07.2009, pp. 6–8.
3. Koveschnikova E.A. Perspektivy razvitija kul’turno-poznavatel’nogo turizma v Kuzbasse. *Muzej i etnokulturnyj turizm. Sbornik materialov III ezhegodnogo Mezhdunarodnogo simpoziuma Komiteta muzeologii Sibiri*. Novosibirsk, 2010, pp. 369–375.
4. Koveschnikova E.A. Razvitie kul’turnogo turizma v Kuzbasse. *Uchenyje zapiski NII prikladnoj kul’turologii*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2009, vol. 2 (6), pp. 90–95.
5. Postanovlenie Gubernatora Kemerovskoj oblasti № 45-pg “O sozdanii obshchestvennogo turistskogo soveta pri gubernatore Kemerovskoj oblasti”. Prinjato 21.08.2009, poslednjaja redakcija ot 01.11.2011.
6. Severnyj V.Ya. Turizm v Kuzbasse. Kemerovo, SKIF Publ., 2009. 244 p.

УДК 069.6

РЕДКАЯ КНИГА В КОЛЛЕКЦИЯХ ВУЗОВСКИХ МУЗЕЕВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Сергеева Е. Ф., кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, начальник учебно-методического управления, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: faritowna@mail.ru

В статье рассматриваются несколько подходов к определению «редкая книга», дается характеристика вузовских музеев, их книжных коллекций.

Ключевые слова: редкая книга, книжные фонды, музейная сеть вузов Кемеровской области.

A RARE BOOK IN COLLECTIONS OF UNIVERSITY MUSEUMS OF KEMEROVO REGION

Sergeeva E. F., Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Head of Educational and Methodical Department, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: faritowna@mail.ru

The article is devoted to the study of rare books in the collections of university museums in Kemerovo region. The author considers several approaches to the definition of a rare book. The actuality of the topic of this article is justified primarily by the fact that the history of study of the rare book collections of museums and libraries due to their value as a specific phenomenon of culture. It is therefore quite natural interest in rare books as historical monuments depicting the history of Kemerovo area. In addition, the scientific importance of this topic is due to actualization of the problem of preservation and study of rare books as a unique historical source and historical monument.

The article gives a brief description of the University Museums' network of Kemerovo area, and its creation, the contents of the funds and place of rare books in their composition.

Keywords: rare books, book collections, museum network of universities of Kemerovo region.

В последнее десятилетие все более четко прослеживается процесс интеграции и глобализации в сфере культуры. Одной из характерных черт духовного развития общества на рубеже XX–XXI веков является взаимопроникновение музейного и библиотечного институтов. Музей и библиотека имеют свою специфику, выражающуюся в составе и методике работы с книжными фондами, что позволяет сохранить историческую память. И все же книга в музее находится на особом положении, выступая как предмет материальной культуры, отражающий эпоху.

В настоящее время в музеях и библиотеках активно ведется формирование специализированных фондов редких и ценных изданий. Современные региональные книжные фонды становятся объектом внимания специалистов различных отраслей знания.

Редкие книжные коллекции, хранящиеся в фондах краеведческих музеев и библиотек, не-

однократно выступали объектом исследования специалистов. По собраниям книжных коллекций можно проследить экономическое, социальное и культурное развитие региона в определенный исторический период. Изучение тематики исследований редких книг является следствием процесса обеспечения преемственности и сохранения историко-культурного наследия. В современный период накоплено достаточно научного материала, рассматривающего различные аспекты деятельности музея как феномена культуры, в то же время деятельность вузовских музеев по собиранию коллекций редких книг раскрыта недостаточно.

Определений термина «редкая книга» на данный момент в научной литературе существует достаточно много. С целью выявления семантического содержания данного понятия нами был проведен анализ документопотока по рассматриваемой проблеме (табл. 1).

**Выявление семантического содержания понятия «редкая книга»
путем анализа документопотока**

Понятие	Определение	Источник
Редкая книга	По обычайности: едва бывалый, исключительный, необычайный и замечательный по особенностям своей или <i>редкостный</i> ... говоря о вещи: ценный, дорогой. <i>У меня есть редкая вещь. Это редкая книга</i>	<i>Толковый словарь В. Даля ONLINE</i> (http://vidahl.agava.ru/)
Редкая книга библиографическая редкость, изд. (чаще старое),	Сохранившееся (или выпущ.) в незначит. кол-ве экз. и обладающее поэтому повышенной коллекц. ценностью, только старопечатные или антикварные изд.	Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. – М.: ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2002
Редкая книга	Библиографическая редкость, издание, чаще старое, сохранившееся или выпущенное в незначительном количестве экземпляров и обладающее повышенной коллекционной ценностью	Энциклопедический словарь (http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=ushakov&word=redkiy)
Редкая книга	Редкая, очень редкая и редчайшая, исходя из оценки количества существующих экземпляров	Библиотека Д. В. Ульянинского: в 3 т. – Репринт. изд. 1912–1915 годов. – СПб.: Альфарет, 2006
Редкая книга	Редкой может быть признана та книга, которая существует в абсолютно малом числе экземпляров и имеет научное значение	Малеин А. И. О редкой книге (http://biblionne.narod.ru/redkosti.html)
Редкая книга	Книжные памятники – комплексы рукописных и старопечатных книг, а также значимые в историко-культурном отношении издания более поздних лет, определяемые для особой сохранности и рационального пользования	Книга: энцикл. – М., 1999

При сопоставлении вышеперечисленных определений термина «редкая книга» можно выделить основное значение данного понятия: редкая книга – это издание, выпущенное в незначительном количестве экземпляров и имеющее культурную ценность. Это определение дает возможность поставить книгу в один ряд с другими видами памятников истории и культуры. Редкая книга несет в себе важный историко-культурный потенциал, является отражением и книжной культуры региона, и современной ему человеческой истории и культуры в целом.

Г. Н. Геннади, характеризуя редкую книгу, ввел понятия «безусловной и условной редкости». Согласно данной характеристике условием «безусловной редкости» является достоверно известное малое количество экземпляров данной книги.

К «условной редкости» он относил книгу, поиск которой является затруднительным: «Собственно редкою книгой можно назвать всякую книгу, которую трудно добыть» [2].

Музеи имеют собственные, отличительные от библиотек или архивов, системы изучения и использования редкой книги, созданные с учетом специфики деятельности. Интерес к книжным собраниям позволяет говорить о необходимости совершенствования подходов в изучении редкой книги. Исследование редкой книги в музеях позволяет определить каналы перераспределения книжных коллекций на территории региона. Фонд редкой книги каждого музея уникален.

Важную роль в сохранении редкой книги в Кемеровской области играет Кемеровский областной краеведческий музей – ведущий и старейший

музей Кузбасса. Особо выделена в музее коллекция редкой книги и документальных источников. Насчитывает она более 5 тыс. ед. Ее основу составили книги, брошюры и журналы из библиотеки Кузнецкого окружного краеведческого общества, посвященные истории Сибири. Рукописных и старопечатных книг в коллекции более 60 ед. Хронологически они охватывают период с конца XVII до начала XX века. Более одной тысячи ед. коллекции занимает научная библиотека В. И. Яворского (1876–1974) – доктора геолога-минералогических наук, профессора, Героя Социалистического Труда, исследователя Кузнецкого угольного бассейна. Книги, брошюры, журналы, оттиски статей охватывают период с конца XIX по 70-е годы XX века [4].

Книги второй половины XX – начала XXI века насчитывают около 2 тыс. ед. и охватывают самые разнообразные темы: учебная литература, издания кузбасских поэтов и прозаиков, книги по истории Сибири, издания с автографами известных земляков (артистов, космонавтов, ученых, политиков), интересные образцы полиграфического искусства (миниатюрные издания, иллюстрированные книги). Тенденции изучения книжных собраний музеев позволяют говорить о необходимости совершенствования подходов в изучении редкой книги.

Вузовские музеи – это музеи особого типа. Их основной задачей является содействие учебному процессу вуза, поэтому работникам этих музеев, необходимо обеспечить как сохранность уникального фонда, особенно фонда редких книг, так и его доступность. Как отмечает Л. З. Боголепова, «музеи высших учебных заведений обладают комплексом специфических черт, заключающихся в характере фондовых собраний, формах работы с определенным составом аудитории. Их возникновение... связано с накоплением, сохранением и трансляцией историко-культурного наследия научно-педагогической интеллигенции» [1].

На современном этапе вузовские музеи становятся культурными центрами, где посетители знакомятся с историей развития высшего учебного заведения, биографией известных ученых, становлением научных школ, традициями и культурой вуза. Основными направлениями работы музеев высших учебных заведений являются экспозиционно-выставочная и экскурсионная деятельность [1, с. 132].

В настоящее время в Кемеровской области функционируют 8 государственных вузов, в шести из которых имеются музеи.

Одним из старейших вузовских музеев по праву считается музей Сибирского государственного индустриального университета. Создание Музея истории Сибирского государственного индустриального университета началось в 1972 году, когда студенты Сибирского металлургического института (далее –СМИ) организовали клуб «Поиск». Первым председателем студенческого клуба «Поиск» стал студент-первокурсник Сергей Мочалов. Главной задачей этого клуба было воссоздание истории родного института. Студенты встречались с ветеранами войны и труда СМИ, вели активную переписку, собирали материалы, фотографии и документы, читали литературу по истории родного города и края, искали информацию в старых газетах и журналах. В настоящее время традиции основателей музея воссоздаются и поддерживаются. Музей проводит экскурсионную работу для школьников, учащихся гимназий, лицеев и колледжей Кемерова и других городов региона. Продолжается поиск и изучение материалов, связанных с историей университета. Работа ведется в тесном сотрудничестве с научно-технической библиотекой СибГИУ, кафедрой истории, архивом и многими другими подразделениями и структурами университета. Музей по-прежнему оказывает информационную помощь всем заинтересованным лицам, а также поддерживает связи с музеями предприятий, вузов, города, а также с кемеровскими и региональными учебными заведениями.

В 2010 году фонды музея пополнились большим количеством экспонатов, переданных в дар членами семьи знаменитого ученого, профессора Ю. В. Грдины: две его авторские картины, стол и стул-кресло из его кабинета, портфель, книги, тетради с лекциями, письма, копии документов, альбомы, фотографии, рисунки и др., всего около 500 ед. хранения.

В экспозиции музея есть множество уникальных документальных источников, среди которых: Почётный отзыв об исследовательской работе одного из первых преподавателей и профессоров СМИ Николая Александровича Костылева, выданный в июне 1896 года, редкие книги с автографами С. Будённого, К. Симонова, А. Соболева и

других известных людей прошлого века. Редкие книги используются не только читателями из своего вуза, но и исследователями и студентами из других вузов города и региона. Студенты выполняют курсовые и дипломные работы на базе фонда редких книг, здесь проводятся практические занятия и семинары с использованием первоисточников [5].

Музей «Археология, этнография и экология Сибири» был создан в 1997 году на базе двух кафедральных музеев КемГУ: археологии и этнографии Южной Сибири (кафедра археологии) и зоологического (кафедра зоологии). В 2003 году при музее создан отдел истории Отдел истории вуза. Фонды постоянно пополняются, на данный момент составляют более 2000 ед. хранения. В январе 2004 года к 50-летию КемГУ открылась первая экспозиция «Университет вчера, сегодня, завтра».

Комплектование фондов музея «Археологии, этнография и экология Сибири» происходит комплексным путём. Основным источником комплектования являются материалы археологических раскопок. Второй путь – дарение.

Рассмотренные редкие книги музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири» представляют собой различные пособия: такие как А. В. Немиллов «Курс практической гистологии. Цитология и общая гистология. Пособие для практических занятий по микроскопической анатомии» (1923); В. Е. Предтеченский «Руководство по клинической микроскопии» (1913); Д. Н. Ушаков «Сборник упражнений по правописанию для начальной школы», часть III (1938); «О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина 31 июля – 7 августа» (1948); «Руководство по клиническим лабораторным исследованиям» (1960), под редакцией Л. Г. Смирновой, Е. А. Кост, основанное В. Е. Предтеченским; Д. В. Кацюба «История Кузбасса», краеведческое пособие по истории СССР для учащихся 7–8 классов школ Кемеровской области (1963); «Ученые записки № 47», под редакцией А. И. Данилова (1963). Некоторые экспонаты были переданы из коллекций доктора педагогических наук Д. В. Кацюбы и профессор кафедры истории КемГУКИ А. В. Циркина. Сре-

ди них материалы по этнографии, рассматривающие основы быта и культуры различных народов: такие как Л. П. Потапов «Очерки по истории Шории» (1936); С. М. Абрамов «Очерк культуры Киргизского народа» (1946); Г. Н. Потанин «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (1950); С. В. Иванов «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX века» (1954); С. А. Токарев «Этнография народов СССР» (1958); В. Г. Мирзоев «Из истории Западной Сибири» (1966). Их ценность с точки зрения определения редкой книги безусловна: это очень значимые с научной точки зрения экспонаты, изданные малым тиражом.

Музей истории Кемеровской государственной медицинской академии (КемГМА) является культурно-просветительным учреждением, целенаправленно собирающим, хранящим, экспонирующим предметы, представляющие историческую, научную, художественную или иную ценность. Он был создан на базе Комнаты боевой и трудовой славы, основанной в медицинском институте в 70-х годах. Для регулярных посещений открыт в 2007 году. Музей истории КемГМА является культурно-просветительным и воспитательным центром и призван формировать у студентов интерес к будущей профессии, уважение к заслугам старшего поколения и нравственные качества будущего врача. Музей истории работает в тесном контакте с ветеранской организацией института, с научной библиотекой и кураторами групп. В общей сложности работниками музея совместно со студентами изготовлено шесть альбомов, отражающих жизнь академии, три из которых об участниках Великой Отечественной войны. На данный момент фонд редкой книги в музее недостаточно большой. Преимущественно это книги, подаренные преподавателями. В основном встречаются авторские книги небольшой экзemplарности [3].

Открытие Музея истории Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) состоялось в 2009 году в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 40-летию вуза. Направления деятельности у музея разнообразны. Это в первую очередь фондовая деятельность: научное комплектование фондов (сбор, исследование, сохранение документальных источников, вещественных экспонатов и др.).

Культурно-образовательная и просветительская деятельность представляет собой проведение занятий со студентами КемГУКИ и другими категориями посетителей. Экскурсионная деятельность направлена на проведение обзорных, тематических экскурсий. Основная деятельность музея – научно-исследовательская и методическая работа: изучение и анализ различного рода материалов, поступающих в музей, как основы научного комплектования фондов, научного проектирования экспозиций; осуществление методических разработок экскурсий; проведение на базе музея или с его участием научно-практических занятий, семинаров, олимпиад, конференций; издание научно-методических материалов. Фонд музея насчитывает в настоящее время более 1 500 ед. хранения и состоит из основного фонда музейных экспонатов, научно-вспомогательного фонда материалов (фотографии, документы, вещественные предметы), фонда материалов временного хранения. Формируется архивный фонд музея. Фонд редкой книги так же находится в стадии формирования.

Изучение редкой книги в музеях вузов г. Кемерово – сравнительно новое направление в их деятельности. Необходимость создания единого информационного пространства региона заставляет музеи обращаться к практике библиографической обработки документов.

Реализовать возможность работы пользователей с редкими изданиями, обеспечив при этом сохранность документов, снизить финансовые затраты, позволит создание электронных музейных выставок. Развитие информационно-коммуникационных технологий обеспечит доступ к редким книгам, не нанося ущерба их сохранности. Решение глобальных задач по сохранению и популяризации историко-культурного наследия страны не представляется возможным без активного освоения современных информационных технологий. Являясь синтезом статичного текста, графики, анимации, а также звука и видео, электронная выставка реализует принципиально новый способ представления информации.

Литература

1. Боголепова Л. З. Музеи истории высших учебных заведений Кузбасса // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеров. гос. ун-та: мат-лы Междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 131–138.
2. Геннади Г. Н. Русские книжные редкости: Библиографический список русских редких книг. – Репринт. изд. 1872 года. – СПб.: Альфарет, 2008. – 170 с.
3. Кемеровская государственная медицинская академия [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.kemsma.ru>. – Загл. с экрана.
4. Кемеровский областной краеведческий музей [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.kuzbasskray.ru/>. – Загл. с экрана.
5. Сибирский государственный индустриальный университет [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.sibsiu.ru/index.php?show=road&id=1>. – Загл. с экрана.

References

1. Bogolepova L.Z. Muzei istorii vysshih uchebnyh zavedenij Kuzbassa [Museums of history of higher educational institutions of Kuzbass]. *Muzej i nauka: k 35-letiju muzeja "Arheologija, etnografija i ekologija Sibiri" Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy Mezhduнародной nauchnoj konferencii – Museum and science: to the 35 anniversary of the museum "Archeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of the Kemerovo State University: materials of the International scientific conference*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2011, pp 131–138.
2. Gennadi G.N. Russkie knizhnye redkosti: Bibliograficheskij spisok russkih redkih knig [Russian book rarities: Bibliography of the Russian rare books]. The reprint edition of 1872. Sankt-Peterburg, Alfaret Publ., 2008. 170 p.
3. Kemerovskaja gosudarstvennaja medicinskaja akademija [Kemerovo State Medical Academy]. Available at: <http://www.kemsma.ru>.
4. Kemerovskij oblastnoj kraevedcheskij muzej [Kemerovo Regional Museum]. Available at: <http://www.kuzbasskray.ru/>.
5. Sibirskij gosudarstvennyj industrial'nyj universitet [Siberian State Industrial University]. Available at: <http://www.sibsiu.ru/index.php?show=road&id=1>.

УДК 323.11+316.323

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОЙ ПРАКТИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП ШОРЦЕВ МЕЖДУРЕЧЕНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ДАННЫМ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА)²

Поддубиков В. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: poddub@gmail.com

Осипов К. И., старший научный сотрудник, лаборатория этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: Konstantin-osipov@yandex.ru

Ногтев Д. Ю., студент, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nogtev@hotmail.com

В статье обобщаются результаты исследования текущего состояния и основных проблем практики традиционного природопользования коренной малочисленной народности Кемеровской области – шорцев. Исследование выполнено в 2012 году на территории Междуреченского городского округа в рамках региональной программы этнологического мониторинга. На основе анализа текущей социально-экономической статистики авторы определяют роль традиционных форм хозяйствования в контексте систем жизнеобеспечения, практикуемых локальными общинами шорцев, дают оценку степени развития традиционных хозяйственных практик, выявляют основные проблемы в области сохранения традиционной хозяйственной специализации малочисленного этноса.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, традиционное природопользование, этнологический мониторинг, шорцы.

SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF TRADITIONAL NATURE USE PRACTICES OF SHOR LOCAL GROUPS IN MEZHDURECHENSK CITY DISTRICT, KEMEROVO REGION (BASED ON ETHNOLOGICAL MONITORING)

Poddubikov V. V., Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: poddub@gmail.com

Osipov K. I., Senior Researcher, Laboratory of Ethno-social and Ethno-ecological Geoinformatics, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: konstantin-osipov@yandex.ru

Nogtev D. Y., Student, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nogtev@hotmail.com

The article summarizes the results of applied ethnologic study, which was pursued in Mezhdurechensk City District (Kemerovo Region, Russia). The study was focused on the analysis of modern state of Shor peoples' traditional nature use as the base for ethnic culture practice preservation and specific way of life support. Three rural areas (Orton, Teba, Mayzas) were examined. The peculiarities of the Orton Rural Area is the most remote location to the urban settlements. In terms of employment, the settlement of Orton is the most advantageous, as the rural administration and the penal settlement are located there. Nevertheless, the unemployment rate among the indigenous people is several times as high as that in the dominant ethnic group. The people of the settlement of Orton make their living only by gathering Siberian pine nuts and hunting. In other settlements, the rate of unemployment is extremely high (50–80 %), and the indigenous people have to practice their traditional

² Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Кемеровского государственного университета в сфере научной деятельности (проект № 2014/64) и гранта РГНФ № 13-01-170.

economic activities. Therefore, we can conclude that: 1. Due to remoteness of the most outlying settlements, the amount of available jobs is varied to great extent. 2. Under current economic conditions, extensive natural resource management fails to provide proper living standards for the people with no chance for any permanent job. Unlike the settlement of Orton, the rural administration of Teba is located on the Novokuznetsk–Abakan railroad, which provides jobs for people of the settlement of Teba and the neighbouring settlement of Luzhba. It is remarkable that people's activities are diverse, and there are no difference in the unemployment rates between Russians and Shorians. In this Rural Area, traditional economic activities are not widely practiced. We suppose, that obstacles for traditional activities in the settlement of Teba are: 1. Unavailability of motor vehicles for the rural population. 2. Substantial percentage of seniors and pre-seniors. Therefore, gardening is mostly practiced there. The situation in Luzhba is opposite due to special geographic conditions preventing people from animal breeding. The local population is mostly engaged in tourism and hunting. Therefore, we can conclude that traditional economic activities in Teba rural area scarcely contribute to household budgets. Unlike others, the Mayzas Rural Area is not remote from the District centre (Mezhdurechensk). Therefore, household budgets in the villages of Mayzas and Kameshok are based on salaries. The unemployment rates among the indigenous people are high as well. Most Shorians have permanent jobs in town, but some households (both Shorian and non-Shorian ones) practice traditional activities, such as hunting for meat and fur. Nut-gathering provides additional income regardless of permanent employment status. The interview showed that most Shorians consider traditional economic activities as an important means of support that is not always sufficient though contributes to ethnocultural preservation.

Keywords: indigenous peoples, traditional wild-life use, ethnological monitoring, Shor people.

Традиционные практики природопользования имеют существенное значение для сохранения живой традиционной культуры, основ народных знаний и этнической идентичности коренных малочисленных этносов. Они обеспечивают устойчивое бытование и межпоколенную трансляцию характерного образа жизни, основанного на навыках адаптации к окружающей природной среде и хозяйственного использования доступных природных ресурсов. Фактически все базовые компоненты этнокультурных систем малочисленных этносов российского Севера, Сибири и Дальнего Востока России в той или иной мере сопряжены с системой хозяйствования и возникающими на её основе традициями, обрядами, нормами. В известном смысле именно в условиях сохраняющейся этнохозяйственной специализации актуальными являются соответствующие комплексы материальной, духовной и нормативной культуры. Однако реальность современного периода этнической истории коренных малочисленных народов оставляет немного возможностей для широкой практики традиционных форм природопользования коренных народов, которые на протяжении последнего столетия переживают процесс интенсивной социокультурной интеграции в структуру численно доминирующего общества. Лишь малая часть локальных общин коренных малочисленных народов России к настоящему времени сохранила культурные основы традици-

онных этнохозяйственных практик, демонстрируя существенный потенциал и для сохранения основ живой традиционной культуры в целом, которая в данном случае, несомненно, находится в актуальном состоянии и может с успехом передаваться последующим поколениям. Именно по этим причинам в настоящее время большое практическое значение приобретают исследования, направленные на оценку современного состояния традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов. Их результаты способны послужить научной основой для управленческих решений в области поддержки традиционной культуры и образа жизни коренных народов.

В Кемеровской области исследования современных этнохозяйственных практик в районах проживания коренных малочисленных этносов проводятся ежегодно в рамках региональной модели этнологического мониторинга [1; 2]. Основная решаемая при этом задача состоит в определении степени сохранения у локальных общин коренных малочисленных народов традиционных практик природопользования и основанных на них компонентов живой этнической культуры. Это необходимо для научно-технического обоснования перечня мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов в соответствии с федеральными нормативными актами [3], выявления наиболее актуальных проблем в области хозяйственной

практики коренного населения и возникающих конфликтных ситуаций на территориях традиционного природопользования.

В 2012 году мониторинговые этнологические исследования проводились коллективами лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета, а также кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств на территории Междуреченского городского округа Кемеровской области. Экспертами было обследовано три сельских территории: ортонская, тебинская, майзасская. Цель настоящей работы состоит в обобщении полученных результатов исследования в части характеристики социально-экономической роли традиционных хозяйственных практик, сохраняющихся у местных локальных общин шорцев.

Специфической чертой ортонской сельской территории является её существенная удаленность от городских поселений, что сказывается на весьма ограниченных возможностях для местного населения найти постоянную работу и, та-

ким образом, обеспечивает повышенный уровень его традиционно-хозяйственной специализации. Основную часть рабочих мест (относительно высоко оплачиваемых) здесь формирует расположенное в п. Ортон учреждение системы исполнения наказаний. Поэтому среди всех сельских территорий округа именно данный населенный пункт имеет максимальные показатели занятости. Работой в колонии-поселении обеспечено значительное количество трудоспособных по возрасту жителей. Это достаточно устойчивая с точки зрения материальной обеспеченности социальная группа, объединяющая как русское, так и шорское население, хотя представители коренного населения представлены среди сотрудников учреждения в меньшем количестве, чем русские.

Среди других организаций-работодателей в п. Ортон следует отметить местные органы власти, в которых трудоустроено около 50 чел. шорцев и порядка 15 чел. русских, а также жителей других национальностей. В сфере образования (местная школа) трудится 65 чел. коренной и титульной национальностей (см. рис. 1).

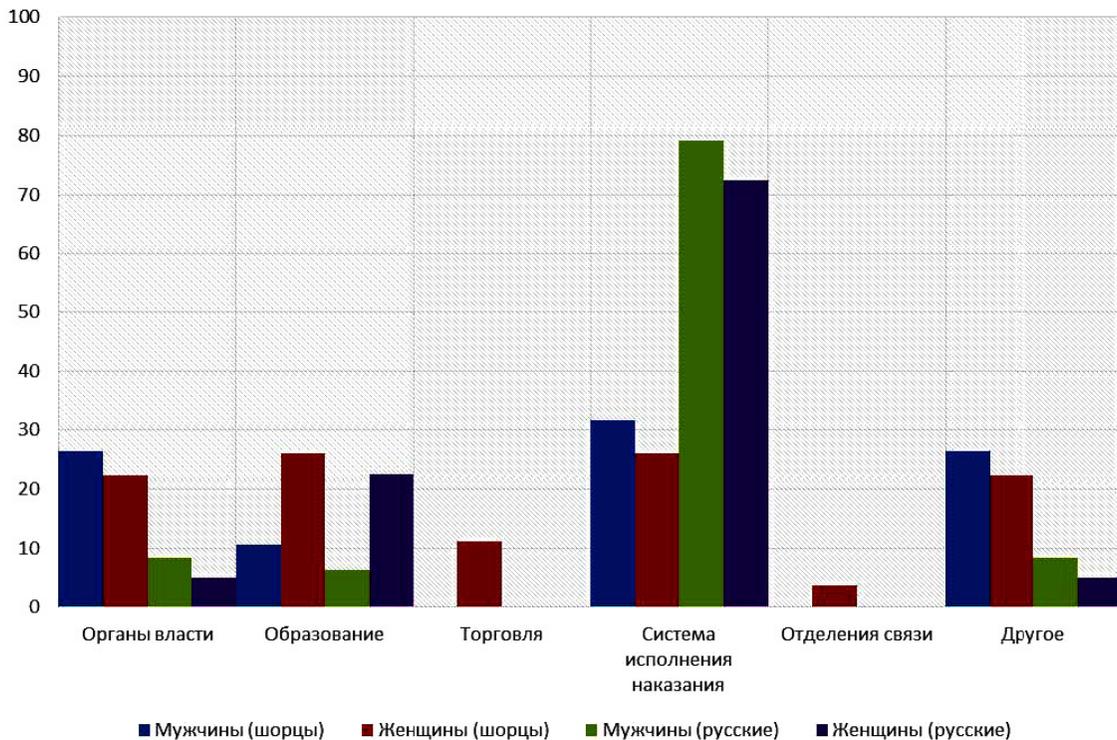


Рисунок 1. Распределение занятого населения по национальному признаку и сферам занятости (Ортонская сельская территория)

Также данные социальной статистики по Ортонской сельской территории обнаруживают вполне очевидную проблему безработицы, которая в значительно большей степени характерна для коренного, чем для русского населения (табл. 1). Официально безработных среди шорцев здесь в несколько раз больше, чем русских. Причем данная закономерность характерна даже для центральной усадьбы – п. Ортон, где имеется возможность трудоустройства на постоянной основе.

Естественно, что в этих населенных пунктах основная часть жителей постоянно практикует традиционные для шорцев таежные промыслы (охоту, рыболовство, заготовки кедрового ореха и других наименований дикорастущего сырья). В особенности это характерно для п. Ильинка и п. Учас. Поселок Трехречье, в силу своей близости к местному центру – п. Ортон, – в меньшей степени зависим (в экономическом отношении) от практики традици-

Таблица 1

**Ортонская сельская территория.
Социальная структура обследованных групп населения
(в разрезе населенных пунктов и этнических групп)**

	Незанятые, %		Работающие по найму, %		Индивидуальные предприниматели, %		Пенсия по старости, %		Пенсия по инвалидности, %		Социальная пенсия, %		Декрет, или отпуск по уходу за ребенком, %	
	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.
Ортонская с/т	18	3	12	44	1	-	11	11	2	0,5	2	-	-	-
д. Ортон	3	3	24	45	2	-	11	11	0,6	0,5	3	-	-	-
д. Ильинка	38	-	2	-	-	-	7	-	2	-	2	-	-	-
д. Учас	25	-	-	-	-	-	20	-	3	-	-	-	-	-
д. Трехречье	32	-	3	-	-	-	8	-	2	-	-	-	-	-

Вероятно, в данном случае наблюдается не прямая, а так называемая латентная безработица, компенсируемая различными формами самозанятости и, не в последнюю очередь, в области традиционно-хозяйственной специализации. Выявляемая на уровне этнических групп коренного и русского населения разница в степени ориентации на занятие имеющихся рабочих мест есть косвенное свидетельство сохраняющихся элементов этнических традиций в области жизнеобеспечения (самообеспечения) на основе традиционных практик экстенсивного природопользования.

Все перечисленные возможности трудоустройства для населения сельской территории расположены в центральной усадьбе. Что касается периферийных поселков, то в них высок уровень безработицы. Он колеблется в пределах от 50 % (п. Учас) – до более, чем 80 % (п. Ильинка).

онного хозяйства. В Ортоне охота и заготовки кедрового ореха являются скорее дополнительным источником средств к существованию. Здесь основная часть жителей официально трудоустроена и обеспечена стабильными доходами в виде заработной платы.

Население п. Ортон в первую очередь ориентировано на занятие постоянных рабочих мест. Однако, так как для данной местности ресурс рабочих мест ограничен, для части населения приусадебный и промысловый комплекс являются важным источником жизнеобеспечения. Большая часть охотников п. Ортон практикует так называемую ближнюю охоту и собственных промысловых участков не имеет. Мясная охота также не распространена и носит в основном случайный характер.

Удельный вес шорских домохозяйств, ориентированных на практику традиционных видов деятельности и занятие постоянных рабочих мест (Ортонское сельская территория)

Населенный пункт	Занятие постоянных рабочих мест, %	Молочное животноводство, %	Мясное животноводство, %	Огород, %	Пушная охота, %	Мясная охота, %	Рыболовство, %	Сбор кедровых орехов, %	Сбор дикоросов, %
Ортон	65	12	12	86	26	5	30	46	0
Ильинка	0	50	50	63	75	38	50	80	75
Учас	0	70	70	100	36	36	70	50	82
Трех-речье	43	50	50	90	45	55	80	100	90

Основная часть орехопромысловых угодий жителей п. Ортон на условиях аренды передана конкретному владельцу, который в свою очередь перераспределяет их между своими родственниками, односельчанами и иными пользователями. Рыболовство в основном находится в общинном пользовании и распределяется на межпоселковом уровне. Жители п. Ортон занимаются рыбной ловлей в основном по трем рекам: Ортон, Колос и Базас. В целом можно констатировать, что традиционные виды деятельности для существенной части автохтонного населения Ортонской сельской территории являются важным, а порой единственным источником средств к существованию.

Структура занятости населения Ортонской сельской территории характеризуется в целом двумя важными особенностями, влияющими на степень традиционно-культурной и традиционно-хозяйственной ориентации коренного населения.

Во-первых, наблюдаемые диспропорции в количестве доступных населению постоянных рабочих мест соотносятся с уровнем традиционно-хозяйственной ориентации локальных групп населения, сосредоточенного в центре сельской территории – с одной стороны и периферийных поселках – с другой. В последних, в частности, практика традиционного природопользования является в значительной степени более значимой частью этноэкономики и систем жизнеобеспечения коренного населения, чем у жителей центральной усадьбы, имеющих более широкие возможности трудоустройства. Вне всяких сомнений, сообщения коренного населения сориентированные на практику традиционного хозяйства, могут считаться более устойчивыми с точки зрения сохранения и соответствующих этнокультурных традиций, и народных знаний, сопутствующих

процессу традиционного природопользования. В случае Ортонской сельской территории необходимо также отметить, что именно в периферийных населенных пунктах сосредоточена та часть коренного населения, которая в отсутствие широких возможностей официального трудоустройства вынуждена поддерживать практику традиционного хозяйствования. Это обстоятельство, безусловно, должно приниматься во внимание при решении вопроса о целесообразности отнесения отдельных населенных пунктов с присутствием групп коренной малочисленной народности к числу мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

Во-вторых, практика экстенсивного природопользования в сложившихся экономических условиях не способна в достаточной мере обеспечить требуемый прожиточный уровень той части населения, которая основывает свои модели жизнеобеспечения на практике традиционного хозяйствования. В некоторых случаях, как, к примеру, в п. Ильинка, социально-экономическое положение локальных групп коренного населения заметно менее устойчиво, чем у жителей центра сельской территории. А это обстоятельство, в свою очередь, может служить основой для обострения этносоциальной ситуации и формированию различного рода конфликтов.

Существенно иная структура занятости населения и, соответственно, отличный уровень традиционно-хозяйственной специализации шорского населения характерен для Тебинской сельской территории. Она расположена на маршруте железнодорожной магистрали «Новокузнецк – Абакан», что во многом предопределяет отраслевую структуру занятости местного населения (рис. 2).

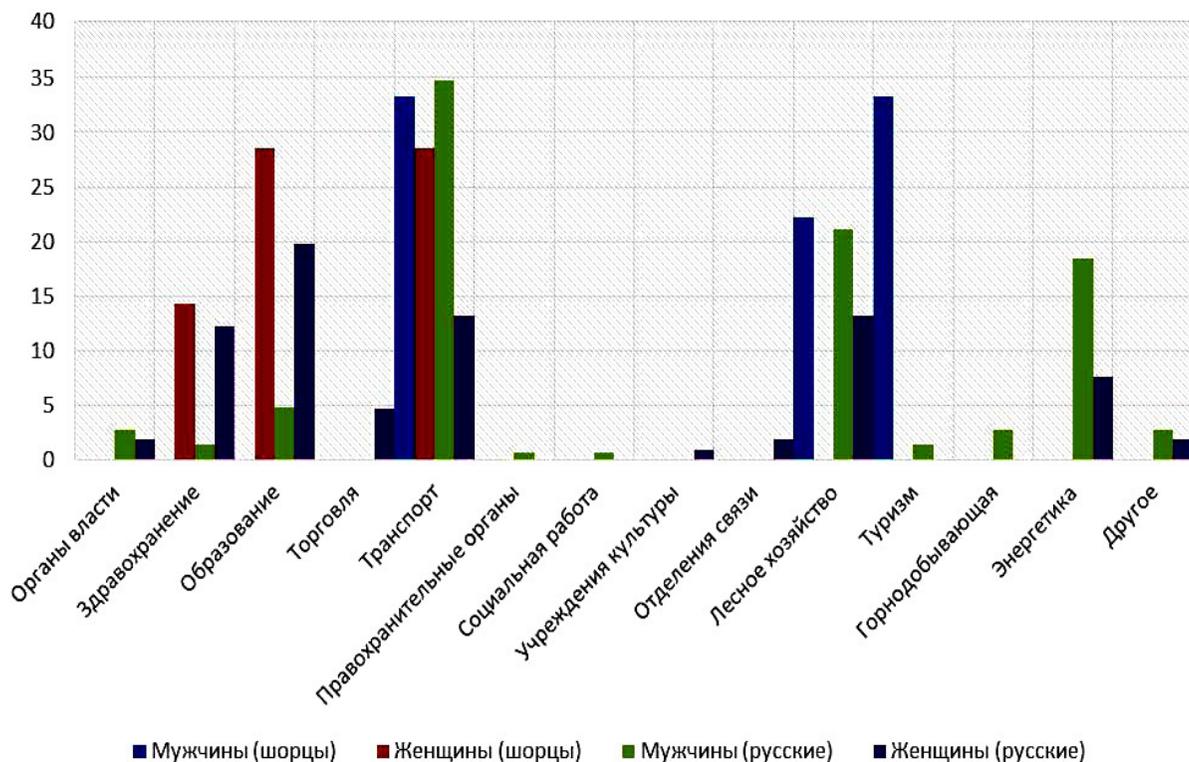


Рисунок 2. Распределение занятого населения по национальному признаку и сферам занятости (Тебинская сельская территория)

Как видно из диаграммы, наиболее «ёмкой» по числу трудоустроенных лиц отраслью является транспорт, точнее инфраструктура железнодорожной магистрали. Она в значительной степени обеспечивает рабочими местами как основную часть населения (русского), так и шорцев. На втором месте по степени охвата местных сообществ находится лесная промышленность. В прошлом на данной территории велись широкие лесозаготовки. Существовали лесхозы. В настоящее время значительная часть данной сферы занята индивидуальными предпринимателями и частными заготовителями. Некоторое количество местных жителей занято на обслуживании электрокоммуникаций и в бюджетной сфере. Таким образом, в сравнении с Ортонской сельской территорией, п. Теба и относящийся к нему п. Лужба отлича-

ются большим разнообразием рынка труда, доступного для местного населения. Заметно выше и уровень его официальной занятости в сравнении с п. Ортон при отсутствии значительных различий между шорской и русской этническими группами в показателях безработицы. Все население практически в одинаковой степени интегрировано в локальную структуру рынков труда и в достаточно большой степени обеспечено рабочими местами. По-видимому, в данном случае перед нами группа коренного населения, практикующая скорее новационный, нежели традиционный тип жизнеобеспечения. Он предусматривает ориентацию трудоспособной части населения на получение постоянных рабочих мест, а не на расширенную практику традиционных форм хозяйственно-экономической деятельности.

Таблица 3

**Тебинская сельская территория.
Социальная структура обследованных групп населения
(в разрезе населенных пунктов и этнических групп)**

	Незанятые, %		Работающие по найму, %		Индивидуальные предприниматели, %		Пенсия по старости, %		Пенсия по инвалидности, %		Социальная пенсия, %		Декрет, или отпуск по уходу за ребенком, %	
	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.
Тебинская с/т	28	13,4	29	39,4	-	0,6	13	14,0	13	3,7	-	0,2	-	-
п. Теба	15	12,4	41	39,7	-	0,7	18	14,5	11	3,8	-	0,2	-	-
д. Лужба	44	22	16	34	-	-	8	11	12	-	-	-	-	-

На территории Тебинского сельского поселения традиционные виды хозяйственной деятельности не получили значительного распространения, что в основном связано с транспортной малодоступностью района (автомобильным транспортом), затрудняющей сбыт продукции традиционного хозяйства в промышленных масштабах. Не менее значительную роль в невысоком уровне традиционно-хозяйственной специализации шорцев п. Теба играют особенности возрастной структуры населения, а именно значительный удельный вес лиц пенсионного и предпенсионного возраста [4], для которых широкая ориентация на практику, скажем, промысловой охоты невозможна (см. табл. 3).

часть жителей занята в туристической сфере и большую часть времени проводят в туристических приютах, где время от времени занимаются пушной и мясной охотой. Несмотря на охоту без надлежащих разрешений, именно местные охотники, по их собственному мнению, способствуют сохранению на территории горного массива Кузнецкого Алатау популяции марала, организуя для животных солонцы, которые отсутствуют на данной территории в естественном виде, а также ведя учет поголовья маральных стад. Широкое ведение пушного промысла на этой территории затруднено в связи с большой популярностью туристических троп, активно посещаемых туристическими группами.

Таблица 4

Удельный вес шорских домохозяйств, ориентированных на практику традиционных видов деятельности и занятие постоянных рабочих мест (Тебинская сельская территория)

Населенный пункт	Занятие постоянных рабочих мест, %	Молочное животноводство, %	Мясное животноводство, %	Огород, %	Пушная охота, %	Мясная охота, %	Рыболовство, %	Сбор кедровых орехов, %	Сбор дикоросов, %
Теба	13	30	15	88	-	-	50	50	50
Лужба	50	-	-	100	20	33	80	100	100

По совокупности указанных выше причин большее развитие у населения п. Теба получил приусадебный комплекс. В п. Лужба наблюдается обратная ситуация. Данный населенный пункт фактически зажат между железнодорожными путями, рекой и горной местностью, поэтому кормовая база для развития мясного и молочного животноводства здесь отсутствует. Основная

Таким образом, для основной части шорского населения Тебинской сельской территории традиционные виды природопользования не играют важной роли в формировании семейного бюджета, который в настоящее время главным образом составляет заработная плата по основному месту работы. Исключением являются несколько семей в п. Лужба, для которых традиционные виды хо-

зяйственной деятельности до сих пор являются важным жизнеобеспечивающим фактором.

Особенности социально-экономической ситуации, характерной для Майзасской сельской территории, определяются в основном ее близостью к районному центру – г. Междуреченску. Образующие сельское поселение населенные пункты – п. Майзас и п. Камешок – расположены в «минутной» транспортной доступности от имеющих в соседнем городе рынков труда. По этой причине сельскую территорию отличает вполне «городской» тип жизнеобеспечения населения, предполагающий трудоустройство на постоянной основе и заработную плату как базу практикуемых систем жизнеобеспечения.

Однако приходится отметить более высокие показатели безработицы в среде коренного населения (в сравнении с русской группой жителей).

Определенное жизнеобеспечивающее значение имеет пушная промысел, а также сопутствующая ему мясная охота. Заготовки кедрового ореха, напротив, являются дополнительным источником средств к существованию для большей части местных жителей шорской национальности. Однако высоко продуктивные кедровые угодья в данном районе отсутствуют, поэтому и товарная значимость орехового промысла в целом не высока.

По совокупности полученных результатов исследования выявлена и продемонстрирована тесная зависимость между показателями официальной занятости коренного населения – с одной стороны и степенью его ориентации на традиционные практики экстенсивного природопользования – с другой. При этом само традиционное хозяйство, безусловно воспринимается предста-

Таблица 5

Майзасская сельская территория. Социальная структура обследованных групп населения (в разрезе населенных пунктов и этнических групп)

	Незаняты, %		Работающие по найму, %		Индивидуальные предприниматели, %		Пенсия по старости, %		Пенсия по инвалидности, %		Социальная пенсия, %		Декрет, или отпуск по уходу за ребенком, %	
	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.	шор.	рус.
Майзасская с/т	30	17	36	39	4	1	4	16	5	4	-	0,4	1	2
д. Майзас	29	16	24	37	9	0,4	5	21	5	3	-	0,8	5	2,8
д. Камешок	30	17	40	41	2	1	4	13	5	5	-	-	-	1

Основная часть жителей поселков, расположенных на данной территории занята по основному месту работы в городе. Лишь для некоторой части местных семей важным источником жизнеобеспечения являются традиционные виды природопользования.

Жителями малочисленного этноса как необходимое условие для поддержания практики живой этнической культуры. В этой связи авторы настоящей работы полагают, что наиболее эффективные инициативы в области поддержки исчезающих форм традиционной культуры малочисленных

Таблица 6

Удельный вес шорских домохозяйств, ориентированных на практику традиционных видов деятельности и занятие постоянных рабочих мест (Майзасская сельская территория)

Населенный пункт	Занятие постоянных рабочих мест, %	Молочное животноводство, %	Мясное животноводство, %	Огород, %	Пушная охота, %	Мясная охота, %	Рыболовство, %	Сбор кедровых орехов, %	Сбор дикоросов, %
Майзас	8	-	-	23	8	-	20	-	15
Камешок	67	10	10	96	26	33	60	70	70

этносов должны быть тесно сопряжены с решением существующих проблем в области традиционного природопользования, включая урегулирование возникающих в этой сфере земельных и иных конфликтов, государственное содействие сохранению у общин коренных малочисленных народов реальной возможности практиковать тра-

диционное хозяйство в условиях отчуждения части их территорий под промышленное освоение, развитие системы охраняемых природных территорий или иные проекты в области социально-экономического развития, что не редко происходит как в региональной, так и в общероссийской и мировой практике.

Литература

1. Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологический мониторинг в контексте регионального развития: опыт взаимодействия власти, науки и общества (на примере Кемеровской области) // Представительство Казахстана в ОБСЕ в контексте обеспечения стабильности и безопасности в Евразийском регионе: мат-лы междунар. науч. конф. (28.04.2010). – Астана, 2010. – С. 78–85.
2. Поддубиков В. В. Многонациональный Кузбасс: региональная модель этнологического мониторинга как инструмент национальной политики XXI века // Социогуманитарный вестн. – 2011. – № 7. – С. 61–66.
3. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности».
4. Осипов К. И. Социально-демографическое состояние сельских территорий Междуреченского района Кемеровской области // Социогуманитарный вестн. – 2013. – № 3 (12). – С. 44–50.

References

1. Sadovoj A.N., Poddubikov V.V. Etnologicheskij monitoring v kontekste regional'nogo razvitiya: opyt vzaimodejstviya vlasti, nauki i obshchestva (na primere Kemerovskoj oblasti) [Ethnological monitoring in the context of regional development: the experience of interaction between government, science and society (e.g. Kemerovo region)]. *Predstavitel'stvo Kazahstana v OBSE v kontekste obespechenija stabil'nosti i bezopasnosti v Evrazijskom regione. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. 28.04.2010. Astana, 2010, pp. 78–85.
2. Poddubikov V.V. Mnogonacional'nyj Kuzbass: regional'naja model' etnologicheskogo monitoringa kak instrument nacional'noj politiki XXI veka [Multinational Kuzbass regional model of ethnological monitoring as an instrument of the XXI century national policy]. *Sociogumanitarnyj vestnik*, 2011, no 7, pp. 61–66.
3. Rasporjzhenie Pravitel'stva RF ot 08.05.2009 № 631-r "Ob utverzhdenii perechnja mest tradicionnogo prozhivaniya i tradicionnoj hozjajstvennoj dejatel'nosti korennyh malochislennyh narodov Rossijskoj Federacii i perechnja vidov tradicionnoj hozjajstvennoj dejatel'nosti".
4. Osipov K.I. Social'no-demograficheskoe sostojanie sel'skih territorij Mezhdurechenskogo rajona Kemerovskoj oblasti [Socio-demographic status of rural areas of Mezhdurechenskiy region, Kemerovo region]. *Sociogumanitarnyj vestnik*, 2013, no 3 (12), pp. 44–50.

УДК 1:316+008(470.11-22)

СЕМАНТИКА ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО СЕВЕРА³

Матонин В. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный университет (г. Архангельск). E-mail: matoninv@yandex.ru

В статье семантика геокультурного пространства Русского Севера рассматривается на основе гипотетически сформулированной идеологемы: идеи «перехода», идеала «Преображения», идеологии с признаками оппозиционности и маргинальности. Автором сформулированы онтологические качества

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Архангельской области (проект № 14-06-98809 p_север_а «Комплексное исследование культурной географии и этнокультурных ландшафтов прибрежных территорий Русского Севера»).

пространства жизненных отношений: необходимость границы (автономия), сакральное и семантическое оформление территории, наличие идеи и «гения» места (носителя идеи места). Выводы автора актуализированы проблемой диалога культур в условиях глобализации.

Ключевые слова: геокультурное пространство, Русский Север, тринитарность, бинарные оппозиции, семантика, экзистенциальная граница.

SEMANTICS OF GEOCULTURAL SPACE OF THE RUSSIAN NORTH

Matonin V. N., Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Culturology and Religious Studies, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk). E-mail: matoninv@yandex.ru

The research subject is local and universal features of Semantics of Geocultural Space of the Russian North. The methodological basis is the doctrine of ontological relationship between a cult and culture. Spiritual ideas of peasants are differentiated in the field of life relationships by law of “generating semantics” (K. Levi-Strauss). Socio-cultural area of Northern villages verbalizes the idea of “transition,” the ideal of “Transfiguration,” the ideology taking various forms of marginality and opposition to conditional centre in time. Orthodox dogmatics is projected into the idea of monarchy as the only possible state. Principle of the Trinity is perceived as a universal spatial law. The author formulates the ontological characteristics of Geocultural Space: the necessity of bounds (autonomy), the sacral and semantic figuration of territory, the presence of a message of the place and a “genius” of the place (a carrier of the message). The author’s conclusions are actualized by the issue of a dialogue of cultures in the context of globalization.

Keywords: geocultural space, Russian North, trinitarianism, binary opposition, semantics, existential border.

Актуальность изучения семантики геокультурного пространства Русского Севера обусловлена обострением проблемы диалога культур в условиях глобализации. Немецкий философ неокантианской школы Эрнст Кассирер разработал символическую теорию мифа на основе оппозиций «сакрального» и «профанного», открывающую широкие перспективы для новой исследовательской методологии [6, с. 752–757]. Анализ совокупности инвариантных отношений как специфики мышления позволил французскому этнологу Клоду Леви-Стросу разработать структурный метод изучения культуры, выявить и обосновать законы «порождающей семантики» (см. [12, с. 18–20]). По мнению В. Н. Топорова, одного из создателей отечественной семиотики как научной дисциплины, бинарные параметры – архаичное и универсальное средство описания пространства [13, с. 16]. Архангельский философ Н. М. Теребихин в монографии «Метафизика Севера» исследует этноцентрические модели мира в культуре северных народов из противопоставления «православного центра и хтонической периферии», «мужского и женского», «движения и

оседлости» [11, с. 3–4]. Пространство жизненных отношений – коммуникативная система, основанная на ценностно-смысловых механизмах различения «своего» и «чужого». В условиях территориальной включенности одной культуры в другую определяющее значение в диалоге культур приобретают семантические маркеры, имеющие территориальную, ментальную и знаковую форму. Крестьянская (христианская) культура универсальна, но обладает «диалектными» признаками локальности. По мнению отца Павла (Флоренского), культуру можно понимать как организацию пространства жизненных отношений (техническую сторону бытия) и как формирование ментального пространства (мысленную модель действительности) [14, с. 321]. «Пространство жизненных отношений» северной деревни выражено географическими и одновременно этнокультурными понятиями «Русский Север» и «Поморье». Русским Севером называют северные районы европейской части России, на северо-востоке ограниченные природными, а на западе – историческими рубежами [4, с. 45]. В названии отчетливо выражен этнокультурный аспект – значение *госу-*

дарственной границы Руси, где единство народа поддерживалось православной верой. Поморьем в середине XVI века называли земли, простирающиеся от Вологды до Северного Ледовитого океана. Семиотический смысл понятия Поморье указывает на чуждое русским крестьянам и враждебное пространство хвойного (хтонического) леса и тундры. Слова *море* и *мороз* восходят к общему для них индоевропейскому глаголу умирания – *mor*: Поморье – это пространство, требующее покорения и освоения: экзистенциальная граница, территория борьбы или неустойчивого баланса противостоящих сил. В бытовом значении понятия «Поморье» и «Русский Север» рассматриваются как синонимы, а в исторической ретроспективе являются вотчинами Соловецкого Спасо-Преображенского мужского монастыря. В XVI–XVII веках северные пределы «Дома Спаса и Николы» доходили до реки Печенги на Кольском полуострове. Соловецкий монастырь был крестьянским по составу братии, по организации монашеской жизни и хозяйственной деятельности, в которой преобладающее значение имели морские промыслы: рыболовство, охота на морского зверя и солеварение. Между тем основное значение монастыря в том, что монахи – это воины Христовы, а их повседневная жизнь – это поле духовной брани. Поэтому геометрический образ социокультурного пространства северной деревни можно представить как систему концентрических мировых кругов, вписанных друг в друга: границу государственную, экзистенциальную, духовную [11, с. 5]. Онтологическим качеством социокультурного пространства северной деревни является его инобытийность. Условия «границы» располагали к рефлексии: к состоянию бинарной идентификации. Образы горизонта и необъятной водно-небесной стихии усиливали остроту переживания экзистенциальных состояний. Не было незначительных событий и происшествий. Их восприятие возводилось в крайние степени значения. Феномены материальной жизни северных крестьян по мере приближения земледельческой культуры к арктической природной зоне приобретали все более очевидный духовный и символический смысл.

Колонизация севера осуществлялась в бегстве от «мира» [9, с. 224–229]. «Преображение»

(как обретение нового качества) и «переход» (как перемещение в пространстве) мотивированы невозможностью совмещения идеального и действительного. Русских поселенцев, находившихся на душевном перепутье в периоды апокалипсических ожиданий, влекло к ландшафтным границам, где совершается выбор направления, происходят активные перемещения и течения. Только здесь русский человек мог остановиться и сказать: «Сей покой мой во век века, zde вселюся, яко изволих и». Переходное пространство позволяет ощутить «глубинную динамику жизни, законы ее круговращения и вечные законы бытия» [10, с. 232]. Недостаток равновесия в природе, неустойчивость климата соответствовали душевному состоянию беспокойства, нестабильности. Крестьян, осваивающих малозаселенные территории, привлекали возвышенные берега озер и устье реки неподалеку от моря, края заливных лугов, граничащие с холмами, поросшими лесом. Локальное социокультурное пространство является человеко-размерной системой, отделенной от мира естественным ландшафтным рубежом (священной рощей, оврагом, ручьем и т. д.) или же поклонными деревянными крестами, часовой, дорогой. Пространственная модель описания мира складывается из дуальных оппозиций: «север – юг», «запад – восток», «небо – земля», принимающих троичный характер, когда географические параметры дополняются духовным или оценочным содержанием. Так, например, в триаде ценностно-смысловой вертикали «небо – земля – преисподняя» земля представляет собой двуприродную субстанцию, как место борьбы добра и зла, света и тьмы, белого и черного. По мнению В. Н. Топорова, пространство негомогенно и нецентрально (в аксиологическом плане): оно качественно, и его качество определяется священными объектами, в нем находящимися [13, с. 31].

В. Франкл психологически обосновывает высокую степень религиозности на границе жизненного пространства: «Если условия предельности бытия переселяют человека в условия “иного мира”, то выживают только такие люди, которые способны в духовной жизни, потому что выход из потусторонности нечеловеческих условий открывается только в религиозность» [15, с. 158]. Универсальными объектами почита-

ния были острова и полуострова, большие скалы, холмы, деревья, водные источники. Ценность земли («куда рука ходила») или пожни, дома или промышленного судна определялась количеством затраченных по отношению к ним трудовых усилий: *«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»* (Мф., 6: 20). Физический труд воспринимался как форма духовного делания и возможность обретения жизни вечной: *«труд, подкрепляемый молитвами, и молитвы, сопровождаемые трудом, могут привести к спасению души, к которому, прежде всего, и больше всего должны стремиться трудящиеся»* [3, с. 3].

Проходя мимо работающего соседа, онежские крестьяне здоровались: «Бог в помощь!» В ответ произносили: «Прошу милости!» Соборное положение человека на пожне при работе «горбушей» или на огороде символизировало просьбу и одновременно – благодарность за получение милости. Любое дело начиналось со слов «Господи, благослови!». Многие пословицы и поговорки отмечены печатью религиозности: «Без Бога не до порога», «Как помоется, так и помолится».

Сельский социум формировался вокруг святого («не стоит село без праведника»), культурного героя или «гения места» (носителя традиций и местной мифологии). Ментальное пространство проецируется из внутреннего мира личности. Творческое отношение к жизни было одним из условий выживания в предельных для земледелия природных условиях.

Отношения между людьми регламентировались оппозиционными критериями: «свой – чужой», «хороший – плохой», «мужской – женский». Социум начинается с «двоицы» – с двух личностей, собравшихся во имя Божие. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф., 18: 20). Догмат об исхождении Святого Духа от Бога Отца разворачивается в представления о монархии как единственно возможном устройении общества. Семья («малое государство») – низшее звено в системе самоуправления. У себя в доме хозяин олицетворял духовную и светскую власть. Высшим органом власти был мирской сход. Крестьяне решали, где и кому можно построить, что и на каких условиях нужно сделать совместно («обществом»), с какого «наволока»

начинать косить, как распределить общинную землю. Монархические принципы государственного управления органично сочетались с общинными и земскими традициями. При ослаблении общинного (соборного или земского) самоуправления в форме горизонтальных социальных связей, освященных традиций, наиболее талантливые, творческие и самостоятельные люди уходили в оппозицию к действующей духовной и государственной власти. Устремленность к спасению и практическая необходимость предопределили появление особого типа крестьянских домов, напоминающих библейский ковчег. Под крышей пятистенка жили люди и домашние животные: «каждой твари по паре». Двускатная кровля соотносится с образом корабля, идущего по небесному океану. Семьи состояли из 10–15 человек. «До колхозов» средняя по достатку семья в Поонежье (на берегах реки Онеги и ее притоков) держала 2–3 коровы («не столько для молока, сколько для навоза»), 1–2 лошади, 10–15 овец. Свиной северные крестьяне избегали брать в дом. Это животное считалось «нечистым». Нечистоплотность делала свинью символом легкомыслия и пренебрежения благодатью. Предания приписывали свинье то же влияние на земледелие и урожай, какое принадлежит грозovým тучам, *«бурное дыхание которых, поднимая пыль и сокрушая деревья, как бы роет землю»* [1, с. 170].

Отношение к собственности двоилось. Богатство, будучи очевидным благом, воспринималась при этом как препятствие в стяжании Духа Святого («Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому в царство небесное»). Одно из крайних проявлений крестьянского миропонимания – гипертрофированное чувство справедливости. Название земельного пая – «на душу» – указывало на духовные основания сельскохозяйственного труда. Существительное «страда» (время полевых работ) этимологически связано с глаголом «страдать». Крестьянская доля была нелегкой, но неизбежно воскресение – праздник. Работа на земле («тягло») воспринималась как крест, который необходимо нести до могилы: *«кто не несет креста своего и идет за Мною, тот не может быть моим учеником»* (Лк., 14:27).

Вера в Пресвятую Троицу проецировалась в тринитарные хозяйственные и социальные пред-

ставления, освященные традицией. Троекратное повторение молитв и обрядовых действий «рифмуется» с трехпольем и представлениями об основах государственности («православии, самодержавии, народности»). Трехмерный формат распаханного пространства (ширина, длина, высота) и прямая перспектива времени (прошлое, настоящее, будущее) сосуществовали с представлениями о годовом сельскохозяйственном круге как прообразе вечности. В кочевых культурах движение – высшее проявление жизни. Стремление к кочевничеству присутствует в душе русского земледельца как потенциальная, но нереализованная возможность на новом месте начать новую жизнь. Странничество воспринималось как возможность решения социальных, политических, духовных проблем. Высокое стремление вобрать нового человеческого качества (Преображения) по закону инверсии опрокидывалось в ненормативное поведение: в бессмысленный бунт и крайние проявления нигилизма.

Земледельцы, достигшие края земли (последнего географического предела, за которым невозможно даже рискованное земледелие), переходили к промысловому хозяйствованию и образу жизни. Женские характеристики земледельческой культуры (традиционность, соборность, преобладание содержания над формой) вытеснялись мужскими качествами (стремлением к расширению пространства, индивидуализмом, предприимчивостью, открытостью для восприятия неведомого). Ситуация социокультурной инверсии высвобождала в северных крестьянах сильнейший пассионарный потенциал. В начале XVII века, когда из-за династической смуты пошатнулась русская государственность, северные промышленники и казаки активно осваивали Северный морской путь.

В земледельческих волостях Русского Севера и Поморья еще в начале XX века были сильны соборные традиции, приверженность крестьян к архаическим орудиям труда и способам производства. На Поморском берегу Белого моря и в верхнем течении реки Мезени преобладали старообрядческие особенности жизненного уклада. Промышленников отличали ярко выраженный индивидуализм, склонность к предпринимательству, широко распространенная практика религиозных обетов и

паломничества. «Наше море – наше поле», – говорили крестьяне, промышленяющие рыбу и морского зверя. Белое море было опасным для мореплавания из-за бесконечных мелей, корг, кошек, сузов, изрезанных берегов, студеной воды, туманов и сезонной навигации. Морская стихия символизирует соединение физического и метафизического оснований бытия. Для «Преображения» необходимо пройти через страдания, обращающие человека к духовности: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился». Семантика моря имеет универсальный характер у разных народов [11, с. 8–10]. Береговая линия – «край света». Остров – «центр потустороннего мира». Ветер – воплощение судьбы («суда Божия»). Туман – символ неопределенности, а «*рассеивание тумана соотносится с прозрением и откровением, олицетворением перехода из одного состояния в другое*» [2, с. 94]. Движение по воде и комплекс физических страданий, вызванных морской болезнью (когда «море бьет»), переживаются как умирание. По мысли В. Н. Топорова, переход (или «прорыв») сквозь предметность в иной план бытия («*в ноуменальный мир свободной воли*») имеет место именно в пограничных ситуациях перед лицом гибели, крушения, неудовлетворенности существованием, лишенным очевидных оснований. Море – «*тот локус, где подобная ситуация возникает особенно естественно и относит человека в одну из двух смежных и имеющих общий исток областей – царство смерти и царство сновидений*» [13, с. 585–586]. В этой пограничной области «*церковь, подобно кораблю, приводит людей в Царство Небесное*» [8, с. 319–326]. В семантике морских образов очевидны признаки бинарности. Церковь – маяк. Корабль (короб, гроб, домовина) – дом (хоромина, храм). Крест – мачта. Народная этимология сближает понятия *судно* и *суд* как испытание водой. «Хожение по водам» соотносится со странствием «по волнам житейского моря». Ванты – это «ноги» на поморских судах. Киль лодки (лодии) и несущая балка дома называются одинаково – *матица*. Указанные этимологические ряды напоминают о восприятии корабля поморами как дома и храма одновременно. Берега оформляются знаками перехода: движения в обетованной цели: деревянными крестами, храмами, часовнями, гуриями [7, с. 19–25].

Идея «перехода» как возможности спасения по мере христианизации Севера выкристаллизовывалась в идеале Преображения. Поэтому островные монастыри Русского Севера и Поморья называются Преображенскими: Соловецкий монастырь на Белом море, Валаамский монастырь на Ладожском озере, Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере.

Обобщая опыт семантического обзора социокультурного пространства северной деревни, необходимо отметить ряд его онтологических признаков:

- присутствие границы, обозначенной особенностями ландшафта, природными объектами или рукотворными маркерами (деревянным крестом, часовней, развилкой дорог);

- сакральное и семантическое оформление территории;

- представления местных жителей о своеобразии своей «малой Родины»: «идея места», идеале, позволяющих различать «свое» и «чужое»;

- мифология места (актуализированная история) и «гении места» (носители мифологии).

Семантика геокультурного пространства Русского Севера характеризуется переходностью, имеющей тенденцию к усилению по мере приближения территории к Арктической зоне. Экстремальные условия для земледелия или морских промыслов, поиск общего языка с аборигенами и соседями по ту сторону государственной границы (норвежцами, финнами, шведами, датчанами) придавали социокультурному пространству северной русской деревни метапровокативный статус. Насилие в экстремальных природных условиях было самой неперспективной возможностью решения социальных и экономических проблем.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Древо жизни. – М., 1983. – 170 с.
2. Гибсон К. Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре. – М.: Эксмо, 2007. – 365 с.
3. Достоверные сказания о подвижничестве святых отцов. – М., 1845. – 257 с.
4. Мачинская Д. А., Мачинский А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–IX веках // Русский Север. – Л., 1988. – 235 с.
5. Де-Кюстин А. Николаевская Россия. – М.: Terra, 1900. – 288 с.
6. Кассирер Э. Избр. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 780 с.
7. Комягина Л. П., Матонин В. Н., Тропина В. В. Река Кушерецка: мореходная книга XVIII века (историко-культур. контекст, мат-лы, исслед.) / под ред. В. Н. Матонина. – Архангельск: Товарищество северного мореходства, 2011. – 189 с.
8. Матонин В. Н. Символы перехода и границы в навигационной системе Русского Поморья // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. ст. и мат-лов Всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». – Барнаул; Рубцовск: Алт. ун-т, 2011. – 523 с.
9. Матонин В. Н. «Наше море – наше поле»: Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. – Архангельск: САФУ, 2013. – 334 с.
10. Осоргина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 2000. – 232 с.
11. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. – Архангельск: ПГУ, 2004. – 272 с.
12. Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – 2-е изд. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. I. – 671 с.
13. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. в обл. мифопоэт. Избр. – М.: Прогресс-культура, 1995. – 630 с.
14. Флоренский П. А. Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях // Иконостас. Избр. тр. по искусству. – СПб.: Рус. кн., 1993. – 365 с.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

References

1. Afanas'ev A.N. Drevo zhizni. Moscow, 1983. 170 p.
2. Gibson K. Simvolny, znaki, emblemny, mify v material'noj i duhovnoj kul'ture. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 365 p.
3. Dostovernnye skazaniya o podvizhnichestve svjatyh otcov. Moscow, 1845. 257 p.
4. Machinskaja D.A., Machinskij A.D. Severnaja Rus', Russkij Sever i Staraja Ladoga v VIII – IX vekah. *Russkij Sever*. Leningrad, 1988. 235 p.

5. De-Kjustin A. Nikolaevskaja Rossija. Mosow, Terra Publ., 1900. 288 p.
6. Kassirer E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. Mosow, Gardarika Publ., 1998. 780 p.
7. Komjagina L.P., Matonin V.N., Tropina V.V. Reka Kusherecka: morehodnaja kniga XVIII veka (istoriko-kul'turnyj kontekst, materialy, issledovanija). Pod redakciej V.N. Matonina. Arhangel'sk, Tovarishchestvo severnogo morehodstva Publ., 2011. 189 p.
8. Matonin V.N. Simvolj perehoda i granicy v navigacionnoj sisteme Russkogo Pomorja. "Svoe" i "Chuzhoe" v kul'ture. Sbornik statej i materialov Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem "Chelovek i mir cheloveka". Barnaul. Rubcovsk, Altayskij universitet Publ., 2011. 523 p.
9. Matonin V.N. "Nashe more – nashe pole": Sociokul'turnoe prostranstvo severnoj derevni: genezis, struktura, semantika. Arhangel'sk, SAFU Publ., 2013. 334 p.
10. Osorgina M.V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh. Sankt-Peterburg, Piter Publ., 2000. 232 p.
11. Terebihin N.M. Metafizika Severa. Arhangel'sk, PGU Publ., 2004. 272 p.
12. Tokarev S.A., Meletinskij E.M. Mifologija. Mify narodov mira. Enciklopedija v 2 tomah. Pod redakciej S.A. Tokareva. 2-e izdanie. Moscow, Rossijskaja enciklopedija Publ., 1994, vol. 1. 671 p.
13. Poporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe. Moscow, Progress-kul'tura Publ., 1995. 630 p.
14. Florenskij P.A. Analiz prostranstvennosti v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah. Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu. Sankt-Peterburg, Russkaja kniga Publ., 1993. 365 p.
15. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p.

УДК 069.1:373.5

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РОЛИ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Тельманова А. С., старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: astel-75@mail.ru

В статье рассматривается проблема функционирования школьного музея в социально-культурном пространстве через понимание его как социально-культурного института. Диверсификация роли школьного музея на современном этапе приобретает характер полифункциональной деятельности, направленной на реализацию не только образовательных и воспитательных задач, но и участие в процессе формирования культуры и социокультурного пространства региона.

Ключевые слова: музейная педагогика, социально-культурный институт, социально-культурное пространство, функции школьного музея, школьный музей.

DIVERSIFICATION OF THE ROLE OF SCHOOL MUSEUM IN SOCIO-CULTURAL AREA

Telmanova A. S., Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: astel-75@mail.ru

This article examines the problem of the functioning of the school museum in socio-cultural area through understanding it as a socio-cultural institution. In the XXI century, interest to school museums is recovered in the Russian Federation. Leaders and teachers appreciated the opportunities and means of education of museum work. The museum is an effective way of working with the children's group and integrated system of education of the younger generation at school.

The purpose of this research is to characterize the school museum as a socio-cultural institution and define the meaning of diversification of its role in the socio-cultural area on the present stage.

To understand the problems of this study requires an analysis of scientific approaches to understanding the place of the school museum in the system of scientific knowledge and practical experience and on the basis of the data to determine the functionality of the school museum in the modern system of socio-cultural relations, on the basis of its characteristics as a socio-cultural institution.

Educational function of the museum in the XXI century has acquired a new vector of development for traditional and innovative forms of work. A museum as a social institution, is a means of human adaptation to the socio-cultural area of the region, to the national cultural environment and social interaction on a personal and collective level.

Institutional approach to the study of the phenomenon of a school museum is able to expand the boundaries of search forms, means, methods for formulating and solving the problems facing not only to the educational institution, but as a whole to the society.

A school museum is a socio-cultural institution that implements its activities within the walls of an educational institution, by the use of museum educational and social technology aimed at organizing the educational and training process, preserve, study and promotion of cultural and historical heritage, creating the conditions for detection of student's personal potential for the purpose of socialization.

A school museum today can become an agent, who is able to build, define, establish links between students and the socio-cultural area, between school and society, between adults and children. A school museum should work on a particular model, which provides for the organization and development of the processes of human interaction with the environment, ie actively integrates into this area, using your inner potential.

Keywords: museum education, socio-cultural institution, socio-cultural area, functions of a school museum, school museum.

Рубеж XX–XXI веков в Российской Федерации охарактеризовался восстановлением интереса к школьным музеям. Вызвано это необходимостью возрождения в школьном образовании ценностно-нравственных идеалов, источником которых могли служить как раз музейные коллекции. Руководители и педагоги оценили возможности, формы и средства воспитания, используемые в музейной работе. Музей ими оценивается как эффективная форма организации работы с детским коллективом и оптимизации системы комплексного воспитания подрастающего поколения в условиях образовательного учреждения. В постперестроечное время, период становления новой России, руководящие органы государственной власти обратили внимание на потенциал данной учебной структуры с точки зрения реализации педагогических задач учебного процесса, возможности приобретения дополнительных знаний и навыков в стенах учебного заведения, использования дополнительных средств воздействия на организацию воспитательной работы в школе.

Цель нашего исследования – характеристика школьного музея как социально-культурного ин-

ститута и определение сущности диверсификации его роли в социально-культурном пространстве на современном этапе.

Для понимания проблематики данной работы необходимо провести анализ научных подходов к пониманию места школьного музея в системе научного знания и практического опыта, а затем на основе полученных данных определить функционал школьного музея в современной системе общественных и культурных отношений, исходя из характеристики его как социально-культурного института.

Благодаря традиционным и инновационным формам работы образовательная функция музея в XXI веке приобрела новый вектор развития. Понимая музей как социальный институт мы осознаем его роль в качестве адаптационного средства человека к социально-культурному пространству региона, к национальной культурной среде и общественному взаимодействию на личном и коллективном уровне.

Сапанжа О. С. в этой связи отмечает важность специфики и разноплановости культурно-образовательной деятельности музеев при их

классификации, подчеркивая тем самым статус и место музея в культурном пространстве региона, в национальном и мировом масштабе [5, с. 6]. Исследователь отмечает особую область музейной деятельности – «область социальной организации и регуляции», основу которой составляют непосредственно предметы экспозиции, отражающие бытовую сторону жизнедеятельности человека, как способ сохранения исторических форм культуры [5, с. 10].

Поддерживая точку зрения предыдущего исследователя, О. А. Яценко-Байрд считает, что главным в музейном образовании всегда оставался принцип дидактичности, заключающийся в тесном взаимодействии музея и посетителя, в передаче знаний от старшего к младшему, от учителя к ученику, но при этом погружающий учащегося в условия самостоятельного поиска и приобретения новых знаний [9, с. 93]. Данное положение только подчеркивает возрастающую роль музейного образования в стенах учебного заведения и указывает на возможные пути и средства реализации традиционных и новых подходов к организации непрерывного учебно-воспитательного процесса в рамках предметных программ и планов развития учреждения.

Значимость музейной деятельности в школе была обусловлена развитием и внедрением в практику принципов музейной педагогики. Проблемы реализации педагогических приемов в стенах музеев, с целью эффективного освоения новых знаний, включения в процесс изучения музейных предметов и активизации интереса детей к исследованию исторического и культурного прошлого, нашли свое отражение в трудах немецких ученых и музейных деятелей Г. Кершенштейнера, А. Рейхвейна и Г. Фройденшталя (см. [4]). Исследования данных деятелей были посвящены определению педагогического потенциала музейной экспозиции, путям взаимодействия музея и школы, активному привлечению детской аудитории к творческому процессу в стенах музея. Именно понимание единства музея, образовательно-воспитательных потребностей и возможностей человека привело к появлению новой отрасли научного знания – «музейная педагогика». «Новая» форма музейной деятельности явилась

следствием многовекового опыта использования музеев в качестве образовательных, обучающих, воспитательных центров. Со временем музейная педагогика стала объектом исследования и в работах отечественных ученых Е. Г. Вансловой, И. М. Коссовой, Е. Б. Медведевой, Б. А. Столярова, Л. М. Шляхтиной, М. Ю. Юхневич и др.

Предпочтения музейной работы с детской аудиторией повлияли положительным образом на динамичное развитие теоретических и методологических основ музейной педагогики, переоценку концептуальных решений экспозиционных и выставочных приемов, привлечение информационно-коммуникационных средств в работу музея. Этот интерес обусловлен константностью данной категории музейного посетителя и осознанием возможности максимального воздействия на его восприятие нового знания в контексте исторических и культурных трансформаций. М. Ю. Юхневич отмечает, что детская аудитория посетителей музея представлена «всеми возрастными категориями», это говорит, с одной стороны, о ее стабильности, а с другой – о ее разнообразии [8, с. 35].

Сегодня развитию школьных музеев дается новый импульс. При этом роль школьного музея заключается в использовании педагогических и культурологических возможностей для формирования социально-адаптивной среды в образовательном учреждении и реализации агентских позиций по отношению к социально-культурному пространству региона.

В Приложении к Письму Минобразования России, от 12.03.03 № 28-51-181/16 «Примерное положение о музее образовательного учреждения (школьном музее)» содержится определение школьного музея, представленного как «...обобщающее название музеев, являющихся структурными подразделениями образовательных учреждений Российской Федерации независимо от их формы собственности, действующих на основании Закона Российской Федерации “Об образовании”, а в части учёта и хранения фондов – Федерального закона о музейном фонде РФ и музеях РФ. Музей организуется в целях воспитания, обучения, развития и социализации обучающихся» (см. [1, с. 362]).

К основным функциям школьного музея в данном документе относятся:

«- документирование истории, культуры и природы родного края, России, путем выявления, сбора, изучения и хранения музейных предметов;

- осуществление музейными средствами деятельности по воспитанию, обучению, развитию, социализации обучающихся;

- организация культурно-просветительской работы, методической, информационной и иной деятельности, разрешенной законом;

- развитие детского самоуправления» (см. [1, с. 478]).

Опираясь на вышеизложенное, можно отметить, что существование в школе дополнительной воспитательной и образовательной структуры в виде школьного музея положительным образом сказывается на реализации основных задач современной системы образования. Школьный музей способен стать агентом между ребенком и его социально-культурным окружением, чем в свою очередь может оказать влияние на реализацию задач, прописанных в Федеральном законе «Об образовании Российской Федерации». В законе отражены важные аспекты содержания образовательной деятельности, направленной на формирование отношения личности к мировой культуре, создание условий интеграции ребенка в современное общество, через знание и понимание собственной национальной культуры и осознание своего места в историческом процессе развития общества [2].

Теоретические вопросы деятельности школьных музеев большей частью отражены в диссертационных исследованиях по педагогике и культурологии Ч. М. Меджидовой, И. Н. Микулан, Т. Н. Понамаревой, О. В. Коптелова, Е. Е. Леонова. Школьный музей в них рассматривается как средство реализации педагогических задач в рамках образовательной и воспитательной деятельности.

Динамика социокультурного и экономического развития последних десятилетий ставит перед обществом задачи поиска новых методов и способов формирования социально адаптированных категорий населения. В данном процессе задействованы все государственные структуры,

способные оказывать влияние на внутриобщественные и межличностные отношения. На современном этапе развития главная роль в решении данного вопроса отводится современной системе образования, призванной заложить основы межличностного и межкультурного общения, обладающей возможностями и потенциалом создания благоприятной образовательной и воспитательной среды, способной содействовать социокультурной адаптации подрастающего поколения. Целью системы образования в данном случае является разработка моделей, позволяющих развивать и реализовывать потенциал формирующейся личности, что указывает на поиск и разработку методов и способов активного включения учащегося в образовательный и воспитательный процесс, то есть в процесс познания окружающего мира. В своей работе «Реальность и человек» Семен Франк отмечает: «Всякое человеческое знание – начиная с повседневного знания, лежащего в основе нашей практической жизни, и кончая высшими достижениями и самыми углубленными открытиями науки и философии – отвечает на вопрос: что подлинно есть? каково содержание реальности?» [6, с. 8].

Вышеперечисленные подходы к освещению проблематики, связанной с деятельностью школьных музеев, позволяют нам говорить о школьном музее как о полноценном институте в системе общего среднего образования, способном выполнять образовательные и воспитательные задачи в рамках учебного процесса. Будучи включенным во внутреннее пространство школы музей реализует одну из главных своих функций – социокультурную – путем тесного взаимодействия с посетителями, превращаясь в открытую площадку для удовлетворения познавательного интереса, реализации творческого и интеллектуального потенциала.

Рассматривая школьный музей как средство формирования определенных личностных характеристик (чаще всего гражданственности, патриотизма и т. п.), не все исследователи отмечают его важное место в социально-культурном пространстве. Деятельность школьных музеев, ограниченная только стенами образовательного учреждения, не может считаться полноценной

ни с образовательной, ни с воспитательной точки зрения, изолированность школьного музея как института не предполагает полноценного функционирования музейных активов.

Тенденция развития музейного дела в последние десятилетия во всем мире направлена на формирование системы, открытой общественным интересам и потребностям. Сегодня мы можем наблюдать стремление музеев к выходу за рамки экспозиционных и фондовых площадей и поиску путей освоения окружающей среды, налаживанию интеграционных процессов с институтами социально-культурного пространства. Оставаясь хранителями историко-культурного и природного наследия, музеи не просто транслируют предшествующий опыт, знания, социальные модели, а стремятся оказывать влияние на формирование личностных воззрений, оценок, суждений, способствующих самостоятельному осознанию поведенческих социальных и культурных форм познания окружающего мира и оценке своего места в современной системе ценностей. После посещения музея, на выходе, человек оказывается в условиях «эмпирической действительности», сформированной на основе предшествующего опыта, и знание исторических предпосылок способствует более грамотной и функциональной социализации личности вне зависимости от возрастной, социальной, физической характеристики.

Данные тенденции не должны оставить в стороне и школьные музеи, полноправных членов социально-культурного пространства региона, которые сочетают в себе качества присущие всем категориям социальных институтов. Они являются производителями общественных ценностей (так как функционируют в рамках образовательных учреждений), транслируют эти ценности музейными средствами и способны выполнять роль организации разнообразных видов неформальной творческой деятельности (кружков по интересам, научных обществ учащихся, центров школьного самоуправления и т. п.), так как являются открытой площадкой для реализации различных форм внеучебной деятельности образовательных учреждений.

В данной связи необходимо трансформировать современный подход к изучению и организации деятельности школьного музея и рассма-

тривать его не только в контексте «средства» для реализации образовательных и воспитательных задач, а как полноправный социально-культурный институт в пространстве региона, деятельность которого должна быть направлена на выполнение полифункциональных задач, с одной стороны, и на участие в процессе формирования культуры и социокультурного пространства – с другой. Именно институциональный подход к исследованию феномена школьного музея способен расширить границы поиска форм, средств, методов при постановке и решении задач стоящих не только перед образовательным учреждением, а в целом перед обществом.

При этом необходимо рассмотреть само понятие школьного музея, как полноправного института социально-культурного пространства. С нашей точки зрения, школьный музей – это социально-культурный институт, реализующий свою деятельность в стенах образовательного учреждения путем использования музейных, педагогических и социальных методик, направленных на организацию познавательного и воспитательного процесса; сохранение, изучение и популяризацию историко-культурного наследия; создание условий для выявления личностного потенциала учащегося с целью социализации.

Исходя из данного определения к традиционным функциям школьных музеев, перечисленных ранее, добавляются следующие:

1) реализация потенциала регионального пространства (социального, культурного, нравственного, педагогического, интеллектуального и т. п.);

2) установление связей человека с социально-культурным пространством, путем выстраивания продуктивных взаимосвязей с различными сферами человеческой деятельности;

3) модификация деятельности школьного музея, в соответствии изменяющимся социальным потребностям, для создания дополнительных условий реализации личностного потенциала учащегося.

Подобный функционал, в контексте существования школьного музея как социально-культурного института, призван совершенствовать его деятельность, формируя новые программы разви-

тия, опираясь на внутренние ресурсы, определяя возможности интеграции и взаимосотрудничества с другими социально-культурными институтами, с целью развития качественных личностных характеристик.

В современных условиях роль школьного музея не должна сводиться только к воспитанию определенных качеств личности. Школьный музей сегодня может стать агентом, способным выстраивать, определять, устанавливать связи между учащимся и окружающим его социально-культурным пространством, между школой и обществом, между взрослыми и детьми. Осознавая себя как социально-культурный институт, школьный музей должен организовывать свою деятельность по определенной модели, обеспечивающей организацию и развитие коммуникационных процессов человека с окружающим пространством, то есть активно интегрировать в это пространство, используя свой внутренний потенциал.

По мнению М. Е. Каулен, «музей является культурно- и социообразующим ядром различных территориальных образований: формирует их культурную среду, приобщает граждан ко всему спектру историко-культурного наследия и нравственным ценностям предков, повышая тем самым уровень гражданской инициативы и ответственности... В современном обществе

музеи становятся предпочтительным средством коммуникации в плане неформального образования» [3, с. 28].

Для того чтобы социокультурный потенциал школьного музея был реализован, необходимо создание целостного педагогического процесса, сопровождающегося перспективным планированием деятельности, программным обеспечением и интегративным подходом к организации педагогического воздействия. Социально-культурное пространства региона, в котором существует школьный музей, способно оказывать действенную помощь в организации и реализации данного процесса. Опираясь на потенциал социально-культурного пространства, школьный музей как координирующий центр способен стать активным участником формирования социокультурного пространства школьника, используя важнейшие направления для организации образовательного и воспитательного процесса. Социально-культурное пространство региона способно оказать помощь школьному музею в организации культурного досуга школьника, создании ситуаций плодотворного общения человека с окружающей средой, сопровождении познавательного процесса, тем самым оказывая влияние на развитие личностного потенциала школьника и его социальных и культурных потребностей.

Литература

1. Горбунов В. С. Школьное музееведение: метод. рекоменд. в помощь рук. школ. музеев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Спутник+, 2011. – 478 с.
2. Закон об образовании Российской Федерации [Электронный ресурс]: принят Гос. думой 21 дек. 2012 года: одобр. Советом Федерации 26 дек. 2012 года // Законодательная база Российской Федерации. – URL: <http://zakonbase.ru/zakony/ob-obrazovanii/> (дата обращения: 25.03.2014).
3. Каулен М. Е. Международное значение проекта «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» // Музей и посетитель: процесс, прогресс и протест: мат-лы V ежегод. симпозиума Междунар. комитета музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеан. региона, 1–3 нояб. 2012 года, Тунисская Республика / отв. ред. О. Н. Труевцева; науч. ред.: И. С. Цыремпилова, О. Э. Мишакова. – Иркутск: Отгиск, 2012. – С. 23–35.
4. Медведева Е. Б. Музейная педагогика Германии в прошлом и настоящем // Музейная педагогика за рубежом: работа с детской аудиторией / сост. и ред. М. Ю. Юхневич; Рос. ин-т культурологии. – М., 1997. – С. 45–64.
5. Сапанжа О. С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопр. музеологии. – 2012. – № 1 (5). – С. 3–12.
6. Франк С. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. – М.: АСТ, 2007. – 382 с. – (Философия. Психология).
7. Юдина А. И. Формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры региона как основа социализации молодежи // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 19/2. – С. 195–203.
8. Юхневич М. Музей для детей? Дети для музея? // Рос. эксперт. обозрение. – 2007. – № 6 (23). – С. 35–38.
9. Яценко-Байрд О. А. Музей и посетитель: мысли русского куратора о современной музейной педагогике в Великобритании // Вопр. музеологии. – 2010. – № 2. – С. 93–102.

References

1. Gorbunov V.S. Shkol'noe muzeevedenie: metodicheskie rekomendacii v pomoshch rukovoditeljam shkol'nyh muzeev. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow, Sputnik+ Publ., 2011. 478 p.
2. Zakon ob obrazovanii Rossijskoj Federacii. Prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 21 dekabnja 2012 goda. Odobren Sovetom Federacii 26 dekabnja 2012 goda. *Zakonodatel'naja baza Rossijskoj Federacii*. Available at: <http://zakonbase.ru/zakony/ob-obrazovanii/> (accessed 25.03.2014).
3. Kaulen M.E. Mezhdunarodnoe znachenie proekta "Integracija rossijskih muzeev v regional'noe sociokul'turnoe prostranstvo". *Muzej i posetitel': process, progress i protest: materialy V ezhegodnogo simpoziuma Mezhdunarodnogo komiteta muzeologii Sibiri, stran Azii i Tihookeanskogo regiona, 1–3 nojabnja 2012 goda, Tunisskaja Respublika*. Otvetstvennyj redaktor O.N. Truevceva; nauchnye redaktory: I.S. Cyrempilova, O.E. Mishakova. Irkutsk, Ottisk Publ., 2012. pp. 23–35.
4. Medvedeva E.B. Muzejnaja pedagogika Germanii v proshlom i nastojashchem. *Muzejnaja pedagogika za rubezhom: rabota s detskoj auditoriej*. Sostavitel' i redaktor M.Ju. Juhnevich. Moscow, Rossijskij institut kul'turologii Publ., 1997, pp. 45–64.
5. Sapanzha O.S. Klassifikacija muzeev i morfologija muzejnosti: struktura i dinamika. *Voprosy muzeologii*, 2012, no 1 (5), pp. 3–12.
6. Frank S. Real'nost' i chelovek: metafizika chelovecheskogo bytija. Moscow, AST Publ., 2007. 382 p.
7. Judina A.I. Formirovanie social'no-kul'turnoj sredy v sisteme infrastruktury regiona kak osnova socializacii molodezhi. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no 19-2, pp. 195–203.
8. Juhnevich M. Muzej dlja detej? Deti dlja muzeja? *Rossijskoe ekspertnoe obozrenie*, 2007, no 6 (23), pp. 35–38.
9. Jacenko-Bajrd O. A. Muzej i posetitel': mysli russkogo kuratora o sovremennoj muzejnoj pedagogike v Velikobritanii. *Voprosy muzeologii*, 2010, no 2, pp. 93–102.



ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 783.7

НАПЕВНОЕ БОГОСЛУЖЕБНОЕ ЧТЕНИЕ В НОТНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Ануфриева О. В., заведующая учебной частью, Пермское регентское училище (г. Пермь). E-mail: anuolga@mail.ru

В традиции православного богослужения сложилось особое искусство напевного чтения, передававшееся изустно. Более столетия назад появились первые нотные публикации образцов такого чтения, в которых становятся очевидными структурные и ладовые закономерности псалмодии. Это открывает возможность научного изучения и практического сохранения канонической традиции интонирования священных текстов.

Ключевые слова: псалмодия, напевное чтение, возглас, церковное пение, погласица, нотные публикации.

THE DIVINE SERVICE MELODIC READING IN MUSICAL PUBLICATIONS OF THE LATE 1800S – EARLY 1900S

Anufrieva O. V., Head of the Education Section, Perm Regent College (Perm). E-mail: anuolga@mail.ru

The art of melodic reading the texts of the Holy Scripture developed in centuries-old practice of Orthodox Church service. It had unique system of a melodic intoning which was transferred orally in the course of several centuries. The practice of a semi-singing intoning of various sacred texts was in close connection with a culture of a *znamenny* chant. The first publications of models of melodic reading in the linear notation appear on the verge of 19 and 20 centuries. They were caused by desire to keep ancient art from destruction. These sources are rather diverse – we see the paragraph from the historical and musicological treatise, article, the methodical manual, *noteHieratikon* and the separate edition of the full text of a solemn public prayer.

The very first publication containing a musical example of reading, is the short paragraph of the historical monograph of the protopresbyter *Ioann Voznesensky* about a *znamenny* chant. In it, the definition of the nature of reading drawingly is given, kinds of reading and the principles of their classification which is built in two hierarchical directions are established, what is read and who reads. Here the basic principles of studying of a melodic recitative are put. Works of the subsequent authors develop and supplement these principles of research. The subsequent authors only develop and supplement these principles of research in the works.

In publications, the two ways of fixing the oral practice were designated: *analytical* (as scheme model or separate examples with the explanation of syntactic and modal structure of a melody) and *accumulative* (as writing down of concrete expressive canonical samples).

Musical examples are written down in two types of the linear notation, the square “Kiev” notation and usual round notation. Almost all authors of these publications speak about insufficiency of a musical notation and about need of the speech freedom depending on understanding of sense of the text. Really, the uniform melodic-synthetic regularities of a psalmody are traced in various examples. But there are major factors outside

fixing which can't be represented graphically. This is the force and expressiveness of live intonation and verbal speech rhythm, to which there is an impact of readable texts and exclamations on the listening person.

However, the worthiness of these publications is rather considerable. In spite of the fact that the notation fixes only an external contour of a melody, these publications open a possibility of scientific studying and practical preservation of initial traditions of sacred text intoning.

Keywords: psalmody, tuneful reading, intonement, church singing, melodic formula, musical publications.

Богослужбное чтение оказалось в поле внимания исследователей в конце XIX столетия. Это было время расцвета богословских наук, церковной археологии и певческой медиэвистики. Но в этот же период остро почувствовалось разрушение традиции церковного чтения, что и вызвало желание письменно закрепить каноническую интонацию и сохранить чистоту этого богослужбного искусства.

Наиболее ранней публикацией в этой области является краткий параграф обширного труда прот. Иоанна Вознесенского «**О церковном пении Православной греко-российской церкви. Большой знаменный напев**» – §1 «Особый характер церковного чтения и пения. Особенности музыкального построения, способов выразительности и исполнения церковных песнопений» [1, с. 1–3]. Напевному чтению здесь посвящено три странички, но они стали основой последующих трудов. Здесь дано определение природы чтения нараспев, установлены разновидности чтения и принципы их классификации, которая выстроена по двум иерархическим направлениям – что читается и кто читает. Наибольшей распевностью и древностью отличается чтение Евангелия священником и произнесение им возгласов и молитв. Диаконская интонация, утвердившаяся в синодальную эпоху, предполагает чтение «с постепенным возвышением звуков» [1, с. 2]. Интонация чтеца на клиросе «монотоннее и однообразнее», с редкими и краткими «наклонениями» голоса. Особо выделено чтение Великого покаянного канона, мелодика которого строится на евангельской интонации. Произнесение священником проповедей близко к интонации убеждающей беседы. Для наглядности автор приводит нотную запись мелодических строк евангельского чтения, с объяснением порядка их следования. Этот пример является первой попыткой нотной фиксации напевного чтения, но не конкретного образца, а модели чтения, оставляющей свободу вариантной интерпретации текста:

1. Во вре мя о но. Азь есмь ло за ис тин на я и О тець Мой
2,а.
б.
3,а.
б.
дѣ ла тель есть вся ку розгу о миѣ не творящую плода, из негъ ю:
б.
и вся ку тво ря шу ю плодъ о тре битъ ю, да ино жай шій
4,а.
б.
плодъ при не сетъ въ онъ же вни де Сянь и у че ни цы Е го.

Рисунок 1. Пример 1. Вознесенский Иоанн, свящ. Особый характер церковного чтения и пения. Евангелие [1]

В данном примере выделена 1-я строка (или «почин»), различные варианты средних строк, предконечная и заключительная строки (4а и 4б). Мелодия развивается в пределах кварты «с господствующим звуком *си бекар* и конечным для средних строк *до*, а для финала всего чтения *ре*» [1, с. 3]. Описание примера содержит понятие центра и интервальные измерения сопряжения ступеней, соответствующие двойной погласице⁴, остаётся один шаг до формулировки лада. Автор подчеркивает, что в чтении должна присутствовать определенная свобода и вариантность, зависящая от конкретных условий и проникновения в смысл произносимого текста.

В это же время написана ещё одна краткая статья архиепископа Димитрия (Муретова) «**О произношении в церковном чтении**»⁵ [2].

⁴ Мелодическая формула, основанная на последовательном опевании двух опорных звуков, находящихся обычно на расстоянии полутона.

⁵ Димитрий (Муретов, 1811–1883) архиеп. Херсонский и Одесский. Статья опубликована в составе 6-томного собрания его творений в 1899 году нотные примеры были добавлены редактором издания. Интересно, что сам владыка Димитрий был замечательным чтецом, о чём свидетельствует Е. Богданов в «Пособии к церковному чтению», см. ниже.

Подобным же образом соединяются тоны чтений диаконом двух Евангельских зачал. Чтение трёх паремий подразумевает более широкий общий диапазон чтения – три тетрахорда и две точки соединения между ними. Е. Богданов говорит о необходимости сохранения естественного звучания голоса, в пределах спокойного и звучного диапазона без глухих низких и форсированных верхних звуков, и предлагает оптимальную тесситуру «до – до¹»⁷.

Чтение Евангелия священником отличается от всех предыдущих типов чтения «особенною певучестью и переливами голоса» [5, с. 26–28]. Примечательно, что автор пособия в качестве примера излагает нотами то же самое зачало (Ин 15: 1–8), что и в книге прот. И. Вознесенского, и даёт ссылку на этот труд. Мелодика чтения заключается в пределах тетрахорда (включая конечный звук), на таких тонах, «кои отличаются особенною певучестью, плавностью, спокойностью в пении и умиленностью, и особенно легки для усвоения» [5, с. 27]. В структуре мелодии автор выделяет начальную и конечную фразы, которые появляются однажды. Остальное чтение строится на свободном чередовании трёх «музыкальных периодов», или «переливов» – мелодических формул, интонацию которых читающий «свободен варьировать по своему личному разумению, соображаясь со смыслом текста, то есть может повторить один и тот же период, заменить один перелив другим и т. п.» [5, с. 28]. Определяются эти периоды довольно лаконично, простым перечислением составляющих их звуков: «ре, ми»; «ре, ми, фа»; «соль, фа, ми, ре».



Рисунок 5. Пример 5. Пособие к церковному чтению... Евангелие [5]

⁷ Надо заметить, что такие указания были достаточно легко выполнимы столетие назад, когда была широко развита певческая культура. В наши дни октавный диапазон доступен не всем, поэтому чтение совершается по природным возможностям читающего.

Первый период, или почин, «Рече Господь...» произносится протяжно на одном звуке, а в последнем происходит выход на тон вверх от «строки» с закреплением его нижним опеванием.

Чтение священнических молитв, тропарей Великого покаянного канона прп. Андрея Критского, «Непорочных» в Великую Субботу, совершается на трёх средних мелодических периодах, исключая почин и окончание, аналогично с указанием прот. И. Вознесенского.

Говоря о священнических возгласах Е. Богданов приводит подробную запись практически всех литургийных возгласов архиеп. Димитрия (Муретова) [5, с. 35–39]. Эти образцы, сохранившие традицию интонирования начала XIX века, «заслуживают глубокого уважения и полного подражания». В наше время, эти возгласы можно было бы назвать неподражаемыми, так как по своей сложности они являются практически пением:



Рисунок 6. Пример 6. Пособие к церковному чтению... Возглас священника [5]

Каждая группа примеров в пособии сопровождается словесным описанием ладовой структуры мелодики и манеры произнесения, «согласно с духом церковного устава» [5, с. 39]. Автор отмечает внутреннее единство всех типов чтения, а постепенное увеличение распевности в них «как бы указывает на большую степень благодати» [5, с. 40].

Накануне нового столетия, в 1897 году также в Московской Синодальной типографии издается «Метод богослужбных возгласов...» [3]. Этот объемный труд вполне можно назвать нотированным служебником – содержание этой богослужбной книги иллюстрировано многочисленными нотными примерами чтений, возгласов, хоровых ответов и песнопений. При этом автор практически не комментирует интонирование, ограничиваясь общими замечаниями, например: «всячески нужно избегать того, чтобы не поглощалось

слово звуком, не умирало бы в нём в ущерб наидания. <...> Возвышение голоса и понижение его должно производить по ударениям, соблюдая правила Грамматической Просодии» [3, с. 65]. Объяснение мелодики чтения предоставляется очевидности нотной записи. Нотные примеры записаны в скрипичном и басовом ключах различными длительностями (от бревис до восьмых) с использованием пауз, с обозначениями динамики (от *p* до *ff*), акцентов, фермат и даже с темповыми указаниями на итальянском языке.

Наиболее интересные образцы даны для распевного чтения Апостола, Евангелия и паремий. Так, пример диаконского чтения с постепенным «грамматическим (модулирующим? – О. А.) восхождением тона» [3, с. 235] имеет свои особенности. После протяжного и ровного почина весь текст достаточно равномерно распределен по полутоновой гамме внутри октавы («соль – соль¹»). Каждая новая высота представляет собой местную тонику со всеми законами простого опевания. Модуляция происходит на последнем текстовом ударении фразы через хроматическое повышение одного или двух нижних опевающих звуков.

В «Метод богослужебных возгласов...» зафиксировано выразительное чтение Апостола и паремий, бытовавшее «во многих Российских Православных женских монастырях» [3]. Поскольку диапазон и тембр женского голоса не позволяют читать текст с повышением тона, здесь читали в своеобразной устойчивой погласице, мелодика которой строится на свободном чередовании двух мелодических формул с общим основным тоном, но различными окончаниями. Первая оканчивается нисходящей, никнувшей на последнем слоге интонацией, вторая же устремляется вверх на последнем ударении. Обращает на себя внимание мелодическое украшение, а также хроматическое изменение звука «си» в зависимости от направления интонации вниз («си-бемоль») или вверх («си-бикар») [3, с. 67]:



Рисунок 7. Пример 7. Метод богослужебных возгласов... Апостол [3]

Чтение паремий и священническое чтение Евангелия имеют одну и ту же мелодическую формулу, основанную на двух опорных тонах («до – си») с опеваниями [3, с. 275]:



Рисунок 8. Пример 8. Метод богослужебных возгласов... Евангелие [3]

В целом «Метод богослужебных возгласов...» представляется достаточно интересным для историка документом, но его практическое применение затруднительно, поскольку нотные знаки сковывают речевую свободу. Автор понимает, что «нельзя создать музыкального шаблона» [3, с. VII], но все-таки настойчиво рекомендует свой метод для «стройности и единообразия» служения [3]. Такой системный и всеохватный подход напоминает унификационные устремления директоров Придворной певческой капеллы XIX века. «Метод богослужебных возгласов...» и ориентирован на богослужебную практику Капеллы («придворная обедня положена и поётся всегда в *цедурном тоне* (курсив автора. – О. А.))» [4, с. 8] и принятый в ней репертуар.

В самом начале прошлого века отдельным изданием вышло «**Последование в Неделю православия**» [4]. Для нас оно ценно тем, что содержит нотную запись двух выразительных протодиаконских возгласов, которые окружают исповедания Символа веры. Первый возглас «Кто Бог велий, яко Бог наш; Ты еси Бог творяй чудеса Един» [4] произносится трижды, ремарки указывают постепенное поднятие тона и увеличение динамики. Мелодия записана в транспонируемом цефатном ключе, допускающем также и ритмическую свободу, необходимую в речитации.



Рисунок 9. Пример 9. Последование в Неделю православия. Возглас до Символа веры [4]

На величественный и внушительный характер интонирования указывает выбор крупных ритмических величин, соответствующих половинной и целой нотам в круглой нотации. Архивные аудиозаписи сохранили исполнение этого возгласа великим архидиаконом К. В. Розовым.

Мелодика второго возгласа «Сия вера апостольская» [4] является вариантом окончания предыдущего: «...твори чудеса Един» [4]. Так произносятся три фразы, одинаковые по структуре текста, и только четвёртая выделяется кульминационным подъёмом и утверждающим нижним опеванием:



Рисунок 10. Пример 10. Последование в Неделю православия. Возглас после Символа веры [4]

Такая яркая кульминация отмечает грань формы молебна, после чего начинается следующий раздел молебна – анафематствование, провозглашение вечной памяти и многолетствование. К сожалению, нотная публикация этих выразительных возгласов нигде более не повторена.

Письменное закрепление напевного чтения сохранилось в немногочисленных и достаточно разнородных источниках, но в них отразилась единая традиция канонического интонирования богослужебного чтения. В публикациях обозначились два пути закрепления устной практики: *аналитический* (модель-схема или отдельные примеры с пояснением синтаксической и ладовой структуры мелодики – три первых публикации) и *накопительный* (запись конкретных канонических образцов – два последних издания). При этом все авторы говорят о недостаточности нотной записи и о необходимости речевой свободы, зависящей от понимания смысла текста. Действительно, в различных примерах прослеживаются единые мелодико-синтаксические закономерности псалмодии, но за пределами фиксации остаются важнейшие факторы, которые невозможно изобразить графически, – это сила и выразительность живой интонации и словесная ритмика, благодаря которым и происходит воздействие читаемых текстов и возгласов на слушающего человека. Но это та область неписанной традиции, которая передаётся только древнейшим и самым надёжным способом – «от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим 10: 17). Тем не менее публикации более чем столетней давности являются для нас не только документами эпохи, но реальной помощью в деле сохранения древнерусской канонической интонации напевного чтения.

Литература

1. Вознесенский Иоанн, *свящ.* О церковном пении Православной греко-российской церкви. Большой знаменный напев. – Киев, 1887. – 206 с.
2. Дмитрий (Муретов), *архиеп.* О произношении в церковном чтении [Электронный ресурс] // Полн. собр. творений в шести томах, с биографией в седьмом. – М.: Типолитография Д. А. Бонч-Бруевича, 1899. – Т. 6. – С. 251–256.
3. Метод богослужебных возгласов, положенных на ноты, с уставным указанием, – в пособие священнослужителям при богослужении / сост. Иеромон. Задонского Богородицкого монастыря Геронтий (Кургановский). – М.: Синод. типография, 1897. – 280 с.
4. Последование в Неделю православия. – СПб.: Синод. типография, 1904. – 43 с.
5. Пособие к церковному чтению, положенное для вразумительности чтения на ноты, на основании обычного древнецерковного чтения, а частью на основании письменных памятников древнецерковного чтения / сост. преподаватель церковного пения Подольской духовной семинарии Евфимий Богданов. – М.: Синод. типография, 1891. – 42 с.

References

1. Voznesenskij Ioann, svjashch. O cerkovnom penii Pravoslavnoj greko-rossijskoj cerkvi. Bolshoj znamennyj napev [About Church Singing of Orthodox Greek-Russian Church. Big Znamenny Chant]. Kiev, 1887. 206 p.
2. Dimitrij (Muretov), arhiepiskop. O proiznoshenii v cerkovnom chtenii [About a pronunciation in church reading]. *Polnoe sobranie tvorenij v shesti tomah, s biografiej v sed'mom. – Complete collection of creations in six volumes, with the biography in the seventh.* Moscow, Tipolitografija D.A. Bonch-Bruevicha Publ., 1899, vol. 6, pp. 251–256.
3. Metod bogosluzhebnyh vozglasov, polozhennyh na noty, s ustavnym ukazaniem, – v posobie svjashchennosluzhite-ljam pri bogosluzhenii. Sostavitel' ieromonah Zadonskogo Bogorodickogo monastyryja Gerontij (Kurganovskij). Moscow, Sinodal'naja tipografija Publ., 1897. 280 p.
4. Posledovanie v Nedelju pravoslavija [Service on Sunday of Orthodoxy]. Sankt-Peterburg, Sinodal'naja tipografija Publ., 1904. 43 p.
5. Posobie k cerkovnomu chteniju, polozhennoe dlja vrazumitel'nosti chtenija na noty, na osnovanii obychnogo drevnecerkovnogogo chtenija, a chastiju na osnovanii pismennyh pamjatnikov drevnecerkovnogogo chtenija. Sostavitel' prepodavatel' cerkovnogogo penija Podol'skoj duhovnoj seminarii Evfimij Bogdanov. Moscow, Sinodal'naja tipografija Publ., 1891. 42 p.

УДК 783(571.5)

К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Никулин В. Г., кандидат искусствоведения, доцент, декан факультета исполнительских искусств, Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Якутск). E-mail: agiki@mail.ru

Статья посвящена изучению русской церковной музыки Восточной Сибири конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: хор, тропарь, диакон, псаломщик, песнопение, клирос, литургия, культовая музыка, антология, распев.

TO STUDIES OF THE RUSSIAN CHURCH MUSIC OF EASTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Nikulín V. G., Candidate of Art History, Docentr, Dean of the Faculty of Performing Arts, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk). E-mail: agiki@mail.ru

Studying the history of development and propagation of professional musical creativity in the eastern regions of Russia, where was only monodic culture of numerous native ethnic groups of North-Eastern Asia, solves the actual problem of modern domestic musicology.

Development of professional musical culture was historically associated with Orthodoxy and its attributive traditions including music come to Asia. This process began in the mid-XVII century was rather slow and not easy.

In this paper on the base of archival sources, an attempt is made to identify the picture of consistent and steady foundation of the musical culture in Eastern Siberia which at the same time became significant in the world music art.

Formation of Orthodox Christianity in this vast region, stretching from Krasnoyarsk to Russian America, was made by the four eparchies: Irkutsk, Kamchatka (later Blagoveshensk), Yakutsk and Vladivostok.

Besides church services, Eparchies performed various ceremonies, Orthodox and civil holidays. They cared of children education, creating a wide network of parochial and religious schools. It is a very significant

fact that church singing was almost only trained in these schools then. This subject was on the second place in the curriculum of church school education.

In the paper, examples of teaching development of the subject, samples of executable prayers and canons are given. The roles of the leading teachers of church singing in the eparchies of that time, P. Masjyukov, P. Laptev, N. Zavjyalov, I. Vinokurov, Father I. Raisky, I. Drozdov, deacon Pogorbunsky, S. Tikhvinsky are considered.

Given in the paper facts and examples of church music performance do not recreate the full picture of musical life of the eparchies in the specified historical period. Nevertheless they allow to show and to prove that development of the Russian church singing traditions in indigenous peoples of this vast territory proceeded more successfully thanks to activities of the eparchies.

Thus, it becomes clear that it is the Orthodox Church and its singing choral institutions played a leading role in the development of musical culture of New Time in the East of Russia.

Keywords: choir, troparion, deacon, psalmist, chanting, church choir, liturgy, religious music, anthology, chant.

Исследование исторических путей и особенностей распространения многоголосной музыки европейской традиции и русского народного, а также профессионального музыкального творчества в восточных регионах России, где исконно существовала лишь монодийная культура, которую исповедовали многочисленные этносы Северной и Восточной Азии, представляет собой актуальную задачу современного отечественного музыковедения.

Это тем более необходимо потому, что музыкальное искусство проживающих здесь народов и народностей в XX веке достигло (например у якутов) достаточно высокой степени развития именно в русле интегративных тенденций – обогащения привнесенных с Запада многоголосных форм музицирования благодаря использованию богатств местного песнетворчества.

Исторические данные свидетельствуют о том, что в России этот процесс в первую очередь был связан с проникновением в Азию православия и его атрибутивных традиций, в том числе и музыкальных. Этот процесс, начавшийся в сущности еще в середине XVII века, развивался, однако, довольно медленно и непросто. И лишь к концу XIX – началу XX веков он обретает определенную интенсивность и достигает достаточно заметных результатов – прежде всего благодаря участию в нем христианских институтов, в том числе православного хорового пения.

В свете сказанного в настоящей статье на основе сохранившихся архивных источников предпринята попытка выявить картину последовательного и неуклонного становления в Вос-

точной Сибири основ той музыкальной культуры, которая в это же время становилась значимой в мировом музыкальном искусстве.

К концу 80-х годов XIX века христианство прочно утвердилось на огромной территории Восточной Сибири, простиравшейся от Красноярска до Русской Америки и юго-востока России. Региональное устройство отдаленной и обширной окраины Российского государства осуществляли четыре духовных епархии: Иркутская, Камчатская (впоследствии Благовещенская), Якутская и Владивостокская.

Наряду с осуществлением служб, проведением различных обрядов, православных и гражданских праздников духовные наместники не только создавали духовные храмы, но и существенно заботились о школьном образовании детей, создавая широкую систему церковно-приходских школ, школ грамоты и духовных училищ. При этом особо значимым был тот факт, что каждая епархия непременно имела собственную духовную семинарию. Значение этого факта в выделенном нами аспекте определялось также и тем, что практически во всех духовных учебных заведениях осуществлялось обучение церковному пению, которое являлось вторым по своей роли предметом в структуре церковного образования.

Кроме того, хоровое пение звучало в духовных храмах в исполнении любительских и церковных коллективов. При этом наиболее совершенными закономерно считались семинарские и архиерейские хоры. Заметим, что тут следует отдать должное высшим духовным чинам восточно-сибирских епархий: они вдумчиво и скрупулез-

но подходили к подбору и оценке деятельности регентов. Последними, как правило, чаще всего были выпускники Петербургской придворной певческой капеллы и Московского синодального училища. Назовем несколько имен людей, чья заслуга в создании фундамента развития хорового пения в Восточной Сибири неоспорима.

Так, яркий след в истории распространения и освоения русской православной музыки в епархиях в рассматриваемый период оставили: П. Масюков, П. Лаптев, Н. Завьялов (Якутская епархия), И. Райский, диакон Подгорбунский (Иркутская), С. Тихвинский (Благовещенская) и др.

Регенты часто посещали духовные учебные заведения, оказывали профессиональную помощь учителям пения, организовывали для них подготовительные певческие курсы, участвовали в деятельности епархиальных певческих комиссий.

В архивных документах разных епархий отмечается, что с открытием в Сибири первых духовных школ в них проводятся, хотя и не всегда успешно, уроки церковного пения. Ярким примером этого может служить первая «мунгальская» школа (1725), открытая в Иркутской епархии при Вознесенском монастыре. Показательно, что в ней обучались и дети коренного населения [11].

В первой школе Якутской епархии в самом начале XIX века также преподавалось хоровое пение. Но обучение ему, как, впрочем, и другим предметам, было непродолжительным, ибо эта школа действовала всего 16 лет и прекратила свое существование – не только из-за отсутствия необходимых средств, но и ввиду низкого качества преподавания. Когда за два года до этого Иркутский архиепископ Михаил II побывал в ней, ему пришлось убедиться в ненадлежащем ведении церковного пения: «...якутские причетники, – говорится в его отчете, – ни один не был обучен петь». По этому случаю им были даны надлежащие наставления, в числе которых предусматривались даже штрафы за неуспешность в освоении церковного пения [17].

С течением времени число духовных школ неуклонно увеличивалось во всех восточно-сибирских епархиях и хоровому пению, как важнейшему элементу духовных служб, уделялось первостепенное значение. Притом детей не только обучали пению, но и привлекали к обязательному исполнению на клиросе, поскольку детские

голоса особенно ценились в клиросном пении, составляя, как отмечал якутский регент И. Железнов, чуть ли не лучшее украшение хора [6].

Расцвет духовных школ в Сибири приходится на 80–90-е годы XIX века. В 1884 году происходит очередная, третья (и последняя), реформа школьного духовного образования. Главным ее достоинством явилось введение в школах должностей учителей пения (кроме священников), что, прежде всего, свидетельствовало о повышении значимости хорового пения не только в богослужбном деле, но и в развитии музыкальной культуры края. Это нововведение не замедлило дать свои положительные результаты. В частности, в школах, кроме уроков пения, стали создаваться школьные хоры.

Так, своим хором славилась кутуликская школа Балаганского округа Иркутской епархии. Его состав в 1894 году насчитывал 76 учеников, то есть, судя по архивным документам, это был уже довольно мощный хор. Источники свидетельствуют, что данный коллектив, существовавший с 1891 года, под руководством диакона Платона Копаровского в момент посещения Иркутского епископа исполнил тропарь «Спаси, Господи, люди твоя» и гимн «Боже, царя храни» [2]. Хоровое пение существовало и еще в семи школах этой епархии. Следует добавить, что и в остальных школах, где не было хора, отдельные учащиеся принимали участие в пении на клиросе вместе с опытными псаломщиками и диаконами. В число обязательных песнопений для изучения включались общеупотребительные молитвы: «Царю небесный», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Спаси, Господи, люди твоя», «Свете тихий» и др.

Заслуживает особого внимания и тот факт, что церковное хоровое пение постепенно закрепляется в инородческих школах Иркутской, Якутской и Камчатской (Благовещенской) епархий, где музыкальные традиции коренных этносов развивались в русле монодий. И тем не менее они успешно осваивали русское многоголосие, что в дальнейшем немало способствовало созданию здесь профессиональной музыки западной традиции.

В этом плане выделялась петропавловская школа, где был образован певческий коллектив из шести учащихся-бурят. Также в Якутской епар-

хии в красноярской школе Намского улуса отмечалось хорошее исполнение учащимися-якутами храмового тропаря «Днесь благоверни» и «Исполла э ти деспота», песнопений «Отче наш», «Милость мира» [7; 12; 13].

В 1900–1901 годы положительные результаты занятий хорovým пением отмечались в табагинской, бестяхской и соттинской школах. Известно также, что в Тандинской школе десять учащихся-якутов уверенно исполняли «Отче наш», «О тебе радуется», «Днесь благодать», «Милость мира», «Христос Воскресе» [18].

Осваивая церковное хоровое пение, якутские дети в ходе занятий получали также навыки проведения служб, правильной организации всего певческого дела, что, бесспорно, оказалось чрезвычайно плодотворным в дальнейшем. Положительные результаты, чистое и стройное пение детей наглядно опровергали существовавшее ранее мнение о якобы природной неспособности коренных народов и народностей Северной Азии к многоголосному пению.

Школы с хорошо организованным церковным пением действовали и в Камчатской епархии. Среди них выделялись Благовещенская новособорная школа (регент архиерейского хора С. Тихвинский), мариинская (священник А. Протодиаконов), софийская (священник А. Писарев), пуциловская (священник И. Верещагин), николевская (регент-любитель).

В Белогорской школе той же епархии особым прилежанием в области церковного пения отмечался регент М. Троицкий, который начинал и заканчивал занятия в школе хорovým церковным пением, что было хорошим примером, своеобразной школой воспитания у детей необходимых навыков. Нужно подчеркнуть это в качестве важнейшего положительного фактора, поскольку во многих школах уроки пения велись «как Бог на душу положит» [3].

Число школ, отличавшихся положительными результатами в хорovém пении, постепенно росло. В 1912–1913 годах к ним причислялись мазановская, среднебельская, иннокентьевская, екатеринославская, николаевская и деепристанская духовные школы. Ученики этих школ не только обладали хорошими голосами, но и проявляли любовь к пению, хотя также учились в основ-

ном «с голоса». Тем не менее ими были освоены основные общеупотребительные песнопения: «Святый Боже», «Царю небесный», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Спаси, Господи», тропари двенадцатых праздников, отдельные части из литургии и всенощного бдения, гимны и патриотические песни. Вместе с псаломщиками учащиеся принимали участие в пении на клиросе, а также в выступлениях постоянно действовавших хорových коллективов.

Обучение пению проводилось на основе «Учебного обихода», «Октоиха» и «Краткого руководства для церковного пения по квадратной ноте» Д. Соловьева. Однако, несмотря на наличие уже имевшихся нотных учебных пособий по церковному пению на родных языках коренных жителей, дети, в большей части, все же учились не по нотам, а с «голоса». Оправдывалось это тем обстоятельством, что многие учителя сами не владели в достаточной мере нотной грамотой и поэтому передавали свои указания методом голосового показа.

Определенные успехи в развитии начального звена в области церковного хорového пения создали очевидные предпосылки для расширения его места и роли в среднем и высшем звеньях духовного образования, а также создания в учебных заведениях постоянно действующих певческих коллективов. В результате этого тревога за состояние певческого дела в низших звеньях – училищах и семинариях того времени – стала особой заботой высшего духовенства. Удивителен тот факт, что даже сами семинаристы порой не считали обучение пению своим кровным уделом и старались передать этот важнейший компонент православной службы местным дьячкам и псаломщикам. В конце концов это вызвало необходимость принятия ряда серьезных мер для возвышения престижа церковного хорového пения.

Одной из таких мер предписывалось иметь в каждом училище и семинарии свой постоянный певческий коллектив. Так, в Камчатской епархии (Якутск) в 1860 году создается мужской хор из числа лучших семинаристов. Имея в своем составе 36 певчих, этот хор на протяжении последующего десятилетия принимал участие в самых различных церковных службах, исполняя обязательный духовный репертуар, освоенный

на учебных занятиях. Знаменательно, что ректор семинарии Д. Хитров всячески добивался особо весомой значимости хора, являвшегося, в сущности, одним из главных действующих лиц в православном богослужении.

Хор Д. Хитрова отличался высокой исполнительской культурой, технической гибкостью и вокальным мастерством. Это позволило ему осваивать довольно разносторонний и сложный репертуар – богатую мелодическими напевами культовую музыку, хоровые концерты партесной и духовной музыки русских композиторов XVIII–XIX веков и проч. **В то же время отбор этого репертуара определялся реальным уровнем подготовки состава хористов.**

Успешно осваивались допущенные для исполнения в церкви духовные сочинения русских композиторов – М. С. Березовского, Д. С. Бортиянского, С. И. Давыдова, С. А. Дегтярева, П. И. Турчанинова. В конце уроков, особенно в старших классах, часто, о чем свидетельствуют архивные материалы, «устраивалось пение» ансамблем и хором сочинений известных авторов знаменного, киевского и греческого распевов, песнопений из сборников Орлова, Ф. Соколова, В. Главача «Сельские зори», Лебедева «Школьные хоры», «Лепты» Алтайской духовной миссии, антологии А. Рожнова и другой певческой литературы [9].

Известным в Якутской епархии был и хор женского духовного училища. Так, на одном из вечеров 30 декабря 1890 года две ученицы под аккомпанемент фисгармонии исполнили две песни на стихи М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» и «В минуту жизни трудную (Молитва)», а хор учениц принял участие в нравственно-религиозном чтении и исполнил гимны из «Лепты» [8]. Тот же хор на двадцатипятилетию своего училища исполнил духовные сочинения «Торжествуй, наша обитель», «Прославление Бога природою» Л. Бетховена. Совместно с детским хором Мариинского приюта (регент Н. В. Завьялов) были исполнены хоровые концерты «Утоли болезни» А. А. Архангельского и «Светлой радостью горя» В. Главача [5].

В Благовещенской семинарии и соединенном с ней училище своими стараниями в области церковного хорового пения прославился Симеон Федорович Тихвинский [4].

Однако в духовных учебных заведениях исполнялась не только духовная музыка, но и светская. Так, на одном из литературно-музыкальных вечеров (12 февраля 1914 года) воспитанницы Благовещенского женского епархиального училища исполнили в концерте из двух отделений несколько хоровых сочинений светского содержания. В частности, прозвучали: «В непогоду ветер» Матвеева, «Еще в полях белеет снег» Зелинского, «Хор девушек» из оперы «Демон» Серова, «Папушок» Зелинского, «Вечер прекрасный» Мирносицкого, «Попурри из русских песен» [1].

Подобные вечера проводились и в Иркутской духовной семинарии. Так, энергичным и талантливым регентом Архирейского хора И. Райским в течение действовавших в 1909 году краткосрочных учительских курсов в духовной семинарии было дано два вокально-музыкальных концерта.

Первый из них состоялся 8 июля, неделю спустя после начала курсов. Краткий срок, отведенный на его подготовку, не помешал женскому хору весьма удачно выступить. Помимо инструментальных номеров, в которых приняли участие лучшие музыкальные силы Иркутска, верхом совершенства стало исполнение хором курсисток «Колыбельной» Голли на слова М. Лермонтова. Это было тихое, стройное и в высшей степени мелодичное пение. Многие впервые услышали подобное звучание, поэтому интерес к выступлениям хора не только не ослабевал, а со временем заметно усиливался [10].

Успех способствовал подготовке второго концерта так же состоявшегося из двух отделений и проведенного спустя три недели. Показательно, что на этот раз хор семинаристов исполнял вполне светскую музыку. В частности, среди многочисленных концертных номеров программу смешанного хора составляли: народная песня «На родимую сторонушку» Кленовского и «Колыбельная песня» А. Гречанинова. А женский хор в дополнение программы представил «Крестьянскую пирюшку» П. Чеснокова, что произвело неотразимое впечатление на слушателей [10].

Активность духовного хорового исполнительства была отличительной чертой архиерейских певческих коллективов во всех епархиях. Их составы были различны, однако, включали только мужские голоса. В рамках данной статьи приведем два характерных примера из историче-

ского прошлого Якутского архиерейского хора. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть следующие особенности. Во-первых, концертные программы подготовил выпускник Синодального училища, представитель коренного этноса Якутии – якут И. Винокуров, а во-вторых – исполняемые сочинения были очень трудны.

Так, в первом концерте хоровой состав из 70 человек, объединивший три хора – архиерейский, семинарский и любительский, – исполнил крупные хоровые полотна: концерты «Воскреше, Боже суди земли» и «Тебе, одеющего светом, яко ризою» П. И. Турчанинова (его лучшее сочинение), «Покаяния отверзи ми двери» и «На реках Вавилонских» А. В. Веделя (первое исполнение в Якутске), кондак «Страстям Христовым», «Покаяние разбойника благоразумного» (автор не указан), песнопение «Воскреше, Боже суди земли» П. И. Турчанинова, – оставившие необычайно сильное впечатление [14]. Среди сольных исполнителей особенный успех имели тенор С. Д. Диковский, могучий бас М. Н. Дубровский и чистый альт И. Винокуров, тогда еще певчий архиерейского хора [15].

Другая программа, которую хотелось бы выделить, носила бла-готворительный характер, состояла из трех отделений и была исполнена 8 декабря 1902 года уже регентом Архиерейского хора И. Винокуровым. В отличие от прошлых лет хор был уменьшен: в нем пело только 40 самых

лучших исполнителей. В концерте прозвучали ранее не исполнявшиеся в Якутске сочинения: «Блажен муж» Д. С. Бортнянского, «К Богородице прилежно» и «Господи, услыши молитву мою» А. А. Архангельского, «Утоли мои печали» иеромонаха Виктора, «Царю небесный» Сахарова, знаменные распевы «Блажен муж» П. И. Чайковского и «Взбранный Воеводе» В. А. Веделя. Концерт дополнили песнопения «От юности моя» Скворцова и сольный номер для тенора «Ныне отпускаеши» Соколова, исполненный под аккомпанемент хора [16]. Это выступление, как отмечено в «Якутских епархиальных ведомостях» (1911), явилось триумфом молодого, яркого якутского регента.

Приведенные в статье данные и примеры исполнения церковной музыки, разумеется, не воссоздают в полной мере картину музыкальной жизни духовных епархий Восточной Сибири в указанный исторический период. Но они, тем не менее, дают, на наш взгляд, возможность на конкретных примерах показать, что освоение русского церковного пения коренными народами огромного края благодаря их деятельности протекало более успешно.

Таким образом, становится ясным, что именно Православная церковь и ее певческо-хоровые институты сыграли первостепенную роль в становлении на востоке России музыкальной культуры Нового времени.

Литература

1. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1914. – № 6. – 15 сент. – Отд. неоф. – С. 80–81.
2. Иркутские епархиальные ведомости. – 1894. – № 24. – 18 июня. – С. 1, 2, 4.
3. Камчатские епархиальные ведомости. – 1886. – № 15. – 15 авг. – С. 470.
4. Камчатские епархиальные ведомости. – 1899. – № 24. – 31 дек. – С. 175.
5. НА РС (Я). – Ф. 5. – Д. 6. – Л. 368–371.
6. На РС (Я). – Ф. 287 И. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 11.
7. На РС (Я). – Ф. 287 И. – Оп. 3. – Д. 28. – Л. 41.
8. На РС (Я). – Ф. 293. – Оп. 2. – Д. 47. – Л. 91.
9. На РС (Я). – Ф. 898. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 87–89.
10. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1909. – № 23. – 1 дек. – С. 561, 563.
11. Тобольские епархиальные ведомости. – 1895. – № 23–24. – 1–16 дек. – С. 536.
12. Якутские епархиальные ведомости. – 1896. – № 1. – 1 янв. – С. 12–13.
13. Якутские епархиальные ведомости. – 1896. – № 5. – 1 марта. – С. 75.
14. Якутские епархиальные ведомости. – 1898. – № 7. – 1 апр. – С. 110–112.
15. Якутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 17. – 1 сент. – С. 259–260.
16. Якутские епархиальные ведомости. – 1903. – № 1. – 1 янв. – С. 13–15.
17. Якутские епархиальные ведомости. – 1911. – № 1. – 1 янв. – С. 136.
18. Якутские епархиальные ведомости. – 1913. – № 2. – 16 янв. – С. 31–33.

References

1. Blagoveshchenskie eparhial'nye vedomosti, 1914, no 6, 15 sentjabrja. Otdelenie neofficial'noe, pp. 80–81.
2. Irkutskie eparhial'nye vedomosti, 1894, no 24, 18 ijunja, pp. 1, 2, 4.
3. Kamchatskie eparhial'nye vedomosti, 1886, no 15, 15 avgusta, p. 470.
4. Kamchatskie eparhial'nye vedomosti, 1899, no 24, 31 dekabrja, p. 175.
5. NA RS (Ja). – F. 5. – D. 6. – L. 368–371.
6. Na Rs (Ja). – F. 287 I. – Op. 1. – D. 2. – L. 11.
7. Na Rs (Ja). – F. 287 I. – Op. 3. – D. 28. – L. 41.
8. Na Rs (Ja). – F. 293. – Op. 2. – D. 47. – L. 91.
9. Na Rs (Ja). – F. 898. – Op. 5. – D. 6. – L. 87–89.
10. Pribavlenija k Irkutskim eparhial'nym vedomostjam, 1909, no 23, 1 dekabrja, pp. 561, 563.
11. Tobol'skie eparhial'nye vedomosti, 1895, no 23–24, 1–16 dekabrja, p. 536.
12. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1896, no 1, 1 janvarja, pp. 12–13.
13. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1896, no 5, 1 marta, p. 75.
14. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1898, no 7, 1 aprelja, pp.110–112.
15. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1899, no 17, 1 sentjabrja, pp. 259–260.
16. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1903, no 1, 1 janvarja, pp. 13–15.
17. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1911, no 1, 1 janvarja, p. 136.
18. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1913, no 2, 16 janvarja, pp. 31–33.

УДК 78.08:003

ФАКТОРЫ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В ГРУППАХ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Гончаренко С. С., профессор кафедры теории музыки, Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: lalumiere@ngs.ru

В статье исследуются циклические формы европейской профессиональной музыки в аспектах теории текста. Автор дифференцирует несколько уровней циклизации: базовый (цикл как текст), промежуточный (цикл, включающий субциклы), а также уровни сверхциклических конструкций. Описаны синтагматические и парадигматические связи в тексте циклической формы, макротексте и мегатексте.

Ключевые слова: цикл, циклизация, целостность, сверхцикл, текст, интекст, прототекст, макротекст, мегатекст, метатекст.

PRINCIPLES OF TEXT FORMATION IN THE GROUPS OF THE INSTRUMENTAL CYCLES (THEORETICAL ASPECT)

Goncharenko S. S., Professor of Chair of Music Theory, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy) (Novosibirsk). E-mail: lalumiere@ngs.ru

The article examines the theoretical issues of cycle formation in instrumental genres of European music. The objects of the research are works by composers of the Baroque era (Biber, Kuhnau, Corelli, Handel, J. S. Bach), the Viennese classical school (Haydn, Beethoven), as well as the XXth century composers, both, foreign (Respighi, Orff, Messiaen) and Russian (Tishchenko, Karamanov, Krivitsky, Murov and others).

The author uses the methods developed in the Russian analytical science. These are complemented by an appeal to the theory of the musical text, which is being developed in the writings of L. Hakopyan,

M. Aranovski, B. Gasparov, B. Katz and other scientists. The text formation levels in multipart cycles and in groups of cycles – supercycles – are differentiated. The classification criteria are: the presentation method, the awareness of the supercycle idea in the creative process of the composer, the genre prototext, the area of the cycles and supercycles distribution. The summary table is presented in the dichotomous taxonomy of the text formation factors in the instrumental cycles.

The interconnection of the Elements in the cycles-texts and supercycles installed by the syntagmatic and paradigmatic axes. The dramaturgical principle of cyclic form – contrast comparison – causes disabling composite functions on the boundaries parts. Therefore, a major role in the organization of the cycle is to operate paradigmatic text communication. The syntagmatic relations are weakened. They are fragmentary, grouped by function of the homogeneous (off composite functions) or combine different scales contrasting sections in one part (switching functions).

Non-musical principles of the text formation are acting in many cases. These are principles of the program music. Tradition cycles in combination with software group names or symbols with opus numbers, which have been widely developed in the Baroque era, are continued in modern music. Syntagmatic and paradigmatic coordination bonds in the program octopartite suite are shown by the example of the 14th ordre F. Couperin. Figure 1 is placed in the Appendix.

Main focus is on the Makrotex, association of the several cyclic works, which union is carried out, thanks to the dramaturgical logic and constructive idea. Grouping in Macro-and MegaText Beethoven string quartets are presented in Scheme 2.

Internal communications in the makrotex install because of the intonational and thematic complexes, genres, themes, quotes, which move from one part to another and from one cycle to another. In addition to the internal functions, such elements act like an external intextual inclusions. They refer to the other works, which provides access in the Big Text of musical culture.

Keywords: cycle, cyclization, integrity, a supercycle, text, intext, prototext, makrotex, megatext, metatext.

Тенденция к группировке крупномасштабных музыкальных произведений охватывает широкое жанровое и историческое поле европейской культуры – от месс-парафраз XV–XVI века до «Макрокосмоса» Д. Крама, от барочных опер, написанных на одно либретто, до триптиха сценических кантат «Триумфы» К. Орфа и гепталогии «Свет» К. Штокхаузена. Повод для группировки не всегда непосредственно связан с музыкальным творчеством. Однако «группа» фигурирует в истории музыкальной культуры как некая самостоятельная единица, обретающая знаковый статус благодаря присущим ей художественно-эстетическим качествам. В подобных «знаковых единицах» культуры, например, «Бранденбургских концертах» И. С. Баха, «Лондонских симфониях» Й. Гайдна или оперной тетралогии «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнера действуют и определенные, характерные для группы, конструктивные нормы.

В исследовании циклических инструментальных форм, а также их объединений в сверхциклы (далее – СВЦ) в настоящей статье приме-

няются методы, сложившиеся в отечественном музыкознании, которые дополняются обращением к *теории текста*.

Лингвистические понятия *текст*, *теория текста* распространяются в последние десятилетия на различные области художественного творчества: изобразительное искусство (Н. Успенский), драматический театр (П. Пави), фольклористику (Д. Лихачев), этнологию (А. Байбурин, С. и Н. Толстые) и пр. Теория текста, объединяющая ряд научных дисциплин (текстологию, герменевтику, структурную поэтику), обладает мощным потенциалом к интеграции гуманитарного знания. Она постепенно приобретает статус методологической базы и в музыковедческих исследованиях. С 70-х годов прошлого столетия к разработке теории музыкального текста обращаются российские ученые [1; 2; 4–6; 13; 17; 20 и др.].

В данной статье использованы следующие положения, к настоящему времени уже утвердившиеся в теории текста. 1. Текст обладает свойствами связности и цельности. 2. Система связей элементов его структуры устанавливается по

двум осям: синтагматической (связи по смежности) и парадигматической (связи по ассоциации). 3. Музыкальное произведение становится текстом, когда включается в художественный процесс; при этом обнажаются его связи с другими произведениями, в том числе с теми, которые выполняют в текстообразовании генерирующие функции – *прототекстами*, а также функции обобщения – *метатекстами*.

В связи с «переносом» на явления музыкального творчества известные научные понятия приобретают специфические смысловые градации. Напомним для начала общепринятые дефиниции.

Тенденция к группировке автономных и завершенных композиционных структур в музыковедческой литературе определяется понятием *циклизация*. При этом достаточно, по крайней мере, одного параметра объединения. Последовательное осуществление данной тенденции на нескольких уровнях рождает *цикл* – форму, которая представляет собой композиционно-драматургическое целое, где самостоятельные контрастные части цементированы комплексом принципов [15]. Охват контрастирующих друг другу явлений в циклической форме (при разном количестве ее частей) достаточен для того, чтобы под тем или иным ракурсом музыкальными средствами воссоздать в мировосприятии личности картину мира, ее гармонию и единство. Цикл как сформированная определенным образом **целостность** является в настоящем исследовании базовой единицей, поскольку служит инципитом для производных группировок, в том числе циклизации более высоких уровней – *сверхциклов*, или *суперциклов*.

Инструментальный цикл, обладающий высокой степенью обобщения, системностью в отношениях его элементов, отвечает критериям связности и цельности и, следовательно, может при определенных условиях рассматриваться как **текст**. Однако текст циклической формы, в сравнении с другими музыкальными формами, имеет особые свойства.

Характер целостности цикла и соответствующий его тип определяется жанровым инвариантом – прототекстом. В качестве прототекстов выступают сложившиеся в эпоху барокко и получившие развитие позднее следующие известные типы циклов: сюитный цикл (жанрово-танцевальная, программная, смешанная сюиты),

малый полифонический цикл (далее – МПЦ), сонатный цикл. Последний тип цикла, существенно преобразованный в творчестве композиторов венской классической школы, именуется сонатно-симфоническим (ССЦ). Отличия циклических прототекстов состоят не столько в количестве частей (как известно, сюита имеет тенденцию к многочастности, в сонатных циклах, как правило, их три или четыре, МПЦ имеет две части), сколько в их качестве. Образно-жанровые характеристики частей определяют систему циклических функций. Сюитные циклы, отражающие картину мира в цепи типов движений, тяготеют к координации относительно равноправных частей. Сонатные циклы определяют философичность концепции и принцип субординации частей, при котором центральная оппозиция «действие – медитация» составляет семантическое ядро всей структуры. В основе дитиха МПЦ – противопоставление свободы выражения, импровизационности в прелюдии и строгой упорядоченности композиции в фуге.

Жанровые прототипы циклизации воспроизводятся в истории музыкальной культуры многократно. Они продолжают выполнять генерирующую функцию и остаются узнаваемыми, корректируясь в соответствии с авторскими стилями, художественными концепциями, эволюцией жанров и жанровых средств. Так, ССЦ, который считается эталоном драматургической целостности и самым кристаллически четким и устойчивым, в реальности далеко не всегда соответствует трех-четырёхчастному инварианту прототекста, прежде всего у его создателей – венских классиков. Барочные сюитные и сонатные циклы допускают еще большее многообразие структурных комбинаций. Качество вариативности усиливается в циклических формах XX и XXI столетий.

Стоит обратить внимание еще на две особенности, характеризующие феномен цикла.

А. Циклическая форма как данность конечна и завершена, что, на первый взгляд, противоречит этимологии слова цикл – круг (лат.), поскольку движение по кругу предполагает обратимую повторность; оно в принципе не замкнуто, бесконечно. Б. Континуальность (непрерывность) естественного хронотопа в природе и социально-исторических перемен в картине мира уступает место дискретности в циклической музыкальной

форме. Это понятно. Деятельность человека, в том числе художественное творчество, опирается на созданные им предметные и знаковые реалии, расчленяющие воспринимаемый целостный мир. Отделенность знаков друг от друга – обязательное условие текстообразования. Однако только циклическая форма ставит феномен дискретности во главу угла. Ее драматургический принцип – контраст-сопоставление – обуславливает **отключение** общелогических и общекомпозиционных функций на границах завершенных частей. Поэтому на уровне целого преобладает развитая и сильная парадигматика. Тщательный анализ, осуществленный американским ученым Р. Рэти, доказывает прочные парадигматические связи в циклической форме, которые обеспечиваются процессом интонационного перевоплощения единого «тематического контура» в контрастирующих друг другу частях цикла [24]. Благодаря парадигматике укрепляется дискретная в своей основе конструкция, где связи по смежности значительно ослаблены.

При господстве отключения функций в циклической форме возможны, однако, и синтагматические связи. Одна из причин их возникновения – разрастание масштабов цикла за счет увеличения количества частей. Чем больше в цикле частей, тем более вероятны их внутренние группировки по оси синтагматики. Объединение смежных частей в **субциклы** может происходить за счет родства их жанров, музыкальных образов, однородности их циклических функций. В синтагматической группе «субцикл в цикле» контраст между частями имеет дополняющий характер.

Прототексты подобных *интекстовых субциклов* имеют по отношению к прототипу основного текста либо одножанровую, либо иножанровую природу. Несколько уровней циклизации с возникновением «сюиты в сюите» – характерная черта *ordres* (сюитных циклов) Ф. Куперена. Их программы являются своеобразным отражением в клавирной музыке дворцового быта, театрализованных представлений, торжественных церемоний, инсценировок, маскарадов [7]. Иножанровые включения отличают сонатные циклы. «Сюита в сонате» встречается, например, в клавирной сонате И. Кунау «Битва Давида и Голиафа». В ней три последние жанровые части воплощают картину праздничного торжества с музыкой и танцами и выполняют финальную функцию.

В Сонатах для скрипки соло И. С. Баха первые две части являют МПЦ, внедренный в четырехчастный сонатный цикл. Баховскую традицию возрождает Л. ван Бетховен. Но он предпочитает использовать диптих «прелюдия – fuga» на завершающем этапе сонатного цикла (фортепианные сонаты ор. 106 и ор. 110, Соната для виолончели и фортепиано ор. 102, № 2).

Внедрение синтагматики в структуру цикла связано также с использованием наряду с контрастом-сопоставлением иных видов контраста, тех, которые характеризуются введением новой части при переключении композиционных функций. Результатом является «перетекание» частей друг в друга. В цикле возникает самостоятельная форма, известная в аналитической теории под названием «контрастно-составная» или «слитно-циклическая» (первое понятие принадлежит Вл. Протопопову, второе – В. Бобровскому). Синтагмы контрастно-составной формы способны к автономному существованию. Сепаратистские тенденции выражаются в практике самостоятельного исполнения подобных группировок, объединяющих, например, медленную часть и финал ССЦ (клавирная соната Й. Гайдна D dur, Hob. XVI/37, фортепианные сонаты Л. ван Бетховена ор. 53, 57, etc.).

Центростремительные тенденции в многочастном цикле осуществляются благодаря пересечениям синтагматических и парадигматических связей. При этом парадигматическая ось предстает весьма разветвленной. Она действует по нескольким параметрам: жанровому, образно-драматургическому, а также по каждому из средств выразительности и/или их сочетанию. Способы укрепления структуры сюитного цикла иллюстрируются далее на примере 14-й *ordre* Ф. Куперена. На схеме 1 «Ф. Куперен. *Ordre* № 14. Синтагматические и парадигматические связи в структуре цикла» (см. табл. 1) показано, каким образом синтагматические связи, сильные на начальном этапе, уступают место связям на расстоянии, разветвленным по музыкально-тематическому, метроритмическому, тональному параметрам, а также по видам музыкальных форм и функциям частей. Координация синтагматических и несинхронных парадигматических связей удерживает циклическую конструкцию из 8 частей, укрепляет центростремительные силы.

Таблица 1

Схема 1. Ф. Кулерен. Ordre № 14
Синтагматические и парадигматические связи в структуре цикла

№ частей, параметр анализа	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	Группы частей по содержанию программы	Ночные сцены. «Каталог птиц». Крупный план							Резюме
2	Названия частей	Влюбленный соловей	Второй соловей	Испуганные коноплянки	Жалобные малиновки	Соловей-победитель	Июль	Колокола Цитеры	Безделушки
3	Группы по средствам выразительности	Вариационный субцикл							Тройной финальный субцикл
4	Тематический процесс	Тема на двух элементах	Орнаментальная вариация 1	Орнаментальная вариация 2	Контрастная вариация	Орнаментальная вариация 3	Вариация на 1-й элемент темы	Вариация на 2-й элемент темы	Элементы темы «разведень» по голосам
5	Синтагмы	Сильные синтагмы							Слабые синтагмы
6	Парадигмы по размеру	6/8	6/8	12/8	2/2	12/8	6/8	2/4	3/8
	Парадигмы по тональности	D dur	D dur	D dur	d moll	D dur	d moll	D dur	D dur
7	Синтагма и парадигма	Старинная двухчастная	Старинная двухчастная	1-е финальное рондо	Старинная трехчастная репризная	Двухчастная старосонатная	2-е финальное рондо	Двухчастная старосонатная	3-е финальное рондо
	Парадигмы по функциям частей	----- Драматургические центры субциклов ----- Ф у н к ц и и л о к а л ь н ы х ф и н а л о в -----							----- Преобладает парадигматика -----

В последние годы внимание многих музыковедов приковано к проблеме *макроцикла*. Это понятие используется как по отношению к произведениям, которые представляют собой сверхциклическую конструкцию, организованную самим композитором, так и в расширительной интерпретации. Во втором случае музыковеды обозначают макроциклом эволюцию жанров в творчестве того или иного композитора (работы Т. Г. Драчевой о квартетах Б. Бартока [11], З. М. Денисовой и Н. М. Зейфас о симфониях Г. Канчели [9; 12], О. Синельниковой о концертах Р. Щедрина [19]) и др.

Обращение к теории текста позволяет дифференцировать качественно различные объединения инструментальных циклов по следующим критериям: 1) способу презентации; 2) степени осознания идеи сверхциклизации в творческом процессе композитора; 3) характеру прототекста; 4) в зависимости от ареала распространения (как указывал Ю. Лотман, «типологическая классификация текстов определяется системой их социального функционирования» [16, с. 444]). Далее предлагается спектр текстовых групп, в котором основными критериями различения являются первый – способ презентации и четвертый – ареал распространения.

А. Авторизованные тексты, циклизация в которых осуществляется композитором.

1. Базовый уровень циклизации, цикл как текст.

2. Промежуточный уровень циклизации: цикл-текст с интестовыми субциклами. (Эти два класса были описаны выше).

3. Первый уровень СВЦ – макроцикл или *макротекст*. Художественная идея автора предполагает расширение масштабов циклизации. Единство группы циклов продумано композито-

ром и воплощено в соответствующей драматургической логике сочленения циклов и объединяющей их конструктивной идее.

Б. Неавторские тексты, включающие произведения одного или нескольких композиторов. Инициаторами группировки «извне» могут выступать исполнители, издатели, исследователи, а также менеджеры, организующие программы концертов, фестивалей и пр.

4. Второй уровень СВЦ – *мегатекст*, обычно моножанровая группа циклических произведений, обнаруженная исследователем в творчестве композитора. В ней ясно выявляются некоторые закономерности, например, принадлежность циклов к определенному типу драматургии, логика эволюции жанра либо связи на основе какого-либо конструктивного принципа (симфонии-драмы П. Чайковского, сонатная форма в творчестве отдельного композитора, etc.).

5. Третий уровень СВЦ – *метатекст*, группировка циклических форм, в которую исполнители, издатели или ученые включают произведения **разных** композиторов, объединяя их кросскультурной парадигмой. Существенным текстообразующим параметром выступают на этом уровне, например, такие прототексты, как архаический мифокод, общность исходной вербальной составляющей, либо единый принцип формообразования («орфическая» опера, вокальные произведения на один поэтический текст, сонатная форма на определенном историческом этапе развития, etc.).

Ниже приводится таблица дихотомической систематики по указанным критериям (см. табл. 2). В ней учтено несколько факторов текстообразования. Первый из них – фактор репрезентации ограничен оппозицией «композитор – исследователь».

Таблица 2

Факторы текстообразования в инструментальных сверхциклах

Факторы текстообразования	Группы циклов	
	Композитор	Исследователь
I. Репрезентант	Композитор	Исследователь
II. Степень осознания идеи СВЦ в творческом процессе композитора	Стихийное, интуитивное	Целенаправленное, рациональное
III. Жанровая принадлежность структурных единиц	1. Синтетические жанры (опера, драматический театр).	1. Жанры чисто инструментальной музыки (сюиты, сонаты, квартеты, концерты, симфонии и пр.).

Факторы текстообразования	Группы циклов	
	2. <i>Моножанровые</i> СВЦ из произведений одного жанра – мегатексты. 3. Масштабные жанры (опера, симфония, концерт)	2. <i>Кроссжанровые</i> СВЦ из произведений разных жанров. 3. Камерные жанры (соната, квартет и др.)
IV. Место в творческой эволюции композитора	«Локальное»: группа произведений, входящих в СВЦ, охватывает определенный этап творчества	«Глобальное»: группа отражает эволюцию определенного жанра в творчестве композитора или нескольких композиторов

Макро-, мега- и метатексты реализуют тенденции циклической формы к обратимой повторности. В составляющих их циклах воплощена идея неоднократного воссоздания картины мира, где обзор жизненных явлений подается каждый раз в несколько ином ракурсе. Вместе с тем – уже по определению, то есть в силу циклической многосоставности – усиливается и качество дискретности. Синтагматика уходит далеко на периферию, парадигматика – и только она! – остается на страже содружества текстов. Осуществляемые благодаря парадигматике связи между циклами приобретают характер **интертекстуальности**.

Названия авторизованных макротекстов фиксируют жанровую принадлежность составляющих их текстов-циклов. Макротекст может быть моножанровым, то есть имеет один прототекст (Сонаты-мистерии для basso continuo и скрипки И. Бибера, Французские сюиты И. С. Баха) или полижанровым, то есть включает различные прототексты (Сонаты и партиты для скрипки соло И. С. Баха). В некоторых случаях название подчеркивает культурологический характер программы, объединяющей циклы («Римская трилогия» О. Респиги, «Триумфы» К. Орфа). О возможной группировке циклов порой свидетельствует указание опуса (Сонаты для скрипки op. 5 А. Корелли, Квартеты op. 18 Л. ван Бетховена). В афишировании СВЦ примечательны цифровые указания, поставленные автором в название цикла («Музыкальное представление некоторых библейских историй в шести сонатах, исполняемых на клавире» И. Кунау) или в номере опуса (Concerti grossi op. 3 и op. 6 А. Корелли, op. 6 и op. 12 Г. Ф. Генделя).

Кроме экстрамузыкальных параметров в интертекстуальной функции могут выступать также интрамузыкальные. Один из ранних примеров – мессы на тему французской шансон «L'homme agne» неизвестного автора, образующие «прочное единое целое <...> Начальные пять четырехголосных месс строятся на развитии отдельных фрагментов мелодии, причем каждая разрабатывает одну из пяти частей с. f. <...> В шестой мессе добавлен пятый голос <...> эта <...> месса становится достойным завершением всего цикла и, как пишет Д. Пламенник, “представляет собой конструктивную и музыкально-смысловую кульминацию всего произведения”» [18, с. 25–26].

С выходом за пределы цикла в макро-, мега- и метапространства все более ослабляются центростремительные силы. Зависимость, таким образом, между радиусом распространения текстов и степенью их целостности обратно пропорциональная. При этом ослабляются интертекстуальные функции собственно музыкальных средств выразительности и усиливается значение экстрамузыкальных факторов циклизации. Важнейший из них – программность – объединяет текстовые группы разного уровня. Часто именно глобальный, всеохватный характер программы служит причиной сверхциклизации. Космогонические мифы, древние обряды и ритуалы стимулировали рождение музыкально-сценических циклов Р. Вагнера, Н. Римского-Корсакова, З. Фибиха, С. Танеева, Д. Б. Малипьеро. Каталогическая программность, истоки которой ведут начало из античных времен, приобретает новый облик в симфонической «Римской трилогии» О. Респиги, оперной трилогии Ф. Гласса «Эйнштейн на

берегу), «Эхнатон», «Сатъяграха». Библейские сюжеты и образы являются основой СВЦ барочных сонат И. Куна. Евангелическая программа объединяет «Сонаты Святого Розария» И. Бибера, а в XX веке – симфонические макроциклы А. Караманова «Бысть» и «Совершишася». «Божественная комедия» Данте Алигьери является основой симфонической хореоциклады «Беатриче» Б. Тищенко. Программные названия циклов, их частей и авторские комментарии к ним дают возможность рассматривать СВЦ как интертекст, а также выйти за пределы СВЦ в пространство художественной традиции.

В непрограммных произведениях ведущую роль при установлении интертекстуальных связей в СВЦ (и в более широком культурном ареале) играют образно-драматургические линии. Одна из распространенных парадигм выстраивается в сонатных СВЦ на основе бинарной оппозиции «действие – медитация». Так, в поздних квартетах Бетховена, которые исследователи рассматривают как СВЦ [8; 22], ведущее значение приобретает ее необарочная интерпретация – оппозиционная пара «медитация – действие» на основе темпового контраста «медленно – быстро». Она возвращается неоднократно, организуя драматургическую логику на разных уровнях композиции (подробней об этом в ст. [8]). Длинный ряд сопоставлений, продвигаясь по вектору поступательного развития, ведет к утверждению классицистической концепции мужественного противостояния, но оно достигается только в самой последней точке пути – в мажорных кодах финалов (ор. 131 – 133).

В шести поздних квартетных опусах Бетховена сильной парадигматической позицией обладают несколько интонационно-тематических комплексов (о методе анализа слабой или сильной позиции в синтагмах и парадигмах музыкального текста пишет Л. Акопян [1]). Один из них «собирается» из вступительных тем квартетов ор. 130 и 132, темы фуги из квартета ор. 131. Начальная тема в Увертюре Большой фуги ор. 133 является качественно новым их вариантом – обобщением самых острых интонаций, построенных на звукорядах, предвосхищающих «веберновские группы». Эти темообразования являются своего рода «лейткомплексом» в тематическом развитии макроцикла.

Рассматривая струнные квартеты Бетховена в совокупности, нельзя не обратить внимание на обстоятельства, примечательные в аспекте сверхциклизации. Во-первых, эволюция квартетного жанра имеет дискретный характер. Группы квартетов хронологически дистанцированы и четко представляют три стиля Бетховена: ранний венский (группа I, 1798–1800), зрелый (группы II, III, 1804–1810) и поздний (группа IV, 1824–1826). Во-вторых, налицо парадигматические арки, которые дают возможность рассматривать в квартетной эволюции черты мегатекста. Две самые масштабные, обрамляющие группы включают по шесть произведений. «Русские триады», написанные по заказу графа А. К. Разумовского и князя Н. Б. Голицына образуют внутренний круг симметрии. Правда, вторая «русская триада» оказалась «встроенной» в последнюю «шестерку» так, что возникла группировка 1+4+1 (имеется в виду тот факт, что ор. 127 и 135, являющие собой жанровый тип драматургии и нормативный инвариант ССЦ, образуют обрамление «четверки» экспериментальных квартетов ор. 130–133). В центре эволюции располагаются два квартета № 10, 11, представляющие основные драматургические типы сонатных циклов Бетховена: жанровый и драматический. Таким образом, выстраивается архитектурно ясная, замкнутая конструкция. См. схему 2 «Мегатекст в эволюции струнных квартетов Бетховена» (табл. 3).

Дополнительные детали, свидетельствующие о единстве мегатекста, видны в распределении тональностей квартетов. Преобладают мажорные тональности, минорные оказываются внутри групп. Опорную функцию выполняет тональность F dur, она открывает группу I (ор. 18 № 1) и II (ор. 59 № 1), завершает группу IV (ор. 135); в группе III представлена в виде одноименной тональности f moll (Квартет № 11 ор. 95). Тональность B dur фигурирует в большем внутреннем круге зеркальной симметрии (ор. 6 № 6 и ор. 130, 133), а Es dur – в меньшем (ор. 74, 127). Обрамление сверхцикла усилено также возвращением в Квартете ор. 135 четырехчастного эталона классического цикла и жанровой драматургии, оно создает арки к Квартету № 12 ор. 127, который открывает IV группу, и к первой «шестерке» ор. 18.

Схема 2. Мегатекст в эволюции струнных квартетов Бетховена

Группы квартетов	Группа I 6 квартетов						Группа II 3 квартета, посв. графу Разумовскому			Группа III 2 квартета		Группа IV 6 квартетов, из них ор. 127, 130, 132, посв. князю Голицину							
	1798–1800						1804–1806			1809	1810	1824	1825	1826	1825		1826		
Опус	18						59			74	95	127	130	131	132	133	135		
№ квартетов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17		
Тональности	F	G	D	c	A	B	F	e	C	Es	f	Es	B	cis	a	B	F		
Тональные арки	I						IV			I	V		t		IV		IV		I
	8 квартетов						Ось			8 квартетов									

В последние годы, вслед за работами Р. Барта, Ю. Лотмана, в музыковедении входит в употребление категория «Текста (с заглавной буквы) <...> как своего рода среды культуры» [1, с. 10]. В отличие от малого текста, принципиальным свойством которого является «рамка», большой Текст обычно «не имеет четких временных и пространственных границ... Так, всю тональную музыку европейской традиции можно рассматривать как единый Текст, включающий в себя множество как крупных (Текст классицизма, Текст романтизма и т. п.), так и более мелких подразделений» [1, с. 10].

Показательно, что описанная архитекtonика в эволюции квартетов Бетховена возникла непреднамеренно. Замыслы композитора поддерживались, стимулировались и корректировались инициативой заказчиков, исполнителей, издателя (подробнее об этом в кн. П. Долгова [10]). Налицо активное воздействие Текста культуры на образование макро- и мегатекстов.

О том, что последние квартеты Бетховена «вписаны» в широкий культурный контекст свидетельствует наличие в них интонационно-тематического «лейткомплекса». Его элементы переходят из части в часть, из цикла в цикл [22, с. 17–20]. Они создают также историко-стилевые аллюзии, ассоциируются со скорбно-драматическими

темами И. С. Баха. О. И. Спорыхина называет данное явление внешними интекстными включениями [20]. Ассоциации подтверждаются использованием полифонических приемов изложения и развития, обращением к форме фуги (ор. 131, 133). Таким образом, данный «лейткомплекс» выполняет внетекстовые функции, «выводит» за пределы макро- и мегатекста в пространство большого Текста культуры.

В музыке XX века функцию внешних интекстовых включений выполняют в СВЦ цитаты из произведений, не входящих в макротекст. Оригинальное решение предлагает новосибирский композитор А. Ф. Муров. Его Симфонии № 3 и № 5 объединяет в макроцикл философский замысел – размышление о становлении российской государственности и о современной истории России. Знаками, отсылающими к рубежу XVII–XVIII веков, являются цитируемые канты Петровской эпохи. Сопоставление двух кантов – торжественного, славильного и траурного – в завершении Симфонии № 3 звучит как «слава и плач», эпический прием, характерный для русской культурной традиции. Это – итог драматургического развития восьмичастного цикла. Симфония № 5 открывается аналогичным сопоставлением канта-вивата и скорбного плача, что становится импульсом для философского осмысления катаклизмов в современном социуме.

В «Английских сюитах» для струнного квартета другого новосибирского композитора – С. Кравцова – ось парадигматики проходит в СВЦ по линии финалов. Транскрипция баховской жиги из Английской сюиты № 6, в целостном ее представлении, которая завершает весь опус из трех сюит, интонационно подготавливается финальными жигами из двух предыдущих циклов. Аналогичную функцию внешнего интекстового включения в макроцикл из 24 фортепианных сонат московского композитора Д. Кривицкого, озаглавленный «Размышление о быстротекущем времени», выполняет тема любви из его же оперы «Доктор Живаго». Она появляется в одиннадцати сонатах, становится лейттемой макроцикла. Внешнее интекстовое включение в данном случае ограничено рамками собственного композиторского творчества.

Изучение уровней сверхциклизации и действующих в них текстообразующих факторов с необходимостью ставит в связь явления малых текстов – конкретных музыкальных произведений, макро-, мега- и метатекстов – и большого Текста музыкальной культуры. При расширении ареала, в который попадают группы текстов, в них изменяется координация центробежных и

центростремительных сил. Разумеется, широкие и неоднородные сферы функционирования влияют на условность водоразделов. Границы между уровнями текстообразования могут оказаться подвижными, а соотношение центростремительных и центробежных сил неоднозначными.

Идея группировки циклов привлекает в наши дни и последователей традиций, и реформаторов. Рождаются новые индивидуальные решения, синтезирующие ранее апробированные приемы циклизации, типы циклов, многосоставные СВЦ. Авторы предусматривают автономное исполнение интекстовых субциклов, «извлекаемых» из многочастных замкнутых конструкций («Турангалила-симфония» О. Мессиана), а также из «открытых форм» музыкального авангарда (Клавириштук 11 К. Штокгаузена).

Представленный обзор некоторых примечательных явлений сверхциклизации в инструментальной музыке, которые рождаются в большом Тексте музыкальной культуры и, в частности, предвосхищают феномен гипертекста, развивающийся в современных компьютерных технологиях, стимулирует исследование проблем музыкального текстообразования.

Литература

1. Акопян Л. О. Анализ глубинной структуры музыкального текста. – М., 1995. – 256 с.
2. Арановский М. Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. – М., 1998. – 343 с.
3. Барсова И. А. Симфонии Густава Малера. – М., 1975. – 495 с.
4. Гаспаров Б. М. О некоторых принципах структурного анализа музыки // Проблемы музыкального мышления. – М., 1974. – С. 129–152.
5. Гаспаров Б. М. Последняя соната Моцарта // Семиотика текста: тр. по знаковым системам. – Тарту, 1979. – Вып. 11. – С. 71–97.
6. Гончаренко С. С. О поэтике оперы. – Новосибирск. – 2010. – 260 с.
7. Гончаренко С. С. Инструментальный сверхцикл в современной музыке: к проблеме изучения // Актуальные проблемы современного композиторского творчества: мат-лы Всерос. науч. конф., 24–25 окт. 2013. – Красноярск, 2014. – С. 51–68.
8. Гончаренко С. С. О принципе барочного циклообразования в квартетах Бетховена (в печати).
9. Денисова З. М. Симфонические жанры в творчестве Г. А. Канчели (к вопросу эволюции мировоззрения композитора): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Магнитогорск, 2010. – 23 с.
10. Долгов П. Смычковые квартеты Бетховена. – М., 1980. – 197 с.
11. Драчева Т. Г. Авторская монограмма в струнных квартетах Белы Бартока // Проблемы музыкальной науки. – 2011. – № 2. – С. 214–221.
12. Зейфас Н. М. Национальное, индивидуальное и общечеловеческое в музыке Гии Канчели: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – М., 1992. – 50 с.
13. Кац Б. А. Внутренняя организация вариационного цикла и ее художественное значение: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Л., 1975. – 30 с.
14. Клочкова Е. В. Библиейские симфонии А. Караманова. – М., 2005. – 228 с.

15. Крылова А. В. Советский камерно-вокальный цикл периода 70-х – начала 80-х годов (К проблеме эволюции жанра): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Вильнюс, 1983. – 24 с.
16. Лотман Ю. М. К проблеме типологии текстов // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб., 2001. – С. 442–447.
17. Ручьевская Е. А. Функции музыкальной темы. – Л., 1977. – 159 с.
18. Симакова Н. Мелодия «L'homme armé» и ее преломление в мессах эпохи Возрождения // Теоретические наблюдения над историей музыки. – М., 1978. – С. 17–53.
19. Синельникова О. Концертный стиль Родиона Щедрина в начале XXI века // Музыкальная академия. – 2013 (4). – С. 1–10.
20. Спорыхина О. И. Интекст как компонент стилиевой системы П. И. Чайковского: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2000. – 25 с.
21. Текст в тексте: сб. ст. – Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1981. – Вып. 567. – 96 с.
22. Цахер И. О. Поздние квартеты Бетховена. – М., 1997. – 143 с.
23. Шенкер Г. Новые музыкальные теории и фантазии III. Свободное письмо / пер. Б. Плотникова. – Красноярск, 2003. – Т. I: Текст. – 153 с.
24. Reti R. The Thematic Process in Music. – London: Faber and Faber, 1961. – 362 p.

References

1. Akopjan L.O. Analiz glubinnjy struktury muzykal'nogo teksta [Analysis of the underlying structure of the musical text]. Moscow, 1995. 256 p.
2. Aranovskij M.G. Muzykal'nyj tekst. Struktura i svojstva [Musical text. Structure and properties]. Moscow, 1998. 343 p.
3. Barsova I.A. Simfonii Gustava Malera [Symphonies of Gustav Mahler]. Moscow, 1975. 495 p.
4. Gasparov B.M. O nekotoryh principah strukturnogo analiza muzyki [On some principles of the structural analysis in music]. *Problemy muzykal'nogo myshlenija – Problems of musical thinking*. Moscow, 1974, pp. 129–152.
5. Gasparov B.M. Poslednjaja sonata Mocarta [Last Sonata Mozart]. *Semiotika teksta. Trudy po znakovym sistemam – Semiotics of the text. Scholarly works for sign-systems*. Tartu, 1979, iss. 11, pp. 71–97.
6. Goncharenko S.S. O poetike opery [The poetics of the Opera]. Novosibirsk, 2010. 260 p.
7. Goncharenko S.S. Instrumental'nyj sverhcikl v sovremennoj muzyke: k probleme izuchenija [Instrumental supercycle in modern music. On the problem of studying]. *Aktual'nye problemy sovremennogo kompozitorskogo tvorchestva. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 24–25 oktjabrja 2013 goda – Actual problems of contemporary music. Materials of the scientific conference, 24–25 October 2013*. Krasnoyarsk, 2014, pp. 51–68.
8. Goncharenko S.S. O principe barochnogo cikloobrazovanija v kvartetah Bethovena (v pečati) [On a principle of the Baroque cycle formation in Beethoven quartets].
9. Denisova Z.M. Simfonicheskie zhanry v tvorchestve G.A. Kancheli (k voprosu evoljucii mirovozzrenija kompozitora). Avtoref. diss. kand. iskusstvovedenija [Symphonic genres in the works of G.A. Kancheli (on the question of the evolutionary questions on the composer Worldview)]. Magnitogorsk, 2010. 23 p.
10. Dolgov P. Smychkovyje kvartety Bethovena [String quartets of Beethoven]. Moscow, 1980. 197 p.
11. Drachjova T.G. Avtorskaja monogramma v strunnyh kvartetah Bely Bartoka [Author's monogram in the string quartets of Bela Bartok]. *Problemy muzykal'noj nauki – Problems of musical science*, 2011, no. 2, pp. 214–221.
12. Zejfas N.M. Nacional'noe, individual'noe i obshchechelovecheskoe v muzyke Gii Kancheli. Avtoref. diss. kand. iskusstvovedenija [National, individual and universal in music of Giya Kancheli]. Moscow, 1992. 50 p.
13. Kac B.A. Vnutrennjaja organizacija variacionnogo cikla i ejo hudozhestvennoe znachenie. Avtoref. diss. kand. iskusstvovedenija [Internal organization of the variational cycle and its artistic value]. Leningrad, 1975. 30 p.
14. Klochkova E.V. Biblejskie simfonii A. Karamanova [Biblical Symphonies of A. Karamanov]. Moscow, 2005. 228 p.
15. Krylova A.V. Sovetskij kamerno-vokal'nyj cikl perioda 70-h – nachala 80-h godov (K probleme evoljucii zhanra). Avtoref. diss. kand. iskusstvovedenija [Soviet chamber-vocal cycle in period of the 70's – early 80-ies (On the problem of the genre evolution)]. Vilnius, 1983. 24 p.
16. Lotman Ju.M. Semiosfera. K probleme tipologii tekstov [The Semiosphere. On the problem of the text typology]. Sankt-Peterburg, 2001, pp. 442–447.
17. Ruch'evskaja E.A. Funkcii muzykal'noj temy [The Functions of musical themes]. Leningrad, 1977. 159 p.

18. Simakova N. Melodija "L'homme arme" i ee prelomlenie v messah epohi Vozrozhdenija [Melody "L'homme arme" and its interpretation in the masses of the Renaissance]. *Teoreticheskie nabljudenija nad istoriej muzyki – Theoretical observations on the history of music*. Moscow, 1978, pp. 17–53.
19. Sinel'nikova O. Koncertnyj stil' Rodiona Shchedrina v nachale XXI veka [The Concert style of Rodion Shchedrin at the beginning of the XXI century]. *Muzykal'naja akademija – Music Academy*, 2013 (4), pp. 1–10.
20. Sporyhina O.I. Intekst kak komponent stilevoj sistemy P.I. Chajkovskogo. Avtoref. diss. kand. iskusstvovedenija [Intext as a component of style system of P.I. Chaikovsky]. Moscow, 2000. 25 p.
21. Tekst v tekste. Sbornik statej [The text in the text. Collection of articles]. Tartu, Tartu State University Publ., 1981, iss. 567. 96 p.
22. Caher I.O. Pozdnie kvartety Bethovena [Late quartets of Beethoven]. Moscow, 1997. 143 p.
23. Shenker G. Novye muzykal'nye teorii i fantazii III. Svobodnoe pis'mo [New music theory and fantasy III. Free Composition]. Translation by B. Plotnikov. Krasnojarsk, 2003. Vol. I. Text. 153 p.
24. Reti R. The Thematic Process in Music. London, Faber&Faber Publ., 1961. 362 p.

УДК 785.035 (7.03)

РОЛЬ МАНГЕЙМСКОЙ ШКОЛЫ В СТАНОВЛЕНИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО КЛАССИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Дарда В. Н., соискатель кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: vndarda@yandex.ru

В статье деятельность представителей Мангеймской придворной капеллы как исторического центра становления и развития одной из первых в Западной Европе базовых школ инструментализма рассматривается в аспекте ее влияния на развитие музыкального искусства в Европе. Изучение Мангеймской школы как феномена музыкальной культуры в единстве исторического, теоретического и исполнительского аспектов обусловили выяснение роли одного из важнейших этапов истории западноевропейской музыки – перехода от стиля барокко к стилю классицизма как закономерного и объективного исторического процесса.

Ключевые слова: Мангеймская школа, исполнительство, стиль, инструментальные жанры.

A ROLE OF THE MANNHEIM SCHOOL IN FORMATION OF THE INSTRUMENTAL CLASSICAL STYLE

Darda V. N., Competitor of Chair of Music Education and Training, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg). E-mail: vndarda@yandex.ru

The activities of the representatives of the Mannheim Court Capella, as the historical centre of formation and development of one of the first in Western Europe basic schools of instrumentalism is discussed in the aspect of its influence on the development of musical art in Europe. The study of the Mannheim School as a phenomenon of musical culture in the unity of the historical, theoretical and performance aspects led to the clarification of the role of one of the most important stages in the history of Western European music, the transition from Baroque style to Classicism as a natural and objective historical process.

Keywords: Mannheim school, performance, style, instrumental genres.

В истории становления инструментальных жанров и развития исполнительства на струнно-смычковых инструментах смена музыкальных принципов и концепций в процессе перехода от «музыки небесной» к «музыке земной» произошла, в первую очередь, в исполнительской практике, несколько опередив теоретическое осмысление. В эпоху барокко человек ощущал себя неотъемлемой частью социального и религиозного общества, в рамках которого он обретал себя. В связи с процессами развития инструментальной музыки XVIII век стал эпохой бурного роста симфонических оркестров в придворных капеллах и церквях, ставших средоточием музыкальной профессиональной культуры. Придворные капеллы вытесняют городские музыкальные цеха, коллегии и полупрофессиональные кружки⁸. Высокого мастерства достигли «Духовные концерты» в Париже, придворный оркестр князя Эстергази в Эйзенштадте, Миланский, Санкт-Петербургский, Яромержицкий оркестры. Капеллы Берлина, Мангейма⁹ и Вены «...приобретают более широкое значение, чем придворно-домашние капеллы в XVII веке. Не случайные, неопределенные ансамбли, как было ранее, а большие организованные оркестровые составы выдвигаются в различных городах – в Неаполе, Париже, Дрездене, Праге... На первых

⁸ Дворянство проводило концерты и «академии», которые были представлены особыми слугами и вассалами, изучавшими музыку в школах по всей стране, и много молодых людей из дворянских семей склонялись к домашним театрам и домашним капеллам потому, что так же хотели быть музыкантами (здесь и далее все цитаты из иностранных источников приводятся в моем перевод. – В. Д.) [28, с. 19–20]. При проверке каталогов (Fasc. 437/8) иезуитской коллегии в архиве пражского замка установлено, что найден, вероятно, Йоганн Стамиц как воспитанник иезуитской школы, записанный как “Joan. Steinmetz” [28, с. 50]. Ученики иезуитской коллегии устраивали музыкальные выступления и в целом по стране... Упомянутые современные данные дают нам возможность хорошо представить Йоганна Стамица в юности. Он так же начал с церковных композиций [28, с. 22].

⁹ У Т. Н. Ливановой находим: «При дворе курфюрста в дни, когда не было оперных спектаклей, устраивались концерты, на которые допускались не только местные жители, но и иностранцы» [13, с. 302].

порах камерно-симфоническая музыка связана с музыкой бытовой (серенады, дивертисменты, застольная музыка), произведения исполняются на улице, в домашнем и придворном быту» [12, с. 574].

Социокультурное развитие Западной Европы второй половины XVIII столетия стимулировало новое эмоционально-творческое самовыражение и коммуникативное общение в музыкальной среде. Изменение социально-исторических условий заставляют музыканта осознать себя как независимого, самостоятельного человека и самоидентификация становится для него решающей задачей. С возникновением нового сословия (буржуазии), расцветом нотоиздательства и концертирования¹⁰, как формы исполнительства, выдающиеся композиторы¹¹ обращаются к сочинению произведений концертных жанров для широкой, «неизвестной» заранее публики. Virtuoz, который хочет завоевать нового зрителя, должен соответствовать совершенно иным требованиям, чем придворный музыкант более раннего периода. Таким образом, в музыкально-культурных центрах зарождался новый тип исполнителя – солист-профессионал.

Преобразование общих культурных процессов в конкретные композиционные и драматургические составляющие музыкального произведения

¹⁰ Т. Н. Ливанова отмечает, что «еще в 1670-е годы скрипач Дж. Банистер организовал в Лондоне платные публичные концерты в собственном доме. А затем платные концерты, в том числе абонементные, вошли в обычай в английской столице, хорошо соответствуя новому общественному укладу страны... Устраивались также платные публичные концерты в Гамбурге, Дрездене, Вене, Неаполе, Праге, Стокгольме и других европейских культурных центрах. Так на протяжении XVIII века формируются те условия и та среда, в которых только и возможно развитие крупных инструментальных жанров обобщающего значения» [13, с. 267].

¹¹ Феномен «Мангеймской школы» был замечен современниками и, как отмечается, придворный оркестр поражал блеском исполнения. Только гораздо позже в оценках и комментариях смещаются акценты с музыкального искусства капеллы, которое привлекало внимание в источниках, в частности в то время, когда его возглавлял Ян Вацлав Стамиц (Jan Václav Stamic), на работу композиторов, сосредоточенных внутри оркестра [29, с. 36].

(шире – жанра и стиля¹²) осуществляется через исполнительство. Одной из ведущих его форм становится инструментальное *концертирование*, обеспечивающее связь новых музыкально-выразительных средств с их историческими прообразами.

Одной из черт творческой деятельности музыкантов Мангеймской капеллы было продолжение традиции универсального художника¹³ эпохи Возрождения с характерным слиянием исполнителя и творца музыки в одном лице. Эта особенность, в том числе, позволила музыкантам Мангеймской школы¹⁴ разносторонне совершенствовать свой профессионализм.

¹² О формировании новых музыкальных направлений и стилей в преддверии французской буржуазной революции пишет Р. Роллан: «...корни искусства таких людей, как Бетховен, имеются уже... в симфониях мангеймцев, в творчестве этого удивительного Й. Стамица, оркестровые трио которого, написанные около 1750 года, означают новую эру» [24, с. 207]. О многочисленных «Orchestertrios» и «Sinfonien» в творчестве Я. Стамица писали в своих трудах Г. Крафт [31], Г. Римаун [22; 23], другие зарубежные и отечественные исследователи.

¹³ Т. Н. Ливанова считает, что «единство творческого и исполнительского замысла в музыке мангеймцев, особенно способствовавшее впечатлению целостности их стиля, было достигнуто благодаря исключительному составу капеллы» [12, с. 595].

¹⁴ «Мангеймская Школа как явление в сегодняшнем понимании была образована в среде Мангеймского оркестра курфюрста Пфальцского в 1740 году. Мангеймская капелла была создана ранее, на рубеже XVII и XVIII веков, в царствование герцога Карла Филиппа, предшественника Карла Теодора. Карл Филипп имел свою резиденцию в Силезии, вот тут-то и было создано ядро капеллы, позже перемещенное несколько раз с герцогским двором: в 1707 году он переехал в Инсбрук, затем, с Курфюрстом Иоганном Вильгельмом, – в Дюссельдорф. Когда Иоганн Вильгельм умер (1716) и был избран его младший брат Карл Филипп, который переместился сначала в Гейдельберг с частью его бывшей Силезской капеллы в 1720 году и, наконец, в Мангейм. Здесь капелла была реконструирована отчасти из членов бывшей Силезской и Инсбрукской капелл, частично – из новых членов. В царствование Курфюрста Пфальцского Карла Теодора (1742–1799) оркестр пережил огромный расцвет и в стиле исполнения, и в плане музыки... В 1778 году Мангеймский двор с его знаменитым оркестром переехал в Мюнхен. Только младший капельмейстер оркестра Игнац Хольцбауэр (Holzbauer) остался в Мангейме [29, с. 35].

Исполнительское искусство лидера Мангеймской школы Яна Стамица¹⁵ было гармоничным и уравновешенным по художественному замыслу, форме и инструментальной технике. Игра виртуоза отличалась монументальностью, богатством динамических оттенков, сочным тоном, блестящей техникой двойных нот. Я. Стамиц в своем творчестве объединил динамические возможности струнных инструментов, итальянскую кантабилитетность, богемскую (чешскую) импровизационность с чертами немецкого народного исполнительства (одноголосную мелодичность и приемы многоголосной игры solo: технику двойных нот, аккордов, скачков, перебросов смычка через струну). Его выразительная, экспрессивная исполнительская техника отразилась на развитии тематизма и кантиленной широте скрипичных, альтовых и виолончельных сонат и концертов, разнообразии динамических оттенков и инструментальных тембров оркестра.

Основой новых принципов концертирования (исполнительства) стала непосредственная передача эмоционально-чувственного начала. Несмотря на тесные отношения папы римского с дво-

¹⁵ В литературе отмечается, что решающую роль в судьбе Мангеймского оркестра сыграла личность Яна Стамица – яркого представителя «переломного времени». Он прибыл в 1742 году в распоряжение курфюрста в качестве виртуоза. Уже с 1743 года ему значительно повышают жалование, что было редкостью, а еще через два года назначают концертмейстером и директором Камерной музыки. Я. Стамиц был самым высокооплачиваемым музыкантом Мангейма. Отец Яна Стамица, Антон Игнатиус, получил в 1710 году назначение в Немецкий Брод на место органиста и декана церкви, был регентом хора, кантором и учителем. Антон Стамиц уже имел имя, или был как минимум очень хорошим музыкантом, так как он занимал ответственное место [28, с. 13–14]. В других источниках находит следующую информацию: Стамиц родился в 1717 году в Немецком Броде (Deutsch-Brod, Богемия) сыном кантора и в 1742 году добился успеха первого скрипача-виртуоза при дворе коронованного кайзера Карла VII во Франкфурте-на-Майне... За свою короткую жизнь (умер Стамиц в 1757 году в Мангейме), являясь исполнителем и руководителем симфонического оркестра, он провел в нем решающую реформу и усовершенствовал его уровень [31, с. 143–144].

ром баварского курфюрста¹⁶, прорыв к «новой жизни»¹⁷ в Мангейме удается раньше, чем в других европейских городах¹⁸. В духе мировоззрения эпохи основатель школы Ян Стамиц «переплавил» в своем творчестве предшествующий опыт итальянских¹⁹, немецких, австрийских композиторов, оригинальные черты славянских (чешских) музыкантов. Народные бытовые и вторичные (например, оперные) жанровые источники свободно

¹⁶ Фактически все мужчины в Мангейме, занимающие видное, важное, значительное положение, как государственные мужи, так и деятели искусства или ученые были тесно связаны с иезуитством или служили по рекомендации папы римского [28, с. 26].

¹⁷ М. В. Иванов-Борецкий говорит о документальных свидетельствах того, что в Германии современники мангеймцев воспринимают их как «проводников буржуазного сентиментализма» [17, с. 452].

¹⁸ Во время правления Карла Теодора (1742–1760) Мангеймский двор был одним из самых блестящих интеллектуальных и артистических центров Европы. Интересы просвещенного правителя были направлены на развитие искусства и науки. Его коллекции живописи и скульптуры приобретались во Франции и Италии, а основные постройки города были сооружены французскими архитекторами. Г. Риман пишет, что «Мангеймский театр вмещал в себя пять тысяч человек, а число статистов было больше, чем в операх Парижа и Лондона» [22, с. 294]. Итальянские музыканты подолгу бывали в курфюршестве и, как отмечал Г. Риман, «Мангейм и Шветцинген... обладали театрами итальянской оперы» [22, с. 294]. Курфюрст увлекался одновременно французским театром и Вольтером, призывавшем создать национальный театр на немецком языке. У Т. Н. Ливановой находим, что в Мангейме была «совершена попытка создания героической национальной оперы “Тюнтер фон Шварцбург” Гольцбауера, 1776 год» [12, с. 594].

¹⁹ Другие страны были культурно богаче, чем Богемия и перенос резиденции из Праги в Вену уничтожил основные экономические и социальные условия высокого художественного расцвета [28, с. 22]. Дольше, наряду с Таргини (1723 год), задержались в Богемии музыканты, у которых выделяются сходства стиля (преимущественно по форме) со Стамицем: Карло Тессарини (1738 год), предстающий как зрелый мастер стилистических изменений (Magpurgs, «Kit. Briefe» II, S. 473) [28, с. 22–23]. Т. Н. Ливанова пишет, что «с 1734 года [Я. Стамиц] находился в Праге, с 1741 года стал придворным музыкантом в Пфальце. Концертировал как скрипач-виртуоз, исполнял свои произведения» [13, с. 301–302].

вплелись в драматургию его симфоний и концертов. Благодаря созданию капелланами большого количества сочинений, ими были «освоены» практически все *инструментальные жанры* XVIII века – симфонии²⁰ и концертные симфонии²¹ (для двух или трех солистов с оркестром), концерты для солиста с оркестром, камерная музыка.

Опираясь на гомофонно-гармоническую функциональность и тщательно отобранный интонационный и ритмический набор семантических знаков, мангеймцы формируют различные образы тематизма сонатного *allegro*. Как мы видим, в музыковедческих анализах симфоний мангеймцев [3; 4; 12–15; 30; 31] и концертов Стамицев [6; 7] четкая, классическая функциональность пронизывает не только строение тем с их гармонической завершенностью полными кадансами, но и их тональное соотношение в части и цикле в целом. Для тематизма произведений мангеймцев была характерна функциональная определенность гомофонной фактуры, при которой отпадала надобность в *basso continuo*.

Мангеймская школа²² – «технический термин», появившийся в истории музыки в начале XX века, распространился, чтобы стать предметом оживленных дискуссий и полемики, которая занимала музыкальных историков наиболее ин-

²⁰ Исследуя композиторское наследие Я. Стамица, Г. Риман писал, что он «видный представитель *раннего классицизма*, один из тех композиторов, в чьем творчестве совершился переход от итальянской увертюры к симфонии, стал первым, кто регулярно писал симфонические произведения из 4-х частей (с Менуэтом и трио)» (см. [27, с. 817]).

²¹ Одним только Карлом Стамицем создано 38 концертных симфоний [9, с. 168]. В. А. Моцарт, будучи в Мангейме, оценил достоинства этого жанра и расширил представления о форме и трактовке как сольных инструментов, так и оркестра в концертной симфонии для скрипки и альты (1779, Es-dur, KV364). Он наметил несколько концертных симфоний для скрипки, альты и виолончели, но не завершил их [21, с. 50].

²² Немецкий ученый Г. Крафт в очерках по истории музыки пишет, что Г. Фоглер одним из первых ввел этот термин в своем трактате о Мангеймской капелле в 1778 году. При этом Г. Крафт говорит о том, что Г. Фоглер, а позднее и Х. Риман к Мангеймской школе относят таких композиторов, как В. А. Моцарт, И. Х. Бах, К. М. Вебер [31, с. 138].

тенсивно примерно до семидесятых годов. Тогда различные мнения и конфликты были урегулированы в компромиссную позицию [29, с. 35]. Яромир Хавлик в своем исследовании рассматривает, среди прочих теоретических дискуссий вокруг Мангеймской школы, «римановские определения отличительных особенностей Мангеймских композиторов» [29, с. 41]. Традиция «переплавки» ритмоинтонаций, свойственных той или иной национальной культуре в общеевропейский тематизм, создавала почву для возникновения различных исследовательских версий, относительно принадлежности композитора к той или иной национальности²³.

Рационализм как основное внемузыкальное понятие управления изменений во всех областях человеческой жизни и мысли в творчестве мангеймцев становится одним из ведущих принципов. Рациональный подход к созданию произведений позволил типизировать новые принципы сонатности не только на уровне формы ее первой части (сонатного *allegro*), но и на уровне цикла. В. П. Бобровский пишет: «Сонатный цикл четко отделился от остальных циклических [еских] форм лишь в творчестве венских классиков и их непосредственных предшественников – Ф. Э. Баха, композиторов Мангеймской школы... в высоком

²³ С продолжением исследования было установлено, что мангеймские музыканты контактировали с любителем музыки австрийским графом Яном Адамом Квестенбергом (Questenberk, 1678–1752), который имел свою собственную домашнюю капеллу в Яромержице-над-Рокитном (Jaroňovice nad Rokytňou) в Южной Моравии, а капелла получила расцвет, когда во главе ее стоял капельмейстер Франтишек Вацлав Мича (František Václav Míča, 1694–1744). Наглядные контакты Квестенберга с Мангеймской капеллой должны были играть немалую роль в последующих дискуссиях вокруг явления Мангеймской школы, в частности, в споре о хороших музыкальных связях между Мангеймом и Богемскими Землями» [29, с. 35]. Т. Н. Ливанова пишет, что «до начала деятельности мангеймцев среди чешских мастеров старшего поколения выделился композитор [Фр. Мича], уделивший большое внимание “предклассической” симфонии и создавший ряд оркестровых произведений самостоятельного значения... автор многих музыкальных произведений (в том числе на чешский текст)» [13, с. 300–301].

идейно-художеств [енном] единстве целого²⁴», в котором каждая часть «выполняет особую драматургич [ескую] функцию²⁵, раскрывая определенную сторону *единой концепции* (курсив мой. – В. Д.)» (см. [26, с. 204]).

В творчестве мангеймских композиторов так называемые «мангеймские манеры» или *семантические фигуры речи*²⁶ становятся *нвариантными структурами*²⁷, в которых заключается двоякая варьируемость «со стороны семантики и со стороны структуры». Основные признаки функциональности кроются в способе изложения тематизма, развития его потенциала (ядра). Функциональность пронизывает все уровни организации музыкальной материи: от гармонического сопряжения голосов до тонального и ладового сопоставления рельефа и фона, основного и «по-

²⁴ Об уровне целостности как интегрирующей категории Нового времени, прежде всего композиции как высшего выражения музыкального рационализма, подтверждающего связь с философско-эстетическими принципами Просвещения, пишет И. А. Котляревский. Основным эстетическим понятием в сфере музыкальных эмоций стал не кодифицированный аффект, а живое человеческое чувство [11, с. 6].

²⁵ А. П. Милка рассматривает функциональность как свойство музыкальной структуры, способное «создавать в сознании воспринимающего *прогноз развёртывания* музыкального произведения, ожидание появления определенных его элементов ... [что] прямо связано с коммуникативной функцией... связующим звеном между *авторским замыслом* и *выразительным эффектом* музыкального средства (курсив мой. – В. Д.)» [19, с. 19].

²⁶ Ранее в другой статье мной уже было отмечено, что «в процессе анализа концертов для альта с оркестром композиторов Мангеймской школы мы будем понимать так называемые “мангеймские манеры” как семантическую фигуру речи (метроритмическую фигуру “прихрамываний”, мелодическую интонацию “вздохов” и др.) и как конкретный образный смысл (значение) каждой темы» [6, с. 357].

²⁷ И. С. Волкова пишет: «Инвариантность оканчивается свойственной всем системам, порождаемым *музыкальным языком*: знакам, композиционным и драматургическим процессам, стилям, жанрам (курсив мой – В. Д.)» [5, с. 3]. Далее она рассматривает соотношение интонации с процессуальностью и знака с кристаллической стороной как две стороны музыкальной формы (по Б. В. Асафьеву) [5, с. 8].

бочного» тематизма. Функциональны принципы организации целостности формы как отдельных частей, так и цикла в целом.

Благодаря выделению особых черт тематизма из нерасчлененного единства формы и содержания, создается система образов, подчиненная *художественному мышлению композитора*. Этими чертами становятся структурно-семантические повторы, обладающие звуковысотной, ритмической, фактурно-гармонической и тембровой сторонами. Кристаллизация инвариантного ядра и образование тематизма способствуют воплощению различных драматургических поворотов, проявляющихся в жанрах, формах и интонациях музыкального языка. Именно *сонатный принцип мышления*²⁸ мангеймцев становится главной *стилевой* особенностью их творчества, позволяющей моделировать новые, эволюционные принципы, в том числе и жанра инструментального концерта.

О повороте в творчестве Мангеймской школы к новому *концертному оркестровому стилю* говорит Г. Крафт [31, с. 137]. В процессе формирования яркого, индивидуального стиля мангеймцы развивали новые эстетические и жанрово-стилистические тенденции времени, основанные на авторской индивидуальности, «творческой свободе». Инструментальный способ мышления композиторов направлен на создание новой семантики виртуозно-концертного стиля и большей выразительности тембровых амплуа (духовых и инструментов скрипичного семейства), в опоре на народно-бытовую жанровость, импровизационность и экспрессивность звучания – все в условиях сонатно-симфонического цикла. Становление сонатного *allegro* направлено на усложнение внутреннего строения тем. Возрастает интенсивность сопряженности и насыщенности выразительных и конструктивных деталей²⁹. Главная партия в

²⁸ В работе «Стиль в музыке» М. К. Михайлов пишет: «...выражение особенностей *музыкального мышления* (курсив мой. – В. Д.), как специфической художественно-творческой формы мышления», [20, с. 51] характеризует *музыкальный стиль*.

²⁹ Как отмечает Т. Н. Ливанова, «преодолевая структурные традиции бытовой музыки», мангеймцы «дают *драматическое развитие* музыкального материала» [12, с. 592].

сонатной композиции, по словам Ю. К. Евдокимовой, выражала «*гармонический стиль эпохи*», продвигая развитие «от нерасчлененной мотивной целостности к расчлененности тематических форм» [8, с. 98]³⁰.

Создание определенного канона строения инструментального сонатно-симфонического цикла в творчестве мангеймцев обеспечивалось последовательным и прочным закреплением выработанных норм написания и исполнения музыкальных опусов. Коммуникативная направленность концертной деятельности влияла на формирование в жанре типизированных принципов эмоционального воздействия на слушателя³¹.

В творчестве композиторов Мангеймской школы приемы стилистики, выраженные семантическими знаками и создающие специфику авторского музыкального мышления, перерастают

³⁰ У Ю. К. Евдокимовой находим: «В мангеймских симфониях новый стиль представлен в наиболее ясном виде» [8, с. 98]. В творчестве мангеймцев «яркие фольклорные элементы привели к образованию понятия “симфоническая форма”. Эту невероятно сильную новую форму, часто называемую в литературе сравнением “Бури и натиска”, благодаря *выразительному языку* музыкального искусства... современники восприняли как эпохальную» [31, с. 138].

³¹ Новая этика мангеймского искусства приобретает пространство с чрезвычайно живыми контрастами, тематизмом и динамикой с их сильным расширением оркестрового языка как в инструментовке, так и в применении новых аффектов [31, с. 139]. У В. В. Медушевского читаем: «Простой опыт оркестрового крещендо мангеймцев породил грандиозные последствия. Дух смыслового движения превратил форму в энергичную конструкцию, образованную взаимодействием меняющихся “магнитно-силовых” полей, напряжений и спадов, омрачений и просветлений. Оркестровое крещендо Мангеймцев восстало на принцип аффекта, ибо почти физиологическим обнаружением роста напряжения ясно указало на посюсторонность чувства. Демонстративное выпадение в земные чувства не привело к деградации искусства, ибо открылась новая возможность: восхождения в высоту в реальности *развития*» [18, с. 4].

в характеристику стиля. Отображение процесса *переживания в движении* становится основой развития сонатной композиции. Контрастное сопоставление тематизма, тональностей, мотивное развитие первой части цикла нацелены на выражение идеи, заключенной в классическом сонатном *allegro*, которую репрезентирует одна из ипостасей – «человек деятельный» (*Homo agens*), а также ее антипод-созерцатель – «человек мыслящий» (*Homo sapiens*), что характерно для вторых частей цикла. «Игровые и танцевальные досуги человечества» (по Б. Асафьеву) [1, с. 83] – «*Homo ludens*» – отражают сущность третьих частей цикла. Как нам кажется, речь идет о процессе формирования «типизированного слоя» (по М. Г. Арановскому), общего «для всех произведений данного жанра (канон)» [2, с. 12].

Я. Стамиц окружал себя талантливыми музыкантами, которые сумели *продолжить и развить заложенную им традицию* сочинения и исполнения музыки³². Мангеймская школа внесла особый вклад в развитие музыкальной культуры Европы в целом³³, оказав влияние на формирование творчества многих чешских, немецких, французских, австрийских и итальянских композиторов,

³² Развитие мангеймцами красочности звучания оркестра, особенно тембра кларнета и сочетания кларнета с валторнами, гобоями, трубами и литаврами, вдохновило К.-М. Вебера к работе в жанрах концерта, концертино, вариаций и квинтета для кларнета и струнного квартета (ор. 34).

³³ Создавая первые 40 симфоний, Й. Гайдн сознательно опирается на *инструментальный концертный стиль* мангеймцев. Новая виртуозная исполнительская манера наполнила «мангеймские сонаты» В. А. Моцарта (KV 301/293a – 306/300I, по каталогу Кёхеля, в редакции А. Эйнштейна, 1946 год) энергией, приблизившей их к стилю концерта: сложные разработки и искусство вариации, свободные каденции и эффекты «эха». Как признавались впоследствии мастера классики и романтизма, Стамиц, несомненно, был их крестным отцом [31, с. 143].

ров, в числе которых К. Диттерсдорф, И. Х. Бах, Ф. Ж. Госсек³⁴, Дж. Б. Самmartини. В. Д. Конен пишет, что по фрагментам произведений Я. Стамица легко принять за В. А. Моцарта³⁵. Пересмотр иерархии жанров в творчестве мангеймцев привел к появлению новых жанров³⁶ и форм, музыкальная драматургия которых содержит обобщенную идею сопоставления, столкновения и развития музыкальных образов. Тщательный отбор мангеймцами средств музыкальной выразительности способствовал формированию нового творческого направления, ведущего к классицизму.

³⁴ Т. Н. Ливанова пишет, что «симфонии мангеймских композиторов довольно быстро получили известность в других странах, издавались в Париже, Лондоне, Амстердаме; уже в 1751 году в “Духовных концертах” в Париже была исполнена одна из симфоний Я. Стамица, а в сезон 1754/55 года композитор сам побывал в столице Франции, где снова исполнялись его произведения. Мангеймский тип симфонии оказался очень влиятельным в 1750–1760-е годы, особенно во Франции... Госсек свободно достиг здесь [в Париже] уровня мангеймцев: его симфония [Es-dur, около 1760 года] не менее значительна и интересна, чем лучшие их симфонические сочинения... Тип цикла тот же, что у мангеймцев; соотношения частей, характер менуэта и финала соответствуют их образцам... Главная партия весьма развернута (композитор долго не покидает основной тональности) и содержит различные элементы: плавные мелодические фразы с характерно мангеймскими “вздохами”-окончаниями... Побочная партия звучит очень свежо и чуть идилично – у флейт и кларнетов в высоком регистре. Она близка по характеру подобным же темам мангеймцев» [13, с. 309–314].

³⁵ В. Конен считает, что «даже “Юпитер” сохраняет связь с “фанфарным” обликом героических главных партий мангеймцев (тираты первого мотива главной партии и окаймляющий ее “продолжающий этап”» [10, с. 170].

³⁶ Венские классики, в отличие от мангеймцев, не оставили ни одного концерта для альта с оркестром.

Литература

1. Асафьев Б. В. Симфония // Асафьев Б. В. Избр. тр.: в 5 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 5. – 388 с.
2. Арановский М. Г. Симфонические искания. Проблема жанра симфонии в советской музыке 1960–1975 годов: исследоват. очерки. – Л.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1979. – 286 с.
3. Бэлза И. Ф. Очерки развития чешской музыкальной классики. – М.: Музгиз, 1951. – 588 с.
4. Бэлза И. Ф. История чешской музыкальной культуры: в 3 т. / отв. ред. Л. С. Гинзбург. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 1. – 330 с.
5. Волкова И. С. Понятие инварианта в концепции музыкального языка: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.03: защищена 03.11.1986. – Л., 1986. – 21 с.
6. Дарда В. Н. Жанровый инвариант альтового концерта в творчестве композиторов Мангеймской школы // Проблемы взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти: зб. наук. праць / Харк. держ. ун-т мистецтв ім. П. П. Котляревського. – Харків: Видавництво НТМТ, 2009. – Вип. 25 – С. 354–361.
7. Дарда В. Н. Принцип ratio как основание целостности сонатной композиции представителей мангеймской школы (на примере концерта №1 D-dur для альты с оркестром К. Стамица) // Питання організації художньої цілісності музичного твору: науковий вісник – К.: Національна музична академія України ім. П. І. Чайковського, 2005. – Вип. 51. – С. 145–149.
8. Евдокимова Ю. К. Становление сонатной формы в предклассическую эпоху // Вопр. музыкальной формы: сб. ст. / под ред. В. В. Протопопова. – М., 1972. – Вып. 2. – С. 98–138.
9. Карл Филипп Эммануэль Бах (1714–1788). Карл Стамиц (1745–1801) // Шедевры мировой классической музыки. – М., 2005. – Вып. 7. – С. 145–168.
10. Конен В. Д. Театр и симфония. Роль оперы в формировании классической симфонии. – М.: Музыка, 1968. – 351 с.
11. Котляревский И. А. Музыкально-теоретические системы европейского искусствознания. – К.: Музична Україна, 1983. – 160 с.
12. Ливанова Т. Н. История западноевропейской музыки до 1789 года. – М.: Музгиз, 1940. – 816 с.
13. Ливанова Т. Н. История западноевропейской музыки до 1789 года: учебник: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Музыка, 1982. – Т. 2: XVIII век. – 670 с.
14. Ливанова Т. Н. Искусство XVII века и проблема стиля барокко // Ренессанс. Барокко. Классицизм. Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV–XVII веков. – М.: Наука, АН, ИИИ Мин. культ. СССР, 1966. – С. 264–289.
15. Ливанова Т. Н. Западноевропейская музыка XVII–XVIII веков в ряду искусств. – М.: Музыка, 1977. – 528 с.
16. Мангеймская школа // Музыкальная энцикл.: в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М., 1976. – Т. 3. – С. 430–431.
17. Материалы и документы по истории музыки / пер. с итал., франц, нем. и англ., сост. М. В. Иванов-Борецкий. – М.: Музгиз, 1934. – Т. 2: XVIII век. – 602 с.
18. Медушевский В. В. Христианские основания сонатной формы [Электронный ресурс] // Православный педагогический журнал. – 2004. – 35 с. – Электрон. дан. – URL: <http://www.glagol-online.ru>. – Загл. с экрана.
19. Милка А. П. Теоретические основы функциональности в музыке. – Л.: Музыка, 1982. – 150 с.
20. Михайлов М. К. Стиль в музыке: исследование / рец. С. Х. Раппопорт. – Л.: Музыка. Ленингр. отд-ние, 1981. – 262 с.
21. Понятовский С. П. История альтового искусства. – М.: Музыка, 1984. – 224 с.
22. Риман Г. Корни искусства Моцарта // Рос. музыкальная газета. – СПб., 1916. – С. 111–113.
23. Риман Г. Музыкальный словарь / ред. Ю. Энгель. – М.; Лейпциг, П. Юргенсон, 1901. – 1531 с.
24. Роллан Р. Полн. собр. соч.: в 20 т. / под ред. А. Шишмарской, пер. Н. Шульговского. – Л.: Худ. лит., 1935. – Т. 17: Музыкальное путешествие в страну прошлого. – 320 с.
25. Скребков С. С. Художественные принципы музыкальных стилей. – М.: Музыка, 1973. – 448 с.
26. Сонатно-циклическая форма // Музыкальная энцикл.: в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М., 1974. – Т. 5. – С. 204–206.
27. Стамиц Й. // Музыкальный словарь Гроува / пер. с англ., ред. и доп. Л. О. Акопян. – М., 2001. – С. 817.
28. Gradenwitz P. Johann Stamitz. Das Leben. Verlag Rudolf M. Rohrer. – Brünn: Wein, 1936. – 56 p.
29. Havlík J. The Mannheim School: Phenomenon and Myth // Czech music. History, 2007. – S. 34–44.
30. Kaiser F. C. Carl Stamitz, biographischer Beitrag, das symphonische // Werk. Thematischer Katalog der Orchesterwerke. – Marburg, 1962 (Biss). – 42 p.
31. Kraft G. Die Mannheimer Schule // Musikgeschichte: Ein Grundriss / Hrsg. von W. Felix, W. Marggraf, V. Reising und G. Schonfelder. – Leipzig: VEB Deutscher Verlag für Musik, 1985. – S. 149–153.
32. Riemann H. Musik-Lexikon. Umgearb. – 4-e vollst. – Berlin; Leipzig: Hesse, 1916. – XXXII. – 1276 s.

References

1. Asaf'ev B.V. Izbrannye trudy. Simfoniya. Moscow, AN SSSR Publ., 1957, vol. 5. 388 p.
2. Aranovskij M.G. Simfonicheskie iskanija. Problema zhanra simfonii v sovetskoj muzyke 1960–1975 godov. Issledovatel'skie ocherki. Leningrad, Sovetskij kompozitor, Leningradskoe otdelenie Publ., 1979. 286 p.
3. Belza I.F. Ocherki razvitiya cheshskoj muzykal'noj klassiki. Moscow, Muzgiz Publ., 1951. 588 p.
4. Belza I.F. Istorija cheshskoj muzykal'noj kul'tury. V 3 tomach. Otvetstvennyj redaktor L.S. Ginzburg. Moscow, AN SSSR Publ., 1959, vol. 1. 330 p.
5. Volkova I.S. Ponjatie invarianta v koncepcii muzykal'nogo jazyka. Avtoref. diss. kand. iskusstvovedenija. 17.00.03. zashchishchena 03.11.1986. Leningrad, 1986. 21 p.
6. Darda V.N. Zhanrovij invariant al'tovogo koncerta v tvorcestve kompozitorov Mangejmskoj shkoly. *Problemi vzaemodii mistectva, pedagogiki ta teorii i praktiki osviti*. Zb. nauk. prac'. Khark. Derzh. Un-t mistectv im. I.P. Kotljarevs'kogo. Kharkov, Vidavnictvo NTMT Publ., 2009, iss. 25, pp. 354–361.
7. Darda V.N. Princip ratio kak osnovanie celostnosti sonatnoj kompozicii predstavitelej mangejmskoj shkoly (na primere koncerta no 1 D-dur dlja al'ta s orkestrom K. Stamica). *Pitannja organizacii khudozhn'oi cilisnosti muzichnogo tvorcu*. *Naukovij visnik*. Kiev, Natsional'na muzichna akademija Ukraïni im. P.I. Chajkovs'kogo Publ., 2005, iss. 51, pp. 145–149.
8. Evdokimova Ju.K. Stanovlenie sonatnoj formy v predklassicheskuju epohu. *Voprosy muzykal'noj formy*. *Sbornik statej*. Pod redakciej V.V. Protopopova. Moscow, 1972, iss. 2, pp. 98–138.
9. Karl Filipp Emmanuel' Bah (1714–1788). Karl Stamic (1745–1801). *Shedevry mirovoj klassicheskoj muzyki*. Moscow, 2005, iss. 7, pp. 145–168.
10. Konen V.D. Teatr i simfoniya. Rol' opery v formirovanii klassicheskoj simfonii. Moscow, Muzyka Publ., 1968. 351 p.
11. Kotljarevskij I.A. Muzykal'no-teoreticheskie sistemy evropejskogo iskusstvovnanija. Kiev, Muzichna Ukraïna Publ., 1983. 160 p.
12. Livanova T.N. Istorija zapadnoevropejskoj muzyki do 1789 goda. Moscow, Muzgiz Publ., 1940. 816 p.
13. Livanova T.N. Istorija zapadnoevropejskoj muzyki do 1789 goda. Uchebnik. V 2 tomach. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Moscow, Muzyka Publ., 1982, vol. 2. XVIII vek. 670 p.
14. Livanova T.N. Iskusstvo XVII veka i problema stilja barokko. *Renessans. Barokko. Klassicizm. Problema stilej v zapadnoevropejskom iskusstve XV–XVII vekov*. Moscow, Nauka, Akademija nauk, Institut istorii iskusstv Ministerstva kul'tury SSSR Publ., 1966, pp. 264–289.
15. Livanova T.N. Zapadnoevropejskaja muzyka XVII–XVIII vekov v rjadu iskusstv. Moscow, Muzyka Publ., 1977. 528 p.
16. Mangejmskaja shkola. *Muzykal'naja enciklopedija*. Glavnyj redaktor Ju.V. Keldysh. Moscow, 1976, vol. 3, pp. 430–431.
17. Materialy i dokumenty po istorii muzyki. Moscow, Muzgiz Publ., 1934, vol. 2. XVIII vek. 602 p.
18. Medushevskij V.V. Hristianskie osnovanija sonatnoj formy. *Pravoslavnyj pedagogicheskij zhurnal*, 2004. 35 p. Available at: <http://www.glagol-online.ru>.
19. Milka A.P. Teoreticheskie osnovy funkcional'nosti v muzyke. Leningrad, Muzyka Publ., 1982. 150 p.
20. Mihajlov M.K. Stil' v muzyke. Issledovanie. Leningrad, Muzyka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1981. 262 p.
21. Ponjatovskij S.P. Istorija al'tovogo iskusstva. Moscow, Muzyka Publ., 1984. 224 p.
22. Riman G. Kornj iskusstva Mocarta. *Rossijskaja muzykal'naja gazeta*. Sankt-Peterburg, 1916, pp. 111–113.
23. Riman G. Muzykal'nyj slovar'. Redaktor Ju. Engel'. Moscow, Leyptsig, P. Jurgenson Publ., 1901. 1531 p.
24. Rollan R. Polnoe sobranie sochinenij. V 20 tomach. Leningrad, Khudestvennaja literatura Publ., 1935, vol. 17. Muzykal'noe puteshestvie v stranu proshlogo. 320 p.
25. Skrebkov S.S. Khudozhestvennye principy muzykal'nykh stilej. Moscow, Muzyka Publ., 1973. 448 p.
26. Sonatno-ciklicheskaja forma. *Muzykal'naja enciklopedija*. V 6 tomach. Glavnyj redaktor Ju.V. Keldysh. Moscow, 1974, vol. 5, pp. 204–206.
27. Stamic J. Muzykal'nyj slovar' Grouva. Moscow, 2001, p. 817.
28. Gradenwitz P. Johann Stamitz. Das Leben. Verlag Rudolf M. Rohrer. Brünn, Wein Publ., 1936. 56 p.
29. Havlík J. The Mannheim School: Phenomenon and Myth. *Czech music. Histiry*, 2007, pp. 34–44.
30. Kaiser F.C. Carl Stamitz, biographischer Beitrag, das symphonische. *Werk. Thematischer Katalog der Orchester-Werke*. Marburg, 1962 (Biss). 42 p.
31. Kraft G. Die Mannheimer Schule. *Musikgeschichte: Ein Grundriss*. Hrsg. von W. Felix, W. Marggraf, V. Reising und G. Schonfelder. Leipzig, VEB Deutscher Verlag für Musik Publ., 1985, pp. 149–153.
32. Riemann H. Musik-Lexikon. Umgearb. 4-e vollst. Berlin, Leipzig, Hesse Publ., 1916. XXXII. 1276 p.

УДК 78.071. (47+57)

КОРИФЕЙ СКРИПИЧНОЙ ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА Н. М. ПАТРУШЕВА

Жумабекова Д. Ж., кандидат искусствоведения, доцент, профессор, Казахский национальный университет искусств (г. Астана, Республика Казахстан). E-mail: danazhumabekova@mail.ru

Статья посвящена педагогической деятельности выдающегося педагога современности, заслуженного деятеля Республики Казахстан, профессору Н. М. Патрушевой, которая создала уникальную скрипичную школу. На протяжении свыше 60 лет она воспитала целую плеяду скрипачей, которые являются гордостью музыкальной культуры Республики Казахстан.

Ключевые слова: педагог, скрипка, школа, ученик, музыка, исполнитель, произведения.

CORYPNAEUS OF KAZAKHSTANI VIOLIN SCHOOL N. M. PATRUSHEVA

Zhumabekova D. Z., Candidate of Art History, Docent, Professor, Kazakh National University of Arts (Astana, Kazakhstan). E-mail: danazhumabekova@mail.ru

In the musical culture of Kazakhstan the name of Nina Mikhailovna Patrusheva is known to many. She is the Honored Teacher of the Republic of Kazakhstan, Dame of the orders “the Banner of Labor,” ”Dostyk,” “Kurmet,” winner of the independent Award “Tarlan” (2001), winner of the Y. Altynsarin Badge (2007). All of this is awarded to a teacher of the largest class of violin, behind which more than half a century of selfless service to art.

Over the years, a prominent musician-teacher brought up the whole galaxy of violinists, who are the pride of musical culture of the Republic of Kazakhstan. Her students were brought up from the first steps to graduation or assitentury-internships.

In pedagogical way of future, Professor N. M. Patrusheva passes all levels of musical education: first (at the invitation of V. S. Hess), in Amre Kashaubaev children’s music school № 1, then, K. Baiseitov Republican Specialized Music School for gifted children and Kurman-gazy Kazakh National Conservatoire.

N. M. Patrusheva’s pedagogy is based on the best traditions of the Russian (Soviet) violin school. This is an important fact: the most talented pupils of N. M. Patrusheva studying in classes of leading professors of Moscow and St Petersburg conservatoires. The high level of training has enabled many students to improve their performance in class, D. F. Oistrakh and V. A. Klimov, O. Rats and B. V. Belenky, A. V. Vinnitsa and M. M. Belyakov.

For Nina Mikhailovna were very valuable permanent creative professional relationships with leading professors of Moscow Conservatory D. F. Oistrakh, L. Kogan, Y. I. Iankelevich, A. I. Iampolsky, B. Bronin. At her request, they conducted master-classes with their valuable guidelines (e. g. in preparation for international competitions) for further professional growth of students.

Among the pupils of Nina Mikhailovna are world-famous musicians, laureates and diploma winners of prestigious international violin competitions. A. Mussakhajayeva of State Prize laureate, people’s artist of the Republic of Kazakhstan, professor, laureate of international competitions; G. Myrzabekova, people’s artist of the Republic of Kazakhstan, professor, laureate of international competitions and others. Most of the disciples of professor N. M. Patrusheva today occupy leading positions in the musical art of the Republic. Many have become famous teachers and performers in concert activity at home and abroad.

Keywords: teacher, violin, school, student, music, artist, works.

В музыкальной культуре Казахстана имя Нины Михайловны Патрушевой известно многим. Она – заслуженный деятель культуры Республики Казахстан, заслуженный учитель Ре-

спублики Казахстан, Кавалер орденов Трудового Красного Знамени, «Достык», «Курмет», лауреат независимой премии «Тарлан» (2001), обладатель нагрудного знака имени Ы. Алтынсарина (2007). Все это присвоено крупнейшему педагогу класса скрипки, за плечами которого более чем полувековой путь беззаветного служения искусству.

За долгие годы выдающийся музыкант-педагог воспитала *целую плеяду скрипачей, которые являются гордостью музыкальной культуры Республики Казахстан* [2, с. 170].

В числе учеников Нины Михайловны музыканты с мировыми именами, ставшие лауреатами и дипломантами престижных международных конкурсов скрипачей. Это *А. Мусахаджаева* – лауреат Государственной премии Республики Казахстан, народная артистка Республики Казахстан, профессор, лауреат международных конкурсов; *Г. Мурзабекова* – народная артистка Республики Казахстан, профессор, лауреат международных конкурсов; *М. Бисенгашиев* – заслуженный деятель Республики Казахстан, лауреат международных конкурсов, профессор Бермингемской консерватории; *А. Аюпова* – лауреат республиканских и региональных конкурсов, дипломант международного конкурса и другие.

Н. М. Патрушева родилась в Красноярске (1927) в интеллигентной семье, где искусство, в частности музыка, были предметом особого почитания. Когда в Красноярске открылась первая музыкальная школа (1930-е), глава семьи Михаил Николаевич отдал дочерей на обучение музыке. Нине Михайловне к тому времени уже исполнилось 13 лет и в класс скрипки поступать было уже поздно. Её приняли в класс виолончели, но желание обучаться скрипичному искусству было таким огромным, что по настоятельной просьбе родителей дочь перевели на скрипку.

Первым педагогом стала Л. М. Шарыгина, которая обучила её основам скрипичного искусства. С началом Великой Отечественной войны в Красноярск были эвакуированы выдающиеся деятели советской музыкальной культуры, среди которых был замечательный исполнитель и педагог Исидор Наумович Либер, первая скрипка Государственного струнного квартета Киева. До войны он вел активную концертную и педагогическую деятельность на Украине. Исидор Наумович чутко отнесся к развитию творческого

дарования Н. М. Патрушевой, обладатель строгой методики обучения значительно расширил исполнительские способности своей ученицы. Под его руководством она занималась в течении двух лет.

В музыкальном училище Красноярска Н. М. Патрушева поступила в класс Л. Н. Шевчука. Послевоенный период был очень сложным и в культурной жизни советского государства, и в экономической среде. Иногда случалось так, что «оплату за урок по музыке брали куском хлеба»³⁷, но трудности лишь закалили её характер и научили более серьезно относиться к будущей профессии. Нина Михайловна оканчивает музучилище исполнением Второго концерта для скрипки с оркестром Г. Венявского и сразу же принимает решение: поступить в Алма-Атинскую государственную консерваторию имени Курмангазы на оркестровый факультет в класс профессора В. С. Хесса.

«В 1949 году, когда я поступила в консерваторию, все говорили о молодом, талантливом педагоге. Впервые увидев его в коридоре консерватории, я сразу поняла – это он... В моем воображении он рисовался довольно романтической натурой, но на уроке в классе от всей романтики не оставалось и следа. Очень строгий и требовательный педагог, он все силы души вкладывал в своих учеников. В них была вся его жизнь. Урок, казалось, пролетал незаметно. И когда Вениамин Соломонович Хесс, недовольно хмурясь, отпуская, было ясно: здесь ещё много работы», – вспоминает Н. М. Патрушева (цит. по [1, с. 16]).

В педагогическом процессе В. С. Хесс опирался на традиции Московской скрипичной школы, поскольку сам являлся учеником профессора Московской консерватории Б. О. Сибора. Е. Сафонова пишет: «Ученики Б. О. Сибора существенно повлияли также на создание скрипичных школ Армении, Азербайджана, Казахстана... Вениамин Соломонович Хесс (1909–1986) стал одним из основателей скрипичной школы Казахстана» [6, с. 155].

В 1955 году заведующим кафедрой струнных инструментов (после К. И. Бабаева) в Алма-Атинской консерватории становится Вениамин Соломонович Хесс. Вместе с ним на кафедре

³⁷ Беседа с Н. М. Патрушевой 12 сентября 2013 года.

трудилась К. И. Бабаев, И. Б. Коган, Е. П. Антопольский, К. Г. Брюкнер и другие, сыгравшие большую роль в становлении педагогической скрипичной школы в Казахстане. Названные музыканты содействовали профессиональному росту юных дарований и прилагали усилия к расширению учебно-педагогического репертуара, куда стали активно вводить сочинения композиторов Казахстана.

В учебном процессе струнного отделения консерватории В. С. Хесс придавал большое значение развитию методической базы преподавания, качеству проведения лекций, актуальности тем докладов и семинаров по вопросам скрипичного мастерства. Методические разработки В. С. Хесса ныне доступны для изучения. На наш взгляд, они складываются в *авторскую школу скрипичной игры* (в Казахстане). Уже с первых шагов здесь брались на вооружение *национальные традиции*, ибо казахскому народу игра на струнных инструментах была свойственна как бы генетически.

В своем педагогическом пути будущий профессор Н. М. Патрушева проходит все звенья *музыкальных учебных заведений*: сначала (по приглашению В. С. Хесса), в детской музыкальной школе № 1 имени Амре Кашаубаева, затем в Республиканской средней специализированной музыкальной школе для одаренных детей имени К. Байсеитовой и Казахской национальной консерватории им. Курмангазы. Ее ученики воспитывались от первых шагов до окончания вуза или ассистентуры-стажировки.

После окончания консерватории Н. М. Патрушева выступала с сольными концертами, в составе трио, квартетов. Современникам запомнились *концертные выступления трио* в составе: Н. Патрушева (скрипка), М. Романова (фортепиано) и Е. Луценко (виолончель) или трио с пианисткой Р. Николаевой и виолончелисткой С. Трост.

Как педагог Н. М. Патрушева основывалась на лучших традициях русской (советской) скрипичной школы. Свидетельством этому выступает важный объективный факт: наиболее *одаренные ученики Н. М. Патрушевой учатся в классах ведущих профессоров Московской и Санкт-Петербургской консерваторий*. Высокий уровень ее подготовки позволил многим ученикам повышать свое исполнительское мастерство в классе Д. Ф. Ойстраха и В. А. Климова,

О. Крысы и Б. В. Беленького, А. В. Винницкого и М. М. Белякова.

Для Нины Михайловны были очень ценными постоянные творческие профессиональные связи с ведущими профессорами Московской консерватории Д. Ф. Ойстрахом, Л. Б. Коганом, Ю. И. Янкелевичем, А. И. Ямпольским, В. Брониним. По ее просьбе они проводили мастер-классы, и их ценные методические рекомендации (например, при подготовке к международным конкурсам) содействовали дальнейшему профессиональному росту ее воспитанников.

Более сорока лет Н. М. Патрушева, *работая в «одном ключе» с наставником В. С. Хессом, создавала уникальную скрипичную школу, сочетающую обширную сумму знаний и умений, направленных на художественное и профессиональное воспитание скрипача*. В вопросах штрихов и аппликатуры, редакций скрипичных произведений она опиралась на установки своего учителя и постоянно у него консультировалась по современным проблемам исполнительства.

В течение 40 лет *Нина Михайловна руководила ансамблем скрипачей*, вместе с его основателем В. С. Хессом. В 1970 году ансамбль скрипачей принимал участие на XXIV съезде партии в Москве в составе сводного ансамбля скрипачей республик СССР (руководитель Л. Б. Коган). Н. М. Патрушева считала, что ансамбль дисциплинирует, развивает артистические способности учащихся и в то же время выполняет функцию своеобразной творческой лаборатории.

Исполнительский стиль, который создавали «учитель и ученик» В. С. Хесс и Н. М. Патрушева, можно охарактеризовать как *«гранд-стиль»*, в котором осмысленность и масштабность исполнительской концепции сочетались с безупречной виртуозной техникой и насыщенным, красочным звуком.

Творческое поле деятельности профессора Нины Михайловны Патрушевой *удивительно многогранно*: заведующая отделением скрипки и альты РСМШ им. К. Байсеитовой (около 30 лет), председатель и член жюри Международных и республиканских конкурсов и фестивалей («Шабьт», «Астана-Мерей» и др.).

В своих талантливых учениках Нина Михайловна *воспитывала индивидуальность*, поэтому все они разные по артистическому темпераменту

и исполнительскому стилю. Формируя стройную методическую систему, она включала в нее изучение всех элементов скрипичной техники, что послужило фундаментом воспитания исполнительских навыков ее воспитанников.

В педагогической системе Н. М. Патрушевой превалирует прежде всего индивидуальное отношение к каждому ученику, в зависимости от его способностей. Благоприятная психологическая среда на уроке Нины Михайловны создает основу для передачи знаний и навыков, способствует воспитанию таких качеств, как воля, самостоятельность, инициативность и трудолюбие.

Странно, но факт: публикации, посвященных педагогической деятельности Н. М. Патрушевой, необоснованно мало. Ценными источниками знакомства с ее педагогическим искусством становятся воспоминания выпускников разных лет, содержащие документальное обобщение методического взгляда этой незаурядной личности.

В обучении скрипача она, в первую очередь, определяет его сильные стороны, постепенно подтягивает слабые. Этому непосредственно способствует правильный подбор репертуара, отвечающего художественным возможностям ученика.

Нина Михайловна стала не только педагогом, но и самым близким другом, всегда приходит на концерты своих учеников. А. Мусахаджаева говорит: «Нина Михайловна, вы же все равно должны сделать мне какое-нибудь замечание». А она: «Нет, милочка, у тебя все прекрасно». Она наш большой ценитель, слушатель, учитель. И она нас продолжает учить – своей любовью к искусству, отношением к своим ученикам и постоянным стремлением к совершенствованию» (цит. по [4, с. 5]).

Особенного внимания заслуживает её *уникальный метод работы с детьми*. Нина Михайловна умела «развлечь» музыкальными играми юных скрипачей в самом начальном пути освоения специфических приемов игры. В среднем звене, она проявляла исключительную выдержку, терпение в передаче углубленно-образного мышления, расширении арсенала средств скрипичной выразительности. К студентам предъявлялись высокие требования: безупречной интонации, кристально-чистого, богатого красками скрипичного звука, абсолютного соблюдения авторского текста и др.

Как опытный педагог, она обладает *великолепной интуицией: определить род способностей ученика (к исполнительской или педагогической деятельности) и вести его в соответствующем направлении*.

Одним из главных критериев являлся методически организованный учебный процесс, где особое значение придавалось выбору произведений различных жанров и форм. Урок в её классе обязательно начинался с исполнения гамм, упражнений и этюдов, способствующих овладению различными техническими навыками.

Изучение гамм и этюдов в классе Н. М. Патрушевой было нацелено на совершенствование всех видов скрипичной техники, выраженное в легкости и ритмической дисциплине пальцев левой руки, овладении переходами, в совершенстве соединения и распределения смычка.

В классе Н. М. Патрушевой, помимо произведений классики и романтики, *репертуар исполнителей постоянно обновлялся современными сочинениями, в том числе и композиторов Казахстана*. В них, по ее мнению, казахстанские композиторы значительно расширили средства скрипичной выразительности: используются своеобразные тембровые краски, штриховая техника, вводятся оригинальные приемы, имитирующие звучания казахских народных инструментов (кобыз и домбра). Изучаемые камерно-инструментальные произведения А. Жубанова, М. Тулебаева, К. Мусина, скрипичные концерты С. Мухамеджанова, Г. Жубановой и Е. Рахмадиева развивают у исполнителя способность к пониманию национального музыкального стиля.

Отличительная черта педагогической системы Н. М. Патрушевой: с ранних лет выводить учеников на эстраду, давать наиболее талантливым возможность *выступать в сопровождении симфонического (или камерного) оркестра*. Таким способом у них воспитывается сценическая воля, артистизм и выдержка, необходимые для будущей концертной деятельности.

Большинство учеников профессора Н. М. Патрушевой – это лауреаты международных и республиканских конкурсов, которые сегодня занимают ведущие позиции в музыкальном искусстве республики. Многие стали известными педагогами и исполнителями, ведут активную концертную деятельность на родине и за рубежом.

Сборник «Песни композиторов Казахстана для скрипки и фортепиано» под редакцией Н. М. Патрушевой (см. [5, с. 10]) явился результатом глубокого анализа скрипичного репертуара композиторов Казахстана для детских музыкальных школ, тщательного отбора нотного материала в соответствии с задачами воспитания основных навыков игры на скрипке.

На протяжении 67-летней педагогической деятельности Н. М. Патрушева создала свою скрипичную школу в Казахстане. Поэтому так искренне звучат ее слова: «Меня окружают замечательные люди, в том числе и мои ученики, коллеги. Это мне помогает в жизни. И это то, чем я дорожу... Детей надо просто любить» (цит. по [3]).

Литература

1. Афонин Г. А. Скрипка, судьба моя... // Новое поколение. – 2004. – 23 апр. – С. 16.
2. Казахская национальная консерватория им. Курмангазы / под общ. ред. Ж. Я. Аубакировой. – Алматы, 2004. – С. 167–175.
3. Курпякова Н. Учительница первая моя // Казахстанская правда. – 2007. – 20 марта. – С. 4.
4. Никита Т. Украинская Рапсодия для выдающейся казахстанской скрипачки, или несколько открытий в зале Казахской государственной филармонии имени Жамбыла // Kazinform. – 2013. – 13 окт. – С. 5.
5. Программа по струнным инструментам. – Алматы, 2000. – 65 с.
6. Сафонова Е. Л. Скрипичная школа Московской консерватории от истоков до 80-х годов XX века. – М., 2012. – 388 с.

References

1. Afonin G.A. Skripka, sud'ba moja... *Novoe pokolenie*, 2004, 23 aprilja. 16 p.
2. Kazahskaja nacionalnaja konservatorija im. Kurmangazy. Pod obshchej redakciej Zh.Ja. Aubakirovoj. Almaty, 2004, pp.167–175.
3. Kurpjakova N. Uchitel'nica pervaja moja. *Kazahstanskaja pravda*, 2007, 20 marta, p. 4.
4. Nikita T. Ukrainskaja Rapsodija dlja vydajushchejsja kazahstanskoj skripachki, ili Neskolko otkrytij v zale Kazahskoj gosudarstvennoj filarmonii imeni Zhambyla. *Kazinform*, 2013, 13 oktjabrja, p. 5.
5. Programma po strunnym instrumentam. Almaty, 2000. 65 p.
6. Safonova E.L. Skripichnaja shkola Moskovskoj konservatorii ot istokov do 80-h godov XX veka. Moscow, 2012. 388 p.

УДК 72.01

ЕДИНСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ГАРМОНИИ В АРХИТЕКТУРЕ И ИСКУССТВАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ, ЕГИПТА, ГРЕЦИИ И РУСИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Сазонов В. И., кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурной теории и композиции (АТиК), Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия (г. Новосибирск). E-mail: vi_sazo@mail.ru.

В данной статье серии публикаций раскрываются единые основы и формы представлений об архитектурной гармонии Средней Азии и древнейших цивилизаций Египта, Греции, Руси в Средние века, несмотря на их изумительно неповторимые и высочайшие художественные достижения. Источником является замечательный научный труд Митхата Сагадатдиновича Булатова [1].

Ключевые слова: графоаналитическая грамматика-гармония архитектуры, Средняя Азия, древние истоки, единство представлений.

THE UNITY OF VIEWS ON GEOMETRIC HARMONY
IN ARCHITECTURE AND ARTS SREDNEVEKОВОI CENTRAL ASIA
AND EGYPT, GREECE, MEDIEVAL RUSSIA

Sazonov V. I., Candidate of Architecture, Professor, Chair of Architectural Theory and Composition (ATandC), Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts (Novosibirsk). E-mail: vi_sazo@mail.ru.

The overall purpose and direction of our work is to construct a graphoanalytical theory of architectural harmony, which would be able to realize itself into the appropriate instruments, in a way similar to the musical arsenal. In this sense, the theory of architectural harmony and composition is significantly behind the achievements in music, in its core and up-to-dateness despite the great achievements in architectural practice well-known all over the world at all times. Our proposals, as well as some of other previous authors, require well-grounded proofs from different perspectives of cognitive and practical activities. One of such convincing sides is the history of formation of the problem and particularly significant variations of its proposed solutions.

And if the solutions, both modern, and from the distant past, even if sometimes found intuitively, are consistent with each other, they can be used with confidence for explaining and proving the relative accuracy of new ideas. Merely the relative accuracy is a sign of everlasting openness of any new theory, which in the process of knowing the endless properties of the infinite universe (as well as arts reflecting it) can never be complete.

These aims are brilliantly and constantly manifested both in great diversity of concrete discoveries of different civilizations and in their profound unity, sometimes at first difficult to distinguish not only the short-term perspective, but also in the long-term outlook. In this article (as well as in others of this series) again and again we can see that. Now, an example of geometric harmony in the architecture of Medieval Central Asia in its comparison with the achievements of other civilizations. No matter how sophisticatedly unique were the principles of creating of the works of art, we can always make sure that there is a deep relationship between them based on extremely precise semi-graphical (geometric) constructions carried step-by-step: from simple to complex variants.

The architectural form-building cannot do without the unique tools, materialized in different times in the form of stick (stylus) to draw in the sand or on waxed board or in the form of peg and rope for using of the Egyptian rectangular integer-valued triangle. Or their prototypes – a ruler and compass, and more recently, their successful replacement on the basis of personal computers, with their various software capabilities. But all this is not possible without a system-theoretical understanding of the unity of actions and results produced by them, and the essence of the harmonic grammar conducted by relative correctness of architectural and artistic images. And most importantly – the transfer of knowledge to new generations. Circular square and derivative constructions – those universals which are simultaneously main carriers both of meanings and harmonic grammar language of architecture and other spatial arts. All this is proven within our powers in this series of articles.

Keywords: graphoanalytical harmonic grammar of architecture, Middle Asia, the ancient origins, the unity of views.

Если все науки и искусства отражают один и тот же мир, природу, то просто необходимо аксиоматически предположить, что грамматики применения их основных средств отражения должны быть едиными и подчиняться одной сверхграмматике. А поскольку пространственно-временной континуум, описываемый на языке геометрии, в своем неразрывном единстве есть форма существования всего сущего, то и трактовку геоме-

трической гармонии мы не можем не принять как единый свод и форму принципов универсального, в том числе архитектурно-художественного мышления и отражения [2]. Это, с одной стороны.

С другой стороны, мы не могли не только не помыслить единство средств гармонизации в архитектуре любых цивилизаций, но и попытаться доказать это единство по-крайней мере в архитектуре древних Египта, Греции и Руси [3; 4; 5].

И, наконец, настало время доводов объединить их со средствами гармонизации архитектуры и искусств Средней Азии в Средние века. В этом мы будем опираться на замечательный научный труд Митхата Сагадатдиновича Булатова [1].

По мысли Булатова, «как идейная концепция гармония находит воплощение во всех сферах творчества. В искусстве зодчих идея гармонии получила специфическое воплощение в виде строго разработанной системы геометрических построений на плоскости и в пространстве. Вся эта система легла в основу композиционного принципа, оказав огромное влияние на технико-конструктивные решения, строй образов и типологию архитектурных форм в целом» [1, с. 307]. Блестящая квинтэссенция смыслов, подтверждающая наши устремления. Тем более, что, по утверждению автора труда и его рецензента Л. И. Ремпелья, «мыслители Среднего Востока постоянно обращались к Платону и Аристотелю как высшим авторитетам философско-эстетической мысли прошлого», хотя отвергали идеализм Платона и мистику чисел Пифагора, но культивировали прикладную геометрию [1, с. 6–7].

Интересно, что и «золотое сечение» также, но своеобразно было воспринято от Античности: и именно путем геометрических построений – десятикратным членением окружности [1, с. 6–7]. И самое важное для нас в деле объединения средств – в труде приведено положение Абу-Наср ал-Фараби: «он считал самым знаменательным следующее: сторона квадрата, части окружности (выступающие измерителями в геометрии), являются аналогами силлогизму в логике, строфам в поэзии и стопам в метрике». А также здесь содержится мнение Физули о том, что «поэзия без науки – это стены без фундамента» [1, с. 7]. В совокупности с признанными тремя видами пропорций – арифметической, геометрической и гармонической структурами пропорций, модульной (гяз или кирпич) и лучевой сетками – можно смело утверждать, что единство средств на уровне совокупного научного (абстрактного) и художественного мировоззрения уже состоялось. Это следует подтвердить самым главным – прикладной геометрией, которая особо почиталась в Средней Азии.

Обратимся к параллелям между геометрическими построениями египетских, греческих и русских зодчих. Например, все указанные культу-

ры используют за непреложное начало и меру целостности всего сущего – квадрат [2; 3; 4]. Из этого начала, как из греческой «монады», выводятся все множества возможностей геометрического языка и грамматики и в архитектуре Средней Азии. Причем самое поразительное в творчестве среднеазиатов то, что они тоже всегда оставались истинными художниками-архитекторами, претворяя общие грамматики совершенно по-своему и в истинно неповторимые художественные произведения.

Например, возьмем «Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Мозаика из поливных кирпичиков», рис. 1 [1, с. 301, рис. 200].

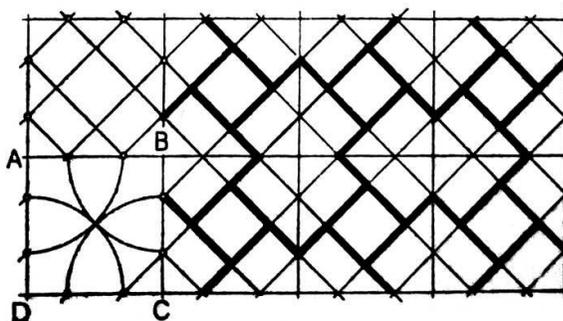


Рисунок 1. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Мозаика из поливных кирпичиков [1, с. 301]

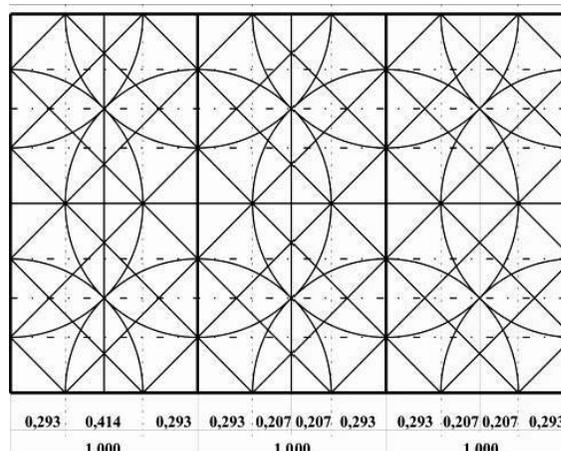


Рисунок 2.0. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви.

Исходные структуры построения.

Интерпретация построения В. И. Сазонова

Что можно заметить в дополнение к М. С. Булатову по поводу этой структуры? Во-первых, это удивительно тонкое привнесение в исключительно регулярное структурирование поверхности на основе квадрата ABCD (что особенно подчеркнуто окружностями на рис. 2.0) – интонации творческой свободы. Приобретение ощущения свободы, в форме различных видов симметрии: асимметрии в виде двух угловатых восьмерок под углом 90 градусов друг к другу (из пары взаимно наложенных друг на друга четырёх элементарных квадратов); дисимметрии в виде комплексной (сдвиго-поворотной симметрии) и другие изыски.

Во-вторых, все внутренние структурные прямые линии формируют сетку линий и образованные ею прямоугольные фигуры строго под углом 45° к исходному чертежу. В-третьих, построение восьмигранника на основе квадрата ABCD напоминает нам построение розеток при построении планов храмов в русской архитектуре по Е. Ф. Желоховцевой [6]. И действительно, если мы продлим дуги окружностей или повторим их построение по аналогии во всех других исходных квадратах (рис. 2.0), то получим те же самые розетки, только с удвоенными линейными величинами охватываемых их квадратов (соответственно с учетверенными площадями). Структура восьмигранников представлена на рис. 2.1.

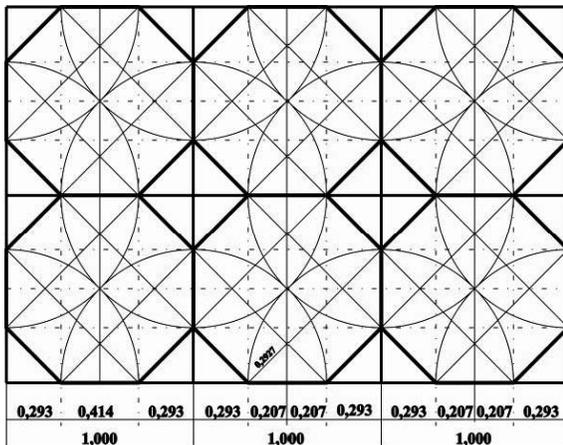


Рисунок 2.1. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Выявление структуры восьмигранников. Интерпретация построения В. И. Сазонова

Из совокупности этих построений с явной очевидностью напрашиваются более глубокие структурные дифференциации. Например, многие оси симметрии различных фигур получили явные точки-реперы, находящиеся на единых прямых направлениях (пунктирные красные линии рис. 2.2 и 2.4). Что существенно обогащает структурную гармонию композиционного пространства для воплощения идей.

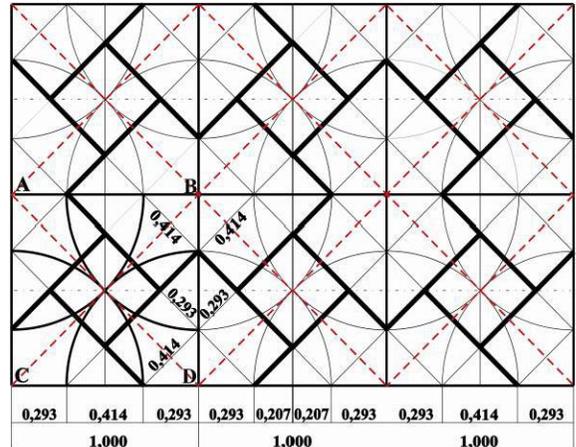


Рисунок 2.2. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви.

Более глубокое выявление осей симметрии структуры.

Интерпретация построения В. И. Сазонова

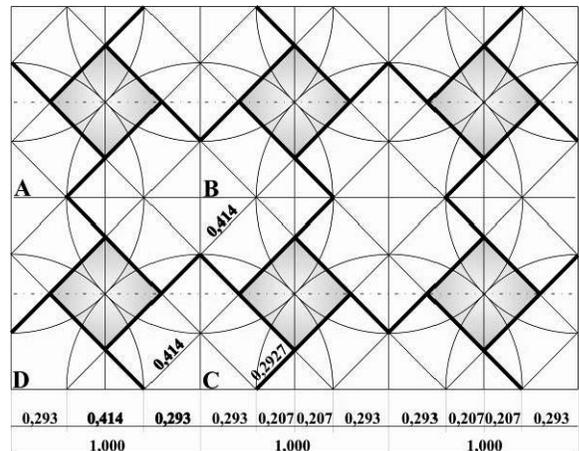


Рисунок 2.3. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Выявление отдельной метрической структуры квадратов. Интерпретация построения В. И. Сазонова

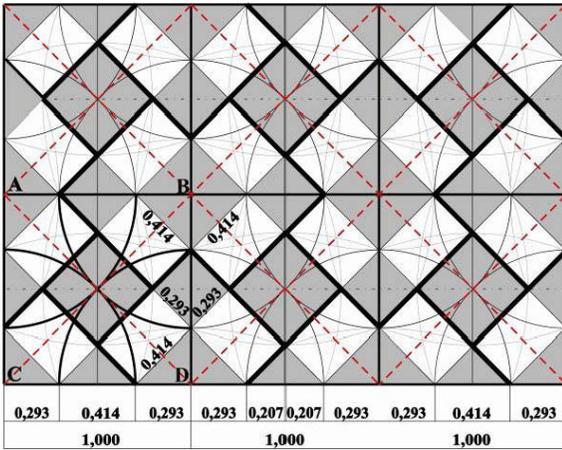


Рисунок 2.4. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Выявление ритмометрической структуры парных квадратов. Интерпретация построения В. И. Сазонова

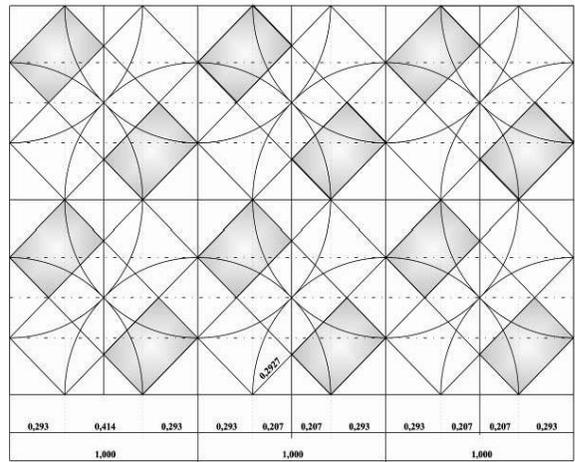


Рисунок 2.5. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Выявление отдельной метрической структуры прямоугольников $\sqrt{2}$. Интерпретация построения В. И. Сазонова

Для возникновения различных характерных интонаций-настроений будущих образов, могущих быть возбужденными на данных сетках, чрезвычайно важны доминирующие структурные комплексы (как тональные аккорды в музыке): либо преимущественно метрические, либо ритмические, либо нюансно уравновешенные, но живые ритмометрические структуры. Такие комплексы-структуры с легкостью воспроизводятся от простого к сложному в столь обогащенной осями симметрии гериха. Например, на рис. 2.3 мы видим простую строго метрическую систему средних квадратов как $0,414 \cdot 0,414$, в относительных единицах к исходному квадрату (выделены тоном). На рис. 2.4 выявлена тоном вся совокупность парных квадратов. Малые квадраты равны $0,293 \cdot 0,293$ относительных единиц. Само собой проявились и взаимоотношения прямоугольников, с пропорциями сторон $\sqrt{2} = 1,414$ (или $0,414 \cdot 0,293$), точно соответствующие негативно выраженной их структуре на рис. 2.5. Если на рис. 2.5 чистая метрика отношений прямоугольников как бы в полускрытом виде намекает о выявленной ранее ритмо-метрике квадратов, то на рис. 2.6 это значительно нагляднее выражено, где плотность окрашенных серым тоном прямоугольников столь же ярко оттеняет структуру квадратов.

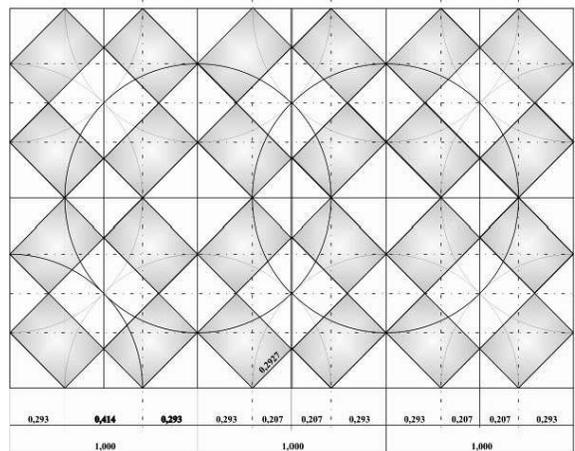


Рисунок 2.6. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Выявление дисимметричной структуры парных прямоугольников $\sqrt{2}$. Интерпретация построения В. И. Сазонова

Производная от восьмигранника сетка гериха проявляет ещё более богатые структурные взаимодействия своих исходных элементов. Как видно на рис. 2.7, можно использовать для идеерождения симметричные одномасштабные (красные линии) и разномасштабные (голубые линии, заполненные симметрично относительно малого

квадрата) комбинаторные комплексы, подобные, например, нонаккордам в музыке (в девять интервалов, здесь – девятиячейковые целостности). Они позволяют уводить идеи формообразования в различные более богатые интонационные настроения и смыслы. Можно использовать наряду с симметричными (красные контуры, заполненные уравновешенными ячейками относительно среднего квадрата) – дисимметричные и асимметричные (черные линии) нона комплексы (рис. 2.8). Эти вариации орнаментов совершенно четко, что называется «один в один», указывают нам единство некоторых позиций египетского канона Ф. де Кора и И. П. Шмелева в нашем расширении [5; рис. 16.4 и 16.6].

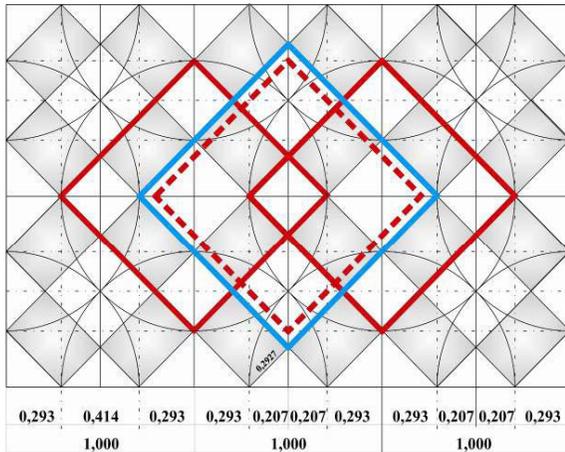


Рисунок 2.7. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Выявление симметричных комплексов. Интерпретация построения В. И. Сазонова

И далее продолжают проявляться многие другие интереснейшие свойства исходной структуры, общие для других культур. Во-первых, исключительный интерес представляет то, что плотная упаковка среднего и малого квадрата в сопряжении с двумя прямоугольниками всегда и во всех пространственных разворотах и сдвигах составляют непременно стандартную ячейку в форме обобщенного квадрата, размером $0,707 \cdot 0,707$. Во-вторых, в обобщенном квадрате диагонали большого и малого квадратов всегда находятся на одной прямой линии. А противоположные и совмещенные вершины смежных прямоугольников соединены единой гиперболой (рис. 2.7 и 2.8, выявлены в центрах).

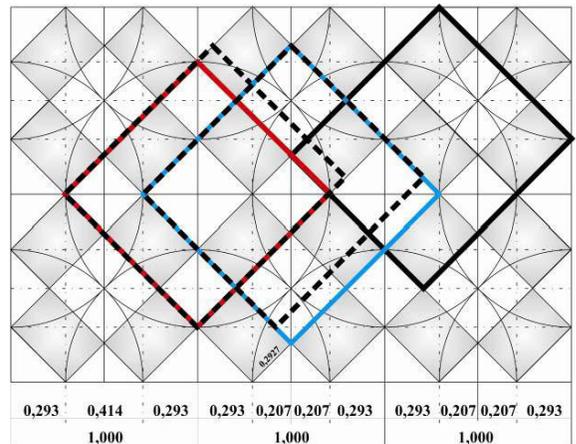


Рисунок 2.8. Герих на восточном фасаде мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви. Выявление асимметричных комплексов. Интерпретация построения В. И. Сазонова

Безмерно удивляет исключительно оригинальная изобретательность зодчих и художников Средней Азии в Средние века, выявленная М. С. Булатовым (рис. 3.1). Всего лишь построение восьмигранника побудило столь удивительное творческое многообразие возможностей формообразования. Автору этой статьи просто посчастливилось самому попытаться разобраться в столь изощренном мышлении зодчих в поиске неповторимых пространственных мелодий образов (рис. 3.2).

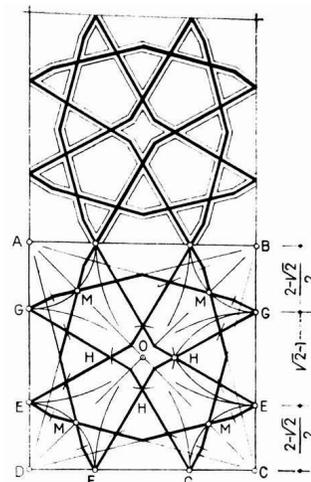


Рисунок 3.1. Панель. Резьба по камню. Мавзолеем Ходжа Ахмада Ясеви в Туркестане (конец XIV века) [1, с. 301, рис. 199]

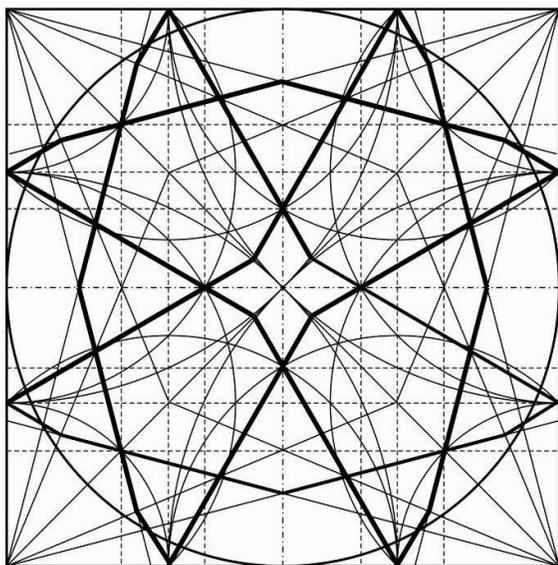


Рисунок 3.2. Панель. Резьба по камню.
Мавзолей Ходжа Ахмада Ясеви в Туркестане
(конец XIV века).
Интерпретация построения В. И. Сазонова

Все представленные здесь достижения средневековых зодчих и ученых Средней Азии абсолютно роднятся с модульно-лучевыми структурами древних Египта, Греции и Руси [5] и главное – с предложенными нами на их основе Уни-Вавилона и Поли-Золота [2]. На рис. 4.1 представлено авторское предложение объединить в целостной универсальной концепции гармоничной пространственной структуры все взаимосоответствия указанных эпох и современных достижений.

Однако эта концепция модели пространства как грамматики формообразования выглядит лишь как облако огромных потенциальных возможностей, но слишком в плотной упаковке, хотя четко дифференцированных пространственных «обертонов», поэтому зрительно уже трудно воспринимаемых членений – как «шумов». Есть надежда, что имеются средства и возможности значительно упростить эту систему. На рис. 4.2 показано первое легкое общее упрощение за счет внешних частей окружностей. Тем не менее теоретико-прикладное значение этой совокупности в плане доказательства всеединства систем разных эпох и культур трудно переоценить.

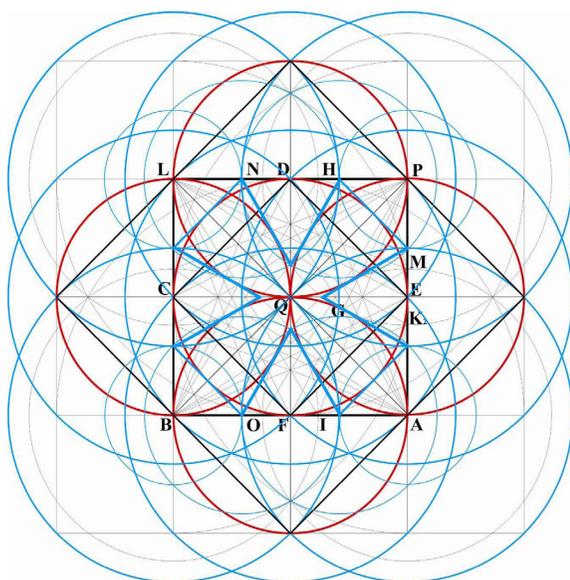


Рисунок 4.1. Авторская концепция объединения инструментов древних Египта, Греции, Руси и Средней Азии в единую гармонию-грамматику

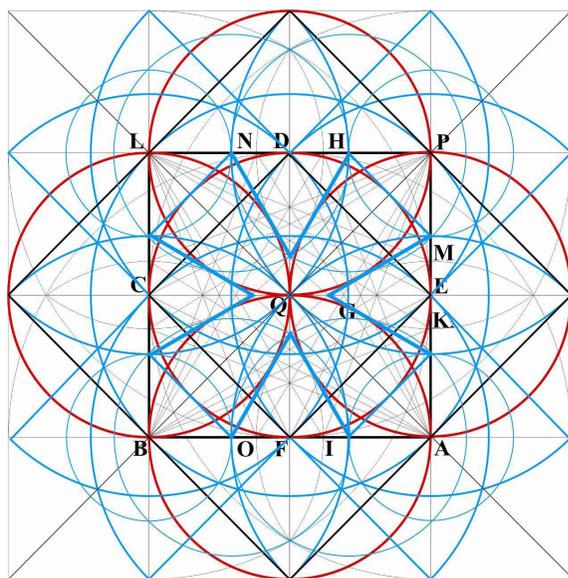


Рисунок 4.2. Слегка упрощенный вариант авторской концепции объединения инструментов древних Египта, Греции, Руси и Средней Азии в единую гармонию-грамматику

В данной статье были рассмотрены в качестве исходных оснований три фигуры: треугольник, квадрат и восьмиугольник. Думается, что в практике формообразования могут участвовать последовательно все фигуры по натуральному ряду чисел от трех и до бесконечности,

поскольку последней их устремленностью является та самая окружность, которая органично входит в любой процесс гармоничного структурирования пространства. Изложение некоторых из этих возможностей предполагается в следующей статье.

Литература

1. Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV века: (ист.-теорет. исслед.). – М.: Наука, гл. ред. вост. лит., 1978. – 379 с.: ил.
2. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 1. Универсальный инструментарий графоаналитического анализа гармонии-грамматики архитектурно-художественных форм.
3. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 2. Некоторые методологические основания трактовки гармонии-грамматики в культуре и архитектуре.
4. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 3. Пифагорейская поэтика «самодоказательной» динамической гармонии «квадрирования прямоугольников».
5. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 4. ЕГИПЕТ. РУСЬ. ГРЕЦИЯ: основы гармонии-грамматики.
6. Желоховцева Е. Ф. Геометрические структуры в архитектуре и живописи Древней Руси // Естественно-научные знания в Древней Руси. – М.: Наука, 1980. – С. 23–63.

References

1. Bulatov M.S. Geometricheskaja harmonizacija v arhitekture Srednej Azii IX–XV vekov. (Istoriko-teoreticheskoe issledovanie). Moscow, Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury Publ., 1978. 379 p.
2. Sazonov V.I. Cikl statej o drevnejshih istokah sovremennoj grammatiki-garmonii arhitekturno-hudozhestvennogo jazyika. Statja 1. Universalnyj instrumentarij grafoanaliticheskogo analiza garmonii-grammatiki arhitekturno-hudozhestvennyh form.
3. Sazonov V.I. Cikl statej o drevnejshih istokah sovremennoj grammatiki-garmonii arhitekturno-hudozhestvennogo jazyika. Statja 2. Nekotorye metodologicheskie osnovanija traktovki garmonii-grammatiki v kulture i arhitekture.
4. Sazonov V.I. Cikl statej o drevnejshih istokah sovremennoj grammatiki-garmonii arhitekturno-hudozhestvennogo jazyika. Statja 3. Pifagorejskaja poetika “samodokazatel’noj” dinamicheskoj garmonii “kvadrirovanija prjamougolnikov”.
5. Sazonov V.I. Cikl statej o drevnejshih istokah sovremennoj grammatiki-garmonii arhitekturno-hudozhestvennogo jazyika. Statja 4. EGIPET. RUS’. GRECIJA: osnovy garmonii-grammatiki.
6. Zhelohovceva E.F. Geometricheskie struktury v arhitekture i zhivopisi Drevnej Rusi. *Estestvenno-nauchnye znanija v Drevnej Rusi*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 23–63.

УДК 7

К МЕТОДОЛОГИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ЛЕВОРУКИХ ДЕТЕЙ В ДОНОТНЫЙ ПЕРИОД В КЛАССЕ ФОРТЕПИАНО

Соколова М. А., соискатель кафедры теории и истории музыки, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, преподаватель, Детская музыкальная школа № 17 им. А. Г. Рубинштейна (г. Санкт-Петербург). E-mail: kolosok.84@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы обучения игре на фортепиано леворуких детей в начальный, допотопный период.

Ключевые слова: леворукие, психология, начальное обучение, допотопный период, качество звука, кантилена, методы обучения.

TO THE METHODOLOGY OF MUSICAL TRAINING OF LEFTHANDED CHILDREN IN “BEFORE-NOTES” INITIAL PERIOD IN THE PIANO CLASSES

Sokolova M. A., Competitor of Chair of Theory and History of Music, St. Petersburg State University of Culture and Arts, Teacher, A. G. Rubinstein Children’s Music School No. 17 (St. Petersburg). E-mail: kolosok.84@mail.ru

The article considers the problems of learning to play the piano at the initial, “before-notes” period for lefthanded children. The technology of their training should be tailored to the peculiarities of their psychology. Usually lefthanded children slowly form dynamic and kinetic components of almost all mental functions, however, such pupils have developed compensatory abilities and creativity. Musical training the lefthanded children in the initial, “before-notes” period should be based on two principles: attention to the quality of sound and a particular sequence of actions. To start learning for lefthanded children, it is desirable to use melodious, “cantilena” works, which allow to perceive the sound quality, nurture the habit of “till-the-end-hearing” sound. Cantilena is connected with singing, allowing to use in piano lessons some vocal fragments. Technology of the initial, “before-notes” period in music training should be strictly organized on the principle: “to hear,” “to hear – to create,” “to hear – to see – to create” as a single complex.

Keywords: LHD, psychology, initial education, “before-notes” period, sound quality, cantilena, teaching methods.

Проблема леворукости острейшим образом стоит сегодня перед всей педагогической наукой и практикой в связи с ростом численности таких людей. Оценка числа леворуких очень противоречива и находится в пределах от 1 % до 30 % всего населения мира [2, с. 26]. Однако все исследователи сходятся на том, что число леворуких постоянно увеличивается. Леворукие люди имеют определенные преимущества перед праворукими. При исследовании креативности левши показывают лучшие результаты по сравнению с праворукими [4, с. 75]. Преимущество естественных левшей перед правшами заключается в наличии высоко развитых компенсаторных способностей.

Нами не обнаружено отечественных научных исследований по особенностям начального обучения леворуких детей игре на фортепиано, что и обуславливает актуальность данной работы.

Одной из задач современной музыкальной педагогики является выявление закономерностей процессуальной составляющей обучения, которая является частью научных знаний. Процессуальная часть педагогической деятельности не относится к стабильной системе и характеризуется взаимодействием нового и старого, устойчивого и неустойчивого, предсказуемого и непредсказуемого. В соответствии с этим задачей нашего исследования является выявление особенностей процессуальной части музыкального образования леворуких детей в донотный период, определяемые особенностями их психики.

По типу своей мозговой деятельности леворукие учащиеся отличаются «замедленностью инициации любого двигательного процесса» [4, с. 162]. По своему мозговому статусу леворукие медленно формируют «динамические и кинетические компоненты практически всех психических функций и поведения в целом» [4, с. 162]. Особенно сложны для них ситуации, когда необходимо выполнять быстрые сопряженные действия обеими руками, особенно если эти движения не синхронны. Но обучающийся достаточно легко автоматически дублирует показанное движение и заучивает его наизусть. Музыкальное образование леворуких детей в донотный период должно опираться на два принципа: особое внимание к качеству звука и иная, по сравнению с праворукими учениками, последовательность действий. Рассмотрим эти принципы.

Донотное музыкальное образование леворуких учащихся начинается не просто со слушания, а с восприятия качества звука. Любование звуком должно стать привычкой учащегося. Выразительность музыкального слуха проявляется, прежде всего, в кантиленном звучании. Кантилена связана с принципами вокального искусства, и, опираясь на это, можно привлечь внимание ученика к музыке. Левша понимает чувствами, ему надо «примериться» к кантилене. Следовательно, уроки музыки целесообразно начинать со слушания мелодичных произведений и многократного про-

слушивания отдельных наиболее значимых музыкальных «фигур» – «оборотов». Леворуким детям в донотный период их обучения не целесообразно сразу предлагать быстрые и бравурные мелодии. Занятия, нацеленные на слушание звука, полезно дополнять небольшими вокальными фрагментами. В нашей практике кантиленные мелодии с повышенной чувствительностью исполняет сначала преподаватель, далее эта мелодия пропеваётся дуэтом с учеником, и затем ученик исполняет соло. В донотный период ученик должен понять и, главное, почувствовать, что фортепианная музыка – это искусство, тесно связанное с вокальной музыкой, что фортепиано «умеет петь» и делает это рука исполнителя. Ученик постепенно осознаёт, что его не будут «мучить» нотными знаками и работой с «неудобной» рукой.

Последовательность действий в работе с леворукими учащимися определяется особенностями их психики. Главное отличие левшей от правшей заключается в том, что в повседневной жизни у них больше задействовано правое полушарие головного мозга, которое отвечает за образно-чувственное восприятие и интуицию. Общий принцип педагогики «вижу – слышу – двигаю» при работе с леворукими учащимися трансформируется в принцип «слышу – вижу – двигаю». Для леворуких учащихся эта триада реализуется постепенно:

«Слышу»;

«Слышу – творю»;

«Слышу – вижу – творю» как единый комплекс.

В обычной технике обучения игре на фортепиано «в первую очередь устанавливаются связи зрительно-двигательные, которые лишь впоследствии, по мере воспроизведения музыки, дополняются звуковыми впечатлениями» [1, с. 26]. Для леворукого учащегося на первом плане должно быть «слышание». Двигательные моменты особенно неудобной правой рукой необходимо «связать» с работой внутреннего слуха. Целесообразно, чтобы учащийся показывал рукой, как бы дирижировал, движение мелодии при легато, при рождении и угасании звука, при переходе от кульминации к развязке. Необходимо с первых дней добиться, чтобы учащийся слушал звук до конца. Особенно это сложно при длительных нотах, но без развития этой способ-

ности в дальнейшем невозможно добиться хорошего «туше» – легато, при котором следующая нота берётся только при «угасании» предыдущей. Особенность этой, казалось бы, обычной работы с леворукими учащимися заключается в том, что они должны все сначала «пропустить» через свое творческое сознание, то есть использовать ведущее правое полушарие. Только на основе предварительного осознания цели и стремления достичь ее вырабатывается механизм движения «непослушной» правой рукой. Праворукие дети нередко делают правильные движения неосознанно, как им удобно, и это правильно. Для леворуких неосознанность движений практически исключается. На первых порах неукоснительно должен соблюдаться следующий порядок технической работы: установка преподавателя; ее осознание, которое леворуким в силу их, как правило, высокого интеллекта дается легко; выполнение движения «удобной» левой рукой; синхронное движение двух рук; только затем исполнение правой рукой.

В «донотный» период основное внимание учителя сосредотачивается не на технической стороне обучения, а на качестве звука и слуха учащегося.

Преподаватель, работающий с леворуким учеником, должен вначале полностью отказаться от какой-либо «постановки» правой руки. Организованные игровые движения проходят на предварительной стадии показа преподавателем приема звукоизвлечения, использования этого приема «удобной» левой рукой.

Вспомним, что левше легче ознакомиться с познаваемым предметом, если он его «пощупает», «понюхает», «послушает» [3, с. 29]. Следовательно, надо позволить учащемуся «пристроиться», «приладиться» к клавишам или звукоряду, которые предстоит проиграть. Пианистическое развитие «неудобной» руки достигается подбором простейших, диаметрально разнообразных движений. В этот период ученик осознает ряд основополагающих моментов: где должен быть локоть, как опущены плечи, каково положение корпуса и т. п. Однако все внимание учащегося настраивается на мелодичность, звучание и смысловое содержание, то есть смысловой образ.

Как показала наша практика, в донотном периоде музыкального обучения леворуких детей весьма перспективным приемом является импровизация левой рукой. Это относится и к «атональ-

ной», спонтанной импровизации, которая способствует характеристике какого-либо образа, так и к импровизации по заданной педагогом схеме. Например, по заданным педагогом звукам или последовательности звуков.

Такой подход не только творчески развивает леворукого ученика, способствуя оптимизации пианистического развития, но и обеспечивает накопление слухового опыта, воспитание внутреннего слуха, развитие музыкального восприятия, что обеспечат в дальнейшем развитие таких важнейших музыкантских качеств, как внутреннее предслышание, дослушивание взятого звука до конца, ощущение выразительности музыки. Кроме того, допотопный период должен быть более длительным, по сравнению с праворукими детьми.

Вывод

Ребенка левшу можно и нужно учить музыке вообще и игре на фортепиано, в частности. Однако методологически и методически обучения должно отличаться от обучения праворуких детей и в большей степени строиться с учетом особенностей их психологии: не торопить, не навязывать, не пытаться переделывать психику. Левши медлительны в сопряженном движении рук, но восполняют этот недостаток компенсаторными способностями и креативностью. На этой основе нами разрабатываются конкретные методики и готовится издание о школе игры на фортепиано «Левшатам посвящается», которая в полной мере учитывает особенности музыкального развития леворуких детей.

Литература

1. Арчажникова Л. Г. Методика обучения игре на фортепиано: учеб. пособие для студентов IV курса вечер. и заоч. отд-ний музык.-пед. фак. – М.: МГЗПИ, 1982. – 82 с.
2. Безруких М. М., Князева М. Г. Если ваш ребенок левша. – Тула: Арктоус, 1996. – 80 с.
3. Емельянова Е. Н. Левшата в школе и дома: как определить левшество. Помогаем хорошо учиться. – М.: Эксмо, 2010. – 156 с.
4. Семенович А. В. Эти невероятные левши: практ. пособие для психологов и родителей. – 4-е изд. – М.: Генезис, 2009. – 250 с.

References

1. Archazhnikova L.G. Metodika obuchenija igre na fortepiano. Uchebnoe posobie dlja studentov IV kursa vechernego i zaochnogo otdelenij muzykal'no-pedagogicheskogo fakulteta. Moscow, MGZPI Publ., 1982. 82 p.
2. Bezrukih M.M., Knjazeva M.G. Esli vash rebenok levsha. Tula, Arktous Publ., 1996. 80 p.
3. Emel'janova E.N. Levshata v shkole i doma: kak opredelit' levshestvo. Pomogaem horosho učit'sja. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 156 p.
4. Semenovich A.V. Eti neverojatnye levshi. Prakticheskoe posobie dlja psihologov i roditelej. 4-e izanie. Moscow, Genezis Publ., 2009. 250 p.

Рецензия

УДК 7

МОНОГРАФИЯ И. В. ШЕСТАКОВОЙ «ИНТЕРМЕДИАЛЬНАЯ ПОЭТИКА РАННЕГО КИНЕМАТОГРАФА В. М. ШУКШИНА»

Фомин В. И., доктор искусствоведения, профессор, кафедра менеджмента в кино и телевидении, Институт управления и предпринимательства в социальной сфере Государственного университета управления, ведущий научный сотрудник НИИ киноискусства, Государственный университет кинематографии (г. Москва). E-mail: vifominkino@mail.ru

Review

MONOGRAPH “INTERMEDIAL POETICS OF V. M. SHUKSHIN’S EARLY CINEMATOGRAPHY” BY I. V. SHESTAKOVA

Fomin V. I., Doctor of Art History, Professor, Chair of Management in Film and Television, Institute of Management and Entrepreneurship in the Social Sphere of State University of Management, Senior Researcher at SRI of Cinema Art, State University of Cinematography (Moscow). E-mail: vifominkino@mail.ru

Актуальность темы исследования можно было бы, наверное, объяснить недостаточной изученностью кинематографического творчества В. М. Шукшина, особенно раннего, стартового периода его кинодеятельности. Это, безусловно, так, хотя успели вырасти уже целые горы шукшиноведения и популярной шукшинистики.

На самом же деле, очередное серьезное и честное обращение к судьбе и творчеству этого подлинно народного художника сегодня неизбежно становится особо актуальным прежде всего в силу того маразматического состояния, которое характеризует и пронизывает насквозь едва ли не все пространство российской художественной культуры постсоветского периода. Творческим бесплодием, напрочь порушенной системой художественных ценностей, тотальным разрывом с традициями классической русской культуры со времен горбачевской перестройки безнадежно поражено и современное российское кино.

В ситуации затянувшегося бездорожья, в котором блуждает культура сегодняшней России, обращение к художественному наследию и творческому опыту таких художников, как Василий Шукшин, дает как минимум возможность определить главные координаты бытия, восстановить шкалу настоящих художественных ценностей, уяснить цели творчества, подсказать выбор пути в новой исторической реальности.

Представляется, что монография «Интермедиаальная поэтика раннего кинематографа В. М. Шукшина» не только ставит такую серьезную и реально актуальную задачу, но и вполне успешно и убедительно решает ее.

Признаться, само название работы «Интермедиаальная поэтика раннего кинематографа В. М. Шукшина» поначалу меня несколько напрягло, поскольку ранее уже доводилось сталкиваться с такими наукообразными опусами о творчестве этого самобытного мастера, которые выскабливали все удивительное богатство и неповторимую яркость его творческого почерка до таких плоских определений-штамповок, что ничем не уступали по глупости и примитивности заключениям редакторов и чиновников Госкино, уродовавших его сценарии и фильмы. А поскольку мне самому довелось не только изучать творчество Шукшина, но непосредственно наблюдать самым подробнейшим образом всю его работу над кинолентами, начиная с фильма «Живет такой парень»

и кончая «Калиной красной», то, наверное, просто не могли не насторожить и методологические установки автора «Интермедиаальной поэтики...». Вот такие, к примеру: «кинематограф Шукшина разворачивается как непрерывный полилог текстов рассказов, созданных на их основе сценариев, перекодирующих последние на язык другого искусства, фильмов, рефлексирующих по их поводу «послесловий», статей, интервью, возникающих на опыте авторефлексии, замыслов новых фильмов и т. д.».

К счастью, эти предварительные мои опасения по мере ознакомления с самой работой быстро улетучились. И вся терминологическая оснастка исследования, и все его методологические принципы оказались применены по делу, органично и хорошо сработали. Шукшин как художник в монографии об «интермедиаальной поэтике», «метатекстовой динамике» и «непрерывном полилоге» вполне уцелел, остался живым во всей своей неповторимой сложности и «единственности».

Диапазон методологических принципов, используемых Шестаковой, достаточно гибок и широк. Автор рассматривает сценарии и фильмы В. М. Шукшина, пользуясь приемами историко-функционального, искусствоведческого, сравнительно-типологического, структурно-семиотического методов в соответствии с темой исследования. Очень важно, что автор выясняет эстетические ориентации начинающего режиссера в многообразии направлений в отечественном кинематографе на рубеже 1960-х годов прошлого века. А проблемно-тематический, жанрово-стилевой диапазон советского кинематографа той поры был, действительно, необычайно широк: он стремительно и неудержимо переходил на рельсы авторского кино. Эта волна, эта энергия общего движения подхватила и Шукшина. Вместе с тем, драматизм его творческой судьбы заключался в том, что он во многом плыл отнюдь не по течению, а наперекор ему. И как очень верно подмечает И. В. Шестакова, «самоопределился» Шукшину помогли не только не менее самобытные работы других режиссеров его поколения, работавших по соседству, но и абсолютно замшелые штампы советской пропагандистской машины, «дуболомные» установки официальной советской эстетики и критики. Шукшин их ненавидел и отталкивался от них как-то особенно яростно на всем протяжении

нии своего творческого пути. Они тоже по-своему, методом от противного, указывали путь. Проследившая творческий процесс его самоопределения, динамику от сценария к фильму, автор интерпретирует мотивы, образы кинолент «Из Лебяжьего сообщают», «Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Странные люди» в пространстве «авторского исследования жизни, раздумий о судьбах и времени».

Направление работы режиссера над кинолентами, связанное с «деревенским кино», Сибирью, его малой родиной, подчеркнутое в монографии, имеет региональную значимость, направленную на поддержание традиций искусства Алтая.

Автор книги констатирует причастность В. М. Шукшина к тем молодым режиссерам, которые смещают акценты с идеологических моментов на повседневную жизнь человека. В разработке «деревенской» темы он далек от известных «колхозных фильмов», находясь ближе к стилистике «деревенской прозы». Особенно ценно, по мнению И. В. Шестаковой, включение режиссером глубоко личного и в то же время универсального мира деревни с показом этнографических реалий алтайского села в семью и природу.

И. В. Шестакова описывает и анализирует своеобразие жанровой формы и принципы единства «новеллистического киноцикла» сценариста и режиссера, онтологические основания в изображении деревни, особенности художественного функционирования музыкального «текста» в фильмах, расширяющего исторические и пространственные границы экранного мира, возрождающего эстетические ценности русской народной культуры.

Автор работы за мнимой «простотой» разглядела поистине глубокий киноязык режиссера, выразительные художественные средства в изображении природы и быта деревни (символика, фольклорный музыкальный ряд), своеобразные приемы монтажа кадров, национальные, нравственные смыслы экранных образов шукшинских героев, выявляя особенности их воплощения в игре актеров.

Новации шукшинского киноязыка убедительно доказываются сравнительно-типологическим анализом фильмов в контексте отечественной и зарубежной кинематографии. Вписывая ранний кинематограф В. М. Шукшина в контекст време-

ни, И. В. Шестакова отмечает притяжения и отталкивания его кинолент в культурном кинопространстве России.

Результаты исследования представляются новыми, поскольку интермедиаальный код дает возможность более глубокого изучения кинотворчества выдающегося писателя-сценариста и режиссера XX века в рамках взаимодействия различных видов искусств. Анализ интермедиаальной поэтики ранних кинолент В. М. Шукшина позволяет выявить взаимодействие литературы с таким сложным и синтетическим искусством, как кинематограф. Рассматривая творческую динамику и авторецепцию художника в процессе создания фильма как метатекстового образования, автор монографии описывает формирование его кинематографа как особой индивидуальной художественной системы.

И. В. Шестакова достаточно глубоко обосновывает свою научную гипотезу о В. М. Шукшине как создателе нового направления – «деревенского кино», аналога «деревенской прозы», в отличие от искусства «колхозной» темы.

Монография отличается высокой степенью обоснованности и достоверности полученных результатов, обеспеченной экспериментальным материалом, убедительностью анализа и интерпретации, а также достаточным кругом цитируемых источников по теории и истории предмета исследования. Положения и выводы автора в работе соответствуют современным научным концепциям в шукшиноведении, углубляют их.

Для исследования характерен критический поиск, вдумчивый анализ кинотекста, владение терминологией искусствоведческого анализа. Культура оформления текста, примечаний и списка использованной литературы соответствуют стандарту научной монографии.

Хотелось, в частности, отметить и ту особенность исследования И. В. Шестаковой, что она хорошо, верно, последовательно выстроена, а к тому же написана хорошим, ясным, чистым русским языком. В диссертациях последнее встречается довольно редко.

Из критических замечаний, о которых мне действительно хотелось бы упомянуть, – одноединственное. Мне представляется, что в контексте раннего творчества Шукшина особое место занимает его сатирическая сказка «Точка зре-

ния». Обычно эту вещь относят к ведомству сцены, и ее, действительно, много ставили и ставят в театрах. Но дело в том, что изначально сам Шукшин собирался ее ставить в 1965–1966 годах именно в кино. Это была совершенно новая, необычная для раннего периода его творчества работа, настоящая увертюра ко всем его фильмам самого последнего периода. Возможно, более развернутое обращение к опыту создания столь

необычного произведения позволило бы автору монографии еще серьезнее и основательнее завершить свое исследование.

В целом же, сложная и ответственная работа И. В. Шестаковой, безусловно, удалась. Она по всем своим параметрам соответствует критериям, установленным сегодня для докторских диссертаций, и заслуживает присуждения звания доктора искусствоведения.

Интервью

УДК 7

БЕСЕДА С ЕКАТЕРИНОЙ МЕЧЕТИНОЙ: «В МУЗЫКУ ДОЛЖНЫ ИДТИ ТОЛЬКО ТЕ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ АБСОЛЮТНО ЧЕТКО ОСОЗНАЮТ, ЧТО БЕЗ МУЗЫКИ ИМ ЖИЗНИ НЕТ»

Бородин А. Б., кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского (г. Екатеринбург). E-mail: bborodin@mail.ru

В беседе с одной из самых талантливых и ярких молодых пианисток мирового уровня, солисткой Московской филармонии Е. Мечетиной обсуждаются проблемы современного музыкального исполнительского искусства и образования.

Ключевые слова: пианистка Екатерина Мечетина, современное музыкальное исполнительское искусство и образование.

Interview

INTERVIEW WITH EKATERINA MECHETINA: “THE MUSIC SHOULD GO ONLY TO THOSE YOUNG PEOPLE WHO ABSOLUTELY CLEARLY REALIZE THERE IS NO LIFE WITHOUT MUSIC”

Borodin A. B., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of History and Theory of Performing Arts, M. P. Mussorgsky Ural State Conservatory (Ekaterinburg). E-mail: bborodin@mail.ru

The performances by well-known Russian pianist, soloist of the Moscow Philharmonic Ekaterina Mechetina on December 19 and 20 are in the Big concert hall of M. P. Mussorgsky Ural State Conservatory. The first night was filled with a solo program, which includes works by Maurice Ravel, Sergey Rakhmaninov's Second and Tchaikovsky's First piano Concerto with Conservatory Symphony orchestra under the baton of Anton Shaburov. The performer is one of the most popular musicians of the Russian academic scene and her view on modern culture, of course, is of great interest both for professionals and amateurs of classical music. Therefore, we have decided to talk with Ekaterina about the different aspects of musical art in anticipation of the Year of Culture. In a busy schedule, the pianist found time for the interview literally an hour before the concert with the orchestra and, thus, conversation has passed in a “blitz” format.

Keywords: pianist Ekaterina Mechetina, modern music, performing arts and education.

А. Б.: Екатерина, в ваш сольный концерт 19 декабря вошли произведения Равеля и Рахманинова – достаточно редкое сочетание. В чем, на ваш взгляд, сходство этих композиторов, чем они дополняют друг друга?

Е. М.: В данном случае это именно продуманное сопоставление. Дело в том, что названные композиторы жили в одно время. Не будем, конечно, приближать даты их рождения к какому-то одному году, но достаточно сказать, что большинство прозвучавших сочинений написаны в начале XX века. Есть определенная логика и в построении программы. Если вы посмотрите на первое отделение, то оно включает Сонатину, то есть крупную форму, затем пять пьес. Второе отделение строится в обратном порядке, зеркальном – пять пьес и крупная форма (2-я Соната). Это все не случайно, дело в том, что между «Отражениями» Равеля и «Пьесами-фантазиями» Рахманинова я нахожу огромное количество параллелей, даже если говорить о так называемой точке золотого сечения. По крайней мере, для восприятия публики в «Отражениях» своеобразная кульминация находится в «Альбораде», четвертой пьесе, а у Рахманинова – в «Полишинеле», также четвертом номере цикла. Но эта параллель, честно говоря, лежит на поверхности, а существует огромное количество и иных. В общем, все, что относится к этой эпохе, а с ней очень многое связано лично в моем художественном багаже, у меня сразу рождает череду ассоциаций. На мой взгляд, в истории не было больше периода сравнимого масштаба для искусства, и поэтому очень интересно наблюдать за тем, что происходило в двух разных музыкальных лагерях.

А. Б.: Насколько сегодня концертующий пианист свободен в выборе программы? Ведь существуют запросы концертных организаций, слушателей.

Е. М.: Тут вы абсолютно в корень зрите, потому что здесь возникают определенные вопросы. Есть и свобода, есть и несвобода, с другой стороны. Несвобода в чем? Если бы я была таким исполнителем, который бы мечтал играть только лишь современную, остроактуальную музыку, возможно, я бы столкнулась с некоторыми сложностями в филармониях, которые, стремясь привлечь публику на свои концерты, боятся ее перегружать. Все мы знаем, что существуют специализированные фестивали современной му-

зыки, и у них абсолютно своя публика. Но дело в том, что такая музыка довольно долго ищет свой путь к сердцам слушателей. И если сейчас наша публика воспринимает как классиков Прокофьева и Шостаковича, и уже перестала их «бояться», то, допустим, для Губайдулиной и Щедрина время, наверное, такой огромной, слушательской привязанности, теплоты и признания настанет, может быть, лет через пятьдесят. Мне кажется, пятьдесят лет – это примерно тот срок, за который музыка начинает находить дорогу к публике. Я ни в коем случае не хочу сказать, что ни Губайдулина, ни Щедрин не признаны ныне. Естественно, в профессиональной среде, даже в довольно широких любительских кругах (я сейчас слово «любитель» употребляю в самом высоком смысле) их музыка востребована. Но все-таки большую часть публики такая музыка, как правило, отпугивает. И это не какое-то оскорбление для современной музыки – это просто данность. Новые тенденции в других видах искусства – живописи, театре – также далеко не всех привлекают и, честно говоря, они тоже должны проходить проверку временем. У нас та же самая ситуация. Поэтому, с одной стороны, есть свобода, потому что меня никто не имеет права как-то ограничивать в репертуарных пристрастиях, с другой – будучи артистом так называемого «мейнстрима», хотя это определение ужасно глупо звучит в применении к академической музыке, – я должна оправдывать ожидания публики, которая ждет от меня каких-то определенных вещей. Я могу делать шаги в сторону, но не так, чтобы это считалось побегом в какие-то иные сферы.

А. Б.: Вы много концертуете, и, думаю, бывают такие ситуации, когда вы играете одни и те же произведения много раз в различных городах. Как вы боретесь с усталостью, опустошенностью от программы? В чем черпаете вдохновение, стараетесь ли по-новому взглянуть на исполняемые сочинения?

Е. М.: У меня не бывает такого, чтобы я «заиграла» программу до какого-то внутреннего опустошения. Даже если рассматривать тот же концерт Чайковского, о котором все говорят, что его надо на десять лет запретить исполнять, чтобы он вообще не звучал. Я не понимаю этого. Каждый раз я к данной музыке обращаюсь, не скажу, что по-новому – я не могу на себя взять такую смелость, – но я рада встречи с ней. Это

подобно тому, как каждый раз мы видимся со старыми друзьями или каждый день встречаемся с членами своей семьи. Если дома все хорошо, если у нас добрые отношения между собой, то они нам не надоедают. А у меня с музыкой, которую я играю, как правило, добрые отношения, и я ее люблю. Поэтому не могу себе представить такого, чтобы я возвращалась к любимой музыке с ощущением какой-то внутренней напряженности. Нет, я радуюсь каждый раз, что вот, слава Богу, есть еще одна возможность в моей жизни выйти с этой музыкой на сцену. Вот честно, абсолютно искренне это говорю.

А. Б.: Нужно ли, по вашему мнению, воспитывать публику? Если да, то что вы вкладываете в это понятие?

Е. М.: Надо, конечно, воспитывать публику, как и любого человека, иначе он останется в состоянии дикаря, как Маугли. Но другое дело, что у нас входит в это воспитание. Я считаю, что ее надо воспитывать, прежде всего, на самом прекрасном из того, что у нас есть – на классических образцах. Когда человек научится распознавать прекрасное, тогда ему нужно постепенно предлагать что-то более новое. Но в принципе, конечно, очень бы мечталось, чтобы публика была разбирающаяся и ходила не только на яркие, понятные ей концерты с оркестром, с хорошо знакомым репертуаром, но также и на сольные, камерные вечера. Хотелось, чтобы слушатели не боялись каких-то творческих проявлений музыкантов, чуть-чуть отходящих в сторону от привычных, знакомых, «хитовых» произведений нашего академического репертуара.

А. Б.: В эпоху глобализации, доступности информации стираются ли черты национальных исполнительских школ?

Е. М.: Да, думаю, что стираются. Если бы мы имели статистику и могли подсчитать, сколько педагогов, принадлежащих к русской фортепианной школе, сейчас работают по всему миру! Вот она – глобализация. Мы распространяем свою традицию на весь мир. К нам иностранные педагоги практически не приезжают. Бывают какие-то редкие мастер-классы, но чтобы в Московской консерватории на постоянной основе преподавал какой-нибудь иностранный дирижер или скрипач – сейчас ничего подобного, конечно, нет.

А. Б.: Как это было раньше.

Е. М.: Да, как это было во времена становления консерватории. С другой стороны, огромное количество наших студентов уезжает учиться за рубеж и там, я думаю, тоже происходит некоторое взаимопроникновение. И мы, преподаватели, вольно или невольно учимся чему-то у своих студентов. Поэтому эти процессы, конечно, не остановить. Окончательно черты национальных школ еще не стерлись. Слава Богу, сохраняются записи и начала века, и середины XX века, когда их «границы» были очень ярко обозначены. Если мы будем не глядя слушать запись, сделанную, к примеру, в 60-е годы, мы с большой точностью можем определить, играет это представитель советской фортепианной школы или нет. По крайней мере, я на себе таким образом экспериментировала неоднократно. Сейчас с такой достоверностью идентифицировать школу исполнителя можно все реже и реже.

А. Б.: С чем, на ваш взгляд, связан бум на пианизм в Китае?

Е. М.: Культурная политика, на мой взгляд, в чем-то очень правильная. Хотя я не знаю, куда все эти пианисты впоследствии пойдут работать. Свою роль сыграл и культурный вакуум. Может быть, это связано с именем Ланг Ланга лично, потому что роль личности в истории не стоит недооценивать. Но главное то, что государство проводит целенаправленную политику, которая поддерживает детское художественное образование. В частности, понравилось им фортепиано – вот они увлеклись фортепиано. Не думаю, что у них хуже ситуация обстоит с другими инструментами. Это опыт, о котором, во всяком случае, необходимо задумываться. Нам не нужны сто миллионов пианистов – у нас нет такого количества населения. Даже, наверное, и десять миллионов – явный перебор. Но то, что в советской системе образования было огромное количество преимуществ по сравнению с тем, что имеем сейчас, мы просто не можем не понимать.

А. Б.: Вы учились у Сергея Леонидовича Доренского. Какие профессиональные принципы вы от него переняли, как вам кажется? Что определяет школу Доренского?

Е. М.: Школа Доренского – это загадка для меня. Для себя я ее разгадываю так, что Сергей Леонидович в каждом студенте раскрывает сильные стороны. Слово «школа» в данном контексте

сте обозначает не то, что обычно принято подразумевать под этим понятием – какие-то азы мастерства и т. д. Нет, он конечно уже работает с более взрослыми, играющими людьми. Студенты все разные, у кого-то опыта больше, у кого-то меньше, кого-то лучше научили в детстве, а кого-то чуть хуже. Но всегда удивляет поразительное качество Сергея Леонидовича видеть, как на рентгене, сильные стороны человека и не уничтожать его морально за то, что он еще чего-то не умеет или не достиг. Он всячески высвечивает индивидуальность музыканта и очень мягко, попутно, «подкладывает» под ее замечательные особенности какую-то художественную основу, сообразно его собственным эстетическим принципам. В результате, на выходе получаются разнообразные и очень интересные пианисты. Если мы посмотрим на выпускников его класса, это будут глобально разные музыканты. Вот только Дениса Мацуева и Николая Луганского поставить рядом – абсолютно ничего общего, а тем не менее.

А. Б.: Существует ли влияние времени на исполнительский стиль?

Е. М.: Да, конечно, мы можем легко это понять, послушав записи столетней давности. Я даже сейчас скажу крамольную вещь – некоторые записи боготворимого мною Сергея Васильевича Рахманинова уже вызывают у меня какие-то стилистические вопросы. А если мы слушаем, допустим, Владимира де Пахмана нам, возможно, захочется по-доброму посмеяться над какими-то моментами. Абсолютно меняется стилистика, и я даже связываю это не с эволюцией инструмента или концертных залов, а с изменениями, происходящими в нашей жизни. Человек, который является свидетелем нашей эпохи, совершенно по-другому мыслит, чем житель конца XIX столетия.

А. Б.: Как опытный исполнитель, скажите, все ли в конструкции рояля отвечает современным концертным требованиям? Хотелось бы вам что-то в ней изменить, высказать пожелания инженерам? К примеру, здесь можно вспомнить инструменты некоторых фирм, производящих фортепиано, которые имеют более широкий частотный диапазон или увеличенные размеры.

Е. М.: Кстати, я очень против всяких экспериментов с диапазоном, потому что мы с детства – это конечно жаргонное слово – «заточены»

под определенную ширину клавиатуры и мензуру. Все это, помноженное на «человеко-часы» за роялем, приобретает совершенно колоссальное значение. Вот почему я, например, не люблю встречаться на сцене с инструментами, у которых добавочные, «лишние» клавиши. Иногда они окрашены черным цветом, иногда они закрыты крышечкой – что лучше, – но в принципе это ужасно сбивает глазомер и чувствуешь себя как-то немножко потерянным. Вообще в таких вещах все имеет значение, вплоть до того, как сценический свет выставлен – иногда от этого тоже может многое «поплыть», что называется. А с точки зрения конструкции собственно инструмента, я, знаете, не инженер. Тут недавно прочитала статью про одно изобретение Леонардо да Винчи, который, я так поняла, создал в свое время какой-то гибрид рояля и колесной лиры. Не знаю, мне не хочется даже думать на эту тему, потому что меня вполне устраивает хороший, отрегулированный, современный Стейнвей или Ямаха. То есть привычные для меня, добротные, художественного уровня инструменты, скажем так.

А. Б.: Помнится, как-то вы участвовали в презентации ямаховского Дисклавира в Московской консерватории. Как вы относитесь к подобного рода инновациям и насколько это необходимо профессиональному академическому пианисту?

Е. М.: Вот слово «необходимо» не буду применять, но данный инструмент может помочь в определенной ситуации. Прежде всего, конечно, он полезен в проведении дистанционных уроков – это очень удобная штука. У Дисклавира гигантское количество возможностей. Есть люди, которые его целенаправленно научно исследуют, измеряют прикосновение пианиста. Оказывается, у фортепианного звука есть какое-то определенное число градаций, я сейчас точно не вспомню – то ли 600, то ли 800. От нуля, от беззвучного прикосновения, до самого громкого звучания. У педали тоже. И все эти параметры были замерены, всему были приданы какие-то условные обозначения и, конечно, здесь возможностей много. Но сказать, что это так уж сильно помогает в повседневной работе... Лично мне, если бы у меня был Дисклавир, потребовалось бы всего две функции – записи и проигрывания.

А. Б.: Чтобы послушать себя со стороны.

Е. М.: Да, отошла в угол комнаты, села на диван и послушала.

А. Б.: Вы много общались с Родионом Константиновичем Щедриным и, кроме того, являетесь первым исполнителем некоторых его сочинений. Как вы считаете, есть ли у него свой пианистический, композиторский стиль?

Е. М.: Есть, конечно, он же сам отличный пианист, ученик Флиера, и у него в юности был великолепный аппарат, он сам исполнял свои концерты.

А. Б.: А что нового он ввел в фортепианную технику?

Е. М.: На сегодняшнем этапе своего творчества – я имею в виду условно последние пятнадцать лет – он очень много занимается звучностью инструмента. На репетициях он часто вспоминает шопеновские пассажи, манеру игры «перлэ» – «жемчужная игра» и требует большой штриховой точности. Проведем сейчас параллель с предыдущим вопросом о различных современных инновациях в инструментах. У меня был очень интересный опыт – я участвовала в семинаре по инструменту Roland, в котором не используется технология семплирования.

А. Б.: Наверное, вы имеете в виду синтез на основе физического моделирования?

Е. М.: Да, физического моделирования. И как это ни удивительно, но именно на произведении Щедрина удалось «вытащить» музыкальный потенциал этого инструмента, выявить тончайшие возможности интонирования, штриховые и звуковые градации. Я помню, что японские конструкторы были очень довольны именно этой пьесой. Никакие баллады Шопена их так не порадовали, как именно это сочинение Щедрина, в котором композитором применено множество разнообразных исполнительских приемов. Это «Дневник», если быть конкретной.

А. Б.: Сейчас среди пианистов очень модно исполнять в клавирабендах транскрипции, которые иногда даже являются результатом творчества самих исполнителей. Насколько часто вы включаете такие произведения в свои программы?

Е. М.: Знаете, у меня был период увлечения транскрипциями – это были первые, ранние курсы консерватории. Тогда я даже записала диск с рахманиновскими фортепианными обработками, которые и сейчас обожаю. Но с тех пор к ним не возвращалась так, чтобы сыграть их все подряд. В то время была проделана страшнейшая работа и, честно говоря, я немножко по-

баиваюсь возвращаться туда обратно. Сейчас это увлечение прошло еще в связи с тем, что понастоящему талантливых, гениальных, скажем так, транскрипций все-таки маловато. Мною был сыгран в том числе и «Голубой Дунай» Штрауса-Шульца-Эвлера – много сил уходит, а эффект у публики не совсем тот, которого бы хотелось. Был период, возвращаясь к Щедрину, когда я много играла его «Озорные частушки». И сейчас этот период тоже прошел, потому что пьеса не играет так, чтобы сама по себе выходила из-под пальцев, а усилий требует колоссальное количество. Все равно я считаю, что любой оригинал, в данном случае «Частушек», неизмеримо выше транскрипции, при всей её пианистичности и гипермега-виртуозности. Редко попадаются такие пьесы, которые хочется сыграть. Неоднократно у коллег что-то слушала на конкурсах. Например, одна моя добрая знакомая играла переложение марша из Шестой симфонии Чайковского – очень виртуозно, очень качественно, но все равно не то. Сколько бы человек не приложил усилий, конечный результат практически всегда далек от желаемого.

А. Б.: А сами не пробовали что-нибудь переложить, сделать собственную транскрипцию?

Е. М.: Так чтобы выносить на сцену – нет, были какие-то кулуарные опыты не для концерта.

А. Б.: Что бы вы пожелали молодым, начинающим музыкантам, поскольку сейчас выбор профессии нередко связан с какой-то денежной перспективой, с финансовой составляющей?

Е. М.: Как и всегда, хотя в советские времена было все равно немного легче, потому что человеку, который получал профессию, и в его дипломе было написано «концертирующий артист, ансамблист, преподаватель», была гарантирована вполне достойная жизнь. Сейчас таких гарантий, к сожалению, нет. Все зависит от города, от стажа, от чего угодно. В музыку должны идти только те молодые люди, которые абсолютно четко осознают, что без музыки им жизни нет. Мне кажется, на этот вопрос нужно отвечать себе очень откровенно, потому что если есть хоть малейшее сомнение, то будет очень грустно, когда на фоне какого-то сиюминутного желания, либо своего, либо даже родителей, что очень часто бывает, человек потом окажется в профессии, которую недостаточно любит, чтобы претерпевать все ее невзгоды.



ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.1

К ВОПРОСУ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ

Попов С. И., кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Кемеровский институт (филиал) российского экономического университета им. Д. В. Плеханова (г. Кемерово). E-mail: bende-ostap@yandex.ru

Попытка осмысления «вечного» для философии вопроса, предпринятая в статье, вызвана интуитивно ясной недостаточностью обычно предлагаемых подходов к его решению в условиях падения престижа философского мышления. Задачей является поиск такого предназначения философии, ценность которого выглядела бы близкой к абсолютной. Задача реализуется во взгляде на философию сквозь призму жизни сознания, которой присущи имманентные целеполагание и логика. Философия видится подготовкой к «Великому Делу» развития сознания, утверждения принципов его жизни в мире, конституирования прочной реальности и изменения качества всего опыта индивида.

Ключевые слова: предназначение философии, любовь к мудрости, жизнь, Великое дело, опыт сознания, теоретическая установка, рефлексия, интенция, внутреннее пространство.

THE QUESTION OF PURPOSE OF PHILOSOPHY

Popov S. I., Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Humanities, Kemerovo Institute (Branch) of D. V. Plekhanov Russian Economic University (Kemerovo). E-mail: bende-ostap@yandex.ru

An attempt to comprehend the “eternal” question for philosophy, undertaken in the work, caused intuitively clear failure commonly proposed approaches to its solution under conditions which are characterized by decline in the prestige of philosophical thinking. The task is to find such a purpose in philosophy, the value of which would look close to the absolute. The author examines the approaches and the traditional “professional” philosophy (Aristotle, Soviet philosophy, positivist-analytical philosophical tradition), and to a certain extent unconventional trajectory informal – literary – of wisdom. When doing this, a conclusion about the similarities essentially modern “functionalist” wisdom is uncritically declaring external significance of philosophy in Aristotle’s position, who denied its practical usefulness. Philosophy with its “functions,” is a purely abstract life thinking that, as seen, is somewhat contrary to his own intentions philosophy as “love of wisdom” because wisdom cannot be abstract.

Search of “close” life address the issue of designed philosophy thus leads from the “professional” philosophy to the philosophy of “real,” which seems to go through “life itself” by diverse literary genres, theater, movie. The digression, however, does not give a positive solution to the question of theoretical restricting the indication of limits of philosophical questioning, the limitations of theorizing “life” as a sphere of action. In this self-revealed philosophy, the value is “suspended” its discourse, the philosopher “under-” refers to the ancient meaning of philosophizing as only the “desire for wisdom” and not possessing it. This intermediate state is unstable, capable of easily as shown in the paper result in a disruption in the extreme (as in “wisdom,” and in its opposite as profiles of the Ministry or the “system” of thought).

In the context of the ontology of consciousness “real” philosophizing is equivalent to the denial, moving away from him all that symbolically-completes for philosophical discourse and added the word “vanity”:

professional orthogonality, incontrovertibility truth, learning, respectability, etc. On the other hand, incomplete image of the “real” philosophizing in creates the temptation to take philosophy as such in anticipation of a saying in the language of the alchemists, the great things that would be different than the philosophy of nature. Search logic more specific contours of this case makes reject external-social and historical interpretation and refer to internal “code” of conscious life.

Experience of the “real” philosophizing, reflecting the dramatic individuality of spiritual existence, summarized and interpreted in looking at life through the prism of the philosophy of consciousness, which are inherent in the goal of the logic setting. Experience of such a view, the author finds in phenomenology of “late” Husserl and its artistic receptions, as well as in the works of M. K. Mamardashvili. Philosophy in this context is understood as a kind different from the experience of consciousness activities complementary to the other experiments.

The paper states that philosophy is valuable primarily theoretical setting that sets it thought and consciousness, that is of a much broader than philosophy abilities. Primary act of “real” philosophy is to change the setting from “natural” naive realism, which asserts the existence of an objective and deny our subjectivity, on reflexive, phenomenological, in a field where “washed-out” exist in our experience – both sense datum. The position of this change can be understood as “awakening” of reflection, an appeal redirecting the observation from external objectivity of consciousness. Reflections in this context should be interpreted in a “giving” sense: as a source of knowledge, method of investigation “geography” of intentional internal strength “space” with the prospect of complete mastery of them.

Thus, the value of the study of philosophy is seen in the way of perception of “love of wisdom” as a kind of “egologii”: the first act of “real” philosophy boils down to the restructuring experience of consciousness. Fullness and richness of the senses, “surprise the world”, which are often written, is accompanied by a genuine philosophizing, the essence of mental correlates such a “reinstall” performed ontologically. The “re-setting” of identical consciousness development, uphold the principles of his life in the world, the constitution of a solid reality and give a new quality of the entire experience of the individual.

Keywords: purpose of philosophy, “love of wisdom,” life, great thing, experience of consciousness, theoretical setting, reflection, intention, interior space.

Философия как направление общественной мысли и как учебная дисциплина сегодня переживает кризис с перспективой оказаться всецело принадлежностью прошлого, истории. Поэтому не утихает потребность вновь и вновь актуализировать смысл занятия малопrestижной, в плане современной общественной конъюнктуры, деятельностью. Есть ли сегодня в процессе или некоем финале деятельности, по-прежнему высокопарно именуемой «любовью к мудрости», ценность, которая не нуждалась бы в оправданиях?

Аристотель, который первым из философов «стал писать как профессор» (Б. Рассел), выражая распространенный взгляд, считал, что философская мысль движима чистым любопытством, интересом к истине как таковой, а не имеет целью достижение какой-либо практической пользы. Аристотель полагал как само собой разумеющееся, что мы занимаемся философией не ради прибыли, вне ее находящейся. Напротив, как говорится в книге 1 «Метафизики», «так же как сво-

бодным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя» [2, с. 69]. Философией, считал Аристотель, люди занимаются тогда, когда их первичные житейские потребности уже удовлетворены, и философствование их движимо единственно бескорыстным желанием достичь истины и высказать ее. При этом мысль философа обращена к сущности вещей и процессов, к тому, что скрыто от повседневного рассудка. Таковы философские положения «мир не создан никем из богов, никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем» (Гераклит) или «в действительности существуют только атомы и пустота» (Демокрит). Истины такого рода, взятые сами по себе, а не как метафоры позднейших технологических наслоений, вряд ли позволяют заявить о практической полезности философии.

Советская и постсоветская университетская философия, осознающая собственный этап «лю-

бования мудростью» как преодоление и снятие всех предыдущих этапов, не могла согласиться с самозамкнутостью философии. Философия наделялась целым рядом внешних «функций», главной из которых, видимо, следовало считать «мировоззренческую». Имелось в виду следующее: философия, делая общий абрис того, что представляет собой мир (вспомним в этой связи об атомизме Демокрита), оказывается мировоззренческим базисом для познания вообще. В систематических курсах философии иногда выражались сильнее, охотно цитируя Г. И. Челпанова, – что именно философский интерес движет вперед науку (хотя бы сами представители науки и отрицали это), влечет мысль к высшим проблемам и удерживает науку от бесцельного накопления знаний [1, с. 16]. Идя в кильватере этого духовного движения, можно добавить, что «философский», то есть предельный, интерес лежит также в основе теоретической и юридической проработки культурных ценностей, норм, идеалов. Имеется в виду, что принятие и духовное освоение обществом тех или иных ценностей как приоритетных (например, принципа экономической свободы индивида в период «перестройки» в СССР) имело своим следствием разработку соответствующей системы норм, регулирующих поведение людей и их взаимоотношения.

Одной из задач философии виделась также критика функционирующих в обществе мифов массового сознания (в том числе вторичных проявлений на этом уровне сознания идей самой философии) – упрощенных схем реальности (например, политической), рецептов решения общественных проблем и т. д. Достаточно очевидно, что философ имеет дело не с опытной реальностью, а с текстами, высказываниями коллег, мифами массовой культуры, обыденными мнениями [10, с. 302]. Предметная область философии, таким образом, – культура, системы знания; философия выполняет применительно к ним критико-аналитическую функцию, выступая своего рода «аппаратом примечаний» ко всяким знаниям.

Известный британский философ Берtrand Рассел в своем лекционном курсе, изданном позднее знаменитой книгой, подобно своим советским коллегам по цеху не соглашался с тем, что философия не имеет отношения к реальной жизни. Интерес представляют его аргументы. Рассел,

обосновывая важность и значимость работы над философскими вопросами, различал два аспекта. Во-первых, чтобы понять эпоху или нацию, мы должны понять ее философию, а чтобы понять ее философию, мы должны сами в некоторой степени быть философами. Ибо, по мнению Рассела, «с того времени как люди стали способны к свободному размышлению, их действия в бесчисленных важных аспектах оказались в зависимости от их теорий относительно природы мира и человеческой жизни и от теорий о том, что такое добро и что такое зло» [13, с. 12]. Это ответ историка, демонстрирующий узкий, «цеховой» интерес. Во-вторых, философия является своеобразным «третьим» – выходом из противоречия между наукой и теологией как мировоззренческими началами. Как отмечает Рассел, «наука говорит нам, что мы способны познавать, но то, что мы способны познавать, ограничено... Теология, с другой стороны, вводит догматическую веру в то, что мы обладаем знаниями там, где фактически мы невежественны... Нехорошо и то, и другое: забывать задаваемые философией вопросы и убеждать себя, что мы нашли бесспорные ответы на них. Учить тому, как жить без уверенности и в то же время не быть парализованным нерешительностью, – это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею» [13, с. 12]. Это очень личный довод. Философская деятельность уподобляется стрелке компаса: она не указывает верный путь спасения, но задает направление поиска; ориентируясь на него настойчиво и последовательно, мы имеем шанс выбраться из леса смысловых блужданий и начать действовать. Действие – первично и конкретно, но оно не приведет к успеху без своеобразной пропедевтики – предварительного и, по необходимости, абстрактного прояснения для себя общей ситуации.

Думается, что устойчивое акцентирование именно двух изложенных выше крайних позиций по поводу практической полезности философии закрепило за последней негативное реноме «науки ни о чем». И если аристотелево ее восприятие как науки в-себе и для-себя просто отрицает за философией какие-либо практически полезные функции, то обилие задач для философии в ее советской версии может только раздражать. Поскольку ясно, что наука вполне обходится без

философской методологии и в силах сама подняться до рефлексии над собственной деятельностью, мировоззрение – так же самодостаточно и не нуждается в философской поддержке, идеологами и политтехнологами философское самоуглубление и философское сомнение, как показывает практика их деятельности, тоже не востребованы. Приходится констатировать сходство по существу представлений, некритически декларирующих практическую значимость философии с позицией Аристотеля, прямо отрицавшего ее практическую полезность.

Достаточно давно, впрочем, в философии проявились две тенденции, которые, подобно разнонаправленным векторам, разводили «стремление к мудрости» на «дело только школы» и «дело жизни» [15, с. 179]. С одной стороны, философия превратилась в чисто академическую деятельность, которая самоустранилась от насущных трудностей, сопровождающих наше присутствие в мире. С другой стороны, философия весомо заявила о себе как о неформальном предприятии, смело проникающем «саму жизнь» через многообразные литературные жанры, театр, кино.

В относительно новом многосерийном фильме «Доктор Живаго» (в романе Б. Пастернака этого эпизода нет, но соответствие духу романа все равно имеется) партизанский главарь и бывший философ Ливерий Микулицын рассказывает доктору, как в студенчестве всё ловил себя на одном темном чувстве: от чего бегут, укрываются и увиливают за обильными словесами все эти нищие мудрецы-философы, от чего такого страшного, намного превышающего и мысли, и возможности любого человека, даже гениального? И понял – от чего. От жизни... От того, что нельзя понять, а можно только пережить. Здесь, по сути дела, воспроизводится упорно повторяющаяся в отечественном любомудрии XIX века мысль, что «мудрость» философов – теоретическая и отвлеченная, состоящая в установлении всеобщих и отчужденных истин [6]. Но может ли она в таком случае называться в полном смысле мудростью, которая, как подсказывает интуиция, от жизни?

Известный писатель Олдос Хаксли в одном из произведений высказался в том смысле, что западные философы – просто хорошие ораторы, риторы, в отличие от своих восточных коллег, которые ораторы порой вовсе никакие, и для ко-

торых философия (знание сущностного расклада жизни) и действие тождественны [18]. Действительно, философу совсем не обязательно быть хорошим ритором, а быть хорошим ритором не означает быть философом (в смысле прямого контакта мысли с жизнью). О том же, но лучше высказывается писатель Виктор Пелевин, сравнивая профессиональное философствование с псевдоюридическим дискурсом: «Философский дискурс, в котором выдвигаются аргументы и контраргументы, кажется мне верхом нелепости – словно решение важнейших вопросов о природе человеческого существования может произойти в судебном зале во время юридического разбирательства, где смыслы рассматриваются как нечто объективное. Мы существуем как бы “изнутри себя”, такова, извиняюсь за выражение, субъективная онтология нашего сознания. А философия претендует на то, что ответ на вопрос о природе и судьбе этого “взгляда изнутри” может быть дан “снаружи”, через манипуляцию абстрактными символами. <...> Философия способна поставлять интересные описательные языки, но беда в том, что она в состоянии говорить на них только о себе самой» [7].

Иными словами, есть как бы два параллельных процесса – мышление и жизнь-путь. Если древнейшие античные мыслители еще соединяли жизнь и мысль в одно, то европейская философия окончательно становится отвлеченным мышлением об общих вопросах. Но даже если все философские проблемы по видимости решены соответствующими специалистами, жизнь-путь со всеми его трудностями – практическими, интеллектуальными, моральными – проходишь только ты сам. При этом не существует алгоритмов, которые позволяли бы преобразовать отвлеченное положение в акт воли или оправдать с позиции разума невыносимые условия жизни.

Оба вышеупомянутых писателя отрицают профессиональность как необходимую составляющую философской (неформально понимаемой) деятельности. Философ-по-жизни – дилетант и полумаргинал в своем деле. Однако именно эти качества и делают его более, нежели профессионала, адекватным духу философии как таковой, поскольку в самом этом духе есть, в известном смысле, нечто неформальное. В философии присутствуют какие-то необязательность, простота

и легкость, как в звуках фокстрота, доносящихся от старого патефона. Философия, скорее всего, не в больших знаниях. Житейскую искушенность также нельзя признать источником для философствования. Философ не сможет похвастаться также цельностью личности и моральной устойчивостью офицера полиции. Совсем напротив, философия – это, скорее, маргинальная по своему духу возможность сказать слабо мотивированное «нет» любым претензиям на мудрость, на ученость, на государственную или житейскую рациональность. Настоящая философия, скорее всего, не требует большого и быстрого ума, не есть дело большого ума. Поэтому философия – вечное утешение посредственностей, дилетантов, а также людей «со странностями». Огромное ей за это спасибо.

Что делает философ-непрофессионал? Стремится увидеть мир без обычного, присущего тому иллюзия: различать пошлость и не-пошлость, опознавать в высокопарности, надутой важности – суетность, беспрестанные «тараканьи бега» за успехом и самоутверждением, понимать, что мир, даже находясь в непрестанном движении по видимости, не меняется по сути, как и люди с их интересами. Поэтому «реальный» философский акт равносильен, с одной стороны, смиренню, с другой – символическому «отодвиганию» себя от всего этого – «трансцендированию». «Что он трансцендирует, то есть за пределы чего он выходит? За пределы данной культуры, за пределы заданных условностей жизни. К чему он трансцендирует, если трансцендентного объекта нет?», – риторически вопрошает в одной из своих бесед М. К. Мамардашвили – философ-профессионал, «игравший», тем не менее, на поле неформального любомудрия [9, с. 106]. Видимо, трансцендирует к некоему символическому объекту. Его отсутствие в реальной жизни делает непрофессиональное философствование, на наш взгляд, вполне укладывающимся в русло древнего понимания философии, приписываемого Пифагору. Согласно этому пониманию, сущность философии определяется через отрицание: философия не есть мудрость (которая – удел богов), а промежуточное и именно этим ценное состояние, состояние «подвешенности» между А и В (мудростью и не-мудростью), то есть стремление, влечение – «любовь». Состояние «подвешенности» неустойчиво, и внутри любомудрия

постоянно присутствует соблазн «достроить» философское «эпохэ» до позитива (интерсубъективного знания, системы), словом, как-то преодолеть философское «недо-», например, развернув «стремление к...» в терминах действия трансцендентальной субъективности.

За философский дискурс порой не без оснований принимают «проповедь» некоего найденного и выстрадавшего индивидом Пути – в данном случае философия выступает вторичным и, видимо, необязательным проявлением иного – практического жизненного смыслозадающего проекта. Примером может служить жизненный проект советского философа, логика и литератора, оказавшегося в эмиграции, А. А. Зиновьева, отрефлексированный им в виде учения – «зиновьиогии»: правил сохранения индивидом духовной автономии в «коммунальном» обществе по принципу «я – суверенное государство» [5]. Но данного рода дискурс, как правило, не существует вне задающего его индивидуального эсхатологического мироощущения. Иными словами, на этом – условно «восточном» – пути любовь к мудрости близка к опасному растворению в способе и образе жизни. То есть, в зависимости от обстоятельств, к незаметной трансформации в одну из определяющих топос философии крайностей: либо, опять-таки, в «мудрость» как таковую, либо в блудливо-житейскую искушенность (не случайно, «ученики» Зиновьева не получили известности). Тот и другой финалы для «любви...» в общем-то незavidны (как у Эриха Фромма: садизм ли, мазохизм ли – все одно не любовь).

Из приписываемого Пифагору понимания философии как некоего «недо-» можно также заключить, что философии более пристала роль подготовки индивида или человечества к какой-то важной деятельности иного, нежели философия, рода – к некоему предстоящему Великому Делу (как у алхимиков). Просматриваются ли важные и достойные философской пропедевтики значения, которые можно было бы принять за Великое Дело? Таковым вполне могла бы быть, например, некая масштабная практическая общественная задача вроде «изменить мир»: победить смерть и воскресить предков (в версии Николая Федорова) или изменить социальный строй (в версии Карла Маркса и Владимира Ленина).

Надо сказать, что смыслы, связанные с проектом переустройства социального мира вызывают как раз те самые страсть, пафос, волнение чувств, о которых обычно говорят как о спутниках и даже основаниях философского интереса [17]. Эти смыслы дают ощущение сопричастности целому и значительности происходящего и предстоящего. В реальности, если и не у руля масштабнейших поворотов российской социальной жизни в начале XX века и в его конце, то близко к таковому стояли значительные философы. Но вдохновленный ими проект будущего в обоих случаях оказался нежизнеспособным, критика же ими настоящего оказалась неприцельной и в общем деструктивной.

Что же, философы в плане великого общественного дела не в силах предложить ничего путного? Даже если это не так, губят все дело, во всяком случае, общие закономерности реализации социальных проектов. Общество – система, состоящая из огромного числа элементов и связей. Такие системы легко и слаженно функционируют в режиме самоорганизации, но внешнее управление такой системой с целью ее реформирования может осуществляться только на основе более или менее грубых ее моделей. Поэтому внешнее вмешательство в жизнь общества оказывается неоправданным, дестабилизирующим. Говоря иными словами, реальность общества трансцендентна мышлению, организуется совершенно по другим законам, нежели мысль в лице самого благого философского проекта.

Заниматься реализацией философской идеи нового общества приходится обычным средним людям, у которых нет прочной идейной закалки, нет повышенной личной ответственности и труд которых к тому же не ценится. В России, как известно, любые противоречия проявляются контрастнее. Как пишет Д. Б. Соколов, «наверное, каждый русский, кто когда-нибудь всерьез занимался каким-либо делом, рано или поздно встает перед выбором: продолжать ли мне служить делу или пусть теперь дело послужит мне? Как правило, к 50 годам достигаешь таких служебных высот и набираешься стольких опытов, что предпочитаешь второе. Дело начинает рассматриваться через призму твоих личных выгод. Ты входишь во вкус, и уже не можешь “страдать

на службе за правду” – вся правда в том, что ты всю жизнь трудился неустанно, а у тебя не хватает денег, женщин, славы – всего не хватает, а тебе уже 50...» [14]. Когда доходит до воплощения проекта в реальность, «общее дело» (Н. Федоров) оказывается бессильным в качестве символа-мотиватора деятельности: воплощаясь в конкретные действия, оно съезживается до своей противоположности, обнаруживает какие-то все свои собственные и понятные антицивилизационные аспекты. В-общем, трудно увидеть в социальной суеде по поводу «общего дела» – великое. «Любовь к мудрости» гораздо чаще чуралась задач подобного свойства, чем подготавливала к их решению.

Вновь возвращаясь в колею философии скорее «реальной», чем «профессиональной», попробуем рассмотреть еще один вариант «Великого Дела» философии. Пойдем, так сказать, с самого начала – взглянем на философию «изнутри», сквозь призму жизни сознания.

Любители преувеличивать критико-революционную функцию философии в вопросах мировоззрения обычно убеждены, что акт философской рефлексии (так уж повелось) обязательно связан с разоблачением какой-нибудь наивности, условности, какого-нибудь лицемерия. Не оспаривая и не обсуждая указанное убеждение, можно, однако, сделать один важный, на наш взгляд, вывод: как всякое разоблачение философия вторична по отношению к собственно наивностям, условностям или лицемериям. Так и оказывается на деле: жизнь, чреватая наивностями, условностями и лицемериями – первична, и в ней обычно не до рефлексий, не до философий.

Что мы здесь понимаем под «жизнью»? Слово «жизнь» отсылает к многообразию видов переживаемого нами опыта – всего того, что наполняет смыслами наше сознание. Собственно, эти самые смыслы (как предметные, так и непредметные, слабо отрефлексированные) в их становлении и изменении и отношение нашего «я» к ним формируют жизнь «я». Жизнь тогда уместно понять как непрерывный, длящийся поток переживаний, феноменов, а философскую рефлексию – уже как некое отдельное мета- по отношению к этому потоку, что и делается автором в его более ранней статье на похожую тему: «Радужный поток опыта и есть наш мир, но, чуть задумавшись, нельзя не

воскликнуть, что он же есть и тот, кто воспринимает мир. Мы и плывем в этом потоке, и сами есть этот поток... кажется, что он – наша судьба, избежать которой нельзя. И тут мы открываем философию» [12, с. 102]. Кажется вполне логичным, что «философия должна быть надстройкой над опытом» и над «практическим знанием какого-то интеллектуального, эстетического, нравственного или обыденного дела», «если намерена чем-то отличаться» от них [12, с. 102].

Несмотря на приобретаемое философией в результате проведенной дистинкции особое и как бы доминирующее над собственно опытом положение, все же заметим, что мочь испытывать некий опыт – важнее умения философствовать. Сказанное элементарно подтверждается более высокой сравнительной ценностью способности *переживать*, например, состояние любви по отношению к способности *обсуждать* «смысл любви».

Какие отношения связывают реальный опыт сознания и философию? Для уяснения этого момента можно обратиться к философу, изучавшему как раз опыт сознания.

Широко известный в узких кругах Эдмунд Гуссерль, в последний период жизни остро ощущавший оторванность академического мышления от жизни, в своей книге, итожащей десятилетия размышлений, говорит о «философской форме существования» – идущем от античных греков стремлении «сделать свободным себя и свою жизнь, построить ее правила, исходя из правил чистого разума, из философии. Теоретическая философия первична. Разумное постижение мира, свободное от всяких связей с мифами и традицией вообще, должно быть реализовано в универсальном познании мира и человека, абсолютно лишенном каких-либо предрассудков и постигающем в самом мире исключительно разум, ему внутренне присущий, его телеологию и его высочайший принцип – Бога. Философия как теория создавалась не одним каким-то исследователем, а каждым свободным, философски образованным человеком. Теоретическая автономия – это следствие практической автономности. Руководящий идеал Возрождения – античный человек, формирующий себя в своем свободном, благом разуме. ...это означает – заново сформировать себя не только этически, но и весь окру-

жающий человеческий мир, политическое и социальное бытие человечества заново сформировать из свободного разума, из универсальной философии» [4, с. 139–140].

Если вынести за скобки обычный для мыслителей начала прошлого столетия просвещенческий еще пафос и повторы, свойственные скорее лекционному курсу, чем книге, то в приведенном отрывке изложена целая программа. Смысл философской деятельности указан предельно ясно и обще: философия ценна прежде всего *теоретической установкой*, которую она задает мышлению и сознанию – то есть гораздо более широким, чем философия, способностям. Теоретическая установка приходит на смену установке «естественной» (наивно-реалистичной) в ходе последовательно осуществляемого философского «эпохэ» – «редукции» указанной установки. В ходе такого «заключения в скобки» установки «здорового смысла» реальное переводится в идеальный план, оказывается воплощенным в опыте сознания; конституируемые в опыте сознания объекты полагаются исключительно смысловыми образованиями, «чистыми» данностями, безотносительными к способу их существования в реальности [3].

Смену установки с естественной на теоретическую можно понимать как «пробуждение» *рефлексии* – обращение, перенаправление луча внимания с внешней предметности на сознание. Рефлексию в контексте феноменологии следует трактовать в «дающем» смысле: как источник познания, способ исследования «географии» внутреннего интенционального «пространства» с перспективой полного овладения им. У Гуссерля это овладение мыслится как чисто теоретическое: как масштабная задача реконструирования типики имманентного конституирования трансцендентальным «Эго» любой предметности. Но нет, на наш взгляд, препятствий и к тому, чтобы вообразить подобное овладение сознанием как практическую задачу управления интенцией, что художественными средствами делает романист Колин Уилсон [16]. Кстати, пока эта задача решена (причем, масштабно) только в одном аспекте – как манипуляция «чужим» сознанием.

Борьба за теоретическую установку – это сама история европейского мышления, которая разворачивается как история «пробуждения» со-

знания и овладения «внутренним пространством». Такого рода «Великое Дело» может сильно захватить дух – в уме индивида скрыты миры интереса гораздо более величественные, чем мир обыденный [16, с. 18]. Трудность, однако, в том, чтобы подобное «пробуждение» сделать не преходяще-ускользающим продуктом измененного состояния сознания, а самой *реальностью* личного существования: сделать сознание «намеренным» (Уилсон), способным по желанию фокусироваться и достигать полноты освоения любой предметности. Вековечная мечта и философов-классиков, и писателей-фантастов – человек, который не был бы игрушкой внешних условий и внутренних стихийных сил («матрицы», говоря языком современной массовой культуры), а обладал бы свободой воли. Пока же человек больше напоминает, по Уилсону, большую паразитами гусеницу, из которой уже не может получиться бабочка.

В отечественной философской культуре мысли аналогичной направленности развивал М. К. Мамардашвили. Его интуиции чаемого качества жизни сознания напоминают художественно обработанные Уилсоном гуссерлевы даже словесно. Мамардашвили пишет: «Поннастоящему мы живем как бы в постоянно подвешенном состоянии – над течением нормальной, повседневной жизни. И у этого подвешенного состояния есть свои законы – некая топология пути» [8, с. 76]. Псевдо-географическая лексика здесь появляется не случайно, речь ведь идет о некоем пространстве интереса, о «маршруте» движения мысли, но – во «внутреннем» мире. «С помощью “топологии пути” я пытаюсь увидеть, как структурирована та область, в которой пролегает наш путь, как расположены ее магнетические линии. Мы проходим этот путь, чтобы достичь той точки, в которой мы живем “кстати”, или другой – где мы живем, не живя, обыденной жизнью» [8, с. 77]. «Философия» у М. К. Мамардашвили оказывается просто «мышлением». Последнее невозмож-

но в нашем «здесь», то есть в обыденности. Оно оказывается как бы вестником нашей настоящей далекой духовной родины и инструментом изменения качества всего нашего опыта.

Мамардашвили различал реальный опыт сознания и философию как «настройку» на таковой. Как он писал и говорил в своих лекциях, философией нельзя заниматься часто и помногу (преподавание ее – не в счет), она нужна – только чтобы «установить мышление» [11, с. 379]. «Установившись», можно продолжать жить: претерпевать опыт – например, удовольствий и страданий – однако, уже не будучи их рабом. Это и означает жить «кстати». То есть философия нужна, чтобы для начала завоевать место под солнцем в стране психического. Выражаясь по Маяковскому, философия выполняет роль такого последнего «заседания», которое выносит решение об искоренении всех заседаний впредь: «настройка» произведена, видение сфокусировано, смысл обретен, и в думах по этим поводам более нет надобности.

Было бы нелепо на основании довольно фрагментарного рассмотрения вопроса выдвигать некое новое видение предназначения философии, да автор и не ставил перед собой такую задачу. Задача была скромнее: показать, что ценность занятия философией – притом ценность самоочевидная – в философской традиции есть. Она усматривается на пути восприятия «любви к мудрости» в качестве своего рода «эгологии»: перво-акт «реальной» философии сводится к перестройке опыта сознания. Полнота и насыщенность чувств, «удивление миру», которые, как часто пишут, сопровождают подлинное философствование, суть психические корреляты такой «переустановки», исполненной онтологически. Сказанное, очередной раз подчеркивает важность «познания самого себя» и «владения самим собой» – древних и остающихся современными максим любомудрия.

Литература

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 1997. – 568 с.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 63–367.
3. Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля // Вопр. философии. – 1992. – № 7. – С. 116–135.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) // Вопр. философии. – 1992. – № 7. – С. 136–176.
5. Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. – М.: Центрполиграф, 2000. – 506 с.

6. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 267–301.
7. Кочеткова Н. Виктор Пелевин: Несколько раз мне мерещилось, будто я стучу по клавишам лисьими лапами [Электронный ресурс] // Люди (www.peoples.ru). – URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/story/pelevin/interview.html> (дата обращения: 06.02.14).
8. Мамардашвили М. К. Мысль под запретом (беседы с А. Э. Эпельбуэн) // Вопр. философии. – 1992. – № 4. – С. 70–83.
9. Мамардашвили М. К. Мысль под запретом (беседы с А. Э. Эпельбуэн) // Вопр. философии. – 1992. – № 5. – С. 100–115.
10. Никифоров А. Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания / отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 296–326.
11. Под знаком Картезия. Из архива М. К. Мамардашвили // Встреча с Декартом. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили. 1994 год. – М.: Ad Marginem, 1996. – С. 378–424.
12. Попов С. И. Апология философии: западносибирские медитации // Социогуманитарный вестн. – Кемерово: КемИ (филиал) РГТЭУ, 2010. – № 5. – С. 102–107.
13. Рассел Б. История западной философии: в 3 кн. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 815 с.
14. Соколов Д. Б. Русско-японская война 1900–1905 годов: «новая» хронология [Электронный ресурс]: в 3 ч. – Ч. 3. – URL: <http://zhurnal.lib.ru/b/barsuck/ssan.shtml> (дата обращения: 16.06.10).
15. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 139–288.
16. Уилсон К. Паразиты мозга // Сибирские огни. – 1991. – № 2. – С. 3–139.
17. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопр. философии. – 1993. – № 8. – С. 113–123.
18. Хаксли О. Остров. Врата восприятия. Небеса и ад: Роман и эссе. – Киев: София, 1995. – 446 с.

Reference

1. Alekseev P.V., Panin A.V. *Filosofija. Uchebnyk*. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Moscow, Prospekt Publ., 1997. 568 p.
2. Aristotel'. *Sochinenija*. V 4 tomah. Metafizika. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 63–367.
3. Gajdenko P.P. Nauchnaja racional'nost' i filosofskij razum v interpretacii Edmunda Gusserlja. *Voprosy filosofii*, 1992, no 7, pp. 116–135.
4. Gusserl' E. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija. Vvedenie v fenomenologicheskiju filosofiju (glavy iz knigi). *Voprosy filosofii*, 1992, no 7, pp. 136–176.
5. Zinov'ev A.A. *Russkaja sud'ba, ispoved' otshchepenca*. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2000. 506 p.
6. Kireevskij I.V. O neobhodimosti i vozmozhnosti novyh nachal dlja filosofii. *Blagova T.I. Rodonachal'niki slavjanofil'stva. A.S. Homjakov i I.V. Kireevskij*. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1995, pp. 267–301.
7. Kochetkova N. Viktor Pelevin: Neskol'ko raz mne mereshchilos', budto ja stuchu po klavisham lis'im lapami. *Ljudi*. Available at: <http://www.peoples.ru/art/literature/story/pelevin/interview.html> (accessed 06.02.14).
8. Mamardashvili M.K. Mysl' pod zapretom (besedy s A.E. Epel'buen). *Voprosy filosofii*, 1992, no 4, pp. 70–83.
9. Mamardashvili M.K. Mysl' pod zapretom (besedy s A.E. Epel'buen). *Voprosy filosofii*, 1992, no 5, pp. 100–115.
10. Nikiforov A.L. *Filosofija kak lichnyj opyt. Zabluhdajushchij razum?: Mnogoobrazie vnenauchnogo znanija*. Otvetstvennyj redactor i sostavitel' I.T. Kasavin. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 296–326.
11. Pod znakom Kartezija. Iz arhiva M.K. Mamardashvili. *Vstrecha s Dekartom. Filosofskie chtenija, posyashchennye M.K. Mamardashvili. 1994 god*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1996, pp. 378–424.
12. Popov S.I. Apologija filosofii: zapadno-sibirskie meditacii. *Sociogumanitarnyj vestnik*. Kemerovo, Kemi (filial) RGTU Publ., 2010, no 5, pp. 102–107.
13. Rassel B. *Istorija zapadnoj filosofii*. V 3 knigah. Novosibirsk, Novosibirskij universitet Publ., 1997. 815 p.
14. Sokolov D.B. *Russko-japonskaja vojna 1904–1905 godov: «novaja» hronologija*. V 3 chastjah. Chast' 3. Available at: <http://zhurnal.lib.ru/b/barsuck/ssan.shtml> (accessed 16.06.10).
15. Solov'ev V.S. *Sochinenija*. V 2 tomah. *Filosofskie nachala cel'nogo znanija*. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 2, pp. 139–288.
16. Uilson K. *Parazity mozga. Sibirskie ogni*, 1991, no 2, pp. 3–139.
17. Hajdegger M. *Chto eto takoe – filosofija?* *Voprosy filosofii*, 1993, no 8, pp. 113–123.
18. Haksli O. *Ostrov. Vrata vosprijatija. Nebesa i ad. Roman i esse*. Kiev, Sofija Publ., 1995. 446 p.

УДК 008(091)

ЭХНАТОН И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО МИРА

Федяев А. П., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Республика Татарстан). E-mail: filkazguki@mail.ru

В статье раскрывается смысл религиозной реформы, осуществленной в Египте фараоном Эхнатон (XV век до н. э.); **доказывается, что атонизм может рассматриваться как самостоятельная египетская версия монотеизма**; показано, что Древний Египет стал своеобразной колыбелью современных форм монотеизма и оказал огромное влияние на духовную культуру Древнего Мира и современную цивилизацию.

Ключевые слова: Эхнатон, атонизм, Моисей, культура Древнего Мира.

AKHENATEN AND CULTURE OF THE ANCIENT WORLD

Fedyayev A. P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chair of Philosophy and Culturology, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan, Republic of Tatarstan). E-mail: filkazguki@mail.ru

The article explains meaning of the religious reform undertaken by Egyptian Pharaoh Akhenaten in the fifteenth century BC and its influence on the formation of the fundamentals of spiritual culture of the Ancient World.

As a part of the study, the author concludes that the Pharaoh was an outstanding personality: a religious reformer, a gifted poet, a founder of a new realist trend in art, a genuine humanist and biblical prophet (whose creativity is reflected in the Biblical and Quranic texts). By comparing the Old Testament texts with modern archaeological data, the author proves that Akhenaten is a world famous "Pharaoh of the Exodus," the Exodus occurred in 1402 BC, this event was influenced by a series of eruptions of Santorini volcano which knocked the bottom out of traditional religious consciousness of the ancient Egyptians, the Exodus of the Israelite community out of Egypt was caused by an intense competition between "religion of Moses" and Atenism, the original version of the Egyptian monotheism. Further, the author reveals connection of Atenism with a religion of "personal piety" of the Pharaohs" of the 5th dynasty, argues that the emergence of the ancient Jewish community in Egypt was anything but an accidental event, and describes main stages of the breakthrough in spiritual culture of the ancient world that was made by Akhenaten.

Finally, the author concludes that Moses and Akhenaten were close associates and, in various degrees, had a tremendous impact on the development of modern culture and civilization. In the light of the foregoing, the author believes that although the name of Akhenaten is not directly mentioned in the Bible and Qur'an, he can, certainly, be considered as a biblical prophet.

Keywords: Akhenaten, atonism, Moses, the culture of the Ancient World

Фараон Древнего Египта Эхнатон (1436–1402 годы до н. э.) являлся весьма яркой и противоречивой личностью: религиозным реформатором (восставшим против тысячелетних традиций многобожия и магических верований), одаренным поэтом (написавшим величественные Гимны Атону), умелым управленцем (построившим по почти современным стандартам «идеальный»

город Ахетатон с населением 50 тыс. человек, в то время как численность Египта была всего несколько миллионов человек), создателем нового реалистического направления в искусстве (вспомним хотя бы всемирно известный бюст Нефертити), опередившего свое время и соответствовавшего греко-буддистским канонам красоты, гениальным политиком (предложившим в эпоху

кровавых войн и уничтожения покоренных народов равенство всех людей), библейским пророком (103 псалм, к примеру, был скопирован с его текстов Гимна Атому), подлинным гуманистом (отказавшимся на государственном уровне от обычных в то время человеческих жертвоприношений) и т. д. И поэтому, наряду с другими нестандартными личностями имя Эхнатон вызывает у исследователей неоднозначную оценку. Одни ученые (К. Траункер, Д. Редфорд) негативно воспринимают Эхнатона и результаты его деятельности (считая его психически больным человеком, приведшим к гибели древнеегипетскую цивилизацию), другие (А. Вейгал, Дж. Брестед, Б. Тураев), наоборот, считают его гениальной личностью, первым идеалистом в мире, одним из родоначальников современного монотеизма. У А. Меня читаем: «Кроме библейских пророков, Древний мир не знает никого, кто мог бы встать в этом отношении рядом с фараоном-реформатором. Одинок стоит его трагическая фигура среди мятущихся событий, эпох и народов. Глубокое непонимание, которое он встретил при жизни, говорит о том, что этот человек принадлежит не столько своему времени, сколько тому духовному братству, члены которого во все времена были как бы пришельцами среди людей» [4, с. 340]. Мы же согласимся с мнением К. Жака, что «и восхваление Эхнатона, и критика в его адрес равно свидетельствуют о растерянности научного мира перед амарнской загадкой» [3, с. 31]. Поэтому учитывая, что современная цивилизация переживает глубинный кризис духовности и ломку ветхозаветных культурных ценностей (этических, эстетических, личностных, семейных и др.), полагаем необходимым вновь вернуться к изучению данной проблемы. При этом мы исходим из того, что ее необходимо изучать в контексте исторических обстоятельств, в которых жил Эхнатон. Для решения этой задачи необходимо использовать такой современный метод научного анализа, как метод интерпретации, дающий возможность по-новому оценить уже известные научные факты и сопоставить их с информацией, имеющейся в Библии и Коране (которые, будучи важнейшими древними памятниками духовной культуры всего человечества, просто не могли, на наш взгляд, обойти вниманием такое важное событие, как появление атонизма).

На основании проведенного исследования нами были получены следующие выводы.

1. Эхнатон является «фараоном Исхода», красочно описанным в Библии и Коране, так как именно в этот период времени произошли необыкновенные природные события (так называемые «10 казней египетских»), сопровождавшие уход еврейской общины во главе с Моисеем из Египта. Можно согласиться с мнением А. Морозова, что многолетнее извержение вулкана Санторин (1450–1400 годы до н. э.) в Эгейском море, выбросившее в атмосферу миллиарды кубометров пепла, образовало огромные тучи, надолго закрывшие землю плотной завесой от солнечных лучей (что привело к похолоданию, ливням, граду, тьме в дневное время, гибели людей, скота, урожая, эпидемиям, землетрясениям и т. д.), могло стать толчком для начала давно назревшей в египетском обществе религиозной реформы. Напуганные этими событиями египтяне на время отказались от почитания старых богов и начали поклоняться животворящему Солнцу. Но после смерти Эхнатона и прекращения извержения вулкана Санторин египтяне вновь вернулись к старому многобожию [5]. Если такой подход является правильным, то становятся понятными многие исторические загадки древности: а) Почему фараон Исхода десятки раз упоминается в Библии и Коране, но без собственного имени? б) Почему в Коране говорится о том, что этот фараон перед смертью принимает «веру Моисееву» [10: 90–92], хотя все фараоны были язычниками? в) Почему у данного правителя были неформальные отношения с Моисеем, который мог по своему желанию в любое время суток свободно подходить к священной особе царя, говорить с ним и даже угрожать [Исход, 7–13]? г) Почему многие персонажи периода Исхода и их судьбы, описанные в Коране, легко идентифицируются с реальными историческими личностями «эпохи Амарны»? Например, некая безымянная супруга фараона – с царицей Кэье, а визирь Карун – с сопративителем Эхнатона Сменхкара и т. д. Единственная причина всех этих таинственных событий заключается, на наш взгляд, в том, что «фараон Исхода» является монотеистом, как и Моисей; что в это время в Египте идет острая борьба между различными мировоззрениями; что библейские и кораниче-

ские тексты умышленно не называют Эхнатона по имени, так как это может вызвать у читателей вопросы: кто он и в чем состоит сущность его религиозной реформы и т. д.

2. Учение Эхнатона о Едином имеет четко выраженное автохтонное происхождение, поскольку исходит из логики развития, терминологии и художественных образов философско-религиозной мысли, существовавшей в Египте задолго до прихода туда еврейской общины во главе с Авраамом. Его трансформация происходила на всем протяжении правления этого фараона и включал в себя три этапа развития [7]. На первом этапе Атон был провозглашен главным богом Египта, но храмы иных богов еще не были закрыты. Сущность религиозной реформы состояла в том, что: а) Атон, в отличие от Амона – бога жрецов, по старой гелиопольской традиции воспринимался как царский бог, соединяющий в себе черты Ра, Гора и Атума (то есть Света, Справедливости и Логоса); б) Амону, порожденному темной Бездной (Нуом), противопоставляется Атон, никем не сотворенный и вечный, как олицетворение сил света и воздушного сияния (Шу, то есть Духа Святого), а также всеобщей космической гармонии (Маат, то есть Софии); в) сущность Атона – непостижима (его нельзя изображать в виде людей и животных) и он может являться людям только в форме абстрактного солнечного диска [4, с. 348]. На втором этапе реформы, произошедшем на 6-м году правления Эхнатона, Атон был провозглашен единственным богом (в одном варианте Гимна Солнцу сказано так: «ты единственный творец, равного тебе нет божества», а в другом говорится еще более определенно: «кроме тебя, нет иного»). При этом были повсеместно закрыты все храмы старых богов, а слово «боги» было запрещено использовать. Сам Атон рассматривался не как некая обезличенная космическая энергия, а как личный бог для каждого из людей (на многих изображениях Амарны видно, как от Солнечного Диска исходят лучи с подобием рук, возлежащих на головах египтян). Атон теперь понимается не как бог египтян, а как универсальный Бог для всех народов. При этом Эхнатон является единственным пророком Атона, которому доступно понимание божественной сущности через серию откровений, и фараоном-богом, перед

статуями которого также совершались богослужения. В последние годы правления Эхнатона происходят еще более радикальные изменения: отказ не только от прежних магических верований, но и от главного их плода – обожествления власти. Фараон запрещает падать перед ним на колени, молиться перед его статуями и объявляет: «Пусть будем мы все едины перед смертью, которая одинакова для всех» [8, с. 441]. Поэтому, если отбросить всю сложную терминологию египетской религии, становится ясно: атонизм в его завершающей стадии является оригинальной формой монотеизма, в которой представления об Атоне во многом совпадают с учением о Боге-Отце в иудаизме, христианстве и исламе и современным философским пониманием Абсолюта³⁸.

3. Учение Эхнатона о Едином явилось вершиной развития идеи монотеизма внутри древнеегипетской культуры, после чего начался процесс ее угасания. Современные ученые считают, что после гибели учения Эхнатона творческий потенциал Египта иссяк и что страна уже не могла вернуться к своему созидательному творчеству [8, с. 466]. Но что же предшествовало учению об Атоне? У историков сегодня нет точных данных об этом, однако есть косвенные доказательства, позволяющие понять логику развития событий, роль отдельных личностей в истории и смысл происходящего.

Первая попытка отхода от политеистического мировоззрения в сторону монотеизма была предпринята в XXV веке до н. э. Ряд фараонов V династии (Усеркаф, Сахура и т. д.) совершили

³⁸ Так, к примеру, крупнейший богослов Иоанн Златоуст (IV веке до н. э.) утверждает, что Бог – «неизречен, неведом, невидим, непостижим» и что ему присущи любовь и вездесущность. Другой современный теоретик богословия С. Н. Булгаков («Свет неведочерный») полагает, что Бог – трансцендентен, то есть внешен миру и человеку, но открывается религиозному сознанию индивида. Современное философское понимание Абсолюта исходит из аналогичного принципа атонизма, что это «духовное первоначало всего сущего, которое мыслится как нечто единое, всеобщее, безначальное и бесконечное и противопоставлено физическому бытию». Таким образом, во всех этих подходах прослеживается единый принцип: Бог является источником Жизни, Света, Истины, Добра, Красоты и Гармонии.

революцию в сознании египтян и стали поклоняться богу солнца Ра³⁹. Смысл этих преобразований состоял в том, что: а) человек должен спасать душу, а не тело с помощью мумификации и ритуалов; б) каждый египтянин, а не только фараон, мог достичь бессмертия (но не унылого вечного существования души «ба» в подземном мире) в форме «ах» в царстве света рядом с солнечным диском; в) возможность попадания на небо теперь зависела от самого человека, а не от суда подземных богов. Такая «религиозная демократия» (называемая «религией личного благочестия»), с одной стороны, перевернула представление о месте человека в мире, но, с другой стороны, отрицала власть жрецов и устоявшийся миропорядок, что в конечном итоге вместе с длительной засухой привело страну к гигантской многовековой катастрофе – анархии, разрушению храмов, голоду и т. д. При этом имена и деяния самих «солнечных фараонов» оказались забытыми вплоть до XX века, а «царство звезд» еще тысячу лет мерцало над Египтом во мраке ночи [8, с. 416–424].

Вторая попытка установления монотеизма в Египте была связана с появлением там в XIX веке до н. э. еврейской общины во главе с Авраамом. Однако это событие было далеко не случайным. Даже в наши дни эмиграция требует соблюдения ряда требований, в том числе согласия местных властей. Поэтому уместен вопрос: кто стоит за этим приглашением и какая цель при этом преследовалась? Во-первых, египтяне традиционно сторонились всех чужеземцев, считая их нечистыми, и даже не ели с ними за одним столом [Бытие, 43: 32]. Во-вторых, расстояние между северной частью Месопотамии (откуда пришел Авраам) и Египтом составляет около 2 тыс. км, что значительно даже для современного путешественника. В-третьих, пришельцам была выделена для поселения и занятий скотоводством лучшая в климатическом отношении часть Египта – дельта Нила. И, в-четвертых, Авраам мог пой-

³⁹ Вопреки общепринятому мнению, египтяне традиционно поклонялись не Ра, а богам потустороннего мира (Осирису, Амону и др.), дающим людям материальные блага на земле и возможность вечного существования души «ба» в подземном Дуате. И только в V веке до н. э. в Египте возник единый культ Амона – Ра.

ти на такой рискованный шаг только в том случае, если был убежден в хорошем приеме. Это означает только одно: за всей этой операцией стоит какой-то авторитетный египтянин, тайный сторонник монотеизма, преследующий цель распространения единобожия в Египте. Единственным персонажем всей древнеегипетской мифологии, отвечающий этим требованиям, на наш взгляд, является некий мудрец Джеди («джед» – символ веры) [6, с. 176–179]. Мы полагаем, что под этим именем мог скрываться верховный жрец бога мудрости Тота, построивший знаменитое Файюмское водохранилище и систему каналов, обеспечивших процветание Египта даже в засушливые годы, что имело огромное значение для страны вплоть до возведения Асуанской плотины в XX веке⁴⁰. Но оправдались ли ожидания части египетского общества в связи с прибытием Авраама в страну? Скорее всего, да, так как для этого в Египте имелись значительные подготовленные силы из числа местного жречества. Причем активисты этого движения получили новые возможности для пропаганды идеи монотеизма в период захвата Египта кочевниками-гиксами (хекау-хасут, то есть иноземные цари), которые поклонялись своему богу Сутеху, но разрешили (видимо, в целях преодоления сопротивления египтян захватчикам) израильтянину Иосифу (ставшему вторым человеком по значимости в стране после фараона) вести соответствующую разъяснительную работу⁴¹. О том, что эта деятельность отвечала чаяниям части египетских верхов, свидетельствует следующий факт. После изгнания гиксов египтяне уничтожили все, что было связано с их вековым владычеством, но сама еврейская община, ак-

⁴⁰ Такое предположение основано на следующих фактах: в легенде об этом мудреце сообщается, что он имел высокое религиозное происхождение, не соглашался с фараоном – сторонником традиционной религии; знал «тайное число покоев Тота»; мог наполнять водой пересохшие каналы; симпатизировал фараонам V «солнечной» династии и предсказал приход их последователей к власти в будущем.

⁴¹ Так, в 104 псалме сказано, что царь разрешил Иосифу и его людям наставлять вельмож его по «своей душе». А в Коране говорится, что Иосиф вернулся к религии своих отцов [12: 37, 38], причем слово «вернулся», видимо, означает, что он стал это делать уже в качестве должностного лица.

тивно сотрудничавшая с гиксами, не пострадала, а наоборот, была переведена в города на строительные работы (где получила еще большую возможность приобретения сторонников из числа более продвинутых горожан). В итоге к моменту Исхода число тайных сторонников единобожия могло составлять около одной трети всего населения страны, а в их среду входили жрецы, представители знати и даже родственники самого фараона [10]. Поэтому в период правления фараона Аменхотепа III (отца Эхнатона) между египетскими властями и израильтянами (которых возглавлял еще молодой Моисей) состоялась встреча, где велись переговоры о принятии египтянами единобожия, которые, к сожалению, закончились безрезультатно⁴².

Третий этап распространения идеи монотеизма в Египте связан с появлением собственной версии единобожия и реформами Эхнатона (следовательно, потребность в чужеземной религии значительно уменьшилась). В это время религиозная ситуация резко изменилась, так как появилась третья сила, то есть атонисты, рост численности которых происходил в основном за счет сторонников Моисея. Ответные действия не заставили себя долго ждать. Вначале вторая жена Эхнатона Кэйе, тайно исповедовавшая «веру Моисееву», сделала попытку государственного переворота⁴³ и была казнена [9]. После провала ее замыслов возникла реальная угроза «размывания» идеологической основы еврейской общины. Перед Моисеем остро встала дилемма: либо он со своими сторонниками присоединяется к Эхнатону (что было для него неприемлемо ввиду возможной утраты своей идентичности), либо атонисты присоединяются к израильтянам (что было невозможно для египтян как господствующей группы в стране). О таком

⁴² Об этом сказано в Коране так: «Когда к ним (то есть египтянам. – А. Ф.) пришла истина от Нас, они сказали: “Почему не даровано ему (то есть фараону. – А. Ф.) того же, что и Мусе?”» [28: 48]. И далее: «Фараон разгневался на своих жрецов, уверовавших в Единого раньше, чем он позволил им это сделать» [7: 118–121].

⁴³ Она предложила египтянам свой «истинный» путь развития, выступила против фараона и его «народа неправедного», просила Бога «соорудить ей место в раю», так как понимала, что ей грозит смерть [40: 30, 41; 67: 11].

развитии событий идет речь в Коране⁴⁴. Но союз двух почти идентичных концепций монотеизма, к сожалению, не состоялся, и Моисей с группой преданных сторонников был вынужден уйти из Египта, чтобы спасти свою веру. После Исхода Эхнатон, потрясенный уходом своих единомышленников и понимавший, что в одиночку он уже не сможет победить язычество, умирает, а его учение в течение скорого времени погибает⁴⁵.

Подводя итог всему сказанному об Эхнатоне и его учении, можно сделать окончательный вывод: это был гениальный человек, сумевший в одиночку создать египетскую версию монотеизма, оказавший огромное влияние на духовную жизнь Древнего мира и незримо присутствующий в наши дни на страницах Библии и Корана. И не его вина, что в силу сложившихся обстоятельств его религиозная реформа была забыта, а другие участники тех давних событий постарались стереть его след в истории. Кроме того, ученым-культурологам можно рекомендовать пересмотреть существующие сегодня негативные оценки в отношении «Фараона Исхода» (в Коране его имя звучит как «народ Фир’аун») и понять, что он в целом сыграл позитивную роль в становлении и развитии духовных основ современной цивилизации и может рассматриваться в качестве «забытого пророка».

⁴⁴ «И сбил Фир’аун свой народ с пути и не повел их прямо» [20: 81]. Можно предположить, что в случае успеха союз Моисея и Эхнатона привел бы к образованию в Египте мощного монотеистического государства, быстрому распространению новых духовных ценностей в других странах и резкому ускорению социально-экономического прогресса всего человечества.

⁴⁵ Можно предположить, что многочисленные сторонники атонизма долгое время действовали как в самом Египте, так и за его пределами. Так, в Коране имеется информация о том, что к царю Соломону (X век до н. э.) из южного Йемена (где народ поклонялся Солнцу) прибыла царица Савская, которая вскоре отказалась от своей прежней веры и признала «религию Моисееву» [27: 23, 24, 41–43]. При этом также говорится, что знание о культе Солнца «им было даровано до этого». Можно предположить, что культ Солнца попал в южный Йемен из Египта вместе с учением Эхнатона и что в Коране отразилось завершение спора между атонистами и израильтянами, начавшегося 400 лет назад во времена Моисея и Эхнатона.

Литература

1. Библия: в рус. пер. – М.: Рос. библ. о-во, 1995. – 1375 с.
2. Коран / пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. – М.: СП ИКПА, 1990. – 512 с.
3. Кристиан Жак. Нефертити и Эхнатон: пер. с фр. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 215 с.
4. Мень А. Магизм и единобожие. – М.: Эксмо, 2005. – 704 с.
5. Морозов А. Загадка культа Атона // Наука и религия. – М., 1990. – № 3. – С. 37–42.
6. Овчинникова А. Г. Легенды и мифы Древнего Востока. – СПб.: Литера, 2002. – 512 с.
7. Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. – М.: Наука, 1968. – 126 с.
8. Церен Э. Библейские холмы: пер. с нем. – СПб.: Литера, 2002. – 512 с.
9. Федяев А. П. Исход: метагегоретический анализ библейских и коранических текстов // Вестн. КазГУКИ. – 2012. – № 4. – С. 39–44.

References

1. Biblija [The Bible]. V russkom perevode. Moscow, Rossijskoe biblejskoe obshchestvo Publ., 1995. 1375 p.
2. Koran. Perevod s arabskogo akademika I.Ju. Krachkovskogo. Moscow, SP IKPA Publ., 1990. 512 p.
3. Christian Jacques. Nefertiti i Ehnaton [Nefertiti and Akhenaten]. Perevod s francuzskogo. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2006. 215 p.
4. Men' A. Magizm i edinobozhie [Magizm and monotheism]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 704 p.
5. Morozov A. Zagadka kul'ta Atona [Mystery of cult of Aton Riddle]. *Science and Religion*. Moscow, 1990, no 3, pp. 37–42.
6. Ovchinnikova A.G. Legendy i mify Drevnego Vostoka [Myths and Legends of the Ancient East]. Sankt-Petersburg, Litera Publ., 2002. 512 p.
7. Perepelkin Ju.Ja. Tajna zolotogo groba [The mystery of the golden coffin]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 126 p.
8. Ceren E. Biblejskie holmy [Biblical hills]. Perevod s nemeckogo. Sankt-Petersburg, Litera Publ., 2002. 512 p.
9. Fedjaev A.P. Iskhod: metateoreticheskij analiz biblejskih i koranicheskikh tekstov [Outcome: metatheoretical analysis of Biblical and Quranic texts]. *Vestnik KazGUKI*, 2012, no 4, pp. 39–44.

УДК 101.1

СТАТУС ОБЫДЕННОГО В ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Попов С. И., кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Кемеровский институт (филиал) российского экономического университета им. Д. В. Плеханова (г. Кемерово). E-mail: bende-ostap@yandex.ru

Статья посвящена выяснению роли обыденного, повседневного для традиции «любви к мудрости». Обыденность раскрывается как тема, ценностное отношение к которой специфицирует философский процесс. Закрепление за обыденным, повседневным позитивного значения диссонирует с сущностной интенцией философии и связано с развитием социальных наук. Сохранение в духовной культуре уважения к обыденному требует некоторой жертвы от «любви к мудрости»: приводит к изменению ее функции и образа.

Ключевые слова: обыденное, повседневное, трансцендирование, социальная реальность, объективизм, ценности, дотеоретическое знание.

STATUS OF THE ORDINARY IN PHILOSOPHY AND SOCIAL SCIENCES

Popov S. I., Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Humanities, Kemerovo Institute (Branch) of D. V. Plekhanov Russian Economic University (Kemerovo). E-mail: bende-ostap@yandex.ru

Philosophical tradition is mainly due to the essential philosophy of intention to identify the first major basics of being, takes the ordinary, everyday, routine and practical non-thematic sphere as “visible,”

“imaginary,” which symbolically must be overcome in an effort of transcending. This, rather negative attitude to ordinary philosophy, is likely a long time reflecting the general cultural setting as relatively routine, which was considered unworthy of serious analysis. In this regard, the scientific uses of “ordinary” and “routine” came relatively recently. Today the routine is a subject of the whole complex of scientific disciplines: sociology, psychology, psychiatry, linguistics, art theory, literary theory, and finally, philosophy, and detects such variation as daily life, ordinary knowledge, everyday consciousness, casual speech, everyday behavior, etc.

Manifestation of a thematic interest to ordinary, routine and giving it a positive sense, is displayed in the works of methodologists of “the sciences about a spirit,” phenomenologists and theorists of social sciences (W. Dilthey, H. Rickert, E. Husserl, M. Weber). A characteristic feature of the concept appeals to the ordinary, the everyday is the opposition of subjective experiences objective structures acquired the greatest positive impact in nonclassical flows of theoretical sociology in the context of explication of its subject, social reality. The latter, in terms of “sociology of knowledge,” “ethnomethodology” and others, exists in the cultural representation: any facts or acts, institutions, system status, etc. are valid because of their active or passive recognition (and associated behavior) due the decision in favor of certain values. Therefore inaccidental, characteristic of modern sociological, philosophical and interdisciplinary research is focused on the study of social knowledge as such – what people know as a reality – in their everyday, pre-theoretical life. Social knowledge is compared with the “factory values” (P. Berger and T. Luckmann), in other words, becomes an important philosophical value equal to the “transcendental subject” status of reality production.

Development of social skills and spiritual culture change in general became a kind of “challenge” for traditional philosophy. Constructive attitude towards everyday life, compatible with the perception of philosophy as metaphysics, naturally causes a change in the vector of philosophical activity, which in phenomenology and analytical philosophy gets a distinct bias towards methodologism and historicism, ie is oriented not on the detection of the basics of being, but on the real variety of human experience study.

Keywords: ordinary, routine, transcendence, social reality, objectivity, values, pre-theoretical knowledge.

Философский разум склонен противопоставлять себя обыденному рассудку. Однако, как легко заметить, оборотной стороной указанного противопоставления выступает некая скрытая и неодолимая зависимость философии от обыденности как от того, что следует философски «снять», преодолеть. Обыденное символизирует бесформенность, хаотичность, наивность и спонтанность в противоположность упорядоченности, оформленности, пронизательности и сдержанности философского сознания. Последнее как бы уподобляется явлению, первое – сущности, для обыденного кажутся характерными почти бесконечные возможности, философия же отмечена печатью необходимости и ограниченности. Такое сравнение вполне предсказуемо вызывает интригующую ассоциацию обыденного с фрейдовским бессознательным и влечет вполне закономерный интерес начать разгадывать тайну обыденности, выявлять ее скрытые «пружины», «механизмы», что и предпринимается гибридными ответвлениями феноменологии Э. Гуссерля и «понимающей»

социологии М. Вебера, например, «социологией знания» [1]. Как видим, тематизация обыденного – достаточно актуальная задача для современной гуманитаристики. Задача данной работы видится более скромной – попытаться эксплицировать типы отношения философского сознания к обыденному, оценить статус, признаваемый за обыденным в ходе изменения философского самосознания культуры, и, может быть, увидеть и обратное влияние этого статуса на образ философии.

Представление об обыденном, повседневном входит в самоопределение философии как вида мыслительной деятельности. Возникновение философии как интеллектуальной дисциплины и, соответственно, как формы сознания и жизненного «режима бодрствования» связано с отстранением, трансцендированием «знания» от «мнения», теории от практики, предельного и исключительного – от привычного и рутинного. Не становясь предметом анализа и, как правило, не имея специального родового термина, мнимое,

практическое, рутинное и т. п. специфицировали негативным образом сначала античный Логос, а затем просвещенческий Разум. Таким образом, понятие повседневности, обыденности философами неэксплицитно использовалось для обозначения одного из «миров» жизни сознания – более низкого, профанного, нежели мир предметов философского разума.

Обыденные значения оцениваются мыслителями тем более негативно, чем сильнее они ориентированы на выявление наиболее общих – и, таким образом, онтологически первичных – смыслов. Обыденное в классическом рационализме противостоит всеобщему в качестве частного, индивидуального. Для идеалистической линии (Платон – Гегель), с ее ориентацией на абстрактно-всеобщее, характерно, что обыденные значения выступают как «ложное сознание» – частные моменты общей логики развития Абсолютного Разума, не дающие об этой логике представления. Субъект прогресса может быть представлен не обязательно Абсолютным Разумом, но, например, объективным историческим соотношением производительных сил и производственных отношений или вообще закономерностями эволюции сложных динамических систем; все равно повседневные значения в качестве частного «снимаются» общей логикой развития целого.

Мыслители, ориентированные на всеобщее в индивиде (некий всеобщий смысловой слой – «трансцендентальный субъект») оценивают обыденное неоднозначно. Так, у раннего Хайдеггера, с одной стороны, обыденность – характеристика бытия-с-другими, то, что обезличивает человека до состояния «такого, как все» (*das Man*). **Das Man как безличное «оно», абстракция человеческой общности** выступает субъектом повседневной жизни. «Мы наслаждаемся и развлекаемся так, – пишет Хайдеггер, – как наслаждаются и развлекаются, мы читаем, смотрим, судим о произведениях литературы и искусства, как читают, смотрят и судят: мы находим возмутительным то, что считают возмутительным» (цит. по [5, с. 53]). С другой стороны, обыденность, указывая на «заброшенность» в не зависящие от человека обстоятельства, являет собой модус присутствия (*Dasein*), а значит, не может быть оценена исключительно негативно. Обыденные

значения и образы – это тот «материал», в котором исполнено онтологическое качество заботы *Dasein* о своей сущности. Иначе говоря, человеческая экзистенция реализует себя в онтологически более низком материале; он всегда оказывается содержанием моего проекта самого себя, но и всегда намекает на условность, эскизность исполнения проекта. Онтологическая дифференция «высшее – низшее» при этом сама оказывается условной, пластичной. Примерно так в метафизике неоплатонизма вещи, указывая на их вечные первообразы («эйдосы»), самим фактом такового указывания свидетельствуют и о себе как о «низшем», и о том, что несут в себе нечто вечное.

Похожим образом оценивают обыденное персоналисты (например, Э. Мунье), ориентированные трансцендентально (на смыслы, полагаемые в человеке Абсолютным субъектом): цель индивида – реализация сущностных сил, но – в повседневной деятельности. Человек является человеком только благодаря вовлечению в общечеловеческую практику. «Но если человека не интересует ничто другое, кроме вовлечения, он превращается в раба, чему в немалой степени содействуют тесные общественные коллективы...», – считает Э. Мунье [16, с. 128].

Мыслители, ориентированные последовательно персоналистически, независимо от того, допускают они трансцендентное или нет (как представители атеистического экзистенциализма), оценивают обыденные смыслы негативно, исходя из «драматургических» соображений. Так, привычность, косность, повторяемость, механичность жизни – предпосылка возникновения чувства абсурда для А. Камю [11, с. 229–230]. Для Х. Ортеги-и-Гассета повседневная жизнь – «это неизбежное столкновение с *pragmata*, с вещами, делами, заботами, которые, по сути, таковыми не являются, будучи просто-напросто безответственными истолкованиями, делом рук либо посторонних, либо нас самих. А коль скоро в жизни мы заняты какими-то псевдопроблемами, то и все наши дела неизбежно приобретают псевдохарактер... мы притворяемся, что живем, а на самом деле далеки от жизни подлинной, той, которой должны были бы жить, если бы отрешились от подобных, усвоенных от других истолкований. Эти “другие” – общество – как раз и мешают нам вступить в полноценный, тесный контакт с на-

шей жизнью...» [18, с. 548]. Н. А. Бердяев пишет о трагизме человеческого существования, поделенного между «подлинным духовным миром» и «миром объективированным» (природным и социальным), последний с необходимостью приносит несвободу, нормы, вражду, господство, одиночество, приспособление к «обыденщине», выработку «рабьей психологии», отчуждение от собственной сущности [2, с. 184–185].

Обыденное для персоналистов воплощает всеобщее и массовое в противоположность индивидуальному, уникальному и элитарному, что соответствует самоопределению философии в персоналистическом исполнении как исключительного, предельного, преобразующего индивидуального опыта мыслить и быть. Так, М. К. Мамардашвили все время говорил и писал о необходимости трансцендирования, преодоления рутины повседневности, которая символизирует состояние безликого «мы», а индивид «рождается» только «во втором рождении» – через личное усилие мыслить в предельных категориях, выражающее саму суть философии [14]. Весьма характерно, что чем менее философичен (метафизичен) мыслитель (например, В. В. Розанов), тем более расположен он к обыденному.

В отечественной философии второй половины XX века обыденность исследуется в гносеологически-мировоззренческом аспекте как особая форма знания и общественного сознания – «обыденного сознания», основывающаяся на практическом опыте и отражающая его в абстрактно-идеализированном виде «народной», или «житейской» мудрости и «здорового смысла». Обыденное сознание синкретично и противоречиво, содержит наряду с относительными истинами явные предрассудки и неправомерные обобщения. Обыденное сознание характеризуют также случайность и бессистемность содержания вследствие эмпиричности, прагматизированности, сложность, многослойность, аморфность, непоследовательность, ненаучность, нерелексивность, инертность, эмоциональность, стихийность и т. п. Сосуществуя с другими формами общественного сознания в диалектическом единстве, обыденное сознание не образует замкнутой абсолютной сферы, а представляет собой «транзитную» форму рациональности: содержит вкрапления научных сведений, открыто научному

воздействию, но и любая наука содержит «осадок» обыденного опыта в виде эмпирических фактов, «научно-популярных» данных и вульгаризованных сведений. Очевидности обыденного сознания, здравого смысла выступают и концептуальной основой для различных форм знания в обществе (идеологии, морали, политэкономии, религии, искусства, философских и научных теорий), поэтому постижение и критика этих форм знания связаны с выявлением их обыденных корней. Указанный взгляд на повседневность более или менее ясно выражают большинство отечественных авторов, обсуждавших данную тему: В. Келле и М. Ковальзон [13], Т. Ойзерман [17], А. Уледов [20], В. А. Черняк и К. Т. Талипов [21], С. Гусев и Б. Пукшанский [7] и другие.

Философская традиция, за исключением ряда направлений, оценивает обыденность скорее негативно, что, думается, долгое время отражало общекультурную установку относительно обыденного, которое считалось недостойным серьезного анализа. В связи с этим в научный обиход понятия «обыденная жизнь» и «повседневность» вошли относительно недавно. В настоящее время повседневность является предметом целого комплекса научных дисциплин – социологии, психологии, психиатрии, лингвистики, теории искусства, теории литературы, наконец, философии и обнаруживает такие свои вариации, как повседневная жизнь, обыденное знание, обыденное сознание, повседневная речь, повседневное поведение и др. Несмотря на различие аспектов, в которых выступает концепт обыденной жизни, ролей, которые он играет в исследованиях, оценок и степени эксплицированности в качестве темы само обращение к обыденности характеризуется следующими общими чертами: *«субъективное переживание* четко противопоставляется объективным структурам и процессам, *типичные практические действия* – индивидуальным и коллективным деяниям, *длительные ритмы* – однократным эпохальным событиям, *подвижные формы рациональности* – идеальным конструкциям и точным методам», – сообщает Б. Вальденфельс [3, с. 39].

Парадигмальная особенность обращения к концепту обыденного, повседневного – противопоставление субъективных переживаний объективным структурам – приобрела наибольшее

позитивное значение в неклассических течениях теоретической социологии в контексте эксплицирования ее предмета – социальной реальности. Социальность есть качество реальности, порождаемое в связи и по поводу включенности человека во взаимодействие с себе подобными. Проблема заключается в том, как интерпретировать это качество. Несмотря на относительно большое количество вариантов таких интерпретаций, вопрос сводится к выбору одной из двух познавательных парадигм: объективистской, которая фундирует естественно-научную рациональность, или феноменологической, свойственной гуманитарному знанию. Если в объективистском варианте реальность социальных фактов полагается внешней и независимой от наблюдателя, исследователя и простого социального агента, субъективность которых устранена из институтов и событий общественной жизни, то феноменологическая модель социальной реальности ищет свои основания именно в субъекте или, по крайней мере, допускает участие субъективности в производстве реального.

Обе интерпретации постоянно, явно или неявно, присутствуют в социальных науках, конкурируя и взаимодействуя. При этом объективистская, естественно-научная парадигма по ряду причин (реальные успехи естествознания и техники, кажущаяся простота и самоочевидность естественно-научных методологий и пр.) преобладает и в социальном знании. Как говорит Л. Г. Ионин, усиление герменевтической, гуманитарной составляющей в социальных науках происходит в кризисные моменты, когда кажущаяся утрата общественным развитием стабильности и перспективы заставляет искать новые жизненные пути как для общества, так и для конкретного человека [10, с. 66].

Родоначальник социологии О. Конт считал жизнь общества естественным и объективно закономерным процессом, Г. Спенсер даже уподоблял общество биологическому организму, а Э. Дюркгейм принципиально настроен рассматривать социальные факты как вещи – внешние по отношению к человеку и объективные явления, узнаваемые «по той внешней принудительной власти», которую они имеют или способны иметь над индивидами [9, с. 36]. Коллективные представления и идеи со времен Античности считались произво-

дными от жизни общества, общественных практик. «Историческая школа» в Германии XIX века, начиная с И. Гёрдера, приходит к пониманию неизбежной историчности человеческого мышления и любых проявлений человеческого гения. При этом, полагание зависимости знания в обществе от обстоятельств его исторического и социального «размещения» усиливается: у К. Манхейма общество детерминирует не только возникновение, но и содержание человеческих идей, за исключением математики и части естественных наук [15, с. 226]. Та же интенция прослеживается у Р. Мертона, Т. Парсонса, Ч. Р. Миллса и других представителей структурного функционализма. Социальные институты извне регулируют общественное согласие, коллективные представления, оставляя отдельному индивиду функцию адаптации к ним в своих действиях в рамках социальных ролей. Как считает Э. А. Капитонов, «человеку остается только поиск оптимальных форм этой организации и трудная борьба за их воплощение в действительность...» [12, с. 165]. Таким образом, социальные мыслители-классики склонны интерпретировать общественное сознание, мысли и действия индивидов, составляющих общество с креном в пользу объективизма, согласно которому социальный мир состоит из жестких объективных фактов, структур и институтов, независимых от идей, убеждений и поведения индивидов, составляющих общество.

Оппозиция объективизму в обществознании как разновидности натурализма и поиск средств концептуализации своеобразия социогуманитарного знания по сравнению с естественно-научным появляются у философов-методологов «наук о культуре». В противоположность естествознанию, предметом таковых они полагали не общее, а единичное и уникальное. В данном случае способ научной концептуализации как подведение наличного многообразия под генерализующие абстракции («обуздание многообразия») и формулировка общего закона не достигает цели. Ибо, констатирует Г. Риккерт, «культурное значение объекта, поскольку он принимается во внимание как целое, покоится не на том, что у него есть общего с другими действительностями, но именно на том, чем он отличается от них» [19]. Отличительной чертой объектов культуры Риккерт считает воплощение человеческой ценности,

«интереса», что отличает их от объективной наличности природных объектов (объекты культуры не объективно существуют, а «значат»). Способом теоретической концептуализации в «науках о культуре» выступает, по Риккерт, «отнесение к ценности» [19]. При этом рациональность «наук о культуре» фундирована всеобщим характером ценностей, который неокантианцы не подвергали сомнению.

Следует заметить, что Г. Риккерт, занимаясь поиском обоснования рационалистического метода социогуманитарного знания (который объединял бы как специфику их предмета, так и общезначимость содержания), полагал в качестве методологической основы «наук о культуре» не субъективные ценностные переживания, а общезначимые логические процедуры образования понятий. Как нам представляется, речь здесь может идти тоже об определенном рода обобщении, как и в естествознании, но только не в отношении «экземпляр – род», а в отношении «часть – целое». В противоположность Г. Риккерт, В. Дильтей, другой методолог социогуманитарного знания, в качестве методологической основы «наук о духе» полагает переживание, понимание, личностное освоение действительности, вырастающие в ходе самой практической жизни [8, с. 142]. Связность духовного мира человеческого субъекта при этом выступает основой смысловой связности действительности, а понимание – обнаружением такой связи [8, с. 135]. Базисной наукой о духе при таком раскладе оказывается описательная психология, а залогом убедительности герменевтических процедур познания – «сама жизнь», укорененность «герменевтической логики» в антропологии.

Весомым достижением в области методологии обществознания можно считать перевод в феноменологии Э. Гуссерля онтологической проблематики в идеальный план. Когнитивная реальность полагается воплощенной в структурах человеческого опыта без апелляций к ее онтологическому статусу, а конституируемые в опыте объекты полагаются смысловыми образованиями: «заклучение в скобки» «естественной установки» сознания означало независимость жизни как мира чистых данностей, значимостей от любых суждений об их существовании и способе данности (обыденность, припоминание,

воображение, сон...). Предмет интенционального опыта трактуется как далее неразложимый на характеристики «субъекта» и «объекта» остаток – «предмет интереса». «Поток сознания» (непосредственная опытная данность, фигурировавшая у интуicionистов и прагматистов) был «развернут» Э. Гуссерлем в исследование темпоральной структуры сознания, в рамках которого жизнь сознания рассматривалась в качестве конституирования предметностей во внутреннем временном опыте. Исследования конститутивной деятельности сознания имели лейтмотивом то, что мир как смысл не дан в готовом виде, а постоянно творится. Для социальной феноменологии оказалось важным обращение «позднего» Гуссерля к онтологии – «отнесению к бытию» продуктов и процесса конституирования. Это имеет значение, в частности, для исследования процесса идеального конституирования «другого» не просто как смыслового единства («другого во мне»), но и как обладающего независимым существованием в качестве «другого»: собственным потоком сознания и миром интенциональных предметностей [6].

Наконец, противоположный объективизму методологический крен возникает в неклассических течениях социологии. Согласно М. Веберу, конституирующим фактором социального выступает субъективный, привносимый в эмпирическое действие его агентом смысл (субъективное понимание, истолкование). «Социально, – говорит М. Вебер, – только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» [4, с. 626]. Реактивные действия, не несущие подразумеваемого смысла (иначе говоря, не принадлежащие культурному), не могут являться и предметом социологического изучения (ничем не отличаются от явлений природы). И наоборот: подразумеваемый смысл действия (мотивация), по Веберу, исчерпывается культурным. С позиции данного подхода, общество существует только в культурной репрезентации: любые факты и акты, институты, системы статусов и т. п. действены в силу их активного или пассивного признания (и соответствующего поведения), обусловленного решением в пользу определенных ценностей.

Не случаен, поэтому, характерный для современных социологических, философских и меж-

дисциплинарных исследований акцент на изучение социального знания как такового. Лишь немногие заняты теоретической интерпретацией мира, – считают П. Бергер и Т. Лукман, – но каждый живет в том или ином мире. То, что люди знают как реальность в их обыденной, дотеоретической жизни, представляет собой «фабрику значений», без которой не может существовать ни одно общество [1].

Концепт обыденного, повседневного приобретает, таким образом, важное философское значение (равное статусу «трансцендентального субъекта») в контексте неклассической методологии социальных наук – как дотеоретическое знание, субъективная смысловая жизнь взаимодействующих социальных агентов. Сегодня «простеца», если и не одевают в мантию «философа», то, по крайней мере, полагают внушающим уважение то, чем он живет, и даже находят в этом

глубоко имплицитную и проходящую сквозь время мудрость. Любопытно, что положительно-конструктивное отношение к обыденности закономерно сопровождает изменение вектора философской деятельности, которая у методологов «наук о духе», Э. Гуссерля и его последователей получает отчетливый крен в сторону методологизма и историзма: она ориентирована не на выявление первых начал бытия, а на исследование реального многообразия человеческого опыта. В известной мере это обстоятельство означает закрепление за философской рефлексией статуса «вторичности» по отношению к опыту, что хорошо согласуется с популярностью аналитической максимы в понимании функций философии. Данная тенденция вполне различима и в отечественных философских работах советского – постсоветского периода, так или иначе затрагивающих тему обыденного.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: избр. тр. – М.: МПСИ: Флинта, 1999. – 312 с.
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. – М.: Прогресс, 1991. – С. 39–50.
4. Вебер М. Избр. произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Габитова Р. М. Человек и общество в немецком экзистенциализме. – М.: Наука, 1972. – 222 с.
6. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля // Вопр. философии. – 1992. – № 7. – С. 116–135.
7. Гусев С. С., Пукшанский Б. Я. Обыденное мировоззрение: Структура и способы организации. – СПб.: Наука, 1994. – 89 с.
8. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопр. философии. – 1988. – № 4. – С. 135–152.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
10. Ионин Л. Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
11. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1990. – С. 222–318.
12. Капитонов Э. А. Социология XX века. – Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – 512 с.
13. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Формы общественного сознания. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. – 264 с.
14. Мамардашвили М. К. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн) // Вопр. философии. – 1992. – № 5. – С. 100–115.
15. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–276.
16. Мунье Э. Что такое персонализм?. – М.: Изд-во гуманит. лит., 1994. – 128 с.
17. Ойзерман Т. И. Философия и обыденное сознание // Вопр. философии. – 1967. – № 4. – С. 119–130.
18. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. – М.: Весь мир, 2000. – С. 480–698.
19. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – философия (www.gumer.info). – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/rikk/nauk_gr.php (дата обращения: 22.02.14).
20. Уледов А. К. Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование). – М.: Мысль, 1968. – 324 с.
21. Черняк В. А., Талипов К. Т. Диалектика теоретического и обыденного сознания: (мировоззренческий аспект). – Алма-Ата: Наука, 1985. – 248 с.

Reference

1. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.
2. Berdjaev N.A. O cheloveke, ego svobode i duhovnosti. Izbrannye trudy. Moscow, MPSI Publ., Flinta Publ., 1999. 312 p.
3. Val'denfel's B. Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' racional'nosti. *Socio-logos*. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 39–50.
4. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
5. Gabitova R.M. Chelovek i obshchestvo v nemeckom ekzistencializme. Moscow, Nauka Publ., 1972. 222 p.
6. Gajdenko P.P. Nauchnaya racional'nost' i filosofskij razum v interpretacii Edmunda Gusserlja. *Voprosy filosofii*, 1992, no 7, pp. 116–135.
7. Gusev S.S., Pukshanskij, B.Ja. Obydennoe mirovozzrenie: Struktura i sposoby organizacii. Sankt-Peterburg, Nauka Publ., 1994. 89 p.
8. Dil'tej V. Nabroski k kritike istoricheskogo razuma. *Voprosy filosofii*, 1988, no 4, pp. 135–152.
9. Djurkgejm E. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p.
10. Ionin L.G. Sociologija kul'tury. Uchebnoe posobie dlja vuzov. Moscow, GU VSHE Publ., 2004. 427 p.
11. Kamju A. Mif o Sizife. Esse ob absurde. *Sumerki bogov*. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 222–318.
12. Kapitonov E.A. Sociologija XX veka. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1996. 512 p.
13. Kelle V.Z., Koval'zon M.Y. Formy obshchestvennogo soznaniya. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1959. 264 p.
14. Mamardashvili M.K. Mysl' pod zapretom (Besedy s A. Epel'buen). *Voprosy filosofii*, 1992, no 5, pp. 100–115.
15. Manhejm K. Diagnostika nashego vremeni. Ideologija i utopija. Moscow, Jurist Publ., 1994, pp. 7–276.
16. Mun'e E. Chto takoe personalizm? Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1994. 128 p.
17. Ojzerman T.I. Filosofija i obydennoe soznanie. *Voprosy filosofii*, 1967, no 4, pp. 119–130.
18. Ortega-i-Gasset H. Izbrannye trudy. Chelovek i ljudi. Moscow, Ves' mir Publ., 2000, pp. 480–698.
19. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture. *Biblioteka Gumer – filosofija*. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/rikk/nauk_pr.php (accessed 22.02.14).
20. Uledov A.K. Struktura obshchestvennogo soznaniya (Teoretiko-sociologicheskoe issledovanie). Moscow, Mysl' Publ., 1968. 324 p.
21. Chernjak V.A., Talipov K.T. Dialektika teoreticheskogo i obydennogo soznaniya: (mirovozzrencheskij aspekt). Alma-Ata, Nauka Publ., 1985. 248 p.

УДК 130.122; 167.7

ОЦИФРОВАННОЕ САКРАЛЬНОЕ: ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ)

Гаврилов Е. О., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Кемерово). E-mail: gavrilich@yandex.ru

В статье получает обоснование факт влияния интернет-пространства на сознание верующих людей и на наиболее значимые религиозные практики. В свою очередь сама Сеть, ее отдельные компоненты подвергаются заметному воздействию со стороны религии и, вследствие этого, приобретают черты сакральности. Используя инструменты легитимации и табуирования Интернета, религия становится мощным источником преобразования сферы социальных отношений, порождает сообщества нового типа.

Ключевые слова: Интернет, виртуальность, коммуникация, сакрализация, социальность.

THE DIGITIZED SACRED: FEATURES OF RELIGION EXISTENCE ON THE INTERNET (ON MEDIA SOURCES)

Gavrilov E. O., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Chair of State Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Kemerovo). E-mail: gavrilich@yandex.ru

In article, justification the fact of influence of Internet space on consciousness of believing people and on the most significant religious practitioners is proved. In turn the Network, its separate components are exposed to noticeable influence from religion and thereof, gain lines of sacred. Using instruments of legitimation and a ban of separate fragments of the Internet, the religion becomes a powerful source of transformation of the sphere of social relations, and generates communities of the new type.

Keywords: Internet, virtuality, communication, sacralization, sociality

Влияние Интернета на сферу социальных отношений с каждым годом неуклонно возрастает. Религиям приходится приспосабливаться к новым условиям, чтобы не сойти с исторической сцены, остаться необходимым компонентом жизни общества. Однако освоение нового виртуального пространства не проходит для нее бесследно. Сеть ведет к изменению традиционных форм религиозной активности. Характер этих трансформаций остается неопределенным, что формирует проблемное поле для нашего исследования. Основная задача состоит в том, чтобы ответить на вопрос: какова специфика реализации социальной роли религии в условиях распространения интернет-технологий?

В первую очередь отметим, что Всемирная паутина может быть рассмотрена как фактор социального развития хотя бы потому, что общество всегда несло на себе печать господствующих технологий. Переосмысливая роль объектов в обществе, Б. Латур пишет, что они представляют собой то самое вещество, из которого складывается «социальность», что им присуща способность «буквально, а не метафорически, строить социальный порядок» [11, с. 350]. Называя современное общество посткапиталистическим, постиндустриальным, информационным, обществом знания, обществом риска, техногенным обществом, многочисленные исследователи, так или иначе, затрагивают вопрос о преобразующей роли электронных технических средств. Как отмечает М. Кастельс, под влиянием Интернета меняется характер социальных связей, происходит трансформация социальных структур. Продуктивной метафорой для социальных связей

нового типа становится понятие «сеть», что напрямую отсылает к особенностям функционирования интернет-соединений. Индивидуализированные сетевые сообщества заменяют привычные иерархизированные, централизованные, территориально определенные социальные структуры [9, с. 153–155]. Эта тенденция распространяется и на сферу религиозных отношений.

В виртуальном пространстве религия обретает инструменты мгновенной передачи сообщений, оперативного реагирования, координирования действий, адресного воздействия, доступа в отдаленные области географической карты мира. Сеть снижает, если не отменяет совсем, значимость пространственно-временных ограничений религиозной активности. Скорость информационных потоков придает невиданный динамизм и массовость религиозным процессам. Ее возможности многократно расширяются. Возрастает массовость религиозных объединений. Например, использование электронных технологий позволило образовать буддийскую международную организацию «Монахи без границ» [21]. Но наряду с этим религии теряют прежние иерархичность и структурность. Религиозные интернет-сообщества приобретают индивидуализированный характер. Для поддержания связи внутри сетевого религиозного коллектива важна не пространственная близость, а инициатива и заинтересованность, самоидентификация каждого участника религиозной коммуникации.

Вместе с тем Всемирная паутина, обеспечивая информационную насыщенность, тесное соседство людей с различными убеждениями становится источником угроз существованию

религий. Калейдоскопическое сочетание вырванных из контекста, постоянно меняющихся и обновляющихся элементов различных учений, создает размытое представление о собственной религиозной принадлежности и о религии вообще. Возникает проблема сохранения религиозной идентичности, возрастает количество конфликтных ситуаций. Так, размещение в Facebook индийским подростком изображения сожженного Корана привело к массовым погромам, в результате которых были сожжены десять буддийских храмов и сорок домов [2].

Происходит коммерциализация религий. Верующий может легко приобрести широкий спектр вероучительных текстов, предметы с символикой религии или храма, заказать молебен или иную церемонию. Различного рода маги, астрологи, целители размещают объявления об оказании возмездной помощи, в том числе и дистанционно. Более того, предметом купли-продажи может оказаться даже душа: ее можно продать другому человеку или воспользоваться услугой по организации ритуала продажи души темным силам [1; 12; 16]. Как ни странно, но именно посредством интернет-обмена душа приобретает свойства реальной сущности, того, что может быть передано, продано и принести выгоду обеим сторонам. Если в контексте современного общества, которое не страдает «от недостатка благ», понимать товар как средство, позволяющее приобрести «статус, связи, другие объекты и т. д.» [10, с. 283], то следует признать, что развитие рынка религиозной продукции, сферы религиозных услуг ведет к «товаризации» самой религии. Одним следствием этого процесса становится формирование потребительского отношения к сакральному, а другим – своеобразное воплощение последнего, фиксация его присутствия. Именно этот аспект мы и постараемся ниже рассмотреть более подробно.

Важным результатом проникновения религии в Интернет является то, что Глобальная сеть превращается в место осуществления мистических практик, проведения религиозных ритуалов, участия в священных церемониях. А примеров тому предостаточно. Так, в Индии мусульманская религиозная школа «Даруль-Улюм» признала возможность дистанционного заключения брака

в виртуальном пространстве [13]. В США несколько церквей посредством сервиса мгновенных сообщений создали условия молитвы вдвоем с пастором, причастия (причастники вкушают собственные хлеб и вино), исповедования, проведения «онлайн-крещения» [7]. Такие примеры показывают, что виртуальное пространство Интернета как место проведения ритуалов становится объектом реализации собственно религиозных верований, источником религиозного опыта индивида.

Пользование Сетью с целью проведения некоторых церемоний в определенном смысле трансформирует религиозные традиции. Взаимодействие участников культовых действий становятся дистанцированным, нередко анонимным, но, при этом, роль и инициатива каждого отдельного участника ритуала заметно возрастает. Введение ритуала в сферу интернет-коммуникаций имеет для выполнения религией своих функций особое значение, поскольку не только усиливает ее воздействие на поведение верующих, но и превращает отдельные звенья Сети, выражаясь языком М. Элиаде, в иерофании [20]. Компоненты оборудования, программное обеспечение, вовлекаемые в церемонию, начинают восприниматься как необходимые составляющие обряда и наделяться мистическими свойствами. Важным участником действий и потому посредником между людьми и «высшими силами» становится IT-специалист, отвечающий за установку, настройку и работу устройств. Так религиозная компетентность дополняется технической. По сути, формируется новое религиозное пространство, где ритуализированные формы активности опосредуются особого рода вещественными атрибутами. На место собора, кабинки для исповеди или купели приходят монитор, камера с микрофоном и различные программы, позволяющие конструировать виртуальные образы, обеспечивать интерактивную связь нескольких участников мистерии в режиме реального времени и пр.

До сих пор мы говорили о преобразующем влиянии Интернета на сферу религиозных отношений. Однако не стоит забывать о том, что имеет место и обратное влияние. Освоение религией пространства Всемирной паутины превращает его в область реализации религиозных практик,

формирует отдельные сегменты Сети. Здесь уже проявляется способность религии выступать в качестве фактора социогенеза. В основе выполнения этой миссии лежит активность по формированию и тиражированию определенного смысла с последующим опредмечиванием его в символах и практиках. А в качестве источника смысла выступает универсальный алгоритм – деление реальности на области бинарных отношений. В этом процессе Всемирная сеть используется как эффективный инструмент, то есть посредник в достижении цели, но, одновременно, и как предмет религиозного творчества. Преобразование интернет-пространства становится одной из форм осуществления религией своей социальной роли. Как же это происходит?

Суть религиозной активности в Сети раскрывается в генерировании и тиражировании посредством информационных технологий идеи сакрального или, иначе говоря, сакральных смыслов. Именно представления о сакральном делают религию особым мировоззрением, особой формой деятельности, особым институтом, наконец, особым фактором социальных отношений [6]. В принципе любой предмет, самый что ни на есть заурядный или, напротив, выбивающийся из привычного хода событий, может наделяться сакральным/сверхъестественным значением. Но оно открывается только благодаря установлению системы оппозиций, имеющих по отношению к сакральному внутренний или внешний характер. В нее входят противопоставления религиозного и нерелигиозного, священного и мирского, порядка и хаоса, добра и зла, чистоты и скверны. Возведение смысловых границ и/или их переопределение осуществляется при помощи символических средств и находит выражение в церемониальных ритуализированных формах.

При помощи символических маркеров сакрального религия выделяет те или иные феномены: повышает их престиж или, наоборот, отмечает как угрозу благополучию. Так религия выполняет свое социальное назначение: задает систему координат организующих мышление и поведение верующих. Тем самым она не просто проецирует определенные социальные феномены, но и формирует их. Сакрализация или десакрализация, осквернение или очищение, создание

доктринально-культовой системы или ее низвержение может превращаться в противостояние социальных альтернатив, являться способом осуществления социальных изменений, формирования и утверждения новых социальных групп. Реализация религией своей социальной роли с помощью Интернета подчиняется этой же закономерности.

Сознание верующего наделяет конкретные интернет-ресурсы религиозным значением, настраивает на восприятие их как проявления сверхъестественных сил, как среду обитания мистических сущностей. Налагаемые на интернет-ресурсы качества греховности – праведности, чистоты – скверны, добра – зла представляют собой смысловую разметку и становятся для верующего, путешествующего по Всемирной паутине, путеводителем, который приглашает посетить одни сайты и воздержаться от посещения других, так или иначе оценивать поступающую информацию, поддерживать определенный стиль общения. Это – своеобразный информационный фильтр. Результаты его действия носят разнонаправленный характер. Некоторые, рассматривая Интернет в ряду иных технологических новаций, склонны видеть в нем по аналогии с ИИН, микрочипами, геномной инженерией, клонированием и пр. проявления зла. Так, в 2012 году духовными лидерами сефардов Израиля был наложен запрет на пользование Интернетом. Он, по их мнению, ведет «к разрушению семей и потере человеческой души» [15]. Менее радикальным является предостережения об опасности пагубного воздействия только некоторых интернет-ресурсов. Как правило, осуждению и запрету подвергается контент, противоречащий доктрине или политике конкретной религии: отдельные сайты, социальные сети, новостные ленты, поисковые системы и т. п. Может налагаться запрет на пользование Интернетом отдельными категориями верующих. Например, Македонская православная церковь в 2013 году запретила священнослужителям пользоваться Facebook [5], в этом же году с подобной рекомендацией выступила РПЦ [18]. В теократическом Иране часто блокируются «социальные сети, а также ресурсы, затрагивающие проблемы политики, прав женщин» как противоречащие нормам ислама [8].

Наряду с ограждением интернет-пространства как области греха и искушений существует и обратная тенденция, проявляющаяся во включении Всемирной сети в число явлений религиозного порядка. Речь идет о сакрализации в той или иной степени самой виртуальной реальности и активности в Интернете. Следствием этих процессов оказывается цифровая магия, вера в интернет-приметы, интернет-нечисть и проч. Сравнительно недавно появилась «кошерная» поисковая система Google, в которой отсутствуют ссылки на нежелательный, с точки зрения иудаизма, контент [3]. В 2012 году анонсирована социальная сеть для мусульман Salamworld, соответствующая нормам шариата [4]. Известны практики освящения интернет-пространства: в 1999 году католическая церковь назвала святого Исидора покровителем компьютеров и Интернета, существуют специальные молитвы для чтения перед выходом в Сеть [17]. Ярким случаем сакрализации Всемирной паутины является создание в 2010 году в Швеции новой религии – копимизма, имеющей представительства более чем в десяти странах. Она не просто выступает «за свободный обмен файлами», а сакрализует этот процесс, считая «обмен знаниями ...священным» [14].

Справедливости ради, стоит заметить, что возникновение этого учения продиктовано не только духовными исканиями, но является частью общественной активности по борьбе с авторским правами. Здесь мы наблюдаем тройкий процесс: возникновение религии, образование особого сетевого сообщества, аккумуляцию политических усилий определенной направленности. Несмотря на заметный игровой компонент, ее не следует воспринимать как безобидное чудачество. Получив официальное признание, учредив институт исповеди, данная религия получила легальное право на тайну информации, право ее последователей отказываться от ответов в суде [19]. Это немаловажно, особенно учитывая ее связь с «Пиратской партией» Швеции, которая, как известно, занимает особую позицию относительно законодательства в области интеллектуальной собственности. Также неправильно будет воспринимать ее только как прикрытие политической деятельности. Будучи реакцией на серьезные со-

циальные тенденции она, возводя символический сакральный порядок, одновременно формирует определенный образ жизни, альтернативную модель социальных отношений, основанную на догматах: «все знания для всех», «поиск знаний священен», «обмен знаниями священен», «копирование священно», «интернет священен» [14]. Здесь освящение Интернета связывает в единое целое поведение последователей копимизма как в Сети так и вне ее. Обращает на себя внимание отсутствие деклараций в доктрине этого движения ценностей, характерных для многих других религий: ценность человеческой жизни, необходимость помощи ближнему, сострадательность, воздержанность и т. д., что может быть интерпретировано как признаки антигуманистического потенциала данного вероучения.

Таким образом, адаптация религий к новым условиям общественной жизни находит выражение в процессе легитимации и табуирования интернет-пространства путем освящения данной области человеческой активности. Но приспосабливаясь к современной жизни, религия в большей или меньшей степени меняется сама. Виртуализации подвергаются важнейшие религиозные практики. Это влечет с одной стороны укрупнение религиозных сообществ, с другой стороны усиление их децентрализации и фрагментации. Интернет становится средством укрепления религиозной идентичности, но в то же время приводит к ее размыванию.

В свою очередь сама религия выступает в качестве фактора преобразования пространства Глобальной сети, выражает претензию на контроль над частью виртуальной реальности. Тем самым она обретает способность влиять на значимые социальные процессы, организовывать активность верующих в интернет-пространстве и за его пределами. В этом статусе религия становится источником образования разного рода субкультур, повседневная жизнь которых может выступать в качестве альтернативы социального развития. Сеть создает условия для свободной комбинации религиозными смыслами, ассоциаций различных сообществ по принципу единства убеждений. Тем самым религия превращается в источник мощной социальной силы и одновременно в источник потенциальных угроз.

Литература

1. Боков М. Кто, как и зачем продает душу? [Электронный ресурс] // Православие и мир (Pravmir.ru). – 13.03.14. – URL: <http://www.pravmir.ru/kak-prodat-dushu/> (дата обращения: 13.05.14).
2. В Бангладеш сожгли 10 буддийских храмов из-за фотографии в Facebook [Электронный ресурс] // РБК. – 30.09.2012. – URL: <http://top.rbc.ru/incidents/30/09/2012/671983.shtml> (дата обращения: 13.05.14).
3. В Интернете появился кошмарный поисковик [Электронный ресурс] // РЕЛИГИЯ и СМИ (www.religare.ru). – 15.07.09. – URL: http://www.religare.ru/2_65969.html (дата обращения: 13.05.14).
4. В Интернете появится социальная сеть для мусульман [Электронный ресурс] // РЕЛИГИЯ и СМИ (www.religare.ru). – 14.03.12. – URL: http://www.religare.ru/2_93091.html (дата обращения: 13.05.14).
5. В Македонии православным священникам запретили пользоваться Facebook [Электронный ресурс] // РБК: общество. – 26.10.13. – URL: <http://top.rbc.ru/society/26/10/2013/885099.shtml> (дата обращения: 13.05.14).
6. Гаврилов Е. О. Принцип различения исходных значений сферы религии как предпосылка социальной динамики [Электронный ресурс] // Теория и практики общественного развития. – 2014. – № 4. – С. 22–24.
7. Интернет-верующие: пасторы открывают онлайн-церкви [Электронный ресурс] // Благовест. – 05.11.09. – URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=30672> (дата обращения: 13.05.14).
8. Иран закрыл доступ к Google и Gmail [Электронный ресурс] // Iran.ru: Рос. информ. агентство. – 18.09.07. – URL: http://www.iran.ru/news/politics/48296/Iran_zakryl_dostup_k_Google_i_Gmail (дата обращения: 13.05.14).
9. Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
10. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей: сб. ст. – М.: Территория будущего, 2006. – 276–307 с.
11. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: сб. ст. – М.: Территория будущего, 2006. – 342–365 с.
12. Люди стали продавать свои души через интернет-аукционы [Электронный ресурс] // Православие.Ru. – 02.09.2008. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/27512.htm> (дата обращения: 13.05.14).
13. Мусульманам разрешили браки по Интернету [Электронный ресурс] // РЕЛИГИЯ и СМИ (www.religare.ru). – 30.07.07. – URL: http://www.religare.ru/2_44091.html (дата обращения: 13.05.14).
14. О Копимизме [Электронный ресурс] // Блог Копимизма. – URL: <http://kopimism.pp.ua/index.php/o-kopimizme> (дата обращения: 13.05.14).
15. Раввин Овадья Йосеф запретил пользоваться Интернетом [Электронный ресурс] // Jewish.ru (Глобальный еврейский on-line центр). – 27.01.12. – URL: <http://www.jewish.ru/news/israel/2012/01/news994304157.php> (дата обращения: 13.05.14).
16. Романова К. «Я продам свою душу!» [Электронный ресурс] // Вечный зов. – URL: <http://www.vzov.ru/2009/05/01.html> (дата обращения: 13.05.14).
17. Святой Исидор – официальный покровитель Интернета. Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 04.04.08. – URL: <http://ria.ru/spravka/20080404/103751747.html> (дата обращения: 13.05.14).
18. Усов Е. Зачем монахам Интернет? [Электронный ресурс] // РЕЛИГИЯ и СМИ (www.religare.ru). – 29.08.12. – URL: http://www.religare.ru/2_102021.html (дата обращения: 13.05.14).
19. Фаликов Б. Властелины «копий». Партия Интернета основала новую религию // ЦетрАзия. – 23.01.12. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1327324920> (дата обращения: 13.05.14).
20. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
21. Японские буддисты объединились в «Монахов без границ» [Электронный ресурс] // Лента.Ру. – 12.12.2013. – URL: <http://lenta.ru/news/2013/12/12/monks/> (дата обращения: 13.05.14).

References

1. Bokov M. Kto, kak i zachem prodaet dushu? *Pravoslavie i mir*. Available at: <http://www.pravmir.ru/kak-prodat-dushu/> (accessed 13.05.14).
2. V Bangladesh sozhgli 10 buddijskih hramov iz-za fotografii v Facebook. *RBK*, 30.09.2012. Available at: <http://top.rbc.ru/incidents/30/09/2012/671983.shtml>. (accessed 13.05.14).
3. V Internete pojavilsja koshernyj poiskovik. *Religija i SMI*, 15.07.09. Available at: http://www.religare.ru/2_65969.html. (accessed 13.05.14).
4. V Internete pojavitsja social'naja set' dlja musul'man. *Religija i SMI*, 14.03.12. Available at: http://www.religare.ru/2_93091.html. (accessed 13.05.14).

5. V Makedonii pravoslavnyh svjashchennikam zapretili pol'zovat'sja Facebook. *RBK: obshchestvo*, 26.10.13 Available at: <http://top.rbc.ru/society/26/10/2013/885099.shtml>. (accessed 13.05.14).
6. Gavrilov E.O. Princip razlichenija ishodnyh znachenij sfery religii kak predposylka social'noj dinamiki. *Teorija i praktiki obshchestvennogo razvitija*, 2014, no 4, pp. 22–24.
7. Internet-verujushchie: pastory otkryvajut onlajn-cerkvi. *Blagovest*, 05.11.09. Available at: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=7&id=30672>. (accessed 13.05.14).
8. Iran zakryl dostup k Google i Gmail. *Iran.ru. Rossijskoe informacionnoe agentstvo*, 18.09.07. Available at: http://www.iran.ru/news/politics/48296/Iran_zakryl_dostup_k_Google_i_Gmail. (accessed 13.05.14).
9. Kastel's M. Galaktika Internet. Ekaterinburg, U-Faktorija Publ., 2004. 328 p.
10. Knorr-Cetina K. Social'nost' i ob'ekty. Social'nye otnoshenija v postsocial'nyh obshchestvah znaniya. *Sociologija veshchej*. Sbornik statej. Moscow, Territorija budushhego Publ., 2006, pp. 276–307.
11. Latur B. Kogda veshchi dajut otpor: vozmozhnyj vklad "issledovanij nauki" v obshchestvennye nauki. *Sociologija veshchej*. Sbornik statej. Moscow, Territorija budushhego Publ., 2006, pp. 342–365.
12. Ljudi stali prodavat' svoi dushi cherez internet-aukciony. *Pravoslavie.ru*, 02.09.2008. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/news/27512.htm>. (accessed 13.05.14).
13. Musul'manam razreshili braki po Internetu. *RELIGIJA i SMI*, 30.07.07. Available at: http://www.religare.ru/2_44091.html. (accessed 13.05.14).
14. O Kopimizme. *Blog Kopimizma*. Available at: <http://kopimism.pp.ua/index.php/o-kopimizme> (accessed 13.05.14).
15. Ravvin Ovad'ja Josef zapretil pol'zovat'sja Internetom. *Jewish.ru* (Global'nyj evrejskij on-line centr), 27.01.12. Available at: <http://www.jewish.ru/news/israel/2012/01/news994304157.php> (accessed 13.05.14).
16. Romanova K. "Ja prodam svoju dushu!". *Vechnyj zov*. Available at: <http://www.vzov.ru/2009/05/01.html> (accessed 13.05.14).
17. Svjatoj Isidor – oficial'nyj pokrovitel' Interneta. Spravka. *RIA Novosti*, 04.04.08. Available at: <http://ria.ru/spravka/20080404/103751747.html> (accessed 13.05.14).
18. Usov E. Zachem monaham Internet? *RELIGIJA i SMI*, 29.08.12. Available at: http://www.religare.ru/2_102021.html (accessed 13.05.14).
19. Falikov B. Vlasteliny "kopij." Partija Interneta osnovala novuju religiju. *CentrAsia*, 23.01.12. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1327324920> (accessed 13.05.14).
20. Eliade M. Svjashchennoe i mirskoe, Moscow, MGU Publ., 1994. 144 p.
21. Japonskie buddisty ob'edinilis' v "Monahov bez granic". *Lenta.ru*, 12.12.2013. Available at: <http://lenta.ru/news/2013/12/12/monks/> (accessed 13.05.14).



ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

УДК 81.42

ЛИЧНОСТНЫЙ НАРРАТИВ АКТЁРА КАК ПРОЕКЦИЯ КОНЦЕПТА ПЕРСОНАЖА

Колмогорова А. В., доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультур-ной коммуникации, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск). E-mail: nastiakol@mail.ru

Статья посвящена процессу восприятия и интерпретации актёром образа, который он воплощает на сцене, в кино. Автором анализируются когнитивные стратегии формирования концепта персонажа, используемые актёром в процессе работы над ролью. Материалом для анализа и описания послужили личностные нарративы актёра С. В. Маковецкого, рефлексирующего о своей роли. Делается вывод о том, что ведущими являются когнитивные стратегии трансформации оси времени, пространственной локализации, личностного переноса, партикуляризации и социального менеджмента.

Ключевые слова: личностный нарратив, когнитивная стратегия, языковая личность актёра, концепт персонажа, интерпретация.

ACTOR'S PERSONAL NARRATIVE AS A CONCEPT PROJECTION OF HIS CHARACTER

Kolmogorova A. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Chair of Linguistics and Intercultural Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk). E-mail: nastiakol@mail.ru

The article is focused on the process of character conceptualization by the actor. It is argued that before having realized the screen image the actor builds up its concept as a specific internal cognitive structure formed from his perception and interpretation of target character in multiple social and non social interactions with environment: reading scenario text, discussing with the director and partners, observing other people in similar situations. But it is also stated that this heterogeneous cognitive input is neither chaotic nor directly assimilated by the individual. Moreover it seems to be exposed to a cognitive selection which principal mechanism is cognitive strategy. Following Dijk's suggestion that cognitive strategies underline and organize discourse we conclude that actor's narrative about his role and the character he has interpreted is an observable verbalized projection of his concept of the character. Our empirical data is drawn from a large set of videos of famous Russian actor S. Makovetskij speaking about his roles. Having analyzed discourse structures such as time and space connectors, deictic markers, semantic aspect of predications we found out five main cognitive strategies objectivated in Makovetskij's narratives: strategy of time line transformation, strategy of space localization, strategy of personalization, strategy of particularization and strategy of social management.

Keywords: personal narrative, cognitive strategy, actor's language personality, personage's concept, interpretation.

Введение

Объектом исследования является проекция образа персонажа, его концепт, который формируется как некая когнитивно-перцептивная сущность в процессе работы актёра над ролью. Предмет настоящей статьи – когнитивные стратегии формирования концепта персонажа, объективируемые в нарративах актёра, рефлексизирующего по поводу своего персонажа. Таким образом, целью работы является выявление когнитивных стратегий формирования концепта персонажа как квинтэссенции образа, реализуемого актёром на сцене. Материалом для исследования послужили 50 видеозаписей нарративов известного отечественного актёра Сергея Васильевича Маковецкого.

1. Актёрское перевоплощение как объект лингвистического изучения

Следует отметить, что актёрское перевоплощение является традиционно «искусствоведческой» темой. Классические труды по теории театра, актёрскому мастерству [1; 2] отражают стремление к систематизации, определённому регламентированию творческой деятельности актёра: разработаны понятия амплуа актёра, актёрских техник и т. д. В философии познания большое внимание уделяется изучению так называемого «довербального общения» актёра на сцене, понимаемого как прямой непосредственный (без участия обычных сенсорных каналов) обмен беззнаковыми и неартикулируемыми психическими сообщениями [3]. В лингвистике, по началу в утилитарных и вспомогательных целях, а с развитием коммуникативистики и прагматики – и в рамках решения теоретических задач, стала исследоваться сценическая речь. В многочисленных исследованиях были выделены такие её характеристики, как сублимированность, эстетическая осмысленность, коммуникативная множественность – она ориентирована и на партнёров по сцене, и на зрителей в зале, смешанный характер регистра – разговорность, сочетающаяся, одновременно, с продуманностью и подготовленностью текста [4; 5; 6]. В коммуникативной лингвистике стал активно разрабатываться феномен речевой маски, рассматриваемой как стратегия коммуникативного поведения [7].

Попытка рассмотрения речи актёра как объективации сложного психо-когнитивного обра-

зования – перевоплощённой языковой личности – была предпринята в исследованиях Е. В. Косиновой [8; 9]. Перевоплощённая языковая личность понимается как языковая личность, которая временно воссоздаёт в условиях публичности иной языковой образ, обусловленный творческим замыслом режиссёра и сценариста/драматурга, но базирующийся на собственном речевом опыте и языковой компетенции данной личности. При этом, отталкиваясь от собственной психологической природы, языковая личность изменяет некоторые существенные характеристики собственной личности, вбирает черты чужого, имитируемого ею, образа. Перевоплощённая языковая личность испытывает внешнее влияние сконструированной языковой личности – языковой личности, референциально не соотносимой ни с одним реальным социальным и языковым субъектом, сконструированной намеренно, следуя творческому замыслу иной языковой личности (сценариста) и охарактеризованной при помощи приписываемых ей текстов – реплик в сценарии.

В центре же данной публикации находятся когнитивные процессы, организующие интерпретацию актёром его персонажа, его концептуализацию. Представляется, что именно концепт персонажа во многом определяет те трансформации и приращения, которые претерпевает перевоплощённая языковая личность в сравнении с реальной. При этом мы исходим из гипотезы о том, что процессы концептуализации и категоризации персонажа опосредованно доступны наблюдению в таких дискурсивных объективациях, как нарратив актёра о своей роли, о своем персонаже.

2. К вопросу о методологии: персонаж, концепт, когнитивная стратегия

Образ персонажа – это, по сути, конечный и наиболее важный результат интерпретации актёром двух видов эмпирических данных: текста сценария и обсуждения с режиссёром. Оба вида данных – вербальные. Чтобы обосновать гипотезу о том, что как результат интерпретативной познавательной деятельности актёра образ персонажа представляет собой определённым образом «отформатированное» знание – концепт, рассмотрим определения персонажа в рамках деятельностно-психологического подхода к анализу феноменов искусства (В. С. Выготский, Ю. Н. Тынянов,

Ю. Л. Гинзбург). Так, Ю. Л. Гинзбург, рассматривая персонажа с позиции рецептора художественного текста, отмечает множественность форм проявления, свойств персонажа: «Литературный персонаж – это, в сущности, серия последовательных появлений одного лица в пределах данного текста. На протяжении одного текста герой может обнаруживаться в самых разных формах: упоминание о нем в речах других действующих лиц, повествование автора или рассказчика о связанных с персонажем событиях, анализ его характера, изображение его переживаний, мыслей, речей, наружности, сцены, в которых он принимает участие словами, жестами, действиями и проч. <...> Повторяющиеся, более или менее устойчивые признаки образуют свойства персонажа. Он предстает как однокачественный или многокачественный, с качествами однонаправленными или разнонаправленными. <...> Единство литературного героя – не сумма, а система, со своими организующими ее доминантами» [10, с. 89].

Организирующим системным фактором для многочисленных характеристик и проявлений персонажа, образующих категорию, по Ю. Н. Тынянову, является его имя: «...достаточно, что есть знак единства, его категория, узаконивающая самые резкие случаи его фактического нарушения и заставляющая смотреть на них как на эквиваленты единства. <...> Нет статического героя, есть лишь герой динамической. И достаточно знака героя, имени героя, чтобы мы не присматривались в каждом данном случае к самому герою» [11, с. 27].

Таким образом, если рассматривать персонаж не в рамках систематики текста и элементов сюжета текста (системно-структурный подход), а с позиций психо- и когнитивной лингвистики как результат индивидуальной когнитивно-интерпретативной деятельности субъекта – актёра, то образ персонажа является динамическим психокогнитивно-перцептивным образованием [12, с. 235], продуктом концептуализации. Последняя понимается нами, вслед за Н. Н. Болдыревым, как выделение, осмысление и закрепление результатов познания в виде единиц знания [13], происходящее, преимущественно, не интра-, а интерсубъективно – в социальном взаимодействии и межличностной коммуникации.

При этом концептуализация или, иначе говоря, социально фундированная интерпретация субъектом в контексте собственного жизненного опыта некоторого фрагмента окружающей среды, происходит, в зависимости от многочисленных контекстуальных факторов, по разным «траекториям», следуя разным когнитивным стратегиям. Наиболее полно последнее понятие разработано в американской когнитивной психологии и определяется как динамический процесс, объединяющий воедино индуцированный личным жизненным опытом и подсознательными предпочтениями индивидуальный когнитивный стиль познающего субъекта, его познавательные способности и доступную для его интеракции окружающую среду [14; 15].

Индивидуальное сочетание использованных субъектом для интерпретации фрагмента среды (в нашем случае – личности персонажа, включённой в «тело» художественного дискурса) когнитивных стратегий формирует специфическую конфигурацию результата данной деятельности – концепта.

Подчеркнём, что в отличие от концепта, в течение уже достаточно долгого времени являющегося объектом изучения концептуального направления в лингвистической семантике и когнитивной науке, и определяемого как многомерное ментальное образование, базовая единица культуры [16, с. 17; 17, с. 41; 18, с. 129], в которой выделяются несколько качественно отличных составляющих, каждая из которых, как подразумевается, имеет средства вербальной объективации, концепт персонажа – явление, как представляется, несколько другого порядка. Никто не знает, в том числе и сам актёр, какова эта психическая динамическая структура, хотя её вербальная составляющая, способы её вербальной объективации заданы изначально текстом сценария или оригинального художественного произведения. Но персонаж должен образовать некую переживаемую субстанцию в когнитивном опыте актёра, иначе нельзя говорить об искусстве перевоплощения. Концепт, стратегии формирования которого стали предметом данной публикации, скорее напоминает нейронную сеть, в которой трудно выделить какую-либо иерархию составляющих [19], однако все элементы данной сети имеют ряд типовых свойств, среди которых: 1) параллель-

ность обработки поступающей информации в нескольких узлах сети; 2) ассоциативность, так как сеть восстанавливает целый образ объекта по его фрагментам; 3) адаптивность – способность к переконфигурации узлов в соответствии с конкретной задачей. Таким образом, мы ставим перед собой задачу выявления наиболее частотных когнитивных стратегий концептуализации персонажа, а также задачу типологизации данных стратегий по критерию преимущественной направленности их реализации у трёх вышеперечисленных свойств нейронной сети, коей мы считаем концепт персонажа.

Согласно концепции Т. ван Дейка [20, с. 381], когнитивные стратегии субъекта познания не могут оставаться совершенно латентными и частично объективируются в его дискурсе. Исходя из данной теоретической посылки, проанализируем фрагменты личностных нарративов актёра С. В. Маковецкого в аспекте объективаций в них различных когнитивных стратегий, что, в конечном счёте, позволит, по нашему предположению, выявить специфику конфигурации концепта персонажа в сознании актёра.

3. Анализ материала и результаты

В результате когнитивно-дискурсивного анализа 50-ти нарративов актёра С. В. Маковецкого, представленных в видеоформате в рамках медийного жанра интервью в телепередачах («Белая студия», «Наблюдатель», «Познер» и др.), а также в контексте любительских видеосъёмок на съёмочной площадке в неформальной обстановке был выделен ряд стратегий, регулярная воспроизводимость которых даёт основания для их причисления к группе основных когнитивных стратегий формирования концепта персонажа для данного актёра. Рассмотрим данные когнитивные стратегии.

Когнитивная стратегия трансформации временной оси является ведущей в процессе концептуализации персонажа. Она включает в себя несколько вариаций:

а) стратегия «скважины времени» – говоря о герое, актёр фокусируется на самом главном для него моменте жизни персонажа, принимая его за точку отсчёта, локализованную для него, актёра, в настоящем, а вся история персонажа разворачивается через призму этого временного периода.

Так, говоря об Астрове, герое пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», и его жене Соне, С. В. Маковецкий принимает за точку отсчёта, точку в настоящем, состояние влюблённости Астрова в Елену Андреевну, маркируя его формами настоящего актуального времени глаголов и помещая предшествующие события в категорию «Прошлое»:

(1) // *Но он её не любит/ он любит/ он полюбил другую женщину и боится в этом признаться//*

б) перспективно-ретроспективная стратегия – актёр интерпретирует поведение персонажа, моделируя сначала будущее последнего, а затем – обращаясь к его прошлому, которое выходит за рамки непосредственно «сценического» времени, формируя, таким образом, определённый «зигзаг времени».

Говоря о своём персонаже из фильма «12» (реж. С. Михалков), актёр говорит:

(2) // *Мой герой знает, что парень не виновен/ у него есть все доказательства, но он не может быть один против всех//.*

А затем вспоминает свой разговор с режиссёром: (3) // *Я задал ему вопрос/ как вы считаете/ если все поднимут руку/ он присоединится?// Он сказал/ а ты как считаешь?// Я сказал/ наверное/ присоединится//*

И продолжает: // *Он весь в сомнении/ А сомнение человека/ прошедшего/ а мой герой/ прошёл очень тяжёлую жизнь//*

Дискурсивным маркером выступает смена временных форм предикатов, характеризующих героя: настоящее, будущее, прошедшее.

в) стратегия «стрела времени» – герой интерпретируется в контексте следующих друг за другом событий его жизни, цепь которых обрывается на моменте, охватываемом сценическим временем.

Характеризуя своё понимание персонажа многосерийного фильма «Ликвидация» (реж. С. Урсуляк) щипача-Фимы, актёр произносит:

(4) // *Фима-щипач/ который был гениальный щипач/ потом началась война/ он отошёл от дел//*

Аналогичная стратегия используется для концептуализации другого персонажа – Нестеровского из сериала «гибель империи»:

(5) // *Я играю Нестеровского/ это гражданский человек/ преподаватель университета//*

но когда начинается война/ он идет в военную контрразведку//.

Дискурсивными маркерами стратегии являются, во-первых, сохранение одного временного плана – прошлого при помощи глагольных форм прошедшего времени и форм настоящего «исторического»; во-вторых, наличие наречий времени-коннекторов последовательности событий, а также повтор лексем и анафора как средства реализации категории связности.

Когнитивная стратегия пространственной локализации «я» актёра имеет несколько вариаций, которые находятся в прямой зависимости от степени сформированности концепта персонажа.

а) стратегия приближения – актёр лишь начинает выделять и осмысливать некоторые признаки персонажа – концептуальные признаки, но их количество ещё не велико, а сама структура концепта ещё диффузна. Он ещё как бы осматривает своего персонажа со стороны, не приближаясь и не проникая в него. В его оценках нет эмпатии – лишь констатация.

Так, в интервью на съёмочной площадке фильма «ЧБ» во время второго съёмочного дня актёр признаётся: (6) // *У меня сегодня второй съёмочный день/ я начинаю его постигать/ его литературные изыски/ его любовь к Гоголю/ мой герой очень любит литературу/ знающий как положить/ как уместно применить цитату Томаса Карлейля/ например/но при этом это не мешает ему иногда быть очень жестоким//*

Актёр констатирует черты внешне наблюдаемого поведения через глагольные и отглагольные формы: *любит литературу, знающий как положить/ как уместно применить цитату*. Аксиологически маркированная лексика отражает морально-этическую «внешнюю» оценку: *жестокый*.

б) стратегия эмоционального контакта объективируется в речи актёра предикатами чувства, переживания: (7) // *Я почувствовал совесть этого человека//* (о герое «12»).

в) стратегия интериоризации проявляется в том, что актёр начинает чувствовать и переживать то, что другие в его персонаже не видят, те внутренние «эмоциональные потоки», которые не видны постороннему взгляду – он как бы перемещается вовнутрь своего персонажа, в его

внутренний мир. Так, в передаче «Белая студия» ведущая, начав разговор о равнодушии, идущем рука об руку с желанием спасти мир, приводит в качестве примера подобного равнодушия отношение Астрова к Соне в «Дяде Ване». На что актёр пылко возражает: нет, Астров не равнодушен, он любит, но другую. В дискурсе это маркируется, также как в стратегии приближения, предикатами чувствования, переживания, но теперь они приписываются герою, а не самому актёру (см. пр. 1): *он любит, он боится*.

Таким образом, дискурсивными маркерами данной стратегии выступают, во-первых, предикаты оценочные/знания/умения для стратегии приближения, предикаты чувствования, переживания, приписываемые актёром самому себе, – стратегия эмоционального контакта, и, наконец, предикаты чувствования, приписываемые самому персонажу – стратегия интериоризации.

Когнитивная стратегия личностного переноса – актёр интерпретирует поведение и личность персонажа в контексте более глобальных ценностей, экзистенциальных проблем, которые волнуют его самого, являясь частью его личного жизненного опыта.

Рефлексируя по поводу образа Коврина (пьеса «Чёрный монах» по одноимённому произведению А. П. Чехова, реж. Кама Гинкас), актёр характеризует героя как разрушителя, не сумевшего избежать участи смертного, когда тело не может вместить в себя гения, а затем связывает этого героя с глубоко волнующей его самой проблемой старения и смерти, переключившись затем полностью на собственный жизненный, актёрский опыт, людей, которые его окружают: (8) // *Господин Коврин пришёл разрушителем/.../ это он в своём ощущении вот уже этого чёрного монаха/ в своём ощущении гениальности/ это он разрушил их жизнь/ а потом ещё есть то в чём ты споришь с Чеховым/ когда он говорит/ да/ ты гений/ но умираешь оттого что жалкое человеческое тело утратило равновесие и не может быть оболочкой для гения/ нет/ ты не прав/ Антон Павлович// В результате спектакля понимаешь/ ...прав// Мы имеем грань/ и душа имеет грань// И талант имеет грань// И душа/ время вещь неутомимая/ наше желание его всё время расширять// Кому-то удаётся/ единицам/ Я смотрю на*

Галину Львовну Коновалову/ актрису нашего театра/ очень// Ей удалось это время раздвинуть// Когда ты говоришь/ чего бы тебе хотелось/ вот это состояние в зрелом возрасте // Раздвинуть время//

Таким образом, тематическая траектория выглядит следующим образом: «познание персонажа – проблема гения и тела – проблема старения актёра – примеры определённого решения проблемы – сокровенное желание актёра». Дискурсивным маркером стратегии является переход от местоимения 3-го лица он к местоимениям 1-го лица мы, ты, я. При этом мы и ты приобретают обобщённый, генерализованный характер, реализуя значения совместности (я и те, к кому я обращаюсь).

Когнитивная стратегия партикуляризации – актёр концептуализирует персонажа сначала через ключевое слово, включая его в широкую систему ценностей, а затем находит ему конкретное место в этом контексте.

Характеризуя героя «12», присяжного, он начинает с анализа ключевого слова – *равнодушие*, инициирующего концептуальную метафору искренности, истины как колодца, в котором РАВНОДУШИЕ – ПОДЪЁМНЫЙ ВОРОТ, удаляющий чувства всё дальше от истины и глубины. И уже затем, в системе данной онтологической (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону), метафорической системы локализуется сам герой – изначальная точка в глубине колодца, где искренность и истинность ещё есть: (9) *//Равнодушие тянет за собой равнодушие// Оно тянет за собой эту цепочку/ поэтому всегда есть отправная точка/ с чего всё начинается// Мы любим открывать душу постороннему человеку/ не надеясь на сочувствие// Может быть/ где-то и надеюсь// Вот мой герой/ отправная такая точка//*

Когнитивная стратегия «социального менеджмента» заключается в том, что актёр концептуализирует персонажа, стараясь найти социальное одобрение, опереться на разделяемое другими членами социума мнение. Это – своеобразная распределённая когниция, когда в интерпретативное поле концепта персонажа вовлекаются вторичные дискурсы разного типа: режиссёрский дискурс (в 21 нарративе из 50-ти представлены такого рода вторичные дискурсы С. Михалкова, Э. Рязанова, С. Урсуляка и др. режиссёров):

(10) *// Мой Кабачков/ современный человек/ и современный хануза// Мы с Эльдаром Рязановым обсуждали /что современный Кабачков/ он более мимикрирующий/ ну/ может быть/ чуть умнее//*

художественный дискурс другого произведения:

(11) *//Владимир Хотиненко дал мне прочитать «Завтрак для чемпиона»/и он говорит/ обрати внимание на главного персонажа// Вот какое-то зернышко есть у того героя для нашего Черненко/ и я там нашел одну фразу/ которую запомнил и которую вставил в фильм/ «Мир так мало обращал на него внимания, что он считал себя уже покойником»/ я подумал // какая замечательная фраза/ как она подойдет к Черненко//*

Представленный перечень не исчерпывает всех выявленных когнитивных стратегий, но даёт представление о наиболее частотных из них.

4. Интерпретация результатов

Итак, мы предприняли попытку описания восприятия персонажа актёром через рецепцию художественного дискурса (сценария, текста произведения) как сложного когнитивного интерпретативного процесса, результатом которого является проекция образа персонажа в сознании актёра – его концепт. Воспринимая текст сценария, художественного произведения, актёр впитывает в себя «своего» героя, локализуя его в собственном когнитивном опыте, а затем использует данную эмоционально-окрашенную субъективную сущность – концепт персонажа – в качестве отправной точки, основного мотива перевоплощения. Исследование способов концептуализации персонажа актёром С. В. Маковецким посредством использования методики когнитивно-дискурсивного анализа позволяет констатировать, что ведущими являются когнитивные стратегии, позволяющие интерпретировать персонажа в когнитивном контексте субъективного времени и субъективного же внутреннего пространства на оси (приближение-удаление), а также стратегии, включающие персонажа в личный эмоциональный опыт, в опыт социальной интеракции, и, наконец, стратегии, позволяющие связать образ персонажа через опыт вербализации понятий со смысловым, ценностным полем личности.

Согласно поставленной нами задаче типологизации наиболее частотных когнитивных стра-

тегий концептуализации персонажа по критерию её сфокусированности на реализации одного из трёх основных свойств нейронной сети – способности к параллельной переработке информации в разных узлах сети, ассоциативности и адаптивности – классифицируем выявленные когнитивные стратегии.

Наибольшим количеством когнитивных стратегий представлен тип, который мы назвали *ассоциативным*: для воссоздания образа персонажа актёром привлекаются фрагменты собственного жизненного опыта, круга актуальных переживаний (стратегия личностного переноса), вторичные дискурсы (стратегия социального менеджмента), фрагменты индивидуальной языковой и концептуальной картины мира актёра (стратегия партикуляризации), когда через ключевое слово выстраивается концептуальная метафора, а уже в ней локализуется персонаж. Следующий тип – *адаптивный* – представлен стратегией пространственной локализации «я» актёра, поскольку эта стратегия динамическая, она отражает субъективную дистанцию между внутренним «Я» актёра и «я» персонажа. Эта дистанция меняется от полного взаимопроникновения до положения актёра как «наблюдателя извне» в зависимости от этапа работы актёра над ролью. Данная стратегия влияет на характер стратегии трансформации временной оси, поскольку наблюдения выявили корреляцию между вариациями двух данных стратегий: стратегия интериоризации – стратегия «скважины

времени». Таким образом, стратегия пространственной локализации «я» актёра определённым образом изменяет конфигурацию узлов в нейронной сети, в терминах которой мы описываем концепт.

К *параллельному* типу мы относим стратегию трансформации временной оси, поскольку, как показывает анализ дискурсивных проявлений данной стратегии, она сопровождает все остальные стратегии, что даёт основания для предположения об онтологической важности временной локализации концепта персонажа, и параллельности интерпретации темпоральных признаков персонажа всем остальным процессам концептуализации.

Заключение

Представляется, что предложенная проблематика имеет перспективы для исследования. В частности, необходимо привлечь для анализа и описания других представителей актёрской профессии, возможно, различной этнической принадлежности. Подобное расширение позволит проверить гипотезы о гендерной, возрастной, этнической зависимости когнитивных стратегий концептуализации образа персонажа в когнитивном опыте актёра. Кроме того, интересным представляется анализ совокупности нарративов об одной роли для того, чтобы выявить и описать конфигурацию концепта персонажа, его признаки (ядерные и периферийные), а при расширении числа выявленных концептов продуктивным может стать сопоставительный анализ концептов различных персонажей.

Литература

1. Захава Б. Е. Мастерство актёра и режиссёра. – М., 1973. – 233 с.
2. Станиславский К. С. Работа актёра над собой // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Искусство, 1935. – Т. 3. – С. 5–134.
3. Басалаев С. Н. Специфика актёрского существования на довербальном уровне // Вест. Томск. гос. ун-та. – Сер. Культурология. – 2011. – № 347. – С. 57–60.
4. Петрова А. Н. Сценическая речь. – М., 1981. – 236 с.
5. Крылова Л. В. Лингвостилистические особенности монологического текста драмы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 31 с.
6. Великая Е. В. О фоностилистических особенностях сценической речи // Вест. МГУ. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 1. – С. 56–64.
7. Шпильман М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких): дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 196 с.
8. Косинова Е. В. Лингвопрагматические особенности речевого поведения перевоплощённой языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 194 с.
9. Колмогорова А. В., Косинова Е. В. Реальная и перевоплощённая языковые личности немецкого актёра // Вест. Харьков. нац. ун-та им. В. Н. Каразина. – 2013. – Вып. 73. – С. 12–19.
10. Гинзбург Л. О литературном герое. – Л., 1979. – С. 89–90.

11. Тынъянов Ю. Проблема стихотворного языка // Статьи. – М., 1965. – С. 27.
12. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. – М.: Гнозис, 2005. – С. 234–244.
13. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Е. С. Кубрякова. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. – Вып. IV: Концептуализация мира в языке. – С. 25–78.
14. Ho J. L., Rogers W. A review of accounting research on cognitive characteristics // *Journal of Accounting Literature*. – 1993. – № 12. – P. 101–130.
15. Kogan N. Creativity and cognitive styles: A life-spanperspective // P. B. Baltes and K. W. Schai. *Life-span developmental psychology: Personality and socialization*. – New York: Academic Press, 1973. – P. 146–160.
16. Юзефович Н. Г. Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности): моногр. – Хабаровск: Из-во ДВГТУ, 2013. – 268 с.
17. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – 824 с.
18. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 477 с.
19. Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах // *Журн. общей биологии*. – 2013. – № 2. – С. 112–138.
20. Teun A. Van Dijk. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // *Text*. – Vol. 3–4. – Amsterdam: Mouton Publishers, 1983. – P. 375–404.

References

1. Zahava B.E. *Masterstvo akt'ora i rezhiss'ora*. Moscow, 1973. 233 p.
2. Stanislavskij K.S. *Sobranie sochinenij. V 8 tomah. Rabota akt'ora nad soboj*. Moscow, Iskustvo Publ., 1935, vol. 3, pp. 5–134.
3. Basalaeв S.N. Specifika akt'orskogo sushchestvovaniya na doverbal'nom urovne. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija Kul'turologija, 2011, no 347, pp. 57–60.
4. Petrova A.N. *Scenicheskaja rech'*. Moscow, 1981. 236 p.
5. Krylova L.V. *Lingvostilisticheskie osobennosti monologicheskogo teksta dramy*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. Moscow, 1979. 31 p.
6. Velikaja E.V. O fonostilisticheskikh osobennostjakh scenicheskoy rechi. *Vestnik MGU*. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija, 2008, no 1, pp. 56–64.
7. Shpil'man M.V. *Kommunikativnaja strategija "rechevaja maska" (na materiale proizvedenij A. i B. Strugackih)*. Diss. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2006. 196 p.
8. Kosinova E.V. *Lingvopragmaticheskie osobennosti rechevogo povedenija perevoploshchonnoj jazykovoj lichnosti*. Diss. kand. filol. nauk. Kemerovo, 2013. 194 p.
9. Kolmogorova A.V., Kosinova E.V. Real'naja i perevoploshchonnaja jazykovye lichnosti nemeckogo akt'ora. *Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina*, 2013, iss. 73, pp. 12–19.
10. Ginzburg L. *O literaturnom geroe*. Leningrad, 1979, pp. 89–90.
11. Tynjanov Ju. *Stat'i. Problema stihotvornogo jazyka*. Moscow, 1965, pp. 27.
12. Zalenskaja A.A. *Koncept kak dostojanie individa. Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy*. Moscow, Gnozis, 2005, pp. 234–244.
13. Boldyrev N.N. *Konceptual'naja osnova jazyka. Kognitivnye issledovanija jazyka*. Glavnyj redaktor E.S. Kubrjakova. Moscow, IJA RAN Publ., Tambov, TGU Publ., 2009, iss. IV. *Konceptualizacija mira v jazyke*, pp. 25–78.
14. Ho J.L., Rogers W. A review of accounting research on cognitive characteristics. *Journal of Accounting Literature*, 1993, no 12, pp. 101–130.
15. Kogan N. *Creativity and cognitive styles: A life-spanperspective*. P.B. Baltes and K.W. Schai. *Life-span developmental psychology. Personality and socialization*. New York, Academic Press, 1973, pp. 146–160.
16. Juzefovich N.G. *Interlingvokul'turnaja kartina mira v anglijskom jazyke vtorichnoj kul'turnoj orientacii (na materiale opisanija rossijskoj dejstvitel'nosti)*. Monografija. Habarovsk, DVGGU Publ., 2013. 268 p.
17. Stepanov Ju.S. *Konstanty. Slovar' ruskoj kul'tury*. Opyt issledovanija. Moscow, 1997. 824 p.
18. Karasik V.I. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs*. Volgograd, 2002. 477 p.
19. Oleskin A.V. *Setevye struktury v biosistemah. Zhurnal obshchej biologii*, 2013, no 2, pp. 112–138.
20. Teun A. Van Dijk. *Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice*. *Text*. Amsterdam, Mouton Publishers, 1983, vol. 3–4, pp. 375–404.

УДК 821.161.1

ПАНТУН НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА «ГОНЧАРОВА И ЛАРИОНОВ»

Куликова Е. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: kulis@mail.ru

В статье исследуется жанр пантунов в творчестве Николая Гумилева, анализируется один из его пантунов – «Гончарова и Ларионов».

Ключевые слова: стихотворные твердые формы, жанр, пантун, модернизм, Гумилев, Гончарова, Ларионов, авангард, лучизм, Восток.

NIKOLAY GYMILEV'S PANTUN "GONCHAROVA AND LARIONOV"

Kulikova E. Y., Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Literary Studies Section, Institute of Philology of the SB RAS (Novosibirsk). E-mail: kulis@mail.ru

The subject of this research is in the genre of pantuns in the works of Nicolay Gumilev (the seventh "Abyssinian Song," the poem "Goncharova and Larionov," the episodes from the play "Allah's Child," the translation of "Malay pantums" by Ch. Leconte de Lisle, the rough sketch "What the death anguish..."). In Gumilev's pantuns the special verbal ornament attracts turning into a steady pattern, which makes frozen and firm motifs and images, and at the same time, moving them from side to side, giving them each time a new tone of meaning. The purpose of the article is analysis of Gumilev's pantun "Goncharova and Larionov." The poem describes "the movement of painting." Pantun is not just poetic "illustration" for the paintings of two artists, it is the penetration in the essence of their work, in the variety of methods, styles, ways and at the same time – in the theme, the favorite motifs and images. Avant-garde discoveries of Goncharova and Larionov by Gumilev were inscribed in a firm form of Malay genre. But this genre emphasizes creative features of the two artists. The article is used the method of immanent analysis of the text. As a result of the research there are following conclusions: in the modernist poetry of the early twentieth century the form of pantun oriented national Eastern poetry and medieval genre lyric, combined with oriental motifs is a part of new way of expression. The result of the research is emergence to study of firm forms of poetry of the Silver Age: it shows Gumilev's interest of the creation of sonnets of Italian type, Provencal ballad, haiku, terza rima, octaves and pantuns.

Keywords: fixed verse, genre, pantoun, modernism, Gumilev, Goncharova, Larionov, vanguard, luchizm, East.

В лирике Н. Гумилева встречаются твердые строфические формы – такие, как французская баллада, газель, сонет, хокку и др. «Формальные изыски» использовали многие поэты первой половины XX века. Рондо и рондели писали Б. Лившиц и И. Северянин, секстины – М. Кузмин и К. Липскеров, разные виды сонетов – Вяч. Иванов, С. Соловьев, А. Ахматова, Н. Гумилев, пантуны – В. Брюсов, Е. Сырейщикова, Вяч. Иванов, В. Ходасевич и др. Наличие в лирике Гумилева сонетов итальянского типа, провансальской баллады, хокку, терцин, октав и пантумов доказывает интерес поэта к игре с твердыми формами. Как вспоминает И. Наппельбаум, посещавшая

студию Гумилева при Доме искусств в Петрограде в 1921 году, «Гумилев мечтал сделать поэзию точной наукой. Своеобразной математикой. Ничего потустороннего, недоговоренного, никакой мистики, никакой зауми. Есть материал – слова, найди для них лучшую форму и вложи их в эту форму, и отлей форму, как стальную. Только единственной формой можно выразить мысль, заданную поэтом. Беспощадно бороться за эту исключительную точность формы, ломать, отбрасывать, менять» (цит. по [1]).

К жанру пантуна поэт обращался пять раз: в седьмой «Абиссинской песне» (1914–1916), в стихотворении «Гончарова и Ларионов» (1917–

1918), в пьесе «Дитя Аллаха» (диалог Птиц и Гафиза) (1916–1917), в переводе «Малайских пантумов» Ш. Леконта де Лиля (1919) и в черновом наброске «Какая смертная тоска...» (1921) (Прим. автора: *Данному жанру посвящены наши статьи «О двух переводах “Малайских пантумов” Леконта де Лиля» [9] и «О жанре пантуна в творчестве Н. Гумилева» [10]*).

Жанр пантунов (у Гумилева всегда – «пантум») упоминается в материалах П. Лукницкого: «В 1921 году Гумилев в Доме искусств читал лекции по теории поэзии начинающим стихотворцам. У меня имеется несколько листков записей, написанных столь бегло, карандашом, что разобрать их почти невозможно. Кем из студентов сделаны эти записи на предоставленных мне в 20-х годах этих листках, я не помню. Но на одном из этих листков я разобрал следующее объяснение той формы стихотворения, которая называется “пантумом”: ... Повторение в стихах (плясового? – П. Л.) характера вначале. Позже повторы употребляются для оттенения одной мысли с разных сторон. Французские баллады, сложные секстины, рондо ... Сл. с ... (неразборчиво – П. Л.) – ... рифмовать одно слово в ... (?) видах. Секстины с переплетениями – стихотворение кончается первой строчкой; две тема (..?) – 3, 5, 2 – 4 – 6. Знач. втор. стр. ... 1. Малайский пантум» [11].

М. Л. Гаспаров в своих «Комментариях» к стихам русских поэтов рубежа XIX–XX веков приводит следующее определение пантунов: «В малайской народной поэзии **пантум** (точнее, «пантун») – это импровизированные четверостишия (обычно с тематическим параллелизмом), иногда соединяемые в цепочку так, чтобы 2-й и 4-й стихи каждой предыдущей строфы повторялись как 1-й и 3-й стихи следующей строфы. Именно в таком «цепном» виде пантум был усвоен европейской поэзией (впервые – французскими романтиками), но широкого распространения не получил, примкнув к ряду твердых форм с повторами» [2, с. 195]. В сложных формах пантуна важен особый ритм, идущий по принципу четыре шага вперед – два назад. Повторы в пантунах создают особый словесный орнамент, превращающийся в устойчивый узор, который, с одной стороны, делает твердыми и застывшими мотивы и образы, но, с другой – раскачивает их из стороны в сторону, придавая им каждый раз новый оттенок значения.

В 1917–1918 годах. Гумилев пишет оригинальное стихотворение, используя максимум возможностей этого жанра:

Гончарова и Ларионов

Пантум

Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

В себе открыла Гончарова
Павлиньих красок бред и пенье,
У Ларионова сурово
Железного огня круженье.

Павлиньих красок бред и пенье
От Индии до Византии,
Железного огня круженье –
Вой покоряемой стихии.

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Вой покоряемой стихии –
Не обновленная ль стихия?

Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?
Не обновленная ль стихия –
Снопы лучей и камней груды?

Кто видит сон Христа и Будды,
Тот стал на сказочные тропы.
Снопы лучей и камней груды –
О, как хохочут рудокопы!

Тот встал на сказочные тропы
В персидских, милых миньютюрах.
О, как хохочут рудокопы
Везде, в полях и шахтах хмурых.

В персидских, милых миньютюрах
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых
Восток и нежный, и блестящий [3, с. 177–

178].

«Гончарова и Ларионов» – пантун, посвященный двум художникам-авангардистам, творчество которых было связано с Востоком. «Другой гумилевский пантун – из пьесы “Дитя Аллаха” – был записан им в альбом Гончаровой и Ларионова (см. Россия и славянство. – 1931. – 29 августа)» [6, с. 562].

«Летом 1917 года в Париже Ларионов и Гончарова познакомились и подружились с Николаем Гумилевым» [16, с. 105]. В работе Е. Степанова и А. Устинова отмечается: «Нашлось немного свидетельств этой дружбы, характера отношений, взаимной привязанности. Почти все они исходят от самих художников, причем подтверждением здесь служат не столько воспоминания и немногочисленные документы, сколько, в первую очередь, – их творчество. Сохранились любопытнейшие зарисовки художников, представляющие нам образ попавшего в Париж поэта... Можно предположить, что уже во время первой встречи между поэтом и художниками установились теплые и близкие отношения, чуть позже в этом признался сам Гумилев в письме домой, Ахматовой» [16, с. 105, 114]. *(Прим. автора: «Всего в отделе графики ГТГ было идентифицировано 27 прижизненных натуральных портретов-зарисовок Николая Гумилева, выполненных М. Ларионовым пером и тушью на небольших листах бумаги (размером 21x13,5 см), в основном на бланках гостиницы «Castille» (Отдел графики ГТГ, инв. № 10760–10786). Гумилев на них запечатлен анфас, полуанфас, в профиль, с разных сторон, с разными выражениями лица, на некоторых – в военной гимнастерке с погонами. Помимо этого, в собрании ГТГ имеется несколько более поздних зарисовок Гумилева, выполненных М. Ларионовым по памяти» [16, с. 123]).*

В статье «Николай Гумилев и Восток» Р. Тименчик пишет: «Наталья Гончарова еще в 1913 году в предисловии к каталогу персональной выставки обозначила свой путь “к первоисточнику всех искусств, Востоку”, в котором она видела истоки русского искусства: “Если восточное влияние попало к нам не по прямой дороге, то это ничего не доказывает, путь его был с Востока, и на Запад, так же, как и теперь, служил только передаточным пунктом. Достаточно посмотреть на изображения арабские и индийские,

чтобы установить происхождение наших икон и искусства, которое до сих пор живет в народе”». Петербуржец и акмеист Гумилев мог бы подписаться под каждым словом москвички и футуристки Гончаровой. Он и выразил свою солидарность с “восточничеством” Гончаровой в мадригале, записанном в альбоме адресатов и сложенном в форме пантума» [17, с. 129].

Г. Г. Поспелов указывает, что «увлечение Востоком охватывало в эти годы живописцев не только ларионовского направления. В начале 1910-х годов на московских выставках демонстрировались наиболее зрелые произведения мастеров-голуборозовцев... Одной из “примитивных стихий”, где время стоит на месте и где эпоху богини Астарты не отличишь от того, “что называется нашим временем”, оказывалась стихия Востока» [13, с. 118]. Ларионовцы не только мечтали о Востоке, а хотели непосредственно «соприкоснуться с его художественным миром» [13, с. 118].

Илья Зданевич (Эли Эганбюри) придумал красивую легенду о том, что в 1908 году Гончарова путешествовала по Африке, посещала Бенин, побывала на Мадагаскаре с экспедицией Пенсильванского университета и даже руководила раскопками [8, с. 176]. **На самом деле, Гончарова никогда не была в Африке.** Однако эта мистификация – создание «возможной (духовной) биографии» художницы – не случайна. Первые «африканские» стихи Гумилева (например, известнейший цикл об озере Чад) были написаны до того, как сам поэт посетил эти места. А. Б. Давидсон в книге «Муза странствий Николая Гумилева» отмечает: «Существует... прочно утвердившееся мнение, что первый раз Гумилев побывал в Африке еще в 1907 году, отправившись туда впервые из Парижа» [7, с. 35]. Между тем «его жирафы и леопарды... порождены не подлинным морским и тропическим миром, не Африкой, а Монпарнасом... навеяны... Леконтом де Лилем, Бодлером, Кольриджем, Стивенсоном, Киплингем» [7, с. 41] *(Прим. автора: В искусстве серебряного века наиболее востребованной становится «экзотическая» тематика. Такие увлечения диктовала как идея постколониализма, так и близость постколониализма с постмодернизмом и деконструкцией. В монографии Л. Карьо*

и Ш. Режисмансе «*L'exotisme: la littérature coloniale*» указывается, что на рубеже XIX–XX веков активная колониальная деятельность имела историческое значение: цивилизации, группировавшиеся возле Средиземного моря и Западных морей, распространились и на более далекие земли [19, p. 155–159]. «*L'exotisme en effet est un des aspects favoris du XIX siècle*» [18, p. 4], подчеркивает Б. А. Ашнадель Амин Илми). И Гумилев, и Гончарова были связанными похожими легендами, оказавшими значительное влияние на их дальнейшую судьбу.

Подробный анализ пантуна «Гончарова и Ларионов» дан в работе Э. Партоня. Исследователь указывает, что, по мнению Ларионова, у Гумилева была страсть к пантунам. Поэтому **неудивительно**, что стихотворение написано именно в этом жанре: «It was... an eminently suitable form for a poem concerning Larionov and Gončarova, who themselves had a high regard for and had been influenced by Eastern art forms. Moreover, the structure of the poem, in which the second and fourth lines of a stanza are repeated as the first and third lines of the following stanza, is perhaps an iconic representation of Larionov's and Gončarova's cubo-futurist style of painting, in which an image is fragmented and its parts are reproduced a number of times in different positions across the canvas» [20, p. 231]. (Прим. автора: В разработке процитированной нами идеи принимал участие Р. Ешельман. См.: [20, p. 241]).

Гумилев формирует пространство, связанное с творчеством Гончаровой и Ларионова: Восток (1-я строфа) в «павлиньих красках» (2-я строфа), «от Индии до Византии» (3-я строфа), в 4-й в географию включается дремлющая Россия, видящая «сон Христа и Будды» (5-я строфа), затем мир открывается через «сказочные тропы» (6-я строфа) и замыкается в «персидских, милых миньятюрах» (7-я строфа), заключающих в себе «величье жизни настоящей» (8-я строфа). Если первые два стиха каждой строфы характеризуют особенности пространства, как бы статически обозначая его, то следующие за ними два вторых стиха подчеркивают его динамичность, словно раздвигающую изображенный мир на полотнах Гончаровой и Ларионова и превращающую этот мир в живой. «Железного огня круженье», «Вой покоряемой стихии», «обновленная стихия», «Сноп лучей и

каменной груды», «О, как хохочут рудокопы / Везде, в полях и шахтах хмурых» – эти образы обнажают не только особенности картин художников, но и свойства авангардного искусства.

«Футуризм» Гончаровой рождается из так называемого «крестьянского» этапа ее творчества. Крестьянки напоминают «скифских каменных баб», русских крашеных кукол, и понятно, что это – наследие Востока, а не Запада, что настоящая Русь во многом (если не во всем) произошла из Азии. Гончарова срывает покровы привычной западной цивилизации и открывает сильное и дикое начало русского человека. Земля на картинах превращается в холст, на котором творится первозданный мир. Предреволюционная Россия смотрит на зрителей черными глазами баб, сильные руки которых преобразуют землю, создают новый космос. Гончарова видит, где искусство примитива граничит с кубизмом, и преобразует скифских идолов в антропоморфные истуканы.

Стихотворные строки Гумилева показывают этот процесс превращения человека в абстрактную геометрическую стихию – стихию пространства («Железного огня круженье», «Сноп лучей и каменной груды»). Ларионов создал «лирический принцип живописи», когда объект изображается «в ритмах... персонального восприятия» (эпос – «в категориях пространства и движения реальности») [14]. «Движение живописи» и описывает Гумилев. Пантун – не просто стихотворная «иллюстрация» к картинам двух художников, это проникновение в сущность их творчества, в разнообразие методов, стилей, направлений и в то же время – тематики, излюбленных мотивов и образов.

Авангардистские открытия Гончаровой и Ларионова в пантуне Гумилева оказались вписанными в строгую форму малайского жанра. Но именно этот жанр обладает чертами восточного орнамента, подчеркивая творческие особенности двух художников. Связанный с поверхностью, которую он украшает и зрительно организует, орнамент, как правило, выявляет или акцентирует архитектуру предмета. В стихотворении Гумилева система повторяющихся строк, с каждым поворотом меняющих оттенок смысла, позволяет представить визуальную картину Гончаровой и Ларионова.

От стиха «В себе открыла Гончарова» идут две «ветки»: «Восток и нежный и блестящий» и «Павлиньих красок бред и пень». Эти «ветки» одновременно связаны между собой и разнородны. «Художественные возможности по поводу павлина» Гончаровой послужили одним из источников пантуна Гумилева: серия картин «Павлины», выполненная в различных стилях – от искусства Древнего Египта до народной вышивки – связана общим мотивом, «повтором», тянувшимся из полотна в полотно, подобно тому, как два стиха в пантунах перетекают из одной строфы в другую. Ларионов тоже создал несколько «Павлинов» в 1910-х годах.

Как отмечает Е. Раскина, «образ-символ павлина очень важен для любимой Гумилевым суфийской поэзии. Так, в “Сказках дервишей” Идрис Шаха есть глава о символике змеи и павлина... Культ павлина в древнем Иране был основан на учении шейха Ади, сына Мусафира, жившего в XII веке. На арабском “павлин” обозначает украшение... В суфийском учении павлин – символ света. “Глазки” на хвосте павлина символизируют духовные достоинства, а оттенки павлиньего пера... – это символ сияния высшей духовности» [15, с. 26].

По мнению О. А. Бердниковой, «в первых двух строфах тема этого большого стихотворения обозначается как столкновение двух художественных манер, одна из которых (у Гончаровой) призвана показать легкость и пестроту Востока “павлиньими красками”, то есть в голубых с золотым тонах, а другая (у Ларионова) – “суровость” жизни в темно-красных красках. Однако общим для обеих манер является изображение мира в метафорах, свойственных самому поэту – “круженье”, “пень”, “бред” (сон/видение), то есть возникают точно зафиксированные Гумилевым модернистские формы художественного сознания» [1, с. 40].

«Сноп лучей и камней груды» могут трактоваться как «обновленная стихия» и как путь «на сказочные тропы». Это обозначает новое направление, открытое Ларионовым, – лучизм, смысл которого в возникновении пространств и форм из пересечения отраженных лучей различных предметов. «Стихия» лучей преобразила мир искусства, подобно кубизму или супрематизму. Поздний лучизм («пневмолучизм») – это «изо-

бражения фигур, погруженных в движущуюся среду», в «разряженный лучевой фон» [13, с. 142].

Так открылись «сказочные тропы» авангарда, и игра повторами в пантуне Гумилева передает ощущение нового состояния, созданного художником. Близость, но несхожесть – вот смысл «тавтологий» пантуна.

От «сказочных троп» в стихотворении идет новая ветвь к другому типу изображения – «персидским, милым миньяторам», про которые в последней строфе будет сказано, что они заключают в себе «величье жизни настоящей». Парижское увлечение Гумилева – собирание персидских миниатюр (*Прим. автора: Гумилев писал Ларисе Рейснер: «Моя главная слабость – экзотическая живопись»* [5, с. 201]) отразилось не только в одноименном стихотворении («Когда я кончу наконец / Игру в cache-cache со смертью хмурой, / То сделает меня Творец / Персидскою миниатюрой» [4, с. 70]), но и во включении этого «восточного» штриха в творческий узор Гончаровой и Ларионова. Й. Люцканов полагает, что «персидская миниатюра у Гумилева указывает на присутствие в стихотворении либо за ним особого типа художественной структуры. Точнее, она является частью перевыражения в слове данного типа структуры и даже конкретных ее образцов» [12]. Персидская миниатюра, делает вывод исследователь, есть выход для Гумилева к теме Востока, к беседе с поэзией на фарси.

Упоминание «персидской миниатюры» в данном тексте есть новый виток орнамента, заключающий предыдущую картину в новую рамку. Как будто бы самих художников – Гончарову и Ларионова Гумилев помещает в плоскую картину-миниатюру, столь любимую им. Но это оказывается не фиксацией неподвижности «героев» пантуна, напротив, так создается динамика формы, поскольку рамка изображения скользит над пространством текста, отчего возникает стереометрическое впечатление.

Начинается пантун со строки «Восток и нежный и блестящий» и ею же заканчивается. Яркое оперение текста имеет кольцевую структуру, восточный мотив опоясывает стихотворение, и судьба и творчество двух художников преломляются в свете сияющего орнамента – стихотворного узора, основанного на повторе и чередовании составляющих его элементов.

Литература

1. Бердникова О. А. «Значок великого артиста»: об одной поэтологической модели в лирическом творчестве Н. С. Гумилева // *Русская поэзия: Проблемы стиховедения и поэтики*: сб. ст.: мат-лы науч. конф. – Орел: Изд-во ОГУ, 2011. – С. 35–41.
2. Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х – 1925 годов в комментариях. – М.: Высш. шк., 1993. – 272 с.
3. Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Воскресенье, 1999. – Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914–1918). – 464 с.
4. Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Воскресенье, 2001. – Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918–1921). – 394 с.
5. Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Воскресенье, 2007. – Т. 8: Письма. – 640 с.
6. Гумилев Н. Соч.: в 3 т. – М.: Худ. лит, 1991. – Т. 1: Стихотворения. Поэмы. – 590 с.
7. Давидсон А. Муза странствий Николая Гумилева. – М.: Наука, Восточ. лит., 1992. – 319 с.
8. Зданевич И. Наталия Гончарова и всёчество (*публикация Е. В. Баснер*) // Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов: исслед. и публ. / Гос. ин-т искусствознания Мин-ва культуры РФ. – М.: Наука, 2003. – С. 172–181.
9. Куликова Е. Ю. О двух переводах «Малайских пантунов» Леконта де Лиля // *Сибир. филол. журн.* – 2013. – № 3. – С. 113–124.
10. Куликова Е. Ю. О жанре пантуна в творчестве Н. Гумилева // *European Social Science Journal = Европ. журн. социал. наук.* – М., 2013. – № 12 (39). – Т. 2. – С. 175–183.
11. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Л., 1990. См. также [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/LUKNICKAYA/gumilev.txt> (дата обращения: 4.12.2013).
12. Люцканов Й. Персидская миниатюра в поэзии Николая Гумилева [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ilit.bas.bg/rusbook/lyutzkanov.php> (дата обращения: 4.05.2014).
13. Поспелов Г. Г., Илюхина Е. А. М. Ларионов. Живопись. Графика. Театр: Кн.-альбом. – М.: Галарт: RA [Рус. авангард], 2005. – 407 с.
14. Пространство живописи русского авангарда (интервью Е. Черемных с Г. Г. Поспеловым) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/magazines/archive/2008/03/article14.html?print=true> (дата обращения: 10.01.14).
15. Раскина Е. Художественный мир персидской миниатюры в поэтическом творчестве Н. С. Гумилева // *Суфий.* – 2013. – № 16. – Весна-лето. – С. 18–28.
16. Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев – встречи в Париже в 1917–1918 годах (*По мат-лам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве*) // *Наше Наследие.* – 2011. – № 100. – С. 104–127.
17. Тименчик Р. Д. Николай Гумилев и Восток // *Памир.* – 1987. – № 3. – С. 123–136.
18. Ashnadelle Amin Hilmy, B. A. L'orientalisme de Leconte de Lisle / A Thesis in French. – Submitted to the Graduate Faculty of Texas Tech University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of arts, 1970. – 170 p.
19. Cario L., Régismansét Ch. L'exotisme: la littérature coloniale. – Paris: Mercure de France, 1911. – 310 p.
20. Parton A. “Gončarova and Larionov” – Gumilev’s pantum to art // *Nikolaj Gumilev (1886–1986): Papers from the Gumilev Centenary Symposium by Sheelagh Duffin Graham.* – Berkeley Slavic Specialties, 1987. – P. 225–242.

References

1. Berdnikova O.A. “Znachok velikogo artista”: ob odnoj poetologicheskoy modeli v liricheskom tvorchestve N. S. Gumil’eva. *Russkaja poezija: Problemy stihovedenija i poetiki. Sbornik statej. Materialy nauchnoj konferencii.* Orel, OGU Publ., 2011, pp. 35–41.
2. Gasparov M.L. *Russkie stihy 1890–1925 godov v kommentarijah.* Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1993. 272 p.
3. Gumil’ev N.S. *Polnoe sobranie sochinenij.* V 10 tomah. Moscow, Voskresen’e Publ., 1999, vol. 3. *Stihotvorenija. Poemy (1914–1918).* 464 p.
4. Gumil’ev N.S. *Polnoe sobranie sochinenij.* V 10 tomah. Moscow, Voskresen’e Publ., 2001, vol. 4. *Stihotvorenija. Poemy (1918–1921).* 394 p.
5. Gumil’ev N.S. *Polnoe sobranie sochinenij.* V 10 tomah. Moscow, Voskresen’e Publ., 2007, vol. 8. *Pis’ma.* 640 p.

6. Gumil'ev N. Sochinenija v 3 tomah. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1991, vol. 1. Stihotvorenija. Poemy. 590 p.
7. Davidson A. Muza stranstvij Nikolaja Gumil'eva. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaja literatura Publ., 1992. 319 p.
8. Zdanevich I. Natalija Goncharova i vs'ečestvo (publikacija E. V. Basner). *N.S. Goncharova i M.F. Larionov. Issledovanija i publikacii*. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 172–181.
9. Kulikova E.Ju. O dvuh perevodah "Malajskih pantunov" Lekonta de Lilja. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, 2013, no 3, pp. 113–124.
10. Kulikova E.Ju. O zhanre pantuna v tvorčestve N. Gumileva. *European Social Science Journal*. Moscow, 2013, no 12 (39), vol. 2, pp. 175–183.
11. Luknickaja V. Nikolaj Gumilev: Žhizn' poeta po materialam domashnego arhiva sem'i Luknickih. Leningrad, 1990. Smotri takzhe. Available at: <http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/LUKNICKAYA/gumilew.txt> (accessed 4.12.2013).
12. Ljuckanov J. Persidskaja miniatjura v poezii Nikolaja Gumil'ova. Available at: <http://www.ilit.bas.bg/rusbook/lyutzkanov.php> (accessed 4.05.2014).
13. Pospelov G.G., Pjuhina E.A. M. Larionov. Zhivopis'. Grafika. Teatr. Kniga-al'bom. Moscow, Galart Publ., Russkij avangard Publ., 2005. 407 p.
14. Prostranstvo zhivopisi russkogo avangarda (interv'ju E. Cheremnyh s G.G. Pospelovym). Available at: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/magazines/archive/2008/03/article14.html?print=true> (accessed 10.01.2014).
15. Raskina E. Hudozhestvennyj mir persidskoj miniatjury v poetičeskom tvorčestve N.S. Gumil'eva. *Sufij*. Moscow, Vesna-leto Publ., 2013, no 16, pp. 18–28.
16. Stepanov E., Ustinov A. Nikolaj Gumil'ev – vstreči v Parizhe v 1917–1918 godah (Po materialam arhivov Mihaila Larionova i Gleba Struve). *Nashe Nasledie*, 2011, no 100, pp 104–127.
17. Timenchik R.D. Nikolaj Gumil'ev i Vostok. *Pamir*, 1987, no 3, pp. 123–136.
18. Ashnadelle Amin Hilmy, B. A. L'orientalisme de Leconte de Lisle. A Thesis in French. Submitted to the Graduate Faculty of Texas Tech University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of arts, 1970. 170 p.
19. Cario L., Régismansét Ch. L'exotisme: la littérature coloniale. Paris, Mercure de France Publ., 1911. 310 p.
20. Parton A. "Gončarova and Larionov" – Gumilev's pantum to art. *Nikolaj Gumilev (1886–1986)*. Papers from the Gumilev Centenary Symposium by Sheelagh Duffin Graham. Berkeley Slavic Specialties, 1987, pp. 225–242.

УДК 1.17.82.83.

СТРУКТУРА ДВУЯЗЫЧНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА Л. Н. АРБАЧАКОВОЙ «ОЌЗАС ЧЕРИМ// ТЕРНИИ ДУШИ//»⁴⁶

Полторацкий И. С., аспирант, Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: sveter1988@mail.ru

В статье впервые объектом внимания литературоведения становится поэзия современного шорско-го поэта Л. Н. Арбачаковой. Подробно рассмотрены вопросы структуры и композиции первого сборника стихотворений Арбачаковой «Оңзас черим// Тернии Души//», а также выделены основные черты оригинальной поэтики автора.

Ключевые слова: национальная литература, сибирская литература, шорская литература, двуязычный сборник, Л. Н. Арбачакова.

⁴⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФНФ № 14-14-54001, Сюжетно-мотивные комплексы в литературах народов Сибири.

THE STRUCTURE OF THE BILINGUAL EDITION OF COLLECTED POEMS
BY L. N. ARBACHAKOVA “ONZAS CHERIM//SOUL’S THORNS”

Poltoratsky I. S., Post-graduate Student, Institute of Philology of the SB RAS (Novosibirsk).
E-mail: ipoltora@gmail.com

The article deals with the topical problem of studying Siberian aboriginal peoples’ literatures in the modern context. The first collection of poetry by the well-known Shorian poet and artist Lyubov Arbachakova (“Kuznetskaya Krepost,” 2001) has been taken as the object of research. The collection is remarkable for its artistic integrity; it is entirely designed and illustrated by the author, and the poems are arranged not in chronological order but conceptually. The author’s desire to bind Shorian and Russian cultures reveals itself in the very title of the book. “Onzas Cherim” is literally translated as “Anzas Land”. Lyubov Arbachakova was born in the village called Anzas in Tashtagol area. The word “cher” can be translated as “land” or “planet”. The Russian-language part of the title opens the lyrical space of the collection but the two initially given themes do not contradict one another, and the theme of the native soil joins the theme of emotional torment, forming a new metalanguage content, some kind of the third whole, the very presence of which is a distinctive feature of the bilingual collection’s poetics. “The native Anzas” becomes a psychological topos and everything happening in “tugan cheringe” (home land) happens also in the lyrical hero’s soul. This is the main theme of the first section of the book which is titled “My land is a great land!” and consists of 40 poems, all throwing light upon the history and the fortune of the Shorian folk in different aspects.

In the second part of the book, called “The 20th century was mine,” Arbachakova includes characters of world culture in her text, thus creating a connection between world and national literature. Making the 20th century her own, Arbachakova becomes a living voice of Shorian people realizing themselves in a global historical time.

In the first and the second sections of the book the lyrical heroine is introduced more in philosophic or historical context, but in the third part “Loves or not” containing mainly love lyrics, her detailed psychological portrait can be seen.

The three-part structure of the collection forms an image of a personal fate of an ethnic self-awareness bearer who goes through global historical events.

Lyubov Arbachakova’s original poetics standing on the crossroads of different cultures does not only preserve and develop Shorian national culture in adaptation for those who do not know Shorian language, but also enriches the contemporary Russian culture with new artistic concepts.

Keywords: national literature, Siberian literature, Shorian literature, bilingual collection, L. N. Arbachakova.

Л. Н. Арбачакова – видный представитель современной шорской интеллигенции, на данный момент она является не только признанным поэтом и художником, но также учёным-фольклористом, кандидатом филологических наук⁴⁷. Разноплановость творческой и научной деятельности Арбачаковой безусловно влияет на поэтику её произведений, практически все исследователи отмечают особенную связь творчества

Арбачаковой с шорским фольклором и яркую живописность образов [2].

Первый поэтический сборник Л. Н. Арбачаковой «Оңзас черим / Тернии Души//» [1] занимает особое место в истории шорской культуры. Действительно, современный двуязычный сборник поэта – представителя малочисленного коренного народа Сибири – довольно-таки редкое явление на сегодняшний день, и оно требует особо внимательного изучения, так как исследователю, как и автору, приходится работать на перекрёстке двух различных культур, учитывая их национальные и языковые особенности.

⁴⁷ См. персональный сайт Л. Н. Арбачаковой [Электронный ресурс]. – URL: <http://anzass.ru/>. (дата обращения: 15.04.14).

Заглавие сборника

В первую очередь обратим внимание на заглавие сборника. Необходимо сказать, что его русское название не является переводом с шорского, более того возникает принципиальное тематическое различие. «Оңзас черим»⁴⁸ буквально означает «Земля Анзаса» (Любовь Арбачакова родилась в деревне Анзас Таштагольского района, «чер» переводится как «земля» и «планета» [4]). Следовательно, шорский текст в дальнейшем развивает тему родной земли, которая является одной из ключевых тем в литературах различных коренных народов, ощущающих непрерывную связь с землёй предков, кроме того трагически переживающих разрыв с ней. Мотив гибели родной земли, характерный для многих фольклорных текстов, также развивается в творчестве Арбачаковой, но при этом не является доминирующим в сложной мотивной системе сборника, русскоязычная часть названия которого открывает тему душевных терзаний, обращая внимание читателя на то, что речь пойдёт о внутреннем мире лирического героя. Но при этом две изначально заданные темы не противоречат друг другу, и тема родной земли смыкается с темой душевных терзаний, образуя новое содержание, некое третье целое, само наличие которого является отличительной чертой поэтики двуязычного сборника. «Родной Анзас» превращается в психологический топос – место, в котором действует лирический герой, но не внешнего пейзажного качества, а внутреннего – душевного, обнимающего собой и вбирающего в себя географическое пространство. Историческое событие одновременно является лирическим, всё, что происходит на «Туган черимге» («Родной земле»), также происходит в душе лирического героя:

*Душа моя,
пока ты
не превратилась в «узют»⁴⁹,
Достигни моего родного Анзасса
И жди меня там, родная!* [1, с. 17].

⁴⁸ «ым-им-ум – аффикс принадлежности для 1-го л. ед. ч., губной вариант в говоре шорцев низовья р. Мрассу» [3].

⁴⁹ Узют – субстанция души после смерти человека перед уходом навечно в мир мёртвых (прим. автора).

Предисловие и послесловие

Сборник открывается предисловием кандидата филологических наук, современного шорского писателя и поэта Геннадия Косточакова, близкого друга Л. Н. Арбачаковой, также являющегося редактором данной книги и автором переводов некоторых стихотворений Арбачаковой на русский язык, что расширяет языковую палитру сборника: к двуязычной структуре сборника подключается третий голос, вносящий в его оркестровку свои, незаметные на первый взгляд, но существенные оттенки и вкрапления смысла.

Предисловие, полемически озаглавленное «Желание и реальность», включает сборник в контекст шорской литературы: «Любовь Никитовна Арбачакова, поэтическую книгу которой вы держите в руках, по праву занимает особое место в плеяде новых шорских поэтов» [1, с. 5]. Автор предисловия отмечает характерные черты поэтики Арбачаковой, такие как связь с изобразительным искусством и традиционным шорским мировоззрением. При этом, по словам Косточакова, в книге отражено самосознание как архаичного, так и современного шорца. Двуязычной структуре сборника посвящён лишь небольшой абзац: «нельзя сказать, что стихотворения публикуемого сборника, которые даются параллельно на двух языках, представляют собой эквиваленты. Иногда более удачными кажутся шорские варианты, иногда – русские. Порой восхищает и то и другое. Но все они в равной мере искренне и полно выражают сегодняшнее национальное мирозерцание через конкретную судьбу и характер самой поэтессы» [1, с. 6].

Большую часть предисловия занимают размышления о лирической природе стихотворений с их разнообразной тематикой: от пейзажной до исповедальной, где любовное чувство показано в динамике развития на фоне самых разнообразных эмоций.

Таким образом предисловие Г. Косточакова, являясь важным структурным элементом композиции книги, подготавливает читателя к первому знакомству с лирическим миром автора, выполняя роль своеобразного камертона для чуткого читателя.

Сразу после предисловия следует посвящение: «Светлой памяти матери моей – Анны Михайловны Тудегешевой» и графический автопортрет юной девушки, обозначающий границу между автором и героем, то есть начинается сама книга. Интересно, что в начале книги, перед аннотацией и выходными данными расположена аналогичная страница с посвящением, только вместо молодой девушки графически изображена длиннохвостая птица, парящая над горами. Может быть подобное дублирование страниц не является концептуальной задумкой, но создаёт эффект книги, вложенной в книгу, усиливающийся при внимательном прочтении оригинальных шорских стихотворений, местами принципиально отличающихся от русскоязычного переложения. И несколько страниц предисловия Косточакова изящно отделяют одно изображение от другого, благодаря этой прослойке подобная синонимичность не режет глаз, а плавно вводит читателя в лирическое пространство книги. Повторение, как приём характерный для фольклорной поэтики, не может быть проигнорировано в данном случае, даже если, повторюсь, не является признаком специально продуманного концептуального оформления книги⁵⁰.

Здесь следует отметить, что другие двуязычные книги современных шорских поэтов, вышедшие в издательстве «Кузнецкая крепость»⁵¹, также оформлены иллюстрациями Л. Н. Арбачаковой (она вообще очень востребованный художник), но в них нет подобного параллелизма и в целом не приходится говорить о столь последовательной организации текста, какую мы видим в «Онзас черим».

Небольшое послесловие к сборнику написано Светланой Павловной Рожновой, старшим научным сотрудником сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, коллегой и другом Л. Н. Арбачаковой. Но так же, как и преди-

словие Г. В. Косточакова, оно свободно от проявлений личной симпатии, обычно характерных для изданий, вышедших в рамках тесного дружеского круга. В предисловии С. П. Рожнова, придерживаясь жанра краткого научно-художественного комментария, обнаруживает близость лирики Арбачаковой к классическим формам японской поэзии и к фольклорному жанру личной песни, характерному для творчества сибирских народов [1, с. 140–141]. Заключительный комментарий выводит поэзию Арбачаковой на уровень русской и мировой литературы, которого она достойна по причине того, что на основе национального самосознания наследует и отражает общечеловеческие нравственные ценности [1, с. 140–14].

Таким, образом, преди- и послесловия обрамляют композицию сборника, предоставляя автору право присутствовать только в собственном тексте. Речь принадлежит исключительно лирическому герою, сам же автор отходит в сторону, вручая вступительное и заключительное слово другим. Может быть, причиной этого является природная скромность Л. Н. Арбачаковой, но в данном случае биографический контекст не играет существенной роли, а для структуры сборника немаловажна отмеченная нами кольцевая композиция. Во-первых, она выделяет лирическое содержание книги. Во-вторых, изначально заданная фигура умолчания является художественным приёмом, создающим особую атмосферу сборника с его предельной внимательностью к мельчайшим деталям человеческой психики, к движению души и опыту, приобретаемому ей в процессе существования:

*Прежде чем светлый путь обрести,
Чёрных троп
Исходила я в блужданьях немало.
Прежде чем светлое слово сказать,
Много горьких,
По сути неточных слов я сказала.
Истину жизни только сейчас я поняла,
Жизнь, однако, почти прошла [1, с. 69].*

Техническое оформление сборника

Сборник состоит из 342 текстов, из них 171 на шорском, 171 – на русском языке, 39 из кото-

⁵⁰ Сама Л. Н. Арбачакова подтвердила в личной беседе, что дублирование страницы с посвящением, к сожалению, – результат опечатки.

⁵¹ Тудегешева Т. В. Поющие стрелы времени. – Новокузнецк, 2000; Косточаков Г. В. Я последний шорский поэт. – Новокузнецк, 2003.

рых переведены Г. В. Косточаковым, остальные 132 написаны самой Арбачаковой. Стихотворения небольшие, от 3 до 12 строк, причём шорские тексты тяготеют к большей лаконичности, чем русские, вносящие в книгу дополнительную описательность. К примеру, русскоязычные варианты шорских стихотворений часто содержат несколько дополнительных строк, развивая и дополняя завершённую в «оригинале» тему. Так в одном из философских стихотворений Арбачаковой шорский текст не содержит заключительного риторического вопроса, но вместо этого возникает мотив уходящего времени: «эрт парар» – глагол в форме будущего основного времени со значением «проходить, протекать» (о времени):

*Жизнь моя может
Бабочкой лёгкой порхать
Или неторопливо
Змеей ползти по земле.
Что уготовано завтра? [1, с. 56–57].*

На одной странице, благодаря краткости поэтического языка Арбачаковой, расположено по три или по два стихотворения (чаще всего без названия), что придаёт книге компактность и своеобразную ритмику чтения, отражённую в оформлении содержания, находящегося в конце книги. Оно организовано «в ритме вальса»:

название шорского стихотворения..... стр. 1
название русского стихотворения.....стр. 2
название шорского стихотворения..... стр. 1
название русского стихотворения.....стр. 2
название шорского стихотворения..... стр. 1
название русского стихотворения.....стр. 2

Важную часть смысловой нагрузки несёт орнаментальный растительный узор, стилизованный под национальный, но выполненный в авторском стиле Арбачаковой. Его полоса находится в верхней части каждой страницы сборника. Нижняя часть страницы оформлена многообразными рисунками автора книги, подчёркивающими и углубляющими её содержание, а также открывающими и закрывающими тематические разделы сборника.

Тематическое членение сборника

«Оңзас черим» делится на три крупных тематических раздела. Первый, самый небольшой, озаглавлен:

МЕЕҢ ЧЕРЛЕРИМ – УЛУҒ ЧЕРЛЕР!
МОЯ ЗЕМЛЯ – ВЕЛИКАЯ ЗЕМЛЯ!

В нём 40 стихотворений, объединённых общей темой родной земли, её обычаями, историей и культурой. Сложно представить себе писателя – прямого наследника культуры малочисленного коренного народа, который не писал бы на эту тему. Действительно, для народов, находящихся в ситуации постоянного выживания, верность традициям – единственный шанс не потерять свою культуру, не пропасть с лица земли под влиянием глобальных исторических и цивилизационных процессов.

Открывается первый раздел сборника оптимистичным одноимённым гимном в переводе Г. В. Косточакова:

*Моя земля – великая земля!
Трёхглавый хребет Тегри Тиш
подпирает синее небо...
<...>
У подножья тех поднебесных гор
Бессмертный
Шорский народ живёт [1, с. 13].*

Но следующее стихотворение диалектически противоречит первому:

*Земля, где я родилась, – Горно-Шорская,
Чурт, в котором росла, был счастливый
чурт...
<...>
Сегодня шорское небо
Чёрным туманом заволкло
Сегодня всё, что мне дорого,
Жгучей крапивою заросло... [1, с. 13].*

Мотив потерянного рая (детства) здесь вступает во взаимодействие с мотивом надежды на возвращение, возрождение славных традиций.

Лирический герой Л. Н. Арбачаковой наблюдает закат своей культуры («Плач по Анзассу» [1, с. 19], но не может с этим смириться, призывает шаманов и богатырей прошлого на помощь, обращается к своему народу с призывом не падать духом и т. д. Круг поднятых в первом разделе проблем понятен и предсказуем, особенно на фоне известных нам исторических судеб коренных народов Сибири. Интересным тематическим признаком этого раздела является последовательное сочетание минорных и мажорных аккордов и то, что автор всё же, несмотря на объективно страшную картину действительности, находит причины и силы «начать за здоровье и закончить за здоровьем»:

Мой величавый шорский народ

<...>

В счастье и здравии вечно живи! [1, с. 75].

Отдав дань традиции, Любовь Арбачакова открывает второй раздел:

ИЙГИ МУҢНЫҢ ЧҮС ЧЫЛЛАРЫ МЕЕН
ПОЛҒАН
ДВАДЦАТЫЙ ВЕК БЫЛ МОИМ

Второй раздел книги самый большой по объёму, в нём 164 стихотворения на шорском и русском языках. В этот раздел включены религиозные и философские наблюдения Л. Н. Арбачаковой, упоминаются такие исторические и литературные персонажи, как Омар Хайям (равноправный собеседник, символический великий предшественник), Прекрасная Клеопатра/Египет Клеопатразы, Екатерина Великая / Улуг Казак Тиж-Кааны и Бесстрашная Жанна д'Арк / Франциядагы Жанна, Богиня Ымай / Улуг Ымай Кудайы. Поставленные в один ряд вышеперечисленные женские имена воплощают единый образ Величайшей Женщины / Улуг Тиж-Киж, богини вечной женственности, неизменной на протяжении эпох. Важно отметить, что Арбачакова не вступает в постмодернистскую игру с предшественниками, не цитирует, но включает персонажей мировой культуры в ситуацию лирического события, видя своей задачей посредством

языка осуществить связь между национальной и мировой литературой. Присваивая двадцатый век, Арбачакова становится живым голосом шорского народа, осознающего себя в пространстве глобального исторического времени, ведь народ существует, пока говорит о себе.

Психологический портрет лирической героини, в первом и втором разделах книги, представленный больше в философском и историческом контексте, выходит на первый план в третьем разделе:

КӨӨЛЕНЧА БА, ЧОҢ КӨӨЛЕНМЕНЧА БА...
ЛЮБИТ – НЕ ЛЮБИТ...

Третья «глава» книги – любовная лирика. 138 стихотворений включают в себя различные градации взаимоотношений: от первой встречи до окончательной разлуки. Это – психологические зарисовки из жизни женщин разного возраста, лирическая героиня существует вне возрастных категорий, перевоплощаясь то в семнадцатилетнюю девушку, то в усталую замужнюю женщину, возвращаясь в прошлое и с тоской, и надеждой заглядывая в будущее. Лирическая героиня Арбачаковой – воплощённая женственность, совокупный портрет поколений. Она бывает мстительной и несчастливой, счастливой и одинокой, влюблённой и разочарованной, холодной и страстной. В этом разделе представлен спектр различных эмоций, неоднозначных, противоречивых, прямые высказывания зачастую подразумевают скрытый подтекст, иногда анализ шорского текста раскрывает неожиданные оттенки любовного чувства, казалось бы ясного в русском варианте:

В косы мои

Нить серебра вплелась,

А сердце кай-комусом взыграло:

Великая любовь ко мне пришла [1, с. 121].

В шорско-русском словаре встречается указание, что словосочетание «улуг көбленгеним» (великая любовь) часто используется с оттенком сожаления. В русскоязычном варианте стихотворения этот оттенок можно только предположить,

сам текст представляет собой не просто женскую вариацию известной поговорки про седину и ребро, а сложное лирическое переживание, полностью которое можно восстановить только из контекста написания.

Любовная лирика является подчеркнуто важным, завершающим компонентом сборника «Онзас черим», трёхчастная тематическая структура которого подразумевает движение от национальных границ к пространству мировой культуры и вглубь, к душе человека, вбирающей в себя всё, что только может быть в мире: и горькое чувство национальной гордости и связь с мыслителями прошлого и сокровенное сиюминутное любовное переживание.

Заключение

Двуязычный поэтический сборник Л. Н. Арбачаковой представляет собой не собрание лучших стихотворений, расположенных в хронологическом порядке, а многоплановое художественное целое, с продуманной внутренней структурой, специально подобранными авторскими иллюстрациями, последовательным развитием тем и микротем, а сама Любовь Арбачакова обладает сложившимся художественным языком и оригинальной поэтикой, которая не только сохраняет и развивает шорскую национальную культуру, адаптируя её для читателя, не владеющего шорским языком, но и обогащает современную русскую литературу новым художественным содержанием.

Литература

1. Арбачакова Л. Н. Онзас черим // Тернии Души. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2001.
2. Сазыкин А. Литературный портрет шорянки // Сибирские огни. – 2014. – № 2. – С. 185–188.
3. Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. – М., 1941.
4. Курпешко-Таннатасева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово, 1993.

References

1. Arbachakova L.N. Onzas cherim. Ternii dushi. Novokuznetck, Kuznetckaja krepost' Publ., 2001.
2. Sazykin A. Literaturnyj portret shorijanki. *Sibirskie ogni*, 2014, no 2, pp. 185–188.
3. Dyrenkova N.P. Grammatika shorskogo jazika. Moscow, 1941.
4. Kurpeshko-Tannatasheva N.N., Apon'kin F.Ja. Shorsko-russkij i russko shorskij slovar'. Kemerovo, 1993.



ПЕДАГОГИКА PEDAGOGY

УДК 378:355

УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ДИСЦИПЛИНЕ «СВЯЗЬ»

Григоренко Н. Н., кандидат философских наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: natalya_grigoren@mail.ru

Зарипов А. А., соискатель кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, старший преподаватель, Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И. К. Яковлева МВД России (г. Новосибирск). E-mail: andrelecs@mail.ru

В работе рассмотрено понятие военно-профессиональные компетенции, раскрыта динамика формирования компетенций при изучении дисциплины «Связь», проанализировано соответствие знаний, умений и навыков уровням военно-профессиональных компетенций, предложены матрица компетенций выпускника и методы их мониторинга, изложена методика оценивания знаний, умений и навыков, соответствующих военно-профессиональных компетенций выпускников военных образовательных организаций высшего образования внутренних войск МВД России.

Ключевые слова: военно-профессиональные компетенции, уровни формирования компетенций, матричные структуры, инновационные измерители, методы мониторинга.

LEVEL APPROACH TO FORMING THE MILITARY AND PROFESSIONAL COMPETENCES OF DISCIPLINE “COMMUNICATION”

Grigorenko N. N., Candidate of Philosophical Sciences, Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: natalya_grigoren@mail.ru

Zaripov A. A., Competitor of Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts, Novosibirsk Military Institute of Internal Troops of the Name of the General of the Army of I. K. Yakovlev of the MIA of Russia (Novosibirsk). E-mail: andrelecs@mail.ru

The article is devoted to one of the most important tasks today, improving the military training of the future officers, quality assurance training the cadets of military higher education institutions for internal troops of the Internal Affairs ministry of the Russian Federation while transiting to the federal educational standards of higher education. The concept of military and professional competence is considered, the dynamics of forming the competence in the discipline “Communication” is disclosed, the relevance of knowledge and skills to the levels of professional and military competence is analyzed. The level approach is used to assess the required knowledge and skills in relation to the implementation of different professional activities of the future officers: organizational and management, teaching, teamwork, military and technical, administrative and economic. For integrated assessment of learning outcomes of the cadets applying innovative measuring instruments, the algorithm for forming professional and military competence on the discipline “Communication” is built on the designated levels.

The matrix of the graduate competences and methods of their monitoring are offered. The competences organized in a matrix structure are built in accordance with the described levels; they serve an important function to provide management of cadets' training. Thus, the competence matrix becomes the main working tool to conduct the competence monitoring for the military higher education institution.

Methodology evaluation of knowledge and skills, relevant to professional and military competencies of the cadets allows rating and certificating the latest. The technique developed as an element of learning model defines the vector for further research on this problem.

Keywords: military and professional competences, competence forming levels, matrix structures, innovative measuring instruments, monitoring methods.

Реалии времени показывают, что качество выполнения внутренними войсками МВД России поставленных государством задач, совершенствование их служебно-боевой деятельности по обеспечению внутренней безопасности страны во многом зависит от наличия высококвалифицированных офицерских кадров. В реализации этих задач первостепенное место занимает подготовка офицеров в военных образовательных учреждениях высшего образования.

Цель обучения и воспитания будущих офицеров внутренних войск МВД России – формирование военно-профессиональных компетенций выпускника по военно-учетной специальности путём получения комплекса знаний, умений и навыков по руководству подразделениями в современном общевойсковом бою и в мирное время, в условиях вооруженного конфликта, режима чрезвычайного положения и при проведении контртеррористической операции в сочетании с проведением мероприятий морально-психологического обеспечения образовательного процесса в учебное и во внеучебное время. Военно-профессиональная компетенция (ВПК) – способность и готовность применять знания, умения, навыки и личностные качества военнослужащего для успешной деятельности по военно-учетной специальности.

В соответствии с квалификационными требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» [1, с. 11–12] выпускник должен обладать определенными военно-профессиональными компетенциями, в том числе и по дисциплине «Связь». Отсюда возникает проблема оценивания знаний, умений и навыков, соответствующих военно-профессиональным компетенциям указанной области.

Особенностями военно-профессиональных компетенций, прежде всего, являются различные направления профессиональной деятельности специалистов: организационно-управленческая, педагогическая, командная, военно-техническая, административно-хозяйственная. При этом направления профессиональной деятельности специалистов взаимодействуют между собой и могут быть выражены в виде задач профессиональной деятельности специалистов (рис. 1).

Идеология и методология компетентностного подхода в высшем военном профессиональном образовании предполагает, что военно-профессиональные компетенции представляют собой системные, высокого уровня интегрированности образования [3, с. 20–26]. Анализ содержания заявленных в ФГОС ВПО компетенций показывает, что практически каждая из них интегрирует в себе личностные и профессиональные свойства и качества субъекта деятельности, содержание и технологии освоения нескольких дисциплин образовательной программы, а также может быть сформирована в результате включения обучаемых (курсантов) в различные социально-профессиональные контексты (деятельностно-практический, социокультурный, коммуникативный, когнитивный и др.). С целью разработки практических рекомендаций для комплексной оценки результатов, перехода от «традиционных качественных оценок к количественным, основанным на применении инновационных измерителей», рассмотрим динамику формирования военно-профессиональных компетенций при изучении дисциплины «Связь».

Дисциплина изучается в вариативной части профессионального цикла и имеет содержательно-методическую взаимосвязь в течение всего периода обучения с другими военно-профес-

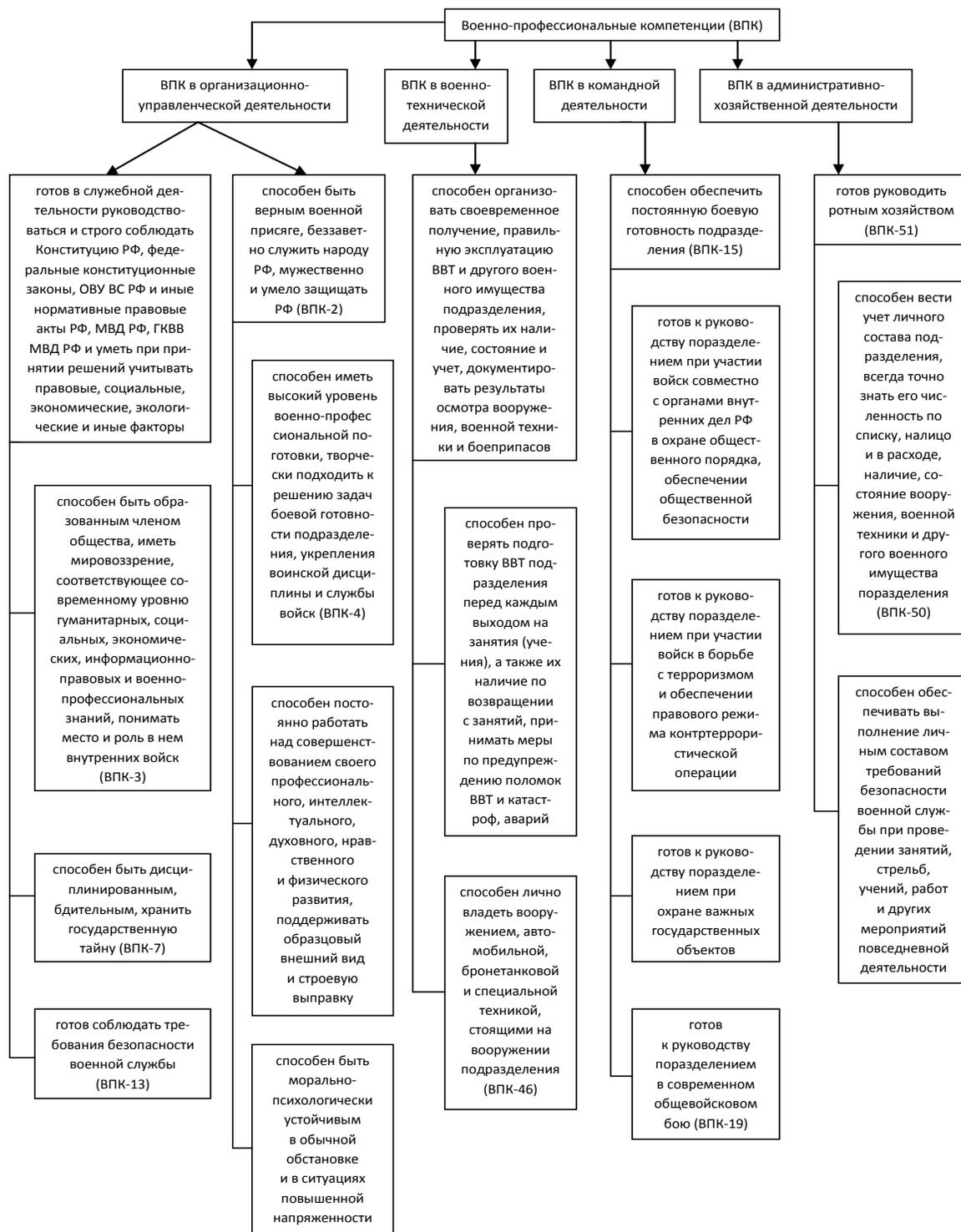


Рисунок 1. Задачи профессиональной деятельности специалистов

сиональными дисциплинами, например такими, как «Тактика боевого применения подразделений», «Правоохранительные органы», «Разведка». Целью освоения дисциплины является подготовка офицера подразделений внутренних войск, знающего штатные средства связи тактического звена управления и порядок их применения, владеющего навыками организации связи при выполнении служебно-боевых задач.

Выпускник по военно-учетной специальности в соответствии с задачами профессиональной деятельности должен обладать определенными военно-профессиональными компетенциями. Сам по себе военно-профессиональные компетенции не равноценны. Так, например, для формирования организационно-управленческой компетенции ВПК-2 (рис. 2) необходимо для начала у курсантов сформировать ВПК-4, 5, 6.

уровни	ВПК	знать	уметь	владеть
уровень командира роты	ВПК организационно-управленческой деятельности	основы организации связи в тактическом звене управления внутренних войск при выполнении служебно-боевых задач	организовывать управление подразделением посредством средств связи при выполнении служебно-боевых задач	навыками управления подразделением с помощью штатных средств связи тактического звена управления
уровень заместителя командира роты	способен быть верным военной присяге, беззаветно служить народу РФ, мужественно и умело защищать РФ (ВПК-2)	порядок организации связи взаимодействия	организовывать своевременное получение, учет, правильную эксплуатацию средств связи в подразделении	навыками организации получения, учета, эксплуатации и обслуживания средств связи в подразделении
уровень командира взвода	способен быть морально-психологически устойчивым в обычной обстановке и в ситуациях повышенной напряженности, лично исполнительным, требовательным, инициативным и самостоятельным в служебно-боевой деятельности (ВПК-6)	порядок использования средств связи в особых условиях, чрезвычайных обстоятельствах, чрезвычайных ситуациях, в условиях режима чрезвычайного положения и в военное время	организовывать и обеспечивать своевременную, достоверную и безопасную связь в любых условиях обстановки	навыками организации и обеспечения своевременной, достоверной и безопасной связи в любых условиях обстановки
уровень командира отделения	способен постоянно работать над совершенствованием своего профессионального, интеллектуального уровня развития, владеть культурой мышления и речи (ВПК-5)	возможности современных средств связи, поступающих на вооружение во внутренние войска	лично работать на современных средствах связи, поступающих на вооружение во внутренние войска	навыками освоения новой техники, поступающей на вооружение
уровень солдата	способен иметь высокий уровень военно-профессиональной подготовки, творчески подходить к решению задач боевой готовности подразделения (ВПК-4)	штатные средства связи тактического звена управления	лично работать на штатных средствах связи тактического звена управления	порядком обмена информацией по техническим средствам связи с использованием документов и средств скрытого управления войсками

Рисунок 2. Соответствие знаний, умений и навыков уровням военно-профессиональных компетенций

В целях последовательного наращивания знаний, умений и навыков курсантов рабочей учебной программой дисциплины «Связь» предусмотрено:

на первом курсе (уровень солдата):

- общевоинская подготовка и изучение тактических и служебно-боевых действий солдата, штатных средств связи тактического звена управления;

- изучение гуманитарных, социальных и экономических, информационно-правовых, профессиональных дисциплин и физической подготовки, основ методики боевой подготовки.

На втором курсе (уровень командира отделения):

- завершение изучения тактических и служебно-боевых действий отделения, совершенствование подготовки солдата в составе отделения;

- начало изучения тактических и служебно-боевых действий взвода, возможностей современных средств связи, поступающих на вооружение, совершенствование подготовки командира отделения;

- получение методической практики в проведении занятий с отделением.

На третьем курсе (уровень командира взвода):

- изучение тактических и служебно-боевых действий роты, совершенствование подготовки командира взвода;

- изучение гуманитарных, социальных и экономических, профессиональных дисциплин и физической подготовки, закрепление практических навыков в командовании отделением (взводом) в курсантских подразделениях, проведении занятий по методике боевой подготовки;

- изучение порядка использования средств связи в особых условиях, чрезвычайных обстоятельствах, чрезвычайных ситуациях, в условиях режима чрезвычайного положения и в военное время.

На четвертом курсе (уровень заместителя командира роты):

- завершение изучения тактических и служебно-боевых действий роты;

- совершенствование подготовки командира взвода;

- изучение гуманитарных, социальных и экономических, профессиональных дисциплин и физической подготовки;

- изучение порядка организации связи взаимодействия;

- получение методической практики в проведении занятий со взводом.

На пятом курсе (уровень командира роты):

- изучение тактических и служебно-боевых действий роты (батальона) в основных видах боя и служебно-боевой деятельности, совершенствование подготовки командира взвода и роты;

- изучение основ организации связи в тактическом звене управления внутренних войск при выполнении служебно-боевых задач;

- изучение гуманитарных, социальных и экономических, профессиональных дисциплин и физической подготовки, закрепление знаний по организации морально-психологического обеспечения, совершенствование навыков личной подготовки подразделений в ходе полевой практики;

- получение практических навыков в разработке документов для проведения батальонных тактико-специальных учений.

- развитие нравственных качеств, умственных и физических способностей и наполнение их высокими идеалами чувства долга, чести и верности, чтобы выпустить приверженных военной службе лидеров, с потенциалом будущего развития характера и мышления, для постов с высочайшим уровнем ответственности командования и управления.

Итого, в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования, уровня «специалитет», специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» являются требования к выпускнику, включающие в себя общекультурные, профессиональные и профессионально-специализированные (военно-профессиональные) компетенции [1, с. 13–14].

Согласно принятому в европейском пространстве пониманию, компетенция – это способность индивида (коллектива) самостоятельно принимать решения и целенаправленно действовать в незнакомых и новых для него ситуациях

[4, с. 31–32]. Компетенции, будучи организованы в матричные структуры с описанными уровнями, выполняют важную функцию – обеспечивают управление процессом образования. При этом основным рабочим инструментом военного образовательного учреждения высшего образования для проведения компетентностного мониторинга курсантов становится матрица компетенций.

Примером такого рода матриц является система стандартов для маркировки одежды. «Компетенциями» одежды является её размер, способность к стирке, чистке и глажке, для каждой из них отработана система уровней, включающая специальные значки (например, одна, две или три точки на изображении утюга, либо перечеркнутый утюг). Такая маркировка не имеет прямого отношения к процессу производства одежды, равно как и к тем условиям, где и когда она будет носиться. Разумеется, покупка одежды происходит с учетом множества других факторов – моды, стиля, функциональности, удобства и т. п. – но выбор обязательно делается с учетом надписей на бирке. Равно этому и основная функция компетенции – служить своеобразной «биркой», к которой могут быть приведены как сформированные у курсантов знания, умения, навыки, качества, так и их функциональные обязанности и требования. Факты покупки одежды единичны и непредсказуемы, но использование матрицы позволяет проводить мониторинг рынка и действовать на нем более успешно, например, выделяя наиболее востребованные размеры одежды и внося коррективы в номенклатуру выпускаемой продукции.

Перед военным образовательным учреждением высшего профессионального образования стоит аналогичная задача. Необходимо постоянно проводить мониторинг как востребованности компетенций заказчиками, так и компетентностного потенциала своего контингента обучающихся и вести анализ их соответствия друг другу.

Исходя из вышеизложенного, уровни знаний курсантов можно отразить в виде матрицы военно-профессиональных компетенций (рис. 3).

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования механизм мониторинга уровня

МАТРИЦА
компетенций выпускника, формируемых в результате освоения ОПОП по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» дисциплины «Связь»

Курсы обучения	Военно-профессиональные компетенции (ВПК)																					
	ВПК в организационно-управленческой деятельности				ВПК в командной деятельности				ВПК в педагогической деятельности			ВПК в военно-технической деятельности		ВПК в административно-хозяйственной деятельности								
1 курс	ВПК-1	ВПК-2	ВПК-3	ВПК-4	ВПК-5	ВПК-6	ВПК-7	ВПК-13	ВПК-15	ВПК-16	ВПК-17	ВПК-18	ВПК-19	ВПК-20	ВПК-24	ВПК-43	ВПК-44	ВПК-46	ВПК-50	ВПК-51	ВПК-54	
2 курс				x				x					x					x				x
3 курс					x		x					x						x				
4 курс			x							x						x						x
5 курс	x								x													

Рисунок 3. Матрица компетенций выпускника

сформированности тех или иных компетенций устанавливается образовательной организацией самостоятельно, для чего создаются необходимые фонды оценочных средств. Для разработки данного механизма привлекаются работодатели из числа действующих руководителей и работников (сотрудников) профильных организаций (имеющих стаж работы в данной профессиональной области не менее 3 лет), а также преподаватели смежных образовательных областей, специалисты по разработке и сертификации оценочных средств [1, с. 17–18]. Применительно к военным образовательным учреждениям высшего образования сегодня уже применяются следующие оценочные средства (методы мониторинга).

1. Опрос. Позволяет получить информацию о развитии у курсантов необходимых знаний, представлений, качеств, свойств личности на основе анализа ответов на специально подобранные вопросы. Опрос может проводиться как в устной, так и в письменной форме. Этот метод дает возможность определить специфику направленности обучаемых, а также их отдельные учебно-познавательные свойства и качества, что, в конечном счете, позволяет оценить уровень сформированности ключевых компетенций.

2. Тестирование. В целях мониторинговой деятельности широкое распространение получили тестовые задания и задания в тестовой форме. Важным достоинством тестирования является ориентация на норму, что дает возможность сопоставлять, сравнивать оценки, полученные при помощи тестирования.

3. Анкетирование (стандартизированное). Позволяет наиболее жёстко следовать намеченному плану мониторинга, так как процедура «вопрос-ответ» строго регламентирована.

4. Кейс-метод (в нашем случае – решение комплексных тактических задач). Использование метода кейса как диагностического средства оценки уровня сформированности ключевых компетенций курсантов позволяет оценить умение адекватно применять знания, умения и навыки в решении практических задач.

Формами аттестации курсантов являются промежуточная и итоговая аттестации. Проме-

жуточная аттестация курсантов. Промежуточная аттестация имеет целью определить степень достижения учебных целей по учебной дисциплине (курсу) и проводится в форме зачетов, экзаменов, защиты курсовых работ (проектов, задач). Целью итоговой государственной аттестации является установление уровня подготовки выпускника высшего учебного заведения к выполнению профессиональных задач и соответствия его подготовки требованиям государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования [2, с. 10–11].

Логическим продолжением работы по переходу от «традиционных качественных оценок к количественным, основанным на применении инновационных измерителей», внедрению комплексной оценки результатов достижений курсантов и перспективой исследования становятся следующие шаги:

- описание дескрипторов уровней компетенций (в задачах какой сложности проявляется та или иная компетенция) [5, с. 58–64];

- построение модели формирования фонда оценочных средств компетенций и внедрение рейтинга курсантов военных образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Изложенная нами методика оценивания достигнутых знаний, умений и навыков, соответствующих военно-профессиональным компетенциям в деятельности кафедры вуза позволяет сертифицировать курсантов, то есть оценивать определенные результаты их обучения, определяет дальнейшие шаги по исследованию в данной области (разработка практических рекомендаций для комплексной оценки результатов обучения). Разработка процедуры и реализации методики оценивания может стать самостоятельным направлением в методической деятельности отдельного педагога или кафедры в целом и в дальнейшем может выступить основой для формирования фонда оценочных средств качества освоения основной образовательной программы специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности».

Литература

1. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030901 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (квалификация (степень) «специалист») [Электронный ресурс]: приказ Министерства образования и науки РФ от 17 янв. 2011 года № 39. // Консультант Плюс: официальный сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116756/ (дата обращения: 18.04.2014).
2. Об утверждении Положения об организации деятельности военного образовательного учреждения высшего профессионального образования внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ министра внутренних дел РФ от 14 янв. 2005 года № 22 // Гарант: информацион.-прав. портал. – URL: <http://base.garant.ru/12138764/> (дата обращения: 18.04.2014).
3. Зимняя И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 20–26.
4. Семин С. А. Современная образовательная деятельность: терминолог. слов. – Тольятти: Тольяттин. гос. ун-т, 2007.
5. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

References

1. Ob utverzhenii i vvedenii v dejstvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovanija po napravleniju podgotovki (special'nosti) 030901 "Pravovoe obespechenie nacional'noj bezopasnosti" (kvalifikacija (stepen') "specialist"). Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 17 janvarja 2011 goda № 39. *Konsul'tant Pljus*. Oficial'nyj sajt. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116756/ (accessed 18.04.2014).
2. Ob utverzhenii Polozhenija ob organizacii dejatel'nosti voennogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego professional'nogo obrazovanija vnutrennih vojsk Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Prikaz Ministra vnutrennih del RF ot 14 janvarja 2005 goda № 22. *Garant*. Informacionno-pravovoj portal. Available at: <http://base.garant.ru/12138764/> (accessed 18.04.2014).
3. Zimnjaja I.A. Kompetentnostnyj podhod. Kakovo ego mesto v sisteme sovremennyh podhodov k problemam obrazovanija? (teoretiko-metodologičeskij aspekt). *Vysšee obrazovanie segodnja*, 2006, no 8, pp. 20–26.
4. Semin S.A. Sovremennaja obrazovatel'naja dejatel'nost'. Terminologičeskij slovar'. Tol'jatti, Tol'jattinskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2007.
5. Hutorskoj A.V. Ključevye kompetencii kak component lichnostno-orientirovannoj paradigmy obrazovanija. *Narodnoe obrazovanie*, 2003, no 2, pp. 58–64.

УДК 37

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС

Смирнова Н. Г., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая научно-методическим отделом, Кемеровский областной колледж культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: vestnikkenguki@yandex.ru

Проблема моделирования социально-педагогического процесса актуальна для формирования общей культуры личности. Представлен социально-культурный дискурс педагогического процесса в условиях непрерывного образования.

Ключевые слова: социально-педагогический процесс, моделирование, общая культура личности, социально-культурная деятельность.

MODELLING THE SOCIO-PEDAGOGICAL PROCESS IN CONDITIONS OF THE CONTINUOUS EDUCATION: A SOCIAL-CULTURAL DISCOURSE

Smirnova N. G., Candidate of Pedagogical Science, Docent, Head of Scientific-methodical Department, Kemerovo Regional College of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: vestnikkenguki@yandex.ru

The modelling problem of a socio-pedagogical process is actual for the formation of the personal general culture. Here is a socio-cultural discourse of a pedagogical process in conditions of the continuous education presented.

Keywords: socio-pedagogical process, modelling, general personal culture, socio-cultural activity.

В настоящее время отечественная система непрерывного образования как подсистема общества адекватно реагирует на культурные и образовательные запросы российского общества и личности, поскольку образование становится одним из наиболее значимых средств социализации, социального воспроизводства сообщества, повышения потенциала его адаптивных возможностей и перспектив социально-культурного развития. При этом необходимо отметить, что одной из тенденций непрерывного образования является рассмотрение его как социально-педагогического процесса.

В данной статье мы предлагаем вариант моделирования социально-педагогического процесса, позволяющего формировать общую культуру личности будущего специалиста сферы культуры. Различные подходы к определению понятия «моделирование» не являются целью настоящей статьи, вместе с тем его сущность оформим, ссылаясь на Российскую педагогическую энциклопедию, которая определяет моделирование как «построение и изучение моделей реально существующих разнообразных процессов» [6, с. 580].

В педагогике моделирование представляет собой «материальное или мысленное имитирование реально существующей педагогической системы путём создания специальных аналогов (моделей), в которой воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы» [1]. Вслед за Е. Л. Рудневой отметим, что «моделирование предполагает разработку компонентов педагогического процесса, способов, средств достижения поставленных целей» [7].

Возможность применения системного подхода в педагогике позволяет исследовать социально-педагогический процесс как особого рода систему – социально-педагогическую. В научной

литературе чрезвычайно множество определенных системы (В. Г. Афанасьев, И. В. Блауберг, С. Б. Брижатова, Э. Г. Виноград, В. Н. Садовский, А. И. Уёмов, А. Д. Урсул, Б. Г. Юдин и др.). Авторы по-разному трактуют системность, системный подход.

Прав В. Н. Садовский, отмечая, что «термин “система” мы склонны относить к чрезвычайно широкому классу предметов... речь должна идти о разных понятиях “система” [8]. Под педагогической системой мы будем понимать «множество взаимосвязанных структурных компонентов, объединённых единой образовательной целью развития личности и функционирующих в целостном педагогическом процессе» [9].

Понятно, что для педагогики роль стержневого понятия выполняет педагогический процесс. В нашем исследовании мы используем понятие «социально-педагогический процесс», который является, на наш взгляд, синонимом педагогического процесса, однако речь идёт не о простом суммировании педагогического и социального, а о связи (соединении) их в целостность, когда преодолевается узкоаспектное видение, а развиваются различные модификации педагогического процесса и понятийные конструкции. По мере накопления и углубления знаний об объектах педагогической действительности, проникновения в их сущностные характеристики становится возможным конкретизировать, дополнять, уточнять и наполнять их новым содержанием. «Всякое научное познание, – пишет С. Л. Франк, – есть познание в понятиях: оно пытается найти в новом что-либо общее с другим, уже знакомым» [13].

В моделировании социально-педагогического процесса мы опирались на мнение авторитетного учёного в области педагогики В. А. Сластёнина «В понятийном аппарате педагогики, – пишет

он, – можно выделить одно, центральное понятие... остальные понятия... отражают дифференциацию исходного, стержневого понятия» [9]. Таким стержневым понятием в нашем случае является педагогический процесс, компоненты которого будут присущи и социально-педагогическому процессу.

Вместе с тем перед нами встала задача: выявить то *существенное* общее и особенное, которое характеризует педагогический и социально-педагогический процесс. С этой целью за основу мы взяли философские категории «общее», «единичное» и «особенное».

Как отмечается в философии, в «общем» выражаются определённые свойства, отношения, оно отражается в форме понятий, теорий, закономерностей (А. Г. Спиркин). Мы полагаем, что понятие «целостность» свойственно педагогическому и социально-педагогическому процессу. «Целостность – синтетическое качество педагогического процесса, характеризующее высший уровень его развития... В нём непрерывно происходит движение... образование нового качества» [5].

В условиях непрерывного образования моделирование социально-педагогического процесса соотносится с формированием целостной личности в единстве сознания, поведения, воспитания чувств на протяжении всей жизни, так как оно не ограничивается формальным образованием. «Социокультурный контекст образования обогащает его содержание и позволяет увидеть новые формы его существования и их возможные трансформации в будущем» (А. И. Таюрский).

В философской литературе целостность рассматривается как интегрированная совокупность, целостность характеризуется новыми качествами и свойствами. Применительно к целостному социально-педагогическому процессу целостность проявляется в совокупности основных его аспектов: содержательного и организационного плана.

В содержательном плане целостность обеспечивается отражением в цели и содержании накопленного человечеством опыта (знаний, умений, навыков, компетенций, опыта творческой деятельности и эмоционально-ценностного, волевого отношения к окружающей действительности). В организационном плане социально-

педагогический процесс приобретает свойство целостности, если обеспечивается единство таких компонентов, как конструирование образования, материальная база, а также взаимодействие педагогов основного и дополнительного образования с воспитанниками на уровне межличностных отношений, педагогического и неформального общения, самообразования и самовоспитания.

Что же принципиально особенного содержится в моделировании социально-педагогического процесса? На наш взгляд, необходимо учитывать такие функции и их различие, как координация и субординация.

Координация – педагог и воспитанник координируют свою деятельность в различных модификациях в определённом классе (студенческой группе), кружке по интересам, клубе, любительском объединении и др.; педагоги координируют свою деятельность в соответствии с требованиями госстандартов, учебных планов соответствующей образовательной организации с учётом регионального и национального компонента. *Субординация* указывает, во-первых, на особое специфическое место и неодинаковое значение каждого из компонентов социально-педагогического процесса в конкретной ситуации, во-вторых, социально-педагогический процесс, интегрируя функции своих компонентов, сам выполняет определённую функциональную роль в системе непрерывного образования. Следует к этому добавить, что одни компоненты функционируют одновременно, другие последовательно друг за другом.

Взаимодействие компонентов – педагогов и воспитанников, содержания и средств образования – порождает реальный целостный социально-педагогический процесс как динамичную открытую систему. Они необходимы и достаточны для возникновения любой педагогической системы (А. И. Мищенко). Главное свойство социально-педагогического процесса как динамической системы – это его способность к выполнению социально обусловленных функций: воспитания, обучения, развития, социализации и инкультурации. **Социально-педагогический процесс базируется** на таких принципах, как многоуровневость, организованность, упорядоченность, прогностичность, технологичность, модульность.

Любой процесс, как известно, представляет собой последовательную смену одного состояния

другим. В социально-педагогическом процессе она есть результат взаимодействия, поэтому можно сказать, что сущностной его характеристикой является именно взаимодействие. Как отмечает Б. С. Украинцев, «результат взаимодействия содержит в себе новое, которого не было до взаимодействия, оно проявляется в ходе взаимодействия и составляет сущность изменения взаимодействующих» [11]. Взаимодействие является одной из базисных философских, онтологических категорий, это феномен связи, воздействия, перехода, развития разных объектов под влиянием взаимного действия друг на друга, носит объективный, универсальный характер. Особенностью взаимодействия является причинная обусловленность, когда каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина другой и как следствие одновременного обратного влияния противоположной стороны. «Взаимодействие, предполагая действие друг на друга как минимум двух объектов, в то же время означает, что каждый из них также находится во взаимном действии с другими... Взаимодействие есть основа и условие установления самых разнообразных связей между объектами, включая причинно-следственные», – подчёркивает И. А. Зимняя [2].

Педагогическое взаимодействие принято различать по видам (отношениям):

- педагогические (отношения воспитателей и воспитанников);
- взаимные (отношения с одноклассниками, сверстниками, младшими);
- предметные (отношения воспитанников с предметами материальной культуры);
- самоотношение (отношение к самому себе).

Надо отметить, что основным отношением педагогического процесса является взаимосвязь педагогической деятельности и деятельности воспитанника. Однако «исходным, определяющим в конечном итоге его результаты является отношение “воспитанник – объект усвоения” [5]. Понятие «педагогический процесс» З. Я. Капустина рассматривает как процесс взаимодействия взаимно значимых субъектов [3]. Педагогический процесс выражает взаимодействие двух субъектов, опосредованное объектом усвоения, то есть содержанием образования. Гуманизация и гуманитаризация, культурологизация содержания образования способствует формированию общей культуры

личности, её эмоционально-ценностному отношению к окружающему миру, к себе, своей собственной жизни. Цикл гуманитарных дисциплин должен быть связан с культурным полем и традициями мировой и отечественной культуры (Л. П. Бueva).

В современной социокультурной ситуации образование и культура разошлись между собой, что свидетельствует о глубоких переменах в моральной атмосфере общества. По мысли М. Н. Филатовой, «**область интересов молодого поколения** сегодня сложно назвать культурой в подлинном смысле этого слова» [12]. На роль культуроформирующего образования в развитии личности, взаимосвязь образования и культуры указывают многие учёные: культура является «корневой системой» образования (И. М. Быховская), «образование как путь культурного восхождения к всеобщему» (А. Е. Чучин – Руссов), «образование и культура – две стороны генетически единого процесса воспроизводства, развития и усвоения ценностей культуры» (Л. П. Бueva). В начале XX столетия С. И. Гессен рассматривал образование и культуру как процесс приобщения человека к ценностям культуры. Справедливо замечено Ю. А. Стрельцовым и Е. Ю. Стрельцовой, что введение в научный оборот категории «культура» позволяет более глубоко раскрыть сущность и специфику основных педагогических понятий – образование, обучение, воспитание, развитие личности [10].

Нам представляется, что категория «особенное» в социально-педагогическом процессе проявляется в культуре, которая рассматривается нами как важнейший канал для формирования личности. В результате социально-педагогический процесс приобретает культурологическую направленность, целью становится формирования общей культуры личности, её индивидуальности и неповторимости, субъектности; содержание обеспечивается педагогическим культуросообразным взаимодействием педагога и воспитанника в условиях непрерывного образования. В этом процессе существенную роль играет не только обучение, но и культуросообразное воспитание как питание души человека «всеми лучшими, высшими, возвышающими, одухотворяющими плодами человеческой культуры и цивилизации» (Ш. А. Амонашвили).

Безусловно, прав В. А. Слостёнин, подчёркивая, что «часто встречающееся в литературе употребление слов “образование” и “воспитание” как обозначающих противоположные стороны педагогического процесса не являются корректным» [9]. Вслед за З. Я. Капустиной подчеркнём, что понятие «воспитание» целесообразно определять как сложный многогранный процесс, в котором «задаётся вектор общего восприятия, оказывается содействие в постижении смыслов воспринимаемого, при этом обогащается когнитивная, эмоционально-чувственная и волевая сферы личности» [3]. Задачами формирования общей культуры личности становятся познание этических, эстетических категорий, их усвоение, научение их восприятию и на этой основе воспитание культурной привычки, так как «привычки, скорее всего, переходят в обычаи, традиции» [3].

Становится очевидным, что социально-педагогический процесс должен быть так организован и содержательно наполнен, чтобы возможность обогащать социальный (нравственно-этический, художественно-эстетический) опыт личности было условием его реализации в повседневной практике образовательной организации различного уровня в условиях непрерывного образования. В этой связи интегрируются образовательные программы основного и дополнительного образования. Исключительную роль при этом играет социально-культурная деятельность, средства и формы которой являются «инструментом» эмоционального воздействия на личность: живое слово, искусство, образ, книги, конкурсы, фестивали, экскурсии, тематические вечера, концерты и др. Социально-педагогический процесс таким образом наполняется культурными смыслами. Культура включает в себя исторически конкретную совокупность знаково-символических систем, аккумулирующих опыт бытия «в виде способов восприятия, мышления, познания, переживания и действия, а также знаний, ценностей, способов и критериев оценки, нормативов, целей и смыслов, хранящих и воспроизводящих опыт собственно духовной деятельности человека в мире, форм коммуникаций, взаимодействия и общения» (Л. П. Бueva).

В моделировании социально-педагогического процесса мы используем понятие «дискурс», которое является, как известно, одним из ве-

дущих категорий не только лингвистики, но и одной из категорий современных гуманитарных наук, допускающих множество интерпретаций. Социально-культурный дискурс позволяет рассматривать социально-культурную деятельность как органическую часть целостного социально-педагогического процесса, где культура осуществляет связь между тем, чем каждый человек может стать, исходя из присущих ему способностей, и тем, чем он на самом деле становится. Социальнокультурная деятельность как особый вид педагогической деятельности обеспечивает «превращение культурных ценностей в регулятив социального взаимодействия, а также технологично определяет социализирующие воспитательные процессы» [15].

Мы полагаем, что ценность социально-педагогического процесса состоит в том, что этот процесс сконцентрирован на субъекте как носителе культуры, когда нравственно-этический, художественно-эстетический опыт личности, её мотивационные, творческие, коммуникативные особенности характеризуют социальный опыт, который, несомненно, играет позитивную роль в формировании общей культуры, поскольку социальный опыт представляет «самобытный синтез различного рода умений и навыков, знаний и способов деятельности и мышления, стереотипов поведения, интериоризированных ценностных ориентаций и социальных установок, запечатлённых ощущений и переживаний» [4].

Таким образом, мы считаем, что социально-педагогический процесс представляет собой целенаправленно организованное, педагогически оправданное социально-культурное взаимодействие субъектов культуры и образования с использованием традиционных методов, средств, форм воспитания и обучения, а также средств, технологий социально-культурной деятельности с целью формирования общей культуры, решения задач непрерывного образования, направленных на становление, развитие, формирование культурно адекватной личности, способной овладевать духовно-нравственными ценностями, научиться культурному поведению и транслировать лучшие культурные образцы в повседневной жизни, в соответствии с индивидуальными способностями и запросами общества и государства.

Литература

1. Вишнякова С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика: слов. – М.: НМЦ СПО, 1999. – С. 170.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2000. – С. 305–306.
3. Капустина З. Я. Педагогика и культурология: гностические проблемы применения // Инновации в образовании. – 2010. – № 11. – С. 135.
4. Мудрик А. В. Социальная педагогика: учебник для студ. пед. вузов / под ред. В. А. Слостёнина. – М.: Академия, 1999. – С. 116.
5. Слостёнин В. А., Исаев И. Ф., Мищенко А. И., Шиянов Е. Н. Педагогика: учеб. пособие для студ. пед. учеб. заведений. – 3-е изд. – М.: Школа-Пресс, 2000. – С. 168.
6. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. – М.: Больш. рос. энцикл., 1993. – Т. 1: А–М. – С. 580.
7. Руднева Е. Л. Теоретические основы формирования жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студентов: моногр. / под общ. ред. Б. П. Невзорова. – Кемерово, 2002. – С. 166.
8. Садовский В. Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем // Системные исследования: ежегодн. – М.: Наука, 1971. – С. 46.
9. Слостёнин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Слостёнина. – 9-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – С. 71–72, 74.
10. Стрельцов Ю. А., Стрельцова Е. Ю. Педагогика досуга: учеб. пособие. – М.: МГУКИ, 2008. – 272 с.
11. Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. – М.: Мысль, 1972. – С. 23.
12. Филатова М. Н. Роль культуроформирующего образования в развитии личности и общества // Культура и образование как фактор развития региона: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (14–15 окт. 2009 года) / отв. ред. В. М. Кашлач. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2009. – С. 185–186.
13. Франк С. Л. Соч. – М.: Правда, 1990. – С. 187.
14. Ярошенко Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник. – М.: МГУКИ, 2007. – С. 257.

References

1. Vishnjakova S.M. Professional'noe obrazovanie. Slovar'. Kljuchevye ponjatija, terminy, aktual'naja leksika. Moscow, NMC SPO Publ., 1999, p. 170.
2. Zimnjaja I.A. Pedagogicheskaja psihologija. Uchebnik dlja vuzov. Izdanie 2-e, dopolnennoe, ispravlennoe i pererabotannoe. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 305–306.
3. Kapustina, Z.Ja. Pedagogika i kul'turologija: gnosticheskie problemy primeneniija. *Innovacii v obrazovanii*, 2010, no 11, p. 135.
4. Mudrik A.V. Social'naja pedagogika. Uchebnik dlja studentov pedagogicheskikh vuzov. Pod redakciej V.A. Slast'onina. Moscow, Akademija Publ., 1999, p. 116.
5. Slast'onin V.A., Isaev I.F., Mishchenko A.I., Shijanov E.N. Pedagogika. Uchebnoe posobie dlja studentov pedagogicheskikh uchebnyh zavedenij. 3-e izdanie. Moscow, Shkola-Press Publ., 2000, p. 168.
6. Rossijskaja pedagogicheskaja enciklopedija. V 2 tomah. Glavnyj redaktor V.V. Davydov. Moscow, Bol'shaja rossijskaja enciklopedija Publ., 1993, vol. 1. A–M, p. 580.
7. Rudneva E.L. Teoreticheskie osnovy formirovanija zhiznennyh i professional'nyh cennostnyh orientacij studentov. Pod obshchej red. B.P. Nevzorova. Kemerovo, 2002, p. 166.
8. Sadovskij V.N. Nekotorye principial'nye problemy postroenija obshchej teorii sistem. *Sistemnye issledovanija*. Jezhegodnik. Moscow, Nauka Publ., 1971, p. 46.
9. Slast'onin V.A., Isaev I.F., Shijanov E.N. Pedagogika. Uchebnik dlja studentov vysshich uchebnyh zavedenij. Pod redakciej V.A. Slast'onina. 9-e izdanie, stereotipnoe. Moscow, Akademija Publ., 2008, pp. 71–72, 74.
10. Strel'cov Ju.A., Strel'cova E.Ju. Pedagogika dosuga. Uchebnoe posobie. Moscow, MGUKI Publ., 2008. 272 p.
11. Ukrainev B.S. Samoupravljaemye sistemy i prichinnost'. Moscow, Mysl' Publ., 1972, p. 23.
12. Filatova M.N. Rol' kul'turoformirujushchego obrazovanija v razvitii lichnosti i obshchestva. *Kul'tura i obrazovanie kak faktor razvitija regiona: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (14–15 oktjabrja 2009 goda)*. Otvetstvennyj redaktor V.M. Kashlach. Ishim, IGPI imeni P.P. Ershova Publ., 2009. pp. 185–186.
13. Frank S.L. Sochinenija. Moscow, Pravda Publ., 1990, p. 187.
14. Jaroshenko N.N. Istorija i metodologija teorii social'no-kul'turnoj dejatel'nosti. Uchebnik. Moscow, MGUKI Publ., 2007, p. 257.

УДК 35.081.7

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ОТДЕЛОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Шуралев А. В., подполковник полиции, слушатель 2-го факультета (очная форма обучения), кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Москва). E-mail: qwert1608@rambler.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы совершенствования стиля управления в системе территориальных органов внутренних дел.

Ключевые слова: стиль управления, психологический климат в коллективе, демократический стиль, авторитарный стиль, либеральный стиль.

PSYCHOLOGICAL METHODS OF IMPROVING THE MANAGEMENT STYLE OF THE TERRITORIAL INTERIOR AFFAIRS DIVISION

Shuralev A. V., Police Lieutenant, Listener 2-the Faculty (Full-time), Chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow). E-mail: qwert1608@rambler.ru

The article discusses the current problems of improving the style of management in regional law enforcement agencies. The author proves that well-chosen style of management is the head factor in shaping public confidence in the government representatives. Motivating employees, their attitude to work, psychological team climate and much more depends on the professionalism and personal qualities of the head unit, its ability to find common ground and compromise.

Socio-psychological methods of management based on the study of the psychological interaction of people in the general manufacturing processes. Therefore, improving the management style system of internal affairs is impossible without revealing the peculiarities of psychological climate in the team, define requirements for the staff, individual approach to the search for staff composition of the territorial department of the interior affairs.

The article analyzes the scientific literature, which allowed the author to identify specific requirements for the moral and psychological qualities of employees Territorial Department of the Interior Affairs.

Keywords: management style, psychological team climate, democratic style, authoritarian style, liberal style.

Современное российское общество ставит перед институтами власти важнейшие задачи укрепления правопорядка, обеспечения общественной стабильности, защиты прав и свобод человека и гражданина. В этой связи особые требования по достижению высоких оперативно-служебных результатов предъявляются к деятельности территориальных отделов внутренних дел. Эффективное управление данными подразделениями во многом зависит от психологического климата в коллективе, характера взаимоотноше-

ний сотрудников, их сплоченности и степени ответственности стиля управления руководителя уровнем развития коллектива.

Это выдвигает на первый план проблему совершенствования способов осуществления своей деятельности субъектами управления. По мнению А. Н. Максимова, «одним из главных резервов повышения эффективности деятельности горрайорганов внутренних дел в условиях качественной трансформации и количественного роста преступности, высокого разнообразия содержания

и динамичности протекающих социальных процессов, сохраняющегося дефицита ресурсного обеспечения выступает совершенствование стиля управления в этих подразделениях» [1].

Правильно выбранный стиль управления руководителя является фактором формирования доверия населения к представителям органов внутренних дел, органам власти территории. Мотивация сотрудников, их отношение к труду, психологический климат в коллективе и многое другое, зависят от профессионализма и личностных качеств руководителя подразделения, его умения находить взаимопонимание и идти на компромиссы.

Социально-психологические методы управления основаны на изучении психологического взаимодействия людей в общих производственных процессах. Поэтому совершенствование стиля руководства в системе органов внутренних дел невозможно без выявления особенностей психологического климата в коллективе, определения требований к сотрудникам, поисков индивидуального подхода к кадровому составу территориального отдела внутренних дел.

Гарантированное выполнение служебных задач подразумевает сформулированные руководителем требования к моральным, психологическим, профессиональным качествам сотрудников. Данные требования обусловлены спецификой деятельности территориального отдела внутренних дел и такими факторами, как сложность решаемых задач; эмоциональная напряженность; динамичность и оперативность условий деятельности; высокий уровень ответственности за принятые решения и совершенные поступки; официальный статус сотрудника.

Анализ научной литературы позволил нам выделить особые требования к моральным и психологическим качествам сотрудников территориального отдела внутренних дел, которые условно можно разделить на общие и специальные [2; 3; 4].

Общие требования являются обязательными для всех сотрудников вне зависимости от конкретного направления деятельности и выполняемой задачи. Специальные требования к моральным и психологическим качествам сотрудников определяются с учетом конкретного направления их деятельности.

В соответствии с общими требованиями сотрудники должны обладать моральными и психологическими качествами, под которыми понимаются устойчивые особенности личности человека, проявляющиеся в его поведении, значимые для его социального окружения и необходимые для эффективного осуществления деятельности по предназначению.

К моральным качествам относятся: патриотизм; чувство личной ответственности за судьбу государства и порученное дело; верность профессиональному долгу; законопослушность, уважение к личности, правам и свободам граждан; дисциплинированность; честность и принципиальность, стойкость и выдержка; мужество и смелость при выполнении своих обязанностей [4].

Психологические качества включают в себя:

- высокий уровень развития психических познавательных и волевых процессов (ощущений, восприятия, представлений, воображения, речи, памяти, внимания, мышления, воли) и общих способностей (точность, последовательность, логичность и активность мыслительной деятельности); быстроту принятия решений, гибкость мышления, наличие творческого подхода к решению задач;

- психоэмоциональную устойчивость, обеспечивающую достаточный уровень работоспособности в сложных условиях: выдержку и самообладание, уравновешенность, развитый самоконтроль за поведением и внешними проявлениями эмоций; эмоциональную зрелость (способность отдавать себе отчет о собственных эмоциях и чувствах, а также управлять ими);

- адаптированность в профессиональной и социальной среде: высокую работоспособность как в условиях монотонности и однообразия, так и при быстрой смене форм деятельности и воздействии разнородных внешних факторов и умение работать в команде;

- мотивированность к службе, позитивную социальную ориентацию, конструктивную направленность ценностно-смысловых установок личности: осознание моральной ответственности за качество труда;

- потребность в приобретении новых знаний, расширении интересов, профессиональном и служебном росте.

Для служебного коллектива сущность морально-психологического состояния может быть выражена как уровень развития у сотрудников мотивационно-ценностных образований, доминирующих психоэмоциональных состояний, а также характер взаимоотношений в рамках формальной и неформальной структуры коллектива, коллективные мнения, коллективные настроения, направленность.

Обобщая вышесказанное, мы делаем акцент на выводах, к которым приходит А. Н. Максимов и Е. Ф. Яськов в своих исследованиях о том, что «в современных условиях необходимо смещение приоритетов от деятельности «на результат любой ценой» к работе с людьми и достижению результатов через развитие коллектива, к решению задач, связанных со стимулированием инициативы и творческой активности сотрудников, созданием условий для их самореализации, формированием благоприятного социально-психологического климата в коллективе. Следовательно, вопросы совершенствования стиля управления в горрайорганах внутренних дел имеют большое практическое значение» [3].

Следуя логике нашего исследования, остановимся на рассмотрении различных стилей руководства, представленных в научной литературе.

Отечественные ученые А. Н. Асаул, М. А. Асаул, П. Ю. Ерофеев, М. П. Ерофеев в своих исследованиях определяют, что стиль руководства выражается в том, какими приёмами руководитель побуждает коллектив к инициативному и творческому подходу к выполнению возложенных на него обязанностей, как контролирует результаты деятельности подчинённых. Принятый стиль руководства может служить характеристикой качества деятельности руководителя, его способности обеспечивать эффективную управленческую деятельность, а также создавать в коллективе особую атмосферу, способствующую развитию благоприятных взаимоотношений и напрямую влиять на безопасность организации [4].

Существуют два подхода к изучению стиля руководства – поведенческие и ситуационные теории.

Стиль руководства – это совокупность повторяющихся конкретных приёмов и способов управленческого воздействия, применяемых руководителем в процессе управления и определя-

ющих особенности отношения людей к его действиям [3].

Стиль руководства проявляется и в манере руководителя руководить, слушать других людей, и в том, как он организует подготовку, принятие и реализацию решений. О нём можно судить не только по тому, как организовано личное рабочее место руководителя, но и труд возглавляемого им коллектива.

Изучение стиля руководства и само возникновение этого понятия связаны с именем известного психолога К. Левина. В 30-е годы XX века вместе со своими сотрудниками он провёл эксперименты и определил три ставших классическими стиля руководства – авторитарный, демократический, либеральный.

Авторитарный (директивный) стиль руководства характеризуется централизацией власти в руках одного руководителя. Он единолично принимает решения, жёстко регламентирует всю деятельность подчинённых, не давая им возможности проявлять инициативу. Подчинённые должны лишь исполнять то, что им приказано, при этом они получают минимум необходимой информации. Этот стиль предполагает официальность отношений, неукоснительное соблюдение дистанции между руководителем и подчинёнными.

Анализ литературы позволил нам прийти к выводу о том, что наиболее приемлемым для руководителя территориального отдела внутренних дел является демократический стиль руководства. Руководитель, придерживающийся демократического стиля, децентрализует свою управленческую власть, он консультируется с подчинёнными, которые также принимают участие в выработке решений и получают достаточно информации, чтобы иметь представление о перспективах своей работы. Руководитель доверяет подчинённым, избегает диктаторства, создаёт благоприятный морально-психологический климат в коллективе.

Следующий стиль руководства, который выделяют исследователи в своих трудах – либеральный (попустительский) стиль руководства, характеризующийся минимальным вмешательством руководителя в деятельность подчинённых. Руководитель выступает в роли посредника при осуществлении контактов, обеспечивая своих

подчинённых информацией и материалами, необходимыми для выполнения работы. Руководитель ставит перед исполнителями проблему, создаёт необходимые организационные условия для их работы, определяет её правила, задаёт границы решения, а сам отходит на второй план.

В современных условиях выполнение служебных задач предопределяется не только характером отношений между руководителем и подчинёнными и степенью свободы, которая им предоставляется, но и рядом других обстоятельств. Отражением этого являются новые подходы к стилю управления, такие как «многомерные» стили управления, представляющие собой комплекс взаимодействующих, переплетающихся подходов, каждый из которых независим от других, поэтому может реализовываться наряду с ними [1].

Стиль управления, практикуемый сегодня в территориальных отделах внутренних дел и отражающий в целом стиль управления ОВД, не является с точки зрения классической классификации однородным. Наиболее распространенным является демократический, в меньшей степени – авторитарный и еще в меньшей степени – либеральный. Вместе с тем «в чистом виде» ни один из названных стилей на практике почти не встречается. Мы пришли к выводу о том, что наиболее практикуемый сегодня стиль управления в органах внутренних дел – это демократический с элементами авторитарного и либерального стилей.

Эффективность деятельности территориального отдела внутренних дел хотя и находится в зависимости от стиля управления этими органами, однако эта зависимость связана не столько с типом стиля, сколько с его приспособленностью к современным условиям, в частности, с его рациональностью.

Совместно со специалистами Учебного центра МВД по Республике Марий Эл нами был проведен анализ современного состояния стиля управления в территориальных отделах внутренних дел Республики Марий Эл. Участниками эксперимента являлись 150 сотрудников из числа младшего офицерского состава территориальных отделов внутренних дел Республики Марий Эл. В ходе эксперимента респондентам было предложено ответить на вопросы экспертно-опросного листа.

Исследование показало, что единого стиля управления территориальными отделами внутренних дел не выявлено. 64 % респондентов охарактеризовали стиль управления своего руководителя как демократический; 30 % – авторитарный; 6 % – либеральный. В большей степени сотрудники определили психологический климат в коллективе как «благоприятный, комфортный», отношения с коллегами – «дружеские и надежные».

Вместе с тем в ходе исследования было выявлено, что в чистом виде рассматриваемые стили управления, как правило, не проявляются, а наблюдается лишь преобладающая выраженность того или иного стиля с элементами характеристик других стилей.

Кроме того, было установлено, что высокая эффективность деятельности территориального отдела внутренних дел может достигаться при любом стиле управления, а деятельность многих руководителей выходит за рамки практикуемого ими стиля, когда оперативная обстановка вынуждает действовать нетрадиционным для них способом.

Таким образом, стиль управления в территориальных отделах внутренних дел не является с точки зрения классической классификации однородным. Наиболее распространенным является демократический, в меньшей степени – авторитарный, либеральный стиль управления проявляется единично. Однако «в чистом виде» ни один из названных стилей на практике почти не встречается.

Мы подчеркиваем важность выделенных в работах отечественных ученых принципов современного эффективного стиля управления в системе органов внутренних дел: компетентность, деловая направленность, ответственность, самостоятельность, творческий подход, требовательность, принципиальность, научность, гибкость, минимизация субъективизма, установка на оправданный риск, «иммунитет» к проявлениям формализма и бюрократизма, чуткое отношение к людям, непримиримость к недостаткам, инновационность мышления и использование современных информационных технологий [2].

Наиболее благоприятные возможности для реализации названных принципов потенциально имеет демократический стиль управления, кото-

рый является основой для формирования современного эффективного стиля управления. Специалистами Учебного центра МВД по Республике Марий Эл накоплен опыт по соответствующей подготовке, позволяющий овладеть всей совокупностью подходов к управлению подчиненными с использованием демократического стиля.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что морально-психологическое состояние

в коллективе – это интегративная качественная характеристика служебного коллектива, отражающая уровень развития у сотрудников мотивационно-ценностных образований, доминирующих психоэмоциональных состояний, а также характер взаимоотношений в рамках формальной и неформальной структуры коллектива, гарантированно обеспечивающий выполнение поставленных служебных задач.

Литература

1. Максимов А. Н. Стиль управления в системе ОВД: теория и практика // Юридический мир. – М., 2007. – № 1 (121).
2. Максимов А. Н. Рационализация стиля управления горрайорганом внутренних дел в системе мер повышения эффективности управленческой деятельности // Современное управление. – М., 2007. – № 4.
3. Яськов Е. Ф., Максимов А. Н. Взаимодействие между структурными подразделениями городских и районных органов внутренних дел // Вестн. Москов. ун-та МВД России. – М., 2006. – № 10.
4. Асаул А. Н., Асаул М. А., Ерофеев П. Ю., Ерофеев М. П. Культура организации: проблемы формирования и управления. – СПб.: Гуманистика, 2006.

References

1. Maksimov A.N. Stil' upravlenija v sisteme OVD: teorija i praktika. *Juridicheskij mir*. Moscow, 2007, no 1 (121).
2. Maksimov A.N. Racionalizacija stilja upravlenija gorrajorganom vnutrennih del v sisteme mer povyshenija effektivnosti upravlencheskoj dejatel'nosti. *Sovremennoe upravlenie*. Moscow, 2007, no 4.
3. Jas'kov E.F., Maksimov A.N. Vzaimodejstvie mezhdru strukturnymi podrazdelenijami gorodskih i rajonnyh organov vnutrennih del. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. Moscow, 2006, no 10.
4. Asaul A.N., Asaul M.A., Erofeev P.Ju., Erofeev M.P. Kul'tura organizacii: problemy formirovanija i upravlenija. Sankt-Peterburg, Gumanistika Publ., 2006.

УДК 006.98

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ КОСТАНАЙСКОГО ОБЛАСТНОГО МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИБРАЯ АЛТЫНСАРИНА

Рыщанова У. М., старший консультант Костанайской ОУНБ им. Л. Н. Толстого, соискатель Челябинской государственной академии культуры и искусств, почетный деятель культуры Республики Казахстан (г. Костанай, Республика Казахстан). E-mail: Urkiyaru@mail.ru

Современный музей активно использует информационные, цифровые и другие инновационные технологии для сохранения, экспонирования и популяризации историко-культурных ценностей. Изложены результаты исследования, проведенного на базе Костанайского областного мемориального музея Ибрая Алтынсарина. Цель исследования – выяснить, насколько посетители осведомлены об издательской деятельности на электронных носителях и изучить эффективность их использования.

Ключевые слова: информационные ресурсы, менеджмент качества, образовательно-культурное пространство, социологические исследования, информационные технологии, электронные носители, познавательный процесс, инновационная деятельность, научно-исследовательский процесс, Костанайский областной мемориальный музей Ибрая Алтынсарина.

STUDY OF EFFECTIVE USE OF ELECTRONIC RESOURCES IN KOSTANAI REGIONAL MEMORIAL MUSEUM OF IBRAI ALTYSARIN

Ryschanova U. M., Senior Consultant of L. N. Tolstoy Kostanai OUNB, Competitor of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, Honorary Worker of Culture of the Republic of Kazakhstan (Kostanai, Kazakhstan). E-mail: Urkiyaru@mail.ru

Relevance of the research topic. The concept of state youth policy in the Republic of Kazakhstan emphasized, "Building the democratic society with a socially oriented economy is impossible without moral and spiritual development of young people, formation of the younger generation in Kazakhstan qualities such as patriotism, professionalism, responsibility, youth development socio-cultural experience of past generations, achievement world civilization."

Of particular interest is the legacy of one of the most prominent educational thinkers Kazakhstan Ibrai Altynsarin, who continued the philosophical tradition of the Kazakh people, and also to rethink the process of formation of the Kazakh youth in light of the current socio-political situation.

In our time, it is necessary to appeal to the historical basis of education, because without comprehension of the historical heritage of pedagogical impossible communion of the younger generation to human values.

Multifaceted and fruitful activity Ibrai Altynsarin to educate people to take its rightful place in the history of the Kazakh culture, being the foundation that made possible its further development.

Life and career of Ibrai Altynsarin, individual pages of his biography, his philosophical position and pedagogical views are of particular interest and contribute to the spiritual and moral development of a modern personality.

In the 1800s, Altynsarin stressed the need to achieve success in the use of special educational activities and pedagogical knowledge.

The degree of a problem. Legacy problems of Ibrai Altynsarin always were in the focus of educators and psychologists, the different aspects of this problem were considered in the study: Djumagulov K. T. "Creativity of Ibrai Altynsarin" (1959), Derbisalin A. "Literary Heritage of Ibrai Altynsarin" (1954), Shotanova S. "Altynsarin's Prose" (1996), Rysbekova G. E. "Development of pedagogical ideas and outreach of Ibrai Altynsarin in Kazakhstan in the second half of XIX and the first quarter of the twentieth century", Aldibekova Dj. "Socio-political and legal views of Ibrai Itynsarin" (1993), Kalkeeva K. R. "Scientific and pedagogical bases of Ibrai Altynsarin's textbooks" (2000), etc. However, the problem of cultural-educational activities of Ibrai Altynsarin in the second half of the XIX-th century did not find enough fully reflected in educational theory and practice.

However historiographical survey showed that pedagogical science has accumulated a certain capacity to study the problem of realization of cultural and educational I. Altynsarin's ideas in the educational space of Kazakh schools, but it is fragmentary and heterogeneous. Recognizing the value of research above authors, it should be noted that the problem of cultural educational activities of Ibrai Altynsarin in the educational process to date is almost neglected. No conducted specific studies aimed at the realization of cultural and educational ideas of the teacher-educator in modern teaching. All this suggests that the study of the problem of cultural and educational activities of Ibrai Altynsarin under transformation of society is actual and perspective.

Relevance of the designated problem emphasizes the contradiction between the objective need of spiritual moral education of youth using Ibrai Altynsarin heritage in the educational process and the lack of scientific advice on the organization of the process. Selected contradiction defined semantic content-border research problem: what is the content of the main trends and directions of cultural and educational activities of I. Altynsarin and what pedagogical conditions for the implementation of cultural and educational I. Altynsarin's ideas in activities of the modern museum.

Insufficient development of this problem in science and teaching practice needs to identify its relevance and determine the choice of the research topic "Pedagogical designing of cultural and educational activities in the museum institutions."

Object of research: educational value potential of cultural and educational ideas of Ibrai Altynsarin.

Subject of research: pedagogical conditions for the implementation of cultural and educational activity ideas of Ibrai Altynsarin in modern museum.

The purpose of the study: to identify, justify and experimentally verify the effectiveness of the implementation of pedagogical conditions of cultural and educational heritage of Ibrai Altynsarin in the education of youth, redefining ideas of Altynsarin in the light of the requirements of the new challenges of time.

Hypothesis of the study: cultural and educational ideas of I. Altynsarin will contribute innovative renewal activity of the modern museum, if:

- understanding teachers cultural and educational ideas of I. Altynsarin flows during productive reflection own teaching activities;

- young people formed positive motives to the museum and educational activities;

- educators and youth actively rely on the experience of using the cultural-educational ideas of I. Altynsarin activities in a modern museum.

Purpose, subject and research hypothesis led research objectives:

1. Identify the origins of moral values in the cultural and educational activities of Ibrai Altynsarin in youth work.

2. Develop a model for the implementation of cultural and educational activity ideas of Ibrai Altynsarin in activity of modern museum.

3. Develop the concept of socio-cultural activities of Ibrai Altynsarin, educator of Kazakhstan in the second half of the nineteenth century and its realization in modern teaching.

4. Pedagogical conditions determine the success of the cultural and educational ideas of Ibrai Altynsarin in activities of modern museum.

Keywords: electronic resources, information resources, quality management, educational and cultural space, case studies, information technology, electronic media, cognitive process, information culture, innovation, research process, Kostanay Regional Memorial Museum Ibrai Altynsarina.

Общество XXI века пытается решить свои проблемы с помощью информационных технологий [1, с. 109–114]. Умение работать с компьютером, безусловно, является важным умением для современного человека, желающего стать информационно грамотным [5, с. 26–32].

Создание мультимедийных пособий по краеведению – одно из важнейших направлений работы музея, содействующего реализации его информационной и воспитательной функций. Краеведение позволяет накапливать, сохранять и передавать из поколения в поколение огромный объем соответствующих сведений. Использование же современных информационных технологий позволяет создавать пособия качественно нового уровня [7, с. 57].

На изменения традиционных составляющих краеведения существенно влияют технологии, содействующие созданию новых видов информационных ресурсов [3, с. 48–57].

Одно из основных направлений издательской деятельности музея – формирование фонда

электронных ресурсов и предоставление доступа к нему. Доступность информации признана одной из важнейших ценностей современной цивилизации [2, с. 111].

В образовательно-культурном пространстве региона широкое распространение получили электронные издания, посвященные жизни и деятельности общественных деятелей: Ибрая Алтынсарина, Мыржакыпа Дулатова, Ахмета Байтурсынова.

Костанайский областной мемориальный музей Ибрая Алтынсарина разработал и сделал достоянием музейной практики новые методики, соответствующие требованиям и объективным возможностям формирующегося информационного общества.

Ибрай Алтынсарин в истории культуры казахского народа занимает особое место как крупный педагог и просветитель. Свою практическую деятельность он сочетал с широкой пропагандой идей просвещения, культуры и прогресса, общения казахского народа к культуре и науке

русского народа. Ибрай Алтынсарин открывал русско-казахские школы, сельскохозяйственные и ремесленные училища в степи, с его именем связано начало женского образования в Казахстане. Он является автором двух учебников для учащихся русско-казахских школ. «Казахская хрестоматия», вышедшая в 1879 году, первый национальный букварь, первый учебник, составленный на основе русского алфавита. Эта книга оказала неоценимую помощь казахским детям в освоении русского языка. В «Хрестоматии» в популярной форме излагались основы знаний, в небольших рассказах говорилось о важности перехода к земледелию, к оседлому образу жизни, в популярной форме преподносились детям достижения науки и техники. В учебном пособии «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» И. Алтынсариным дано около 500 слов и фраз, взятых из самых различных областей жизни. Такое количество слов и фраз русского языка было достаточным для первоначального употребления в устной речи.

Составляя методические пособия, И. Алтынсарин не мог и предположить, что через столетия возрожденный казахский народ высоко оценит его труд как богатейший вклад в культуру и, отдавая должную дань уважения его труду, прославит его имя как ученого, писателя и выдающегося педагога. Переводы И. Алтынсарина впервые познакомили казахских читателей с образцами русской и западноевропейской классической литературы.

Ибрай Алтынсарин продолжал лучшие традиции русской педагогики XIX века, был первым глашатая педагогических взглядов Ушинского в Казахстане, его педагогические идеи формировались под влиянием передовой демократической культуры России [4, с. 175–180].

За последние годы музеем создано и внедрено научно-методическое обеспечение воспитания молодежи интерактивными формами реализации культурно-просветительного наследия Ибрая Алтынсарина. Это – мультимедийное методическое пособие «Ибрай Алтынсарин – выдающийся казахский педагог-просветитель», интерактивный тур «Имя Ибрая Алтынсарина вечно» (виртуальная экскурсия по алтынсаринским местам Костанайской области, интерактивная выставка «Загадки Ибрая Алтынсарина», ролевая игра-экскурсия «Просвещение края», ролевая экскурсия-игра-

экскурсия «Ремесленная мастерская», игра-путешествие «По алтынсаринским местам Костанайской области», тронная викторина «Что Вы знаете об И. Алтынсарине?», интерактивное музейное занятие «В алтынсаринской школе: от ручки до школьной парты», бонус-игра «Ибрай Алтынсарин – великий сын казахской степи», «Ибрай Алтынсарин – выдающийся казахский педагог-просветитель, поэт-писатель, ученый-этнограф», «Наследие Ибрая Алтынсарина» и др.

На базе Костанайского областного мемориального музея Ибрая Алтынсарина проведено исследование, целью которого было – выяснить, насколько посетители осведомлены об издательской деятельности на электронных носителях и изучить эффективность их использования.

Проведение систематического изучения степени удовлетворенности потребителей и оценка использования электронных ресурсов – необходимые компоненты эффективно действующей и постоянно совершенствующейся музейной системы менеджмента качества, влияющей на качество образовательного и научно-исследовательского процессов в музее.

Для определения степени осведомленности о существующих ресурсных возможностях музея и изучения эффективности их использования на базе Костанайского областного мемориального музея Ибрая Алтынсарина проведено социологическое исследование (с 20 апреля 2012 года по 20 июня 2013 года). В нём приняли участие студенты Костанайского государственного педагогического института, Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова первого – шестого курсов; всего 377 респондентов из 6 439 студентов вузов. Инструментом для сбора данных послужила специально разработанная анкета.

Электронные ресурсы Костанайского областного мемориального музея Ибрая сформированы в 2011 году к юбилею земляка, педагога-просветителя.

Сегодня коллекцию электронных ресурсов составляют (бонус-игра «Ибрай Алтынсарин – великий сын казахской степи», мультимедийное методическое пособие «Ибрай Алтынсарин – выдающийся казахский педагог-просветитель», электронные публикации докладов научных конференций «Идеи Ибрая Алтынсарина в реалиях современного Казахстана».

Издания, входящие в состав фонда электронных ресурсов, изготовлены автором. Все документы созданы в PDF-формате.

В период проведения исследования посетителям предложили ряд вопросов, на которые, можно было легко ответить.

На вопрос «Как часто вы обращаетесь к электронным ресурсам музея?» 22 % респондентов ответили: «несколько раз в месяц», 14 % – 1–2 раза в месяц, 15 % – несколько раз в неделю, 17 % – 1–2 раза в неделю, 9 % опрошенных посетителей работают с пособиями каждый день. Не обращаются к электронным ресурсам 6 % респондентов, пользовались всего 1–2 раза за время учебы – 4 %, несколько раз в год – 5 %, 1–2 раза в год – 8 %.

Таким образом, около 77 % опрошенных используют этот информационный ресурс регулярно, а не от случая к случаю, что свидетельствует о важной роли электронных ресурсов в учебном и познавательном процессе.

Музей постоянно информирует посетителей о предоставляемых информационных ресурсах и услугах. Продвижению информационных ресурсов способствуют организация выставок, подготовка информационных листовок, рекомендательных списков, регулярное размещение информации на стендах объявлений, веб-сайтах музея.

Чтобы оценить эффективность этой работы, в анкету включили вопрос: «Из каких источников вы получили информацию об электронных ресурсах музея?» Получены следующие ответы: консультации в музее (28 %), общение с коллегами (15 %), страница новостей сайта музея (15 %), Костанайская областная еженедельная общественная информационно-образовательная газета «Учительская плюс» (14 %), сайт музея (11 %), информационные листки (10 %). Не знали о существовании электронных ресурсов музея 7 % респондентов.

Следовательно, наиболее эффективная форма продвижения информационных ресурсов – индивидуальное консультирование посетителей непосредственно в музее.

27 % опрошенных посетителей считают, что информация, представленная в музее, удовлетворяет их потребности «на пятерку», 44 % – «на четверку», 22 % – «на тройку», 4 % – «на двойку», 3 % – «на единицу». Эти данные

позволяют сделать вывод: фонд электронных ресурсов по пропаганде наследия Ибрая Алтынсарина как информационный ресурс сформирован достаточно хорошо – таково мнение 71 % респондентов.

31 % респондентов считают преимуществом фонда электронных ресурсов возможность оперативно находить полный текст нужного документа.

Другие причины обращения к фонду электронных ресурсов: отсутствие в фонде музея необходимой информации на бумажном носителе – 19 %; рекомендация преподавателя (посмотреть пособие или публикацию в фонде электронных ресурсов музея) – 18 %; документ из фонда музея был занят – 15 %; посоветовал научный сотрудник музея при индивидуальной консультации – 15 %; самообразовательные цели и желание просмотреть контент информационного ресурса – 2 %.

Свое умение работать с электронными ресурсами музея оценили на 5 баллов 19 % опрошенных посетителей, на 4 – 45 %, на 3 – 21 %, на 2 и 1 – 15 %. Таким образом, работа с электронными ресурсами музея, по мнению студентов, не вызывает у них особых проблем.

Однако чтобы выявить проблемы, возникающие при работе с электронными ресурсами музея, в анкету включили вопрос: «Какие затруднения вы испытываете при работе с электронными ресурсами?». Выяснилось, что лишь 12 % респондентов свободно работают с этим информационным ресурсом – это несколько противоречит представленным выше цифрам. Причины затруднений – неумение студентов проводить сложный поиск (21 %) и пользоваться программой, в которой открывается электронный ресурс (21 %), поэтому им приходится прибегать к помощи научного сотрудника. Другие затруднения: сложности в подборе ключевых слов для поиска (18 %) и необходимых источников из списка после поиска (10 %), неумение копировать фрагменты электронных документов (13 %) и сохранять электронные документы на внешние накопители информации (5 %).

На вопрос анкеты «Помогают ли вам документы из фонда электронных ресурсов в изучении дисциплин?» 40 % опрошенных ответили, что большая часть информации, содержащейся

в документах электронных ресурсов, им нужна; 18 % уверены – эти документы очень помогают: с их помощью всегда можно найти необходимую информацию. Следовательно, 58 % респондентов полагают, что документы, составляющие фонд электронных ресурсов, помогают им в изучении учебных дисциплин.

Однозначно ответить на этот вопрос не решились 18 % опрошенных; 20 % считают, что в электронных ресурсах можно найти лишь небольшую часть нужной для учебы информации; 4 % уверены, что документы, содержащиеся в фонде электронных ресурсов, не помогают вообще.

Следующий вопрос анкеты – «С какими видами документов из фонда электронных ресурсов музея вы работаете чаще всего?». Респондентам предоставили перечень видов документов, включенных в фонд электронных ресурсов; для более детального анализа результата предлагалось указать, как часто они пользуются ими. Ответы представлены в таблице Использование студентами различных видов электронных документов в Костанайском областном мемориальном музее Ибрая Алтынсарина

Таблица 1

Документы, представленные в фонде электронных ресурсов музея	Интенсивность использования документов					
	очень часто	часто	не часто	редко	никогда	
Мультимедийное методическое пособие «Ибрай Алтынсарин – выдающийся казахский педагог-просветитель» (на трех языках)	1	15	69	30	26	63
Методическое пособие «Идеи Ибрая Алтынсарина в реалиях современного Казахстана» (электронные публикации докладов научных конференций)	29	63	72	44	52	
Пособие «Ибрай Алтынсарин – выдающийся казахский педагог-просветитель, поэт-писатель, ученый, этнограф»	22	59	76	62	39	

Документы, представленные в фонде электронных ресурсов музея	Интенсивность использования документов				
	очень часто	часто	не часто	редко	никогда
Электронная книжная выставка «Ибрай Алтынсарин»	8	18	51	67	55
Бонус-игра «Ибрай Алтынсарин – великий сын казахской степи»	34	52	42	46	58

Таким образом, при подготовке к занятиям респонденты (55 %) наиболее часто обращаются к мультимедийному методическому пособию «Ибрай Алтынсарин – выдающийся казахский педагог-просветитель» (на трех языках). К сожалению, нечасто используется пособие «Ибрай Алтынсарин – выдающийся казахский педагог-просветитель, поэт-писатель, ученый, этнограф», хотя оно содержит актуальную оперативную информацию, и методическое пособие «Идеи Ибрая Алтынсарина в реалиях современного Казахстана» (электронные публикации докладов научных конференций), которое отличает новизна содержания (по сравнению с другими видами изданий).

В случае отсутствия необходимой информации в фонде электронных ресурсов музея студенты обращаются к другим электронным информационным ресурсам и/или сервисам: электронной доставке документов (31 %), ресурсам Интернета (27 %), внешним базам данных, приобретенным музеем, и фондам музея через его ЭК (по 13 %).

Самые популярные пожелания руководству музея по совершенствованию фонда электронных ресурсов музея: в фонде электронных ресурсов должны находиться тексты не только учебников, но и книг по профилю музея (40 %); к фонду электронных ресурсов необходимо предоставить доступ через Интернет (19 %); в фонде электронных ресурсов должны быть представлены тексты научных статей исследователей жизни и творчества Ибрая Алтынсарина (15 %). 12 % студентов вузов считают, что электронные ресурсы музея должны содержать тексты учебников, пособий, подготовленных краеведами-исследователями, изучающими жизнь и деятельность Ибрая Алтынсарина,

9 % хотят видеть в фонде электронных ресурсов электронные и интерактивные пособия. Фонд электронных ресурсов музея вполне устраивает 5 % респондентов (ответ: «ничего не нужно делать, он вполне устраивает»).

Чтобы определить основные источники формирования навыков информационной культуры, в анкету включили вопрос: «Как вы приобрели навыки информационной культуры?». Большинство респондентов ответили, что им помогли уроки информатики в школе или занятия по основам информатики и вычислительной технике в вузе.

Исследование позволило сформулировать рекомендации по совершенствованию деятельности музея в рамках эффективного использования фонда электронных ресурсов музея:

Обратить внимание на желание студентов внести в фонд электронных ресурсов тексты не только учебных пособий, но и изданий по тематическому профилю вуза.

Вести в деятельность музея консультационные занятия для студентов первого курса по работе с электронными ресурсами, имеющимися в музее.

Организовать информационные мероприятия по увеличению степени информированности студентов вуза об электронных ресурсах, которыми располагает музей, и их возможностях через местную прессу, сайт вуза и т. д.

Проведение систематических исследований информационной удовлетворенности пользователей и оценка использования фонда электронных ресурсов музея – необходимые компоненты эффективно действующей и постоянно улучша-

ющейся музейной системы менеджмента качества, влияющей на качество образовательного и научно-исследовательского процессов в музее.

Инновационную деятельность Костанайского областного мемориального музея Ибрая Алтынсарина по подготовке мультимедийных изданий высоко оценили ученые, литературоведы и представители культуры, определив их как важную составляющую современного информационного пространства региона (выступления автора пособий на международных научно-практических конференциях Оренбург – 2011, Челябинск – 2012).

Таким образом, музей является информационным центром, предоставляющим доступ не только к традиционным фондам, но и к электронным ресурсам, помогающим пользователям разобраться в глобальном информационном пространстве [6, с. 60–62]. Безусловно, вопросы инновационного развития стали сегодня ключевыми, определяющими развитие современного музея. Мультимедийные методические пособия – свидетельства глобальных преобразований как в музее, так и стране.

Более чем двадцатилетний опыт научно-исследовательской работы показывает, что областной мемориальный музей Ибрая Алтынсарина обязан быть научным центром для учреждений своего региона, вырабатывать определенную политику и служить образцом творческого решения собственных задач. В то же время нужны новые подходы к решению проблем НИР с учетом сложившихся реалий, к ее осмыслению на основе современной методологии.

Литература

1. Активизация информационных ресурсов и их эффективное использование в пропаганде наследия Ибрая Алтынсарина // Информатизация общества: современное состояние и перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Костанай: Костан. социал.-техн. ун-т им. академика З. Алдамжар. – 2008. – С. 109–114.
2. Дворкина М. Я. Информационное обслуживание: социокультурный подход: моногр. / МГУКИ. – М.: Профиздат, 2001. – 111 с.
3. Рыцанова У. М. Ибрай Алтынсарин: выдающийся казахский педагог-просветитель (к 170-летию И. Алтынсарина) // К информационному обществу: использование информационно-коммуникационных технологий – новые возможности для библиотек: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. / Мин-во культуры, общественных и внешних связей Оренбург. обл., ГУК «Оренбургская областная УНБ им. Н. К. Крупской». – Оренбург, 2011. – С. 48–57.
4. Рыцанова У. М. Использование наследия Ибрая Алтынсарина в современном музейном пространстве (на примере Костанайского областного мемориального музея Ибрая Алтынсарина) // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2013. – № 4 (36). – С. 175–180.

5. Серова О. В. Влияние информационно-электронной среды на справочно-библиографическое обслуживание // Мир библиотеки. – Алматы, 2010. – № 3. – С. 26–32.
6. Степанова Р. Поэзия тишины. Мультимедийные издания // Библиотека. – 2013. – № 1. – С. 60–62.
7. К информационному обществу: использование информационно-коммуникационных технологий – новые возможности для библиотек: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. (Оренбург, 7–8 дек. 2011 года) / Мин-во культуры, общественных и внешних связей Оренбург. обл., ГУК «Оренбургская областная УНБ им. Н. К. Крупской». – Оренбург, 2011. – С. 57.

References

1. Aktivizacija informacionnyh resursov i ih effektivnoe ispol'zovanie v propagande nasledija Ibraja Altynsarina [Activation of information resources and their effective use in promoting heritage Ibrai Altynsarin]. *Informatization of society: current state and prospects*. Proceedings of the international scientific-practical conference. Kostanaj: Z. Aldamzhar Kostanaiskij socio-technical university Academician Publ., 2008, pp. 109–114.
2. Dworkin M. Informacionnoe obsluzhivanie: sociokul'turnyj podhod [Information Services: The socio-cultural approach]. Moscow, Profizdat Publ., 2001, p.111.
3. Ryshchanova U.M. Ibraj Altynsarin: vydajushchij kazahskij pedagog-prosvetitel' (k 170-letiju I. Altynsarina) [Ibrahim Altynsarin: Kazakh outstanding teacher and educator (to the 170th anniversary I. Altynsarin)]. *Towards an Information Society: the use of information and communication technologies – new opportunities for libraries*. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference. Ministry of Culture, Public and Foreign Relations of the Orenburg region, PG Regional UNB them N.K. Krupskaja. Orenburg, 2011, pp. 48–57.
4. Ryshchanova U.M. Ispol'zovanie nasledija Ibraja Altynsarina v sovremennom muzejnom prostranstve (na primere Kostanajskogo oblastnogo memorial'nogo muzeja Ibraja Altynsarina) [Using Ibrai Altynsarin heritage in a modern museum space (for example, Kostanai regional memorial museum Ibrai Altynsarin)]. *Vestnik Cheljabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2013, no 4 (36), pp. 175–180.
5. Serov O.V. Vlijanie informacionno-elektronnoj sredy na spravochno-bibliograficheskoe obsluzhivanie [Impact of information and electronic media on the reference-bibliographic]. *World Library*. Almaty, 2010, no 3, pp. 26–32.
6. Stepanova R. Poezija tishiny. Mul'timedijnye izdaniya [Poetry of Silence . Multimedia publishing]. *Library*, 2013, no 1, p. 60–62.
7. К информационному обществу: использование информационно-коммуникационных технологий – новые возможности для библиотек [Towards an Information Society: the use of information and communication technologies – new opportunities for libraries]. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference. Ministry of Culture, Public and Foreign Relations of the Orenburg region, PG Regional UNB them N.K. Krupskaja. Orenburg, 2011, p. 57.



СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ SOCIO-CULTURAL ACTIVITY

УДК 37

РАЗВИТИЕ РЕФЛЕКСИВНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Топольская Е. А., кандидат педагогических наук, докторант кафедры культурно-досуговой деятельности, Московский государственный университет культуры и искусств (г. Химки). E-mail: mgukidissov@mail.ru

В статье рассматривается развитие рефлексивного сознания студентов вузов культуры и искусств. Автор пишет о том, что особенно необходимым оказывается изменение содержания процесса формирования профессионального мировоззрения и профессионального сознания на практике ориентированного специалиста.

Ключевые слова: развитие, рефлексивное сознание, студенты, вузы культуры и искусств.

DEVELOPMENT OF REFLECTIVE CONSCIOUSNESS OF STUDENTS OF UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS

Topolskaya E. A., Candidate of Pedagogical Science, Doctoral Student of Chair of Cultural and Leisure Activities, Moscow State University of Culture and Arts (Khimki). E-mail: mgukidissov@mail.ru.

The article discusses the development of reflexive consciousness of universities of culture and arts' students. The author writes about particularly necessary changes in the content of the formation of a professional outlook and professional consciousness in practice-oriented expert. Development of reflective thinking allows the specialist of socio-cultural activities to analyze the process of solving the professional tasks based on his own rethinking correct actions. Having analyzed metacognitive and cognitive-task approach to the study of reflection, the article is an indicator of reflective thinking along with the quality of reflective judgment considered the productivity of their generation. As a result, the author of the article revealed a low level of reflexivity retrospective consciousness psychology students, as evidenced by the ratio of reflexive and non-reflexive judgments, also established the dominance of reflexive judgments with partial comprehension of students running their own thoughts on the process of solving their professional problems, and detected a low productivity level of reflective thinking, found that psychology students have the potential development of such professional consciousness properties as reflexivity, namely the students' ability to fill their thoughts with psychological content.

Keywords: development, reflective consciousness, students, universities of culture and arts.

В настоящее время все более возрастает необходимость привнесения значимых и существенных изменений в качество профессиональной подготовки будущего специалиста социально-культурной деятельности. Особенно необходимым оказывается изменение содержания процесса формирования профессионального мировоззре-

ния и профессионального сознания на практике ориентированного специалиста. Содержание процесса формирования профессионального сознания должно быть адекватным сущности мышления и направленным на развитие его свойств. Одним из базовых свойств профессионального сознания в данной работе рассматривается реф-

лексивность. Развитое рефлексивное мышление позволяет специалисту социально-культурной деятельности анализировать процесс решения профессиональной задачи и на основе его переосмысления корректировать собственные действия. Рефлексивность обеспечивает такие важнейшие процессы профессионального самопознания, как самовосприятие, самонаблюдение, самоанализ и самоосмысливание.

В социально-культурной деятельности рефлексия изначально рассматривалась как методологическое (категория сознания) или методическое (инструмент исследования) достояние психологии, как один из объяснительных принципов организации и развития психики человека, служащий для раскрытия психологических фактов, получаемых в экспериментальных исследованиях (Б. Г. Ананьев, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн).

В дальнейшем различные психологические школы стремились рассматривать рефлексию в контексте самых разных психологических явлений.

В зарубежной психологии метакогнитивисты рассматривают рефлексию как особую психическую реальность. При этом в одних случаях рефлексия отождествляется с несколькими психическими познавательными процессами, с управлением переработкой информации, происходящим на разных уровнях, в других – рефлексии отводится место одного из познавательных процессов. Смысл метакогнитивного понятия рефлексии выразили в её определении Д. Дернер и Э. Шпрангер. Авторы считают, что рефлексия – это способность думать о своем собственном сознании с целью его совершенствования, это перенесение внимания, то есть сознания, на самого себя.

В рамках когнитивно-задачного подхода рефлексия рассматривается либо как один из этапов решения задач, либо как компонент сознания (А. Браун, К. Дункер, Г. Уоллес, Дж. Флейвел, О. Зельц и др.). Особого внимания заслуживает концепция продуктивных мыслительных процессов немецкого психолога К. Дункера, в которой рефлексия рассматривается в качестве определенных эвристических методов или действия сознания с собственными действиями. Именно рефлексия,

в трактовке автора, обуславливает динамику возникновения следующих друг за другом фаз решения задачи.

Метакогнитивный и когнитивно-задачный подходы обладают схожим представлением о рефлексии. Общей в теоретическом плане для исследований рефлексии в рамках названных подходов является интеллектуалистическая ориентация, присущая, кстати, большинству исследований сознания в зарубежной психологии. Однако когнитивно-задачный подход к исследованию рефлексии отличается большей операциональностью.

В отечественной психологии рефлексия трактуется с позиций личностного, интеллектуально-го, процессуального и системного подходов.

Экспериментальному исследованию рефлексии как личностного образования посвящены работы И. Н. Семенова и С. Ю. Степанова, А. Б. Холмогоровой и др. При этом рефлексия как личностный компонент сознания трактуется в качестве формы такого активного личностного переосмысления человеком тех или иных содержаний своего индивидуального сознания, которое обеспечивает успешное осуществление им собственной деятельности [8, с. 54]. Таким образом, личностная рефлексия, будучи, по сути, процессом личностного переосмысления, направлена на самоорганизацию через осмысление человеком себя и своей мыслительной деятельности в целом как способа осуществления своего целостного «я».

Некоторые психологи рефлексию определяют через такое личностное образование, как способность (В. А. Лефевр, С. Л. Рубинштейн, Е. В. Смирнова, А. П. Сопиков, Д. Элкинз, Б. Д. Эльконин и др.). Основополагающим является подход С. Л. Рубинштейна, который рефлексию рассматривает как фундаментальную способность сознательного существа быть в отношении к собственному сознанию, мышлению, условиям и способам осуществления жизнедеятельности.

Исследованию интеллектуальной рефлексии посвящены работы Н. Г. Алексеева, М. Э. Боцмановой, Л. Л. Гуровой, В. В. Давыдова, А. В. Захаровой, И. С. Ладенко, И. Н. Семенова, В. И. Слободчикова, Т. К. Тульviste, А. С. Шарова и др. В частности, В. В. Давыдов, рассматривая реф-

лексию в качестве черты собственно теоретического мышления, определяет ее через умение субъекта «выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия» [3, с. 687]. В. И. Слободчиков под рефлексией понимает направленность сознания на самое себя, на собственные процессы и собственные продукты [9, с. 12]. А. С. Шаров считает, что интеллектуальная рефлексия направлена на осмысление совершаемого субъектом движения в содержании проблемной ситуации и на организацию действий, преобразующих элементы этого содержания [11, с. 256–257].

В рамках интеллектуального подхода особое место занимают вопросы соотношения рефлексии и сознания. Большинство исследователей рефлексия рассматривается в качестве базового психологического механизма развертывания и развития мыследеятельности, механизма, обеспечивающего субъективное развитие человека в деятельности и сознании и позволяющего адекватно решать психологические задачи, а также высшего и наиболее эффективного регулятора мышления, отвечающего за высокую организованность сознания, его эффективность и творческий, надситуативный характер.

Согласно процессуальному подходу, рефлексия трактуется как «процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний» (А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский).

В рамках системного подхода рефлексия рассматривается как система определенных элементов, в которой движение одного или нескольких элементов (ведущих) вызывает движение остальных элементов системы. С возникновением такого рефлексивного механизма связывают рождение внутреннего мира человека, обращенность на самого себя.

В данном исследовании рефлексивность определяется как свойство (черта) профессионально-психологического сознания, проявляющееся в умении субъекта в практике ориентированной психологической деятельности выделять и анализировать собственные действия, совершенные им в процессе решения профессиональной задачи, и соотносить их с предметной ситуацией.

В исследовании особенностей развития рефлексивности сознания принимали участие сту-

денты 3–4-го курсов факультета психологии Белгородского государственного университета в количестве 180 человек. Студенты выполняли три задания, связанные с решением профессиональных задач. Каждая задача представляла собой описание ситуаций обращения к психологу: в 1-й задаче к психологу обращалась мама по поводу ухудшения учебы дочери-пятиклассницы; во 2-й задаче – учитель по поводу нарушения учеником первого класса правил поведения на уроках; в 3-й – мама по поводу пропуска занятий сыном-семиклассником. Затем студентам необходимо было проанализировать ход своих мыслей (рассуждений) по решению каждой задачи, ответить на вопрос: «Как я пришел (пришла) к такому решению задачи?».

Критерием оценки сформированности рефлексивности сознания выступили рефлексивные суждения студентов, показателями – качество рефлексивных суждений (частичное или полное осмысление хода собственных мыслей) и продуктивность порождения рефлексивных суждений.

Общее количество суждений, данных студентами в процессе выполнения задания, составило 2028. Из них только 717 суждений (35 % от всех суждений) были оценены как рефлексивные. Полученные данные свидетельствуют о недостаточном проявлении студентами склонности к анализу уже выполненных действий и принятому решению как результату решения профессиональной задачи.

Анализ рефлексивных суждений по показателю качества выявил, что суждений с частичным осмыслением предпосылок, мотивов и причин хода собственных мыслей, а также допущенных ошибок почти в два раза больше, чем суждений с полным содержательным осмыслением (соответственно 477 и 240 суждений).

Анализ качества рефлексивных суждений студентов, полученных при анализе ими процесса и результата решения отдельных задач, показал следующее. В структуре рефлексивных суждений по всем трем заданиям чаще встречаются суждения, характеризующиеся частичным осмыслением студентами хода и результата решения задач: при анализе решения 1-й задачи таких суждений оказалось 201, 3-й задачи – 141 и 2-й задачи – 135. Наиболее типичными рефлексивными суж-

дениями с частичным осмыслением хода и процесса решения задачи являются: «Использовала условия конкретной ситуации» (по 1-й задаче), «Опиралась на теоретические знания по возрастной психологии» (по 2-й задаче), «Проанализировала условия задачи» (по 3-й задаче).

Реже студенты формулировали рефлексивные суждения, характеризующиеся полным содержательным осмыслением хода и результата решения ими профессиональных задач: при анализе решения 1-й задачи таких суждений оказалось 126, 2-й – 69 и 3-й – 45. Рефлексивных суждений, свидетельствующих об умении студентов анализировать и соотносить собственные действия с предметной ситуацией, оказалось при выполнении первого задания в два раза больше, чем при выполнении второго задания, и в три раза больше, чем при выполнении третьего задания. Наиболее типичными суждениями, отражающими более содержательное осмысление студентами хода и результата решения ими профессиональных задач, являются: «Я исходила из того, что в 5-м классе после начального звена увеличивается учебная нагрузка» (по 1-й задаче), «Я обратила внимание на то, чем может ребенку мешать отношение родителей» (по 2-й задаче), «Я исходила из понимания гиперактивности как одного из распространенных психодинамических состояний, с которым трудно бороться» (по 2-й задаче), «В своем решении я исходила из того, что изменяют тренинги, направленные на воспитание ответственности» (по 3-й задаче).

Таким образом, студентам легче рефлексировать предпосылки, мотивы и причины собственных мыслей, а также допущенные ошибки при решении задачи, связанной с особенностями взаимоотношения мамы и дочери-подростка, и сложнее – при решении задачи, связанной с взаимоотношениями мамы и сына-подростка. Трудности ретроспективной рефлексии у студентов связаны, на наш взгляд, больше с полоролевыми особенностями взаимоотношений матери и ребенка, нежели с учебными проблемами подростка. Трудности в выделении и соотношении собственных прогнозируемых действий в ситуации обращения к психологу учителя первого класса имеют свою специфику. Специфика порождения студентами рефлексивных суждений при выпол-

нении этого задания определяется тем, что проблемы взаимоотношений учителя и младшего школьника больше связаны с поведением, чем с учебной. Это говорит о том, что студентам проще анализировать и соотносить свои действия с ситуацией, предметом которой являются интеллектуальные проблемы младшего школьника или проблемы формирования учебной деятельности, нежели с ситуацией, предметом которой являются личностные проблемы в этом возрасте.

Содержательный анализ рефлексивных суждений студентов показал, что, во-первых, они достаточно наполнены психологическим содержанием. Умение строить такие суждения позволяет студентам более глубоко рефлексировать собственные мысли, рефлексировать внутренний мир человека и ситуацию, в которой он находится; представлять внутренний мир другого человека и понимать причины его поступков; переосмысливать содержание собственных мыслей; самоорганизовывать собственную мыслительную деятельность; направлять мышление на самого себя; преобразовывать неявное в явное; выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия; создавать субъективное инобытие деятельности в разных формах. Во-вторых, обладая способностью наполнять мысли психологическим содержанием, студенты-психологи тем самым развивают ряд других способностей.

В исследовании показателем развития рефлексивности мышления наряду с качеством рефлексивных суждений рассматривалась продуктивность их порождения. В целом по выборке установлен низкий уровень продуктивности рефлексивного сознания, о чем свидетельствует среднее значение продуктивности рефлексивного мышления, равное 0,189. То есть при анализе собственных решений предлагаемых профессиональных задач студенты давали менее одного рефлексивного суждения в минуту.

Анализ продуктивности порождения студентами рефлексивных суждений отдельно по каждой задаче показал следующее. В процессе анализа решения задачи, в которой описывается обращение мамы к психологу по поводу того, что дочь-пятиклассница стала хуже учиться, студенты в среднем дали 0,259 рефлексивных суж-

дений в минуту (1-я задача). Анализ решения задачи, в которой описывается обращение учителя по поводу нарушения учеником первого класса поведения на уроках, продуктивность равна 0,159 (2-я задача). Анализ решения задачи, в которой описывается обращение мамы ученика 7-го класса по поводу того, что ее сын пропускает уроки и плохо учится, продуктивность равна 0,147 (3-я задача). Таким образом, к анализу решения третьей задачи продуктивность рефлексивного сознания студентов снижается в полтора раза. Низкий уровень продуктивности рефлексивного сознания показывает отсутствие у студентов рефлексивного опыта. Выражается это, в частности, в том, что студенты редко и не столь долго анализируют и оценивают происшедшие события, скорее, они не склонны анализировать прошлое и себя в нем.

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлен низкий уровень развития ретроспективной рефлексивности сознания студентов-

психологов. Об этом свидетельствует, во-первых, соотношение рефлексивных и нерефлексивных суждений (1:3); во-вторых, установлено доминирование рефлексивных суждений с частичным осмыслением студентами хода собственных мыслей относительно процесса решения ими профессиональных задач; в-третьих, обнаружен низкий уровень продуктивности рефлексивного мышления, однако при этом установлено, что у студентов-психологов имеется потенциальная возможность развития такого свойства профессионального сознания, как рефлексивность, а именно умение и способность студентов наполнять свои мысли психологическим содержанием. Превращение такой возможности из потенциального состояния в актуальное требует организации образовательного процесса в вузе, направленного на развитие профессиональных компетенций будущего психолога, ведущее место в структуре которых принадлежит профессиональному сознанию.

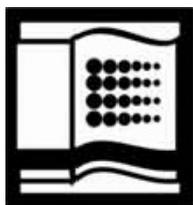
Литература

1. Анисимов О. С. Онтологии в рефлексивном пространстве. – М., 2002. – 400 с.
2. Войтик И. М., Семёнов И. Н. Оценка и развитие рефлексивного мышления. – Новосибирск: СибАГС, 2001. – 144 с.
3. Давыдов В. В. О двух основных путях развития мышления школьников // Мат-лы ГУ Всесоюз. съезда Общества психологов СССР. – Тбилиси, 1971. – С. 686–687.
4. Ладенко И. С., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Формирование творческого мышления и культивирование рефлексии. – Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1990. – 65 с.
5. Разина Т. В. Рефлексия в педагогическом мышлении // Психология профессионального педагогического мышления / под ред. М. М. Кашапова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2003. – 398 с.
6. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
7. Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии // Исследование проблем психологии. – М., 1983. – С. 154–171.
8. Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Типы и функции рефлексии в научном мышлении // Проблемы рефлексии в научном познании. – Куйбышев, 1983. – С. 76–82.
9. Слободчиков В. И. О возможных уровнях анализа проблемы рефлексии // Проблемы логической организации рефлексивных процессов: тез. докл. и сообщений к науч.-метод. конф. 2–4 дек. 1986 года. – Новосибирск, 1986. – С. 12–14.
10. Степанов С. Ю., Семенов И. Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопр. психологии. – 1985. – № 3. – С. 31–40.
11. Шаров А. С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия: моногр. – Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2000. – 358 с.

References

1. Anisimov O.S. Ontologii v reflektivnom prostranstve [Ontology in a reflexive space]. Moscow, 2002. 400 p.
2. Vojtik I.M., Semenov I.N. Ocenka i razvitie reflektivnogo myshlenija [Assessment and development of reflective thinking]. Novosibirsk, SAPA Publ., 2001. 144 p.

3. Davydov V.V. O dvuh osnovnyh putjah razvitiya myshlenija shkol'nikov [On two basic ways to develop pupils' thinking]. *Materialy GU Vsesojuznogo s'ezda Obshchestva psihologov SSSR – Materials Company psychologists Union Congress of the USSR*. Tbilisi, 1971, pp. 686–687.
4. Ladenko I.S., Semenov I.N., Stepanov S.Ju. Formirovanie tvorcheskogo myshlenija i kul'tivirovanie refleksii [Formation of creative thinking and cultivating reflection]. Novosibirsk: SPSL SB RAS Publ., 1990. 65 p.
5. Razina T.V. Refleksija v pedagogicheskom myshlenii [Reflection in teacher thinking]. *Psihologija professional'nogo pedagogicheskogo myshlenija – Psychology of professional pedagogical thinking*. Ed. M.M. Kashapova. Moscow, Publishing House of the “Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,” 2003. 398 p.
6. Rubinstein S.L. Bytie i soznanie: O meste psihicheskogo vo vseobshchej vzaimosvjazi javlenij material'nogo mira [Being and consciousness : The place of universal interconnection mental phenomena of the material world]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. 328 p.
7. Semenov I.N., Stepanov S.Ju. Problema predmeta i metoda psihologicheskogo izuchenija refleksii [The problem of subject and method of psychological study of reflection]. *Issledovanie problem psihologii – Study of the problems of psychology*. Moscow, 1983, pp. 154–171.
8. Semenov I.N., Stepanov S.Ju. Tipy i funkcii refleksii v nauchnom myshlenii [Types and functions of reflection in scientific thinking]. *Problemy refleksii v nauchnom poznanii – Problems of reflection in scientific knowledge*. Kuibyshev, 1983, pp. 76–82.
9. Slobodchikov V.I. O vozmozhnyh urovnjah analiza problemy refleksii [The possible levels of analysis of the problem of reflection]. *Problemy logicheskoy organizacii refleksivnyh processov. Tezisy dokladov i soobshchenij k nauchno-metodicheskoj konferencii 2–4 dekabrja 1986 goda – Abstracts and reports to the Scientific Conference on 2–4 December 1986*. Novosibirsk, 1986, pp. 12–14.
10. Stepanov S.Ju., Semenov I.N. Psihologija refleksii: problemy i issledovanija [Psychology reflection: Issues and research]. *Voprosy psihologii – Questions of psychology*, 1985, no 3, pp. 31–40.
11. Sharov A.S. Ogranichennyj chelovek: znachimost', aktivnost', refleksija [Disabled person: importance of activity, reflection]. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2000. 358 p.



ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ DOCUMENTARY INFORMATION

УДК 004

О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В ПЕРИОД 2012–2013 ГОДОВ

Буцык С. В., кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск). E-mail: bsv@chgaki.ru

Статья посвящена анализу новых источников, которые появились в период 2012–2013 годов (мониторинг эффективности, вебметрический индекс), а также их сравнению с результатами специального исследования, проведенного Министерством культуры РФ в 2011 году.

Автор считает, что для минимальной комплексной оценки уровня информатизации вуза необходимо использовать 8 параметров, попарно разбитых на 4 группы.

Ключевые слова: высшее образование, информатизация, мониторинг, вебметрический индекс.

NEW POSSIBILITIES OF ASSESSING THE LEVEL OF INFORMATIZATION OF RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE PERIOD FROM 2012 TO 2013

Butsyk S. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Vice-rector for Academic Work, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk). E-mail: bsv@chgaki.ru

The article analyzes the new sources that appeared in the period 2012–2013 (monitoring, webometric index) and their comparison with the results of a special study conducted by the Ministry of Culture of the Russian Federation in 2011.

The author considers that for the minimum level of information of an integrated assessment of the university, you must use 8 parameters divided in pairs to 4 groups.

Keywords: higher education, information science, monitoring, webometric index.

О достаточно существенной проблеме оценки уровня информатизации российских вузов (в том числе вузов культуры и искусств) на начало 2012 года мы подробно писали ранее в нескольких работах [4; 5; 6]. В частности, было обозначено, что существовавшие на тот момент статистические контрольные показатели, относящиеся к предмету исследования (ВПО-1 и ВПО-2, ежегодный модуль сбора данных), содержат небольшое число параметров, которые к тому же недостаточно систематизированы и не учитывают специфику вузов определенной сферы (например, культуры и искусств). Также различные ведомственные формы сбора данных (РосСтата

и РосОбрНадзора) фактически не взаимодействуют между собой, что вносит дополнительные разночтения [4].

В результате анализа был предложен относительно широкий спектр сравнительных параметров уровня информатизации вузов культуры и искусств, которые были разделены на 4 группы (содержащие по несколько подгрупп). В их число вошли [5]:

- компьютерная техника (подгруппы – общее количество; использование; качество; компьютерные комплексы; прочая техника);

- сетевая инфраструктура (общие характеристики локальной вычислительной сети (да-

лее – ЛВС); качество ЛВС; подключение вуза к Интернет);

- специализированные программные средства (автоматизированные системы; другие программы; официальный сайт вуза);

- структурно-кадровый потенциал вуза (информационно-технические службы; реализуемые ИТ-направления; кафедры, осуществляющие подготовку по ИТ-направлениям).

Департаментом науки, образования и информационных технологий Министерства культуры Российской Федерации (далее – МК РФ) в начале 2012 года был организован сбор сведений по описанным параметрам в рамках образовательных учреждений, подведомственных МК РФ, который был проведен по итогам 2011 года. Анализ полученных сведений, проводившийся в отношении наиболее крупных вузов культуры и искусств (имеющих приведенный контингент более 900 студентов), позволил сделать ряд важных для отрасли выводов [6], которые были рассмотрены на Всероссийской научной конференции в октябре 2012 года [3] при участии представителей большинства федеральных вузов культуры и искусств.

Однако следует отметить, что данное исследование информатизации вузов указанной сферы практически было разовым, специально организованным, в том числе и для проверки эффективности предложенных сравнительных параметров, по некоторым из которых (составивших в совокупности незначительную часть) объективный анализ провести не удалось [4].

За более чем двухлетний период, прошедший с момента исследования, в российском высшем образовании появился ряд новых возможностей для ежегодной независимой оценки уровня информатизации вузов, без проведения каких-либо специальных исследований.

Так, открыт доступ к информационно-аналитическим материалам по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования (мониторинга вузов) по итогам 2012 и 2013 годов [7]. Среди показателей, которые могут быть отнесены к предмету нашего исследования, выделим два:

1) Количество персональных компьютеров в расчете на одного студента (приведенного кон-

тингента) – соответствует группе (подгруппе) «Компьютерная техника (общее количество)» предложенных нами ранее параметров.

2) Приведенный контингент студентов по УГС 230000 «Информатика и вычислительная техника», его доля в общем контингенте студентов вуза – группе (подгруппе) «Структурно-кадровый потенциал вуза (реализуемые ИТ-направления)» предложенных параметров.

В 2012 году был создан российский вебметрический индекс научно-образовательных учреждений (далее – вебиндекс), методика которого достаточно подробно описана в ряде публикаций А. Б. Антопольского и др. [1; 2]. В целом предложенный вебиндекс оценивает сайты научных и образовательных организаций по четырем показателям («видимость», «размер», «богатые файлы», «публикационная активность»), после чего составляются сводный индекс и общий рейтинг организаций, а также рейтинг по категориям. Сводный показатель вебиндекса также может быть отнесен к предмету нашего исследования.

3) Сводный показатель вебиндекса – соответствует группе (подгруппе)

«Специализированные программные средства (официальный сайт вуза)».

Рассмотрим возможности трех вышеперечисленных показателей оценки более подробно, включая сравнение с соответствующим показателем исследования, проведенного по итогам 2011 года.

1. Соотношение количества ПК в расчете на одного студента

В результате сравнительного анализа компьютерной техники (по итогам 2011 года) было выявлено, что в группу с относительно средними значениями (принято 15-процентное отклонение от среднего арифметического) попадало 7 из 11 крупных вузов культуры и искусств, участвовавших в исследовании (не принял участие Московский университет культуры и искусств). Число студентов (приведенный контингент), приходящихся на один компьютер, составило у данных вузов от 6:1 до 4,5:1 (использовался термин «Число студентов к одному ПК»), или 0,17–0,22 в расчете на одного студента (в терминологии мониторинга – количество ПК в расчете на одного студента) (табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение контингента студентов
(приведенного к очной форме обучения)
и числа компьютеров в вузах культуры и искусств
(по итогам исследования 2011 года)**

Сокращенное наименование вуза	Контингент, приведенный к очной форме обучения	Общее число ПК	Число студентов к одному ПК	Кол-во ПК в расчете на одного студента
КемГУКИ	1697	421	4,0:1	0,25
ОГИИК	1071	242	4,4:1	0,23
ТГАКИиСТ	1546	344	4,5:1	0,22
ПГИИК (ПГАИК)	983	220	4,5:1	0,22
ВСГАКИ	1628	329	4,9:1	0,2
АлтГАКИ	1330	270*	4,9:1	0,2
СГАКИ	1275	247	5,2:1	0,19
ЧГАКИ	2392	425	5,6:1	0,18
СПбГУКИ	5588	940	5,9:1	0,17
КазГУКИ	1840	281	6,5:1	0,15
КГУКИ	2752	356	7,7:1	0,13

* В сведениях, представленных АлтГАКИ, данная позиция не указана. Использована информация о числе ПК, имеющих доступ к сети Интернет.

Несколько хуже этой группы вузов показатели у КазГУКИ (6,5:1, или 0,15) и значительно хуже у КГУКИ (7,7:1, или 0,13). Причем, по нашему мнению, данный вывод не может быть нивелирован, даже если учесть, что оба этих вуза входят в пятерку наиболее крупных учебных заведений по контингенту студентов (КазГУКИ – 5-й, КГУКИ – 3-й) и, следовательно, поддерживать такой показатель им значительно сложнее, нежели более мелким учреждениям. В противовес этому отметим, что приведенный контингент наиболее крупного вуза культуры и искусств (Санкт-Петербургского) двукратно превышает контингент Краснодарского и трехкратно Казанского, при этом СПбГУКИ удалось завершить 2011 год с более высоким значением – 5,9:1 (или 0,17).

Два вуза культуры и искусств имели по итогам 2011 года количественные показатели соотношения ПК и студентов выше среднего – КемГУКИ (4,0:1, или 0,25) и ОГИИК (4,4:1, или 0,23). Следует, однако, отметить, что по результатам того же исследования [4] оба вуза не были отнесены к группе лидеров по качественным характеристикам ПК (доля ПК с процессором Pentium

IV и выше; доля ПК, имеющих процессор с двумя и более ядрами). Кроме того, Орловский институт имел приведенный контингент, наименьший среди всех вузов, участвовавших в исследовании.

Проведя сравнительный анализ данных исследования по итогам 2011 года с результатами мониторинга вузов по итогам 2013 года, можно отметить, что показатель «Количество ПК, приходящихся на одного студента» в среднем для изучаемой нами группы вузов вырос (с 0,19 до 0,24). В то же время можно отметить, что данная положительная динамика, в значительной степени, достигнута не столько за счет увеличения общего количества ПК в вузах культуры и искусств за прошедшие 2 года (+4 %), сколько за счет падения контингента студентов в них (–15 %) (табл. 2).

Таблица 2

**Соотношение контингента студентов
(приведенного к очной форме обучения) и числа
компьютеров в вузах культуры и искусств
(по итогам мониторинга за 2013 год)**

Сокращенное наименование вуза	Контингент, приведенный к очной форме	Динамика за 2 года	Общее число ПК	Динамика за 2 года	Кол-во ПК на одного студента	Динамика за 2 года
ТГАКИиСТ	1079	-30 %	367	7 %	0,34	55 %
АлтГАКИ	1072	-19 %	343	27 %	0,32	60 %
КемГУКИ	1639	-3 %	475	13 %	0,29	16 %
ОГИИК	912	-15 %	246	2 %	0,27	17 %
СГАКИ	1071	-16 %	289	17 %	0,27	42 %
ВСГАКИ	1439	-12 %	374	14 %	0,26	30 %
ЧГАКИ	2045	-15 %	429	1 %	0,21	17 %
МГУКИ	3659	-8 %*	732	2 %*	0,20	11 %*
СПбГУКИ	4274	-24 %	855	-9 %	0,20	18 %
ПГАИК	1076	9 %	194	-12 %	0,18	-18 %
КазГУКИ	1678	-9 %	285	2 %	0,17	13 %
КГУКИ	2471	-10 %	371	4 %	0,15	15 %

* МГУКИ не участвовал в исследовании по итогам 2011 года, поэтому представлена динамика за один год (2012–2013 годы).

Группа с относительно средними значениями (15-процентное отклонение от среднего арифметического) включает 6 из 12 крупных вузов культуры и искусств, а количество ПК, приходящихся на одного студента, в них составляет 0,20–0,27. При этом три более крупных вуза располагаются в нижней части «среднего» диапазона с показателями 0,20–0,21, а три более мелких – в верхней с показателями 0,26–0,27.

В группу «существенно ниже среднего» (с показателями 0,15–0,18) попали три вуза культуры и искусств, среди которых, как и два года назад, оказались Казанский (0,17) и Краснодарский (0,15) университеты. Несмотря на существенное падение контингента студентов (–9–10 %), данным образовательных учреждениям так и не удалось выйти на показатели, относительно средние для отрасли, поскольку динамика увеличения парка компьютерной техники была незначительной (+2–4 %). Пермская академия, перешедшая в данную группу, стала единственным вузом, где за 2 года показатель «Кол-во ПК: один студент» упал (с 0,22 до 0,18), что связано с увеличением контингента студентов (+9 %), с одной стороны, и снижением общего количества ПК в вузе (–12 %), с другой.

К группе лидеров по количественным показателям можно отнести Тюменскую (0,34) и Алтайскую (0,32) академии, а также Кемеровский университет (0,29), которые на фоне снижения контингента студентов в целом увеличили парк компьютерной техники. Однако заметим, что в исследовании по итогам 2011 года [4] из трех вышеперечисленных вузов только Тюменская академия была отнесена к лидерам по качественным характеристикам ПК. Мониторинг эффективности вузов возможности такого сопоставления не предоставляет.

2. Доля студентов IT-направлений в общем контингенте

Прошлым исследованием (по итогам 2011 года) [4] было выявлено, что вузы культуры и искусств представлены в основном одним IT-направлением – «Прикладная информатика» (080800, 080801 – ГОС; 230700 – ФГОС), а доля студентов, обучающихся по нему, колеблется в диапазоне от 3,1 до 5,7 % от общего числа сту-

дентов (6 вузов из 10). Более низкий процент, обучающихся по таким направлениям, зафиксирован у двух (без учета ТГАКИиСТ; см. табл. 3) образовательных учреждений культуры и искусств – АлтГАКИ (2,2 %) и ОГИИК (0 %). Более высокий – у СПбГУКИ (11,1 %) и ПГИИК (7,3 %). При этом было отмечено, что последние два вуза (со сходными тенденциями) являются образовательными учреждениями культуры и искусств с самым большим и самым маленьким общим (приведенным) контингентом студентов из числа исследованных организаций (табл. 3).

Таблица 3

Студенты вузов культуры и искусств, обучающиеся по IT-направлениям (по итогам исследования 2011 года)

Сокращенное наименование вуза	Контингент студентов, обучающихся по IT-направлениям	Доля студентов IT-направлений от общего числа студентов, в %
СПбГУКИ	617,8	11,1 %
ПГИИК (ПГАИК)	72	7,3 %
КГУКИ	157,3	5,7 %
ВСГАКИ	86,7	5,3 %
КемГУКИ	82,4	4,9 %
КазГУКИ	66	3,6 %
ЧГАКИ	77,9	3,3 %
СГАКИ	39,4	3,1 %
АлтГАКИ	29	2,2 %
ОГИИК	0	0 %
ТГАКИиСТ	–*	–*

* В данных ТГАКИиСТ за 2011 год был указан общий контингент двух направлений «Прикладная информатика» и «Библиотечно-информационная деятельность», последнее из которых не относится к предмету исследования.

Также в процессе исследования по итогам 2011 года выявлены достаточно интересные факты, касающиеся динамики контингента студентов IT-направлений за последние 6 лет. У большинства учебных заведений, имевших IT-направления в 2005 году, отмечается значительное падение контингента – не менее чем на 22 %, а в отдельных случаях и до 60–69 %. Обратная ситуация была отмечена в тех же двух вузах: СПбГУКИ (динамика за 6 лет +107 %) и ПГИИК (динамика +16 %).

Поскольку в мониторинге вузов можно получить данные не по отдельным направлениям (специальностям), а только по укрупненным группам направлений и специальностей (далее – УГНС), провести сравнительный анализ с результатами исследования 2011 года не представляется возможным. Направление «Прикладная информатика» из УГНС 080000 «Экономика и управление» (согласно ГОС, 4–5-й курсы обучения в 2013/14 учебном году) перешло в УГНС 230000 «Информатика и вычислительная техника» (согласно ФГОС, 1–3-й курсы обучения в 2013/14 учебном году). В то же время можно привести данные, касающиеся студентов первых трех курсов на 2013 год (первых двух – на 2012 год).

Так, группа с относительно средними значениями даже при более значительном разбросе значений относительно среднего (около 33 %) составила всего 5 из 12 крупных вузов культуры и искусств. Диапазон значений доли УГНС 23 в общем контингенте в 2013 году составил 0,9–1,3 %, а в число вузов группы вошли 5 из 6 наиболее крупных образовательных учреждений культуры и искусств, за исключением Московского университета культуры и искусств (табл. 4).

Таблица 4

Студенты вузов культуры и искусств, обучающиеся на направлениях УГНС 230000 «Информатика и вычислительная техника» (в соответствии с ФГОС, по итогам мониторингов за 2013 и 2012 годы)

Сокращенное наименование вуза	Приведенный контингент студентов, 2013 год	Приведенный контингент студентов УГНС 230000, 2013 год	Доля УГНС 230000 в общем контингенте студентов, 2013 год	Динамика УГНС 230000 за год (2012–2013)
ПГАИК	1076	19,0	1,8 %	-31 %
АлтГАКИ	1072	18,0	1,7 %	-4 %
ВСГАКИ	1439	24,7	1,7 %	32 %
КГУКИ	2471	32,5	1,3 %	9 %
КемГУКИ	1639	18,9	1,2 %	21 %
СПБГУКИ	4274	51,5	1,2 %	23 %
КазГУКИ	1678	18,4	1,1 %	11 %

Окончание таблицы 4

Сокращенное наименование вуза	Приведенный контингент студентов, 2013 год	Приведенный контингент студентов УГНС 230000, 2013 год	Доля УГНС 230000 в общем контингенте студентов, 2013 год	Динамика УГНС 230000 за год (2012–2013)
ЧГАКИ	2045	17,5	0,9 %	-18 %
СГАКИ	1071	5,9	0,6 %	-32 %
МГУКИ	3659	12,0	0,3 %	-26 %
ТГАКИиСТ	1079	2,0	0,2 %	-27 %
ОГИИК	912	0,0	0,0 %	-

Группу «существенно ниже среднего» (с показателями 0–0,6 %) составили четыре вуза культуры и искусств из Самары (0,6 %), Москвы (0,3 %), Тюмени (0,2 %) Орла (0 %). При этом, по итогам исследования 2011 года, Орловский институт также не обучал студентов-информатиков, Московский университет не предоставил сведения для исследования в целом, Тюменская академия предоставила информацию, не достаточную для анализа этого показателя, а Самарская академия, находясь в «средней» группе, имела наименьшее значение среди таких образовательных учреждений.

К группе относительных лидеров по доле контингента студентов УГНС 230000 мы отнесли Пермскую, Алтайскую и Восточно-Сибирскую академии (1,7–1,8 %).

Однако можно отметить достаточно важный факт, что только 5 из 12 исследуемых вузов имеют положительную динамику контингента УГНС 230000 за прошедший год, хотя число студентов, обучающихся по ФГОС теоретически должно было увеличиться (2012 год – 1–2-й курсы, 2013 год – 1–3-й курсы). Это может говорить о том, что более половины вузов культуры и искусств фактически не проводили набор абитуриентов на направление «Прикладная информатика» в 2013 году! В этом плане, безусловно, будет интересна информация, представленная вузами по итогам мониторинга за 2014-й год (в марте-апреле 2015 года).

3. Сводный показатель вебиндекса

В декабре 2011 года на основе технологии поисковой машины «Яндекс» (ТИЦ «Яндекс») мы проводили собственную (практически вне рамок исследования Департамента МК РФ) оценку официальных вузовских ресурсов (табл. 5, декабрь 2011 года).

К числу лидеров нами были отнесены два крупнейших вуза культуры и искусств – МГУКИ (ТИЦ «Яндекс» 650) и СПбГУКИ (500), за ними со значительным отрывом следовали ЧГАКИ и КемГУКИ (по 300). Группа с наименьшими показателями (ТИЦ «Яндекс» 130 и менее) включала четыре вуза культуры и искусств, среди которых были образовательные учреждения, имевшие доменное имя сайта третьего уровня (ОГИИК) или зарегистрировавшие домен второго уровня относительно недавно (КГУКИ, АлтГАКИ, СГАКИ).

Таблица 5

**Индекс цитирования «Яндекс»
официальных сайтов вузов культуры и искусств
(2011–2013 годы)**

Сокращенное наименование вуза	Индекс цитирования «Яндекс»			
	декабрь 2011 года	декабрь 2012 года	декабрь 2013 года	Динамика 2011–2013 годы
МГУКИ	650	800	800	23 %
СПбГУКИ	500	600	600	20 %
КемГУКИ	300	475	600	100 %
ЧГАКИ	300	425	500	67 %
КазГУКИ	220	240	300	36 %
ПГИИК (ПГАИК)	220	210	300	36 %
ТГАКИиСТ	170	250	300	76 %
ВСГАКИ	190	250	275	45 %
АлтГАКИ	130	170	240	85 %
КГУКИ	110	130	190	73 %
ОГИИК	100	140	180	80 %
СГАКИ	0	60	110	83 %

По итогам 2012 и 2013 годов нами была проведена аналогичная оценка, которая не выявила существенных изменений в распределении групп: «группа лидеров», «группа с относительно сред-

ними значениями» (среднее арифметическое при разбросе значений около 30 %), «значительно ниже среднего» – по 4 вуза культуры и искусств в каждой группе (табл. 5).

Отметим, что динамика ТИЦ «Яндекс» у исследуемых вузов составила в среднем около 52 % (241 в 2011 году, 366 в 2013 году). В то же время у 7 вузов из 12 наблюдалась более высокая динамика (67–100 %), причем к данной категории можно отнести все четыре вуза нижней группы (что не удивительно, учитывая относительно «свежую» регистрацию доменов), один – средний (ТГАКИиСТ) и два из вузов-лидеров (КемГУКИ, ЧГАКИ).

Выборка данных, касающихся 12 исследуемых вузов культуры и искусств, российского вебметрического индекса 2012 года представлена в таблице 6.

При распределении вузов на 3 группы («лидеры», «относительно средние значения», «значительно ниже среднего») нами были применены те же параметры, что и для индекса цитирования «Яндекс» – вузы, имеющие значения, входящие в диапазон 30-процентного разброса от среднего, определялись во вторую группу из трех.

Важно заметить, что корреляция попадания вузов в одни и те же группы в вебиндексе и ТИЦ «Яндекс» отмечена нами в 10 из 12 (83 %) случаев, что может говорить о некоторой близости итоговых (относительных) оценок между двумя индексами. Однако два вуза в вебиндексе были определены в другую группу, нежели в ТИЦ «Яндекс»: во вторую группу с относительно средними значениями перешли МГУКИ (из первой группы-лидеров) и АлтГАКИ (из третьей группы – с показателями, значительно ниже среднего).

В обоих случаях во многом определяющим фактором стал показатель «богатые файлы» (R-ранг вебиндекса). Действительно, у МГУКИ он значительно хуже (113), чем у трех остальных представителей группы лидеров (25–64), а у Алтайского вуза – значительно лучше (36), чем у трех других учреждений из группы аутсайдеров (94–131). Описанное сопоставление двух различных индексов (по отношению к одной и той же группе вузов при одних и тех же параметрах распределения на группы) позволяет предположить, что вебиндекс оценивает сайты вузов более тонко, нежели ТИЦ «Яндекс».

Таблица 6

Российский вебметрический индекс официальных сайтов вузов культуры и искусств (2012 год)

Сокращенное наименование вуза	Доменное имя сайта	Место в рейтинге	Сумма рангов	V ранг	S ранг	R ранг	Sc ранг
КемГУКИ	kemguki.ru	287	165	43	8	25	89
СПбГУКИ	spbguki.ru	410	201	26	69	33	73
ЧГАКИ	chgaki.ru	417	202	29	30	64	79
ПГАИК	psiac.ru	585	260	54	63	44	99
МГУКИ	mguki.ru	588	261	21	66	113	61
ТГАКИиСТ	tsiac.ru	591	261	79	48	19	115
АлтГАКИ	altgaki.org	645	278	72	58	36	112
ВСГАКИ	vsgaki.ru	798	339	56	82	91	110
КазГУКИ	kazguki.ru	812	343	59	98	92	94
ОГИИК	ogiik.orel.ru	961	396	91	87	94	124
КГУКИ	kguki.info	1011	414	89	112	124	89
СГАКИ	smrgaki.ru	1192	473	124	94	131	124

Заключение

Подводя итоги текущему исследованию проблемы, можно сказать, что из 14 укрупненных параметров (подгрупп, предложенных нами и апробированных по итогам 2011 года) только по трем в период 2012–2013 годов можно было провести независимый сравнительный анализ без организации специального исследования. Мы считаем, что этого в значительной степени недостаточно для объективной оценки уровня информатизации высших учебных заведений в России. Как минимум, данные возможности необходимо расширить еще пятью параметрами:

1. Количественные показатели компьютерной техники явно нуждаются в дополнении качественными. Например, «Доля компьютеров, приобретенных за последние 5 лет» покажет насколько современной является техника в вузе, количественный показатель которого при этом может быть достаточно высоким.

2. Показатели сетевой инфраструктуры описанными нами источниками не оцениваются совсем, хотя на современном этапе развития образования использование сети (локальной, Интернет) вузами играет достаточно большое значение. В качестве базовых параметров можно предложить, например, «Долно компьютеров, находящихся в составе единой локальной вычислительной сети вуза» и «Максимальную скорость выделенного вузу интернет-канала (в Мб/с)».

3. Возможность сравнительного анализа сайтов образовательных учреждений является, безусловно, важным аспектом, позволяющим в определенной степени оценить программную составляющую «снаружи». В то же время необходима и оценка крупных автоматизированных систем, используемых во внутренней работе вуза. Это могут быть информационные системы (АИС) или системы управления образовательным процессом (АСУ ОП), причем как приобретенные, так и собственные разработки образовательного учреждения.

4. Наряду с изучением реализуемых ИТ-направлений, представляется важным анализ потенциала информационно-технических служб вуза (ИТ-руководители, системные администраторы, программисты, инженеры, техники и т. п.). Параметром сравнительной оценки может, например, служить «Соотношение сотрудников ИТ-служб и числа преподавателей вуза» или «Доля сотрудников ИТ-служб в общем числе сотрудников».

В этом случае можно было бы провести комплексную оценку информатизации вуза по 8 параметрам, которые бы попарно определяли 4 направления – компьютерная техника, сетевая инфраструктура, специализированные программные средства, структурно-кадровый потенциал.

Аргументом в пользу применения более сложной оценки может служить сопоставление, которое мы провели между двумя условными рейтингами вузов культуры и искусств: по ито-

гам 2011 года (8 параметров, взятых попарно из 4 направлений) и по итогам 2012–2013 годов (3 параметра). Можно отметить, что результаты обоих рейтингов в большей степени совпали только в их нижней части (то есть для группы с показателями «значительно ниже среднего»), в которую вошли одни и те же 4 вуза культуры и искусств из 11 исследовавшихся в оба периода. Однако по остальным группам можно отметить достаточно существенные отличия. Так, например, лидером более простого рейтинга 2012–

2013 годов (3 параметра) стал Алтайский вуз (АлтГАКИ), который в рейтинге 2011 года (8 параметров, по 2 из 4 направлений) располагался лишь на седьмом месте!

Это в определенной степени может говорить о том, что для оценки образовательных учреждений, имеющих существенные проблемы с информатизацией, возможно, достаточно и трех параметров. В то же время такой относительно упрощенный вариант, скорее всего, не совсем подходит для оценки вузов-лидеров.

Литература

1. Антопольский Ю., Поляк Ю. Е., Усанов В. Е. О российском индексе веб-сайтов научно-образовательных учреждений // Информационные ресурсы России. – 2012. – № 4. – С. 2–7.
2. Антопольский Ю., Поляк Ю. Е., Усанов В. Е. Развитие вебметрического индекса научно-образовательных учреждений России // Информационные ресурсы России. – 2013. – № 4. – С. 16–24.
3. Буцык С. В. Информатизация вузов культуры и искусств: проблемы и перспективы современного периода // Информационно-коммуникационные технологии и электронные ресурсы в системе культурно-цивилизационных преобразований: опыт и проблемы использования в вузах культуры и искусств: тез. докл. II Всерос. науч. конф. – Челябинск, 2012. – С. 181–187.
4. Буцык С. В. Организационные аспекты информатизации вузов культуры и искусств: моногр. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2012. – 117 с.
5. Буцык С. В. Сравнительные параметры уровня информатизации вузов культуры и искусств // Открытое образование. – 2011. – № 2. – С. 77–83.
6. Буцык С. В., Неретин О. П., Суконкин А. В. Сравнительный анализ уровня информатизации вузов, подведомственных Министерству культуры РФ (за период 2005–2011 годов) // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 8–18.
7. Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения: 11.06.2014).

References

1. Antopol'skij A.B., Poljak Ju.E., Usanov V.E. O rossijskom indekse veb-sajtov nauchno-obrazovatel'nyh uchrezhdenij [On the Russian index websites scientific and educational institutions]. *Informacionnye resursy Rossii*, 2012, no 4, pp. 2–7.
2. Antopol'skij A.B., Poljak Ju.E., Usanov V.E. Razvitie vebometriceskogo indeksa nauchno-obrazovatel'nyh uchrezhdenij Rossii [Webometric development index of scientific and educational institutions in Russia]. *Informacionnye resursy Rossii*, 2013, no 4, pp. 16–24.
3. Bucyk S.V. Informatizacija vuzov kul'tury i iskusstv: problemy i perspektivy sovremennogo perioda [Informatization of culture and arts universities: problems and prospects of the modern period]. *Informacionno-kommunikacionnye tehnologii i elektronnye resursy v sisteme kul'turno-civilizacionnyh preobrazovanij: opyt i problemy ispol'zovanija v vuzah kul'tury i iskusstv. Tezisy dokladov II Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Cheljabinsk, 2012, pp. 181–187.
4. Bucyk S.V. Organizacionnye aspekty informatizacii vuzov kul'tury i iskusstv [Organizational aspects of information culture and arts universities: monograph]. Cheljabinsk, 2012. 117 p.
5. Bucyk S.V. Sravnitel'nye parametry urovnja informatizacii vuzov kul'tury i iskusstv [Comparative parameters of informatization level Universities of Culture and Arts]. *Otkrytoe obrazovanie*, 2011, no 2, pp. 77–83.
6. Bucyk S.V., Neretin O.P., Sukonkin A.V. Sravnitel'nyj analiz urovnja informatizacii vuzov, podvedomstvennyh Ministerstvu kul'tury RF (za period 2005–2011 godov) [Comparative analysis of the level of information of universities under the Ministry of Culture of the Russian Federation (for the period 2005–2011.)]. *Vestnik Cheljabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*, 2012, no 3, pp. 8–18.
7. Informacionno-analicheskie materialy po rezul'tatam analiza pokazatelej effektivnosti obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovanija. Available at: <http://miccedu.ru/monitoring/> (accessed 11.06.2014).

УДК 002.1:339

ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТНЫХ РЕСУРСОВ ТОРГОВОГО ПРОФИЛЯ В КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ОТРАСЛИ

Дроздова Е. В., кандидат исторических наук, доцент, Харьковская государственная академия культуры (г. Полтава, Украина). E-mail: galia.drozdova2011@yandex.ru

В статье исследуются вопросы документных ресурсов коммерческой деятельности, характеризуются основные их составные – документные потоки, документный массив, документный фонд и особенности их функционирования в торговле.

Ключевые слова: документные ресурсы, документные потоки, документный массив, документный фонд, коммерция, торговая документация.

FEATURES OF DEBENTURE RESOURCES OF POINT-OF-SALE TYPE IN THE COMMUNICATION PROCESSES OF INDUSTRY

Drozдова E. V., Candidate of Historical Sciences, Docent, Kharkov State Academy of Culture (Poltava, Ukraine). E-mail: galia.drozdova2011@yandex.ru

The article examines the issues of Document Resources business, characterized by their main components: bond flows, array bond, bond fund and the peculiarities of their functioning in the trade.

Keywords: document resources, bond flows, bond array, bond fund, commerce, trade documentation.

Такие факторы, как нестабильность рыночной среды, социально-экономические трансформации, обострение конкуренции, вынуждают торговые предприятия уделять значительное внимание документному обеспечению отрасли. Документные ресурсы – главная составляющая системы коммерческой деятельности, потому что объем и качество информации определяют оперативность функционирования отрасли. Задача документных ресурсов – постоянный целеустремленный сбор, анализ и обработка торговой информации о состоянии отрасли, товарного рынка, анализ и выявление особенностей и тенденций развития коммерческой деятельности. Весомый вклад в исследование вопросов документных ресурсов сделали Н. Н. Кушнаренко, С. Г. Кулешов, Г. Н. Швецова-Водка, Л. Я. Филиппова, А. А. Соляник, Л. И. Демчина, М. В. Ларин и др. [4; 8; 9; 10; 11; 15; 17; 18].

Значительное количество научных разработок свидетельствует о заинтересованности научных работников данным направлением исследований.

Целью научной публикации является характеристика документных ресурсов торгового профиля в коммуникационных процессах торговой отрасли, отдельных ее составляющих – документных потоков, массива, фонда.

Документные потоки, массивы и фонды образуют документные ресурсы – совокупность документов, подготовленных для эффективного использования. Документные ресурсы обеспечивают сбор, обработку, хранение, поиск, использование документной информации, которая формируется в документно-коммуникационных системах торговой отрасли.

Заслуживают детального рассмотрения закономерности функционирования документных ресурсов, которые указывают на общий характер процесса, подчиняются последовательности, порядку, наличие в документации объективных свойств, которые обеспечивают их значимость и необходимость [6, с. 92]:

- внедрение новых знаковых средств и способов документирования информации, новейшие носители информации приводят к необходимости

уплотнения документных потоков (от знаковых систем к электронным технологиям документирования информации);

- хранение и специализация разных видов документов, которые выполняют ограниченные функции, то есть потребность в новых средствах коммуникации, не ведёт к полному их устранению и документные ресурсы характеризуются стабильностью [4, с. 139];

- динамика роста документных потоков и массивов, увеличения их объема согласно достижениям стадии экспоненциального развития и достижения стадии насыщения (теория Д. Прайса). Однако данная теория не является характерной для многих областей науки, производства;

- скорость роста документных потоков, которая определяется относительным количеством документов текущего года по сравнению с количеством документов базового года [13, с. 42];

- важнейшая торговая документация хранится на бумажных носителях и требует постоянного хранения в архивах.

Детально рассмотрим каждую составляющую документных ресурсов. В торговой отрасли документные потоки и массивы – это сложная упорядоченная система, которая состоит из отдельных элементов, которые занимают отдельное положение и играют определенную роль. Каждый структурный элемент системы выполняет свои собственные функции. Документный поток выполняет следующие функции:

- движение торговой документации;
- распространение торговой документации в среде отрасли;
- пополнение и обновление документных массивов.

Документному массиву свойственны следующие функции:

- аккумуляция торговой документации;
- обеспечение хранения и использования торговой документации потребителями информации.

Системное рассмотрение документных потоков и массивов возможно на микро-, мезо- и макроуровне. На макроуровне документный поток как система возможен в виде конкретного торгового документа. На макроуровне документный поток существует на основе изучения, анализа,

обработки предыдущих документов и рассматривается как часть документной среды, которая движется [7, с. 88].

Документный поток и массив как мезосистема – это совокупность торговой документации, которая функционирует в процессе создания, распространения и использования в торговой отрасли.

На функционирование документных ресурсов отрасли влияет много факторов, среди которых определяющий – информативная политика государства, которая отображается в законах, актах, регламентирующих развитие и использование документно-коммуникативных систем страны (Законы Украины «Об информации», «О печатных средствах массовой информации (прессы) в Украине», «О научно-технической информации», «Об издательском деле», «Об обязательном экземпляре документов» и др.).

Кроме информативной политики государства, документные ресурсы находятся под воздействием факторов внешней среды непрямого влияния, среди которых:

- экономический (уровень доходов населения, темпы инфляции и др.);
- политико-правовой (влияние политического режима, идеология и др.);
- научно-технический (уровень компьютеризации, инновационные технологии и др.);
- социокультурный (менталитет, культура, религия, грамотность потребителей информации и др.);
- демографический;
- естественно-экологический (экологическая ситуация и др.),

и прямого влияния:

- государственные органы;
- производители продукции;
- распространители и пользователи документной информации;
- источники финансирования, аккумуляция документации [4, с. 42].

Следовательно, документные потоки и массивы рассматриваются на трех уровнях (микро-, мезо- и макроуровень) и их функционирование находится под воздействием информативной политики государства, факторов внешней среды прямого и непрямого влияния.

Документные потоки в торговой отрасли характеризуются следующими показателями:

- источником возникновения;
- интенсивностью и скоростью передачи и приема информации;
- специальными характеристиками (пропускной способностью, защитой от несанкционированного доступа, конфиденциальностью и др.);
- направлением движения потока.

В настоящее время приобретают актуальное значение электронные торговые документы, которые входят в состав документных потоков отрасли, оправданным стало понятие «информационно-документное обеспечение торговой отрасли».

Управление документными потоками в торговле заключается в согласовании скорости передачи и приема информации, объема информации и величины пропускной способности торговых предприятий. Характеристика движения документных потоков в торговой отрасли аналогична движению товарных, финансовых потоков [1, с. 120].

Организация управления документным потоком отдельного торгового предприятия должна отвечать общей организации, чтобы легко вписаться в его иерархию – условный торговый контур [2, с. 354].

Таким образом, документные потоки – это динамическая часть массива документов, активная часть информационных ресурсов торговой отрасли, которые находятся под прямым и непрямым влиянием факторов внешней среды. Кроме того, управление документными потоками зависит от скорости информации, ее величины и пропускной способности предприятий исследуемой отрасли.

Документный поток – действующая документация отрасли. Более детально рассмотрим указанную документацию. Функционирующая в отрасли организационно-распорядительная документация делится на:

- организационные документы (положение, уставы, инструкции, правила);
- предписывающие (постановления, решения, распоряжения, приказы по общим вопросам, указания);
- справочно-информационные (справки, протоколы, акты, докладные и объяснительные запи-

ски, служебные письма, отзывы, доклады, отчеты, договора и др.);

- по кадровым вопросам (заявления, приказы, трудовые книжки, личные карточки и др.);
- личные официальные документы (предложения, заявления, жалобы граждан, расписки, поручения и др.).

Следующая группа документов, которая составляет основу торговой деятельности – хозяйственные договора, которые классифицируются за разными признаками, в основу положена классификация хозяйственных связей торговой деятельности (табл. 1) [3, с. 89].

Таблица 1

Классификация хозяйственных договоров

Признак классификации хозяйственных договоров	Название хозяйственных договоров
По содержанию торговой деятельности	Договора купли-продажи и их разновидности: договор купли-продажи в оптовой и розничной торговле; договор купли-продажи на биржах и аукционах; договор купли-продажи объектов приватизации; форвардный, фьючерсный, опционный договора купли-продажи; внешнеэкономический договор купли-продажи [11, с. 201]; договора снабжения товаров, договора обмена (товарообменные), договора контрактации, договора комиссии, договора консигнации, договора-поручения
По структуре хозяйственных связей	Внутрисистемные договора, межсистемные договора, прямые, опосредствованные
По организационной форме составления	Договора, заключенные на ярмарках, договора, заключенные вне ярмарок, договора, заключенные на биржах
По срокам действия	Договора на хозяйственный год, договора краткосрочные, договора разовые, договора сезонные
По количеству участников	Простые договора, долевые договора
По предмету договора	Договора купли-продажи товаров, договора на предоставление услуг

Разновидностью хозяйственных договоров являются контракты (государственные, международные, гарантийные, связанные, типовые, контракты во внешней торговле, ограничительные, облигационные, контракты фьючерсные и их разновидности: контракты нот и контракты шорт, контракты на срок) и соглашения.

Следующую группу торговой документации составляют документы коммерческой логистики:

- документы по подготовке товара к отгрузке;
- коммерческие документы, которые выражают стоимостную, качественную и количественную характеристики товара;
- документы на платежно-банковские операции;
- страховые документы;
- товарные документы, которые выписываются грузоперевозчиком;
- транспортно-экспедиторские документы;
- таможенные документы;
- складские документы [2, с. 356–357].

Документы в международной торговле коммиссионных и посреднических операций включают:

- договор поручения;
- договор комиссии, разновидностью которого есть договор консигнации.

Документы арендных и лизинговых операций включают:

- лизинг с неполной оплатой;
- лизинг со специальным обслуживанием;
- лизинг с полной оплатой;
- раздельный лизинг;
- прямой лизинг;
- лизинг типа реализации;
- экспортный лизинг;
- импортный лизинг.

Документы совместной деятельности коммерческих предприятий:

- договор коммиссионной концессии;
- договор о создании совместного предприятия.

Документ принятия продукции за количеством и качеством – коммерческий акт [12].

Денежные и товарные документы, которые удостоверяют имущественные права: ценные бумаги – акции, облигации, векселя, чеки, депозиты и инвестиционные сертификаты, акцепты, паи, ноты, боны, коммерческие бумаги, коносаменты, варранты.

Тендерная документация включает следующие документы:

- приглашение к участию в тендере;
- инструкция поставщикам;
- заказ на поставку продукции и технические требования к продукции;
- основные условия контракта.

Следовательно, в состав документных потоков торговой отрасли входят следующие виды документов: организационно-распорядительная документация; хозяйственные договора; контракты и соглашения; документы коммерческой логистики; документы в международной торговле коммиссионных и посреднических операций; документы арендных и лизинговых операций; документы совместной деятельности коммерческих предприятий; коммерческие акты; денежные и товарные документы, которые удостоверяют имущественные права; тендерная документация, которая составляет основу торговой документации отраслевого документооборота.

Основу документного массива торговой деятельности составляют нормативно-законодательные документы, которые регулируют торговлю и составляют нормативно-правовую базу, которая определяет ответственность субъектов хозяйственно-торговой деятельности перед потребителями и защищает их права [16, с. 210]. К нормативно-законодательным документам относятся:

- документы, которые регулируют торговую деятельность: Налоговый кодекс Украины, Хозяйственный кодекс, Кодекс Украины об административных правонарушениях, Гражданский кодекс Украины, Таможенный кодекс Украины;

- Указ Президента Украины «О применении штрафных санкций за нарушение норм и регуляции обращения наличности» от 12 июня 1995 года № 436/95;

- Законы Украины: «О разрешительной системе в сфере хозяйственной деятельности» от 6 сентября 2005 года № 2806-IV; «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц – предпринимателей» от 15 мая 2003 года № 755-IV; «О лицензировании определенных видов хозяйственной деятельности» от 1 июня 2000 года № 1775-III; «О применении регистраторов расчётных операций в сфере торговли, общественного питания и услуг»

от 6 июля 1995 года № 265/95-ВР; «О государственной регуляции производства и обращения спирта этилового, коньячного и плодового, алкогольных напитков и табачных изделий» от 19 декабря 1995 года № 481/95-ВР; «О безопасности и качестве пищевых продуктов» от 23 декабря 1997 года № 771/97-ВР; «О защите прав потребителей» от 12 мая 1991 года № 1023-ХІІ; «Об информации» от 2 октября 1992 года № 2657-ХІІ; «Об охране прав на знаки для товаров и услуг» от 15 декабря 1993 года № 3689-ХІІ; «Об обеспечении санитарного и эпидемического благополучия населения» от 24 февраля 1994 года № 4004-ХІІ; «О бухгалтерском учёте и финансовой отчетности в Украине» от 16 июля 1999 года № 996-ХІV; «О платёжных системах и переводе средств в Украине» от 5 апреля 2001 года № 2346-ІІІ;

- Приказы: Министерства финансов Украины от 7 ноября 2011 года № 1394 «Об утверждении Положения о регистрации плательщиков налога на добавленную стоимость»; Министерства экономики Украины от 19 апреля 2007 года № 104 «Об утверждении Правил розничной торговли непродовольственными товарами»; Министерства Украины по вопросам чрезвычайных ситуаций от 19 октября 2004 года № 126 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в Украине»; Министерства экономики и по вопросам европейской интеграции Украины от 11 июля 2003 года № 185 «Об утверждении Правил розничной торговли продовольственными товарами»; Министерства внешних экономических связей и торговли Украины от 8 июля 1996 года № 396 «Об утверждении Правил работы мелкорозничной торговой сети»; Министерства охраны здоровья Украины от 9 октября 2000 года № 247 «Об утверждении Временного порядка проведения государственной санитарно-гигиенической экспертизы»;

- Постановления Кабинета Министров Украины: «О сроке действия лицензии на осуществление определенных видов хозяйственной деятельности, размеры и порядок зачисления платы за ее выдачу» от 29 ноября 2000 года № 1755; «Об утверждении Порядка представления и регистрации декларации соответствия материально-технической базы субъекта ведения хозяй-

ства требованиям законодательства по вопросам пожарной безопасности» от 5 июня 2013 года № 440; «Об утверждении Порядка осуществления торговой деятельности и правил торгового обслуживания на рынке потребительских товаров» от 15 июня 2006 года № 833;

- Порядок применения электронной цифровой подписи органами государственной власти, органами местного самоуправления, предприятиями, учреждениями и организациями государственной формы собственности от 28 октября 2004 года № 1452;

- Постановление Правления Национального банка Украины «Об утверждении Положения о ведении кассовых операций в национальной валюте в Украине» от 15 декабря 2004 года.

Документный фонд – это освоенный массив документов с помощью систематизации, реферирования, упорядочивания, аннотирования и др.

Документный фонд – необходимая, специфическая торговая документация, наработанная в отрасли. В этот фонд входят отдельные организационно-распорядительные документы, а именно:

- положение – правовой акт, который определяет порядок образования, права и обязанности, организацию работы торгового предприятия и его структурных подразделений;

- устав коммерческого предприятия как юридический акт, который представляет собой сборник правил, которые регулируют деятельность организации, учреждения, общества граждан, их отношения с другими организациями и гражданами, определяет их структуру, функции, правовой статус и обязанности в определенной сфере государственного управления или хозяйственной деятельности [5, с. 52],

и нормативная документация по стандартизации:

- государственные стандарты (ДСТУ), которые являются обязательными для всех субъектов ведения хозяйства, независимо от формы собственности;

- отраслевые стандарты (ГСТУ), которые разрабатывают на продукцию в случае отсутствия государственных стандартов Украины;

- стандарты научно-технических и инженерных обществ и союзов Украины (СТТУ);

- стандарты международных организаций ISO и IES;
- классификаторы, руководящие нормативные документы, рекомендации;
- стандарты предприятий (СТП);
- технические условия Украины (ТУУ).

Выводы. Документные ресурсы – главная составляющая системы торговой отрасли, потому что объем и качество информации определяют оперативность функционирования отрасли. Задания документных ресурсов – постоянный сбор, анализ и обработка торговой информации о состоянии отрасли, товарного рынка, анализ и выявление особенностей и тенденций развития торговой деятельности. Документные ресурсы торгового профиля имеют три основных составляющих: документные потоки, документные массивы и документный фонд, которые находятся в тесной взаимосвязи и выполняют определенные функции.

Системное рассмотрение происходит на микро-, мезо- и макроуровнях. Кроме того, на функ-

ционирование документных ресурсов влияют внешние и внутренние факторы. Наиболее многочисленная группа торговой документации входит в состав документного потока отрасли: хозяйственные договора, контракты и соглашения, документы коммерческой логистики, документы в международной торговле комиссионных и посреднических операций, документы арендных и лизинговых операций, коммерческие акты, денежные и товарные документы, тендерная документация. Документный массив торгового профиля включает: нормативно-законодательные документы, которые регулируют торговую деятельность. Основу документного фонда отрасли составляет нормативная документация по стандартизации, уставы коммерческих предприятий, положения как юридические акты.

На основе полученных данных документных ресурсов нужно определить стратегические и тактические направления усовершенствования функционирования всех ее составляющих, которые должны повысить оптимизацию коммуникаций отрасли.

Литература

1. Альбеков А. У., Федько В. П., Минько О. А. Логистика коммерции: учеб. пособие. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 512 с.
2. Аникин Б. А., Тяпухин А. П. Коммерческая логистика: учебник. – М.: ТКК Велби, 2007. – 432 с.
3. Алопий В. В., Гончарук Я. А. Коммерческая деятельность на рынке товаров и услуг: учебник. – К.: НМЦ «Укоопосвіта», 2002. – 458 с.
4. Демчина Л. И. Документные потоки и массивы: курс лекций для студ. спец. «Документоведение и информационная деятельность». – Ивано-Франковск: Факел, 2009. – 208 с.
5. Диденко А. Н. Современное делопроизводство: учеб. пособие. – 2-е изд., обраб. и доп. – К.: Лыбидь, 2000. – 384 с.
6. Документно-информационные потоки и массивы: сущность и значение. Методологические принципы изучения теории документных потоков. Общие и специфические закономерности функционирования документных потоков и массивов. Фрагментарность документируемой информации: курс лекций. – К.: ЧВУЗ «Европейский ун-т», 2010. – 117 с.
7. Комова М. В. Документоведческая терминология: учеб. пособие для студ. спец. «Документоведение и информационная деятельность». – Львов: Изд-во Нац. ун-та «Львовская политехника», 2008. – 167 с.
8. Кулешов С. Г. Общее документоведение: учеб. пособие. – К.: Изд. дом Киево-Могилянская акад., 2012. – 123 с.
9. Кулешов С. Г. Управленческое документоведение: учеб. пособие. – К.: ГАРККиИ, 2003. – 57 с.
10. Кушнаренко Н. Н. Документоведение: учебник для вузов. – 5-е изд., стер. – К.: Знание, 2004. – 459 с. – (Высш. образование XXI века).
11. Ларин М. В. Управление документацией в организациях. – М., [б. и.], 2002. – 286 с.
12. Мисюкевич В. И. Деловая коммерческая документация: учеб.-метод. пособие. – Полтава: РИО ПУПК, 2010. – 69 с.
13. Политова О. А. Изучение документных потоков как направление документоведческих исследований // Документоведение. Библиотекосведение. Информационная деятельность: проблемы наук, образования, практики: сб. мат-лов VI Междунар. науч.-практ. конф., Киев, 19–21 мая 2009 года. – К.: ГАРККиИ, 2009. – С. 41–42.

14. Савощенко А. С. Инфраструктура товарного рынка: учеб. пособие. – К.: КНЭУ, 2005. – 336 с.
15. Соляник А. А. Документные потоки и массивы: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб., доп. – Х.: ХГАК, 2010. – 156 с.
16. Тарасюк Г. Н. Планирование коммерческой деятельности: учеб. пособие. – К.: Каравелла, 2005. – 400 с.
17. Филиппова Л. Я. Документные потоки в условиях информатизации // Информационное образование и профессионально-коммуникативные технологии XXI века: сб. мат-лов II Междунар. науч.-практ. конф. – Одесса: ОНПУ, 2009. – С. 18–20.
18. Швецова-Водка Г. Н. Методы документоведения // Библиотекосведение. Документоведение. Информология. – 2007. – № 1. – С. 81–85.

References

1. Al'bekov A.U., Fed'ko V.P., Min'ko O.A. Logistika kommercii. Uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2001. 512 p.
2. Anikin B.A., Tjapuhin A.P. Kommercheskaja logistika. Uchebnik. Moscow, TKK Velbi Publ., 2007. 432 p.
3. Apopij V.V., Goncharuk Ja.A. Kommercheskaja dejatel'nost' na rynke tovarov i uslug. Uchebnik. Kiev, NMC "Ukoopovita" Publ., 2002. 458 p.
4. Demchina L.I. Dokumentnye potoki i massivy: kurs lekcij dlja studentov special'nosti "Dokumentovedenie i informacionnaja dejatel'nost'". Ivano-Frankovsk: Fakel Publ., 2009. 208 p.
5. Didenko A.N. Sovremennoe deloproizvodstvo. Uchebnoe posobie. 2-e izdanie, obrabotannoe i dopolnennoe. Kiev, Lybid' Publ., 2000. 384 p.
6. Dokumentno-informacionnye potoki i massivy: sushchnost' i znachenie. Metodologicheskie principy izuchenija teorii dokumentnyh potokov. Obschhie i specificheskie zakonomernosti funkcionirovanija dokumentnyh potokov i massivov. Fragmentarnost' dokumentiruemoj informacii. Kurs lekcij. Kiev, CHVUZ "Evropejskij un-t" Publ., 2010. 117 p.
7. Komova M.V. Dokumentovedcheskaja terminologija. Uchebnoe posobie dlja studentov special'nosti "Dokumentovedenie i informacionnaja dejatel'nost'". L'vov, L'vovskaja politehnika Publ., 2008. 167 p.
8. Kuleshov S.G. Obschchee dokumentovedenie. Uchebnoe posobie. Kiev, Kievo-Mogiljanskaja akademija Publ., 2012. 123 p.
9. Kuleshov S.G. Upravlencheskoe dokumentovedenie. Uchebnoe posobie. Kiev, GARKKiI Publ., 2003. 57 p.
10. Kushnarenko N.N. Dokumentovedenie. Uchebnik dlja vuzov. 5-e izdanie. Kiev, Znanie Publ., 2004. 459 p.
11. Larin M.V. Upravlenie dokumentaciej v organizacijah. Moscow, 2002. 286 p.
12. Misjukevich V.I. Delovaja kommercheskaja dokumentacija. Uchebno-metodicheskoe posobie. Poltava, RIO PUPK Publ., 2010. 69 p.
13. Politova O.A. Izuchenie dokumentnyh potokov kak napravlenie dokumentovedcheskih issledovanij. *Dokumentovedenie. Bibliotekovedenie. Informacionnaja dejatel'nost': problemy nauk, obrazovanija, praktiki. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Kiev, 19–21 maja 2009 goda.* Kiev, GARKKiI Publ., 2009, pp. 41–42.
14. Savoshchenko A.S. Infrastruktura tovarnogo rynka. Uchebnoe posobie. Kiev, KNEU Publ., 2005. 336 p.
15. Soljanik A.A. Dokumentnye potoki i massivy. Uchebnoe posobie. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Har'kov, HGAK Publ., 2010. 156 p.
16. Tarasjuk G.N. Planirovanie kommercheskoj dejatel'nosti. Uchebnoe posobie. Kiev, Karavella Publ., 2005. 400 p.
17. Filippova L.Ja. Dokumentnye potoki v uslovijah informatizacii. *Informacionnoe obrazovanie i professional'no-kommunikativnye tehnologii XXI veka. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Odessa, ONPU Publ., 2009, pp. 18–20.
18. Shvecova-Vodka G.N. Metody dokumentovedenija. *Bibliotekovedenie. Dokumentovedenie. Informologija,* 2007, no 1, pp. 81–85.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 37

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Веселовская Е. В., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Двуреченская А. С., кандидат культурологии, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, заведующая кафедрой культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Сечина И. А., кандидат философских наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: ingasetchina@mail.ru

В статье освещаются мероприятия II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Традиционная культура и фольклорное наследие народов евразийского пространства: истоки и современность», которая проходила в Кемеровском государственном университете культуры и искусств в рамках Года культуры в Российской Федерации.

Ключевые слова: традиционная культура, фольклорное наследие народов Евразии, коренные этносы Сибири.

THE TRADITIONAL CULTURE AND FOLK HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE EURASIAN SPACE: ORIGINS AND PRESENT-DAY

Veselovskaya E. V., Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Dvurechenskaya A. S., Candidate of Culturology, Senior Researcher of Institute of Applied Culturology, Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Sechina I. A., Candidate of Philosophic Sciences, Senior Researcher of Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: ingasetchina@mail.ru

The article highlights the events of the 2nd All-Russia scientific-practical conference with international participation “The traditional culture and folk heritage of the peoples of the Eurasian space: origins and present-day,” which was held in Kemerovo State University of Culture and Arts in the framework of the Year of Culture in the Russian Federation. The main objective of the conference is to intensify researches of young and famous scientists in learning theoretical and applied questions by preservation and transmission of the Eurasian historical and cultural heritage.

Keywords: traditional culture, folk heritage of Eurasian peoples, indigenous ethnic groups of Siberia.

15–17 мая 2014 года на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Традиционная культура и фольклорное наследие народов евразийского пространства: истоки и современность», посвященная Году культуры в Российской Федерации и 45-летию Кемеровского государственного университета культуры и искусств, организованная совместно кафедрой теории и истории народной художественной культуры и научно-исследовательским институтом прикладной культурологии КемГУКИ.

Конференции с подобной тематикой и схожими направлениями работы НИИ прикладной культурологии уже проводились. Так, первая конференция была реализована еще в 2007 году и называлась «Устойчивое развитие и культура регионов» [1]. Следующую по подобной тематике конференцию организовали в 2012 году, и ее название носило более конкретный характер «Традиционная культура и фольклорное наследие народов Сибири» [2]. Участниками данного мероприятия был выработан ряд положений, в числе которых прозвучало предложение сделать проведение подобных конференций традиционным, с периодичностью один раз в два года.

Основной целью конференции в 2014 году стало обсуждение теоретических и прикладных вопросов изучения, сохранения и трансляции евразийского историко-культурного наследия.

Ее работа охватила следующий круг научных направлений:

- традиционная культура и фольклор этносов Евразии;
- роль фольклора в современном поликультурном пространстве;
- традиционная и медийная культуры: аспекты взаимодействия;
- сохранение, изучение и трансляция евразийского этнокультурного наследия в культурно-образовательных учреждениях;
- трансляция музыкального фольклорного наследия в сфере этнохудожественного образования;
- традиционные промыслы и ремёсла народов евразийского пространства;
- отражение традиционных ценностей мно-

национальной России в современном искусстве;

- тюркские языки и диалекты коренных народов Сибири: проблемы сохранения, изучения и трансляции в современном культурно-образовательном пространстве.

На торжественной церемонии открытия конференции к участникам и гостям форума с приветственным словом обратились: Е. Л. Кудрина (ректор КемГУКИ, д-р пед. наук, проф., заслуженный работник культуры РФ), А. В. Шунков (проректор по научной и инновационной деятельности КемГУКИ, канд. филол. наук, доцент), Ю. Я. Арбачаков (депутат Совета народных депутатов Кемеровской области, заслуженный мастер спорта по боксу), Н. Т. Ултургашева (зав. кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ, д-р культурологии, проф.).

В ходе пленарного заседания были заслушаны доклады: «Актуальные проблемы сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов и практика прикладных этнологических исследований» В. В. Поддубикова, (зав. лаб. этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, канд. истор. наук, КемГУ); «Евразийская концепция Российской цивилизации» А. В. Киселева, (ст. науч. сотр. НИИ прикладной культурологии КемГУКИ, канд. истор. наук); «Культурное наследие народов Евразийского пространства: проблемы сохранения и трансляции» А. И. Мартынова (д-р истор. наук, проф., академик РАЕН, КемГУ); «Традиционная культура и фольклорное наследие – основа современного этнокультурного образования тюрков Южной Сибири» Н. Т. Ултургашевой. Дискуссионные вопросы присутствующих вызвало выступление В. В. Поддубикова, посвященное актуальным аспектам реализации и оптимизации прикладных форм этнокультурной политики в Кузбассе. Особое внимание привлекли доклад А. В. Киселева, затронувший проблемы российского менталитета и отечественной цивилизации в условиях современной глобализации.

В работе конференции приняли участие гости из Томской области, Алтайского и Красноярского краев, Республик Тыва, Алтай, Хакасия, а также Республики Казахстан. Особыми гостями КемГУКИ стали представители Федеративной Республики Нигерия Ифеаньи Эммануэл Оконджи и Огхенетега Бадавуси, которые рассказали о тра-

диционной культуре и музыкальном фольклоре народов Республики.

В ходе работы научно-практической конференции были заслушаны доклады и выработаны предложения по сохранению традиционного фольклора и развитию этнических культур. Большой интерес у слушателей вызвал доклад председателя Новокузнецкой городской общественной организации «Шория» Н. М. Печениной, касающийся проблемы сохранения и трансляции шорского языка и культуры. Дискуссию по данной проблематике продолжила педагог дополнительного образования Центра детского творчества г. Междуреченска Е. Н. Первакова, акцентировав внимание на роли образовательного учреждения в социализации коренных этносов и, в частности, шорского населения Кемеровской области. При обсуждении вопросов была отмечена необходимость регулярного проведения данного мероприятия для объединения усилий ведущих научных центров и учреждений образования России по сохранению фольклорных традиций.

В рамках конференции состоялась также работа студенческой секции «Проблемы функционирования традиционной культуры глазами студентов», в которой приняли участие студенты и магистранты КемГУКИ. Были подняты такие вопросы для обсуждения, как сохранение и развитие традиционной культуры коренных малочисленных народов Сибири, национальное воспитание детей и молодежи средствами народной художественной культуры, деятельность национальных общественных объединений и этнокультурных центров России в целом и Кемеровской области в частности.

Итогом работы первого дня конференции стал концерт ансамбля коренных тюркоязычных народов Сибири «Алтын Ай» (руководитель Н. Т. Ултургашева), в котором приняли участие также и приглашенные гости.

Второй день конференции носил практико-ориентированный характер. Основной формой работы стал мастер-класс.

Мастер-класс «Традиционное изготовление войлока» проводили народный мастер Республики Хакасия Мария Ефимовна Сагалакова и Никанор Николаевич Сагалаков. Гостям конференции было предложено сделать основу для будущих

изделий из войлока, а также показана технология вышивки на войлоке.

Мастер-класс «Искусство игры на национальных музыкальных инструментах» проводили гости из Республики Кыргызстан: Руслан Сыдыкбаевич Жумабаев, Айназар Атилович Атилов, Акылбек Усенович Касаболотов, Эрлан Барманбаев и уулу Закирбек Дүйшөнбек (Кыргызская национальная консерватория им. К. Молдобасанова, г. Бишкек). Участники мастер-класса были ознакомлены с приемами игры на таких инструментах, как темир ооз комуз, комуз, чоор, чопо чоор, кыл кыяк. Некоторым гостям удалось самим музицировать.

На площади перед первым корпусом КемГУКИ Татьяна Анатольевна Котлярова (вед. науч. сотр. НИИ прикладной культурологии КемГУКИ, канд. культурологии, доцент) с помощью ансамбля «Кудесы» провела мастер-класс под названием «Троицкие гуляния». Участникам и гостям конференции было предложено поиграть в традиционные игры и спеть русские народные песни, исполняемые во время троицкой недели.

Ярким завершением работы конференции стала поездка участников и гостей на экскурсию в музей-заповедник «Томская писаница», где им представилась возможность познакомиться с традиционной кухней коренных народов Сибири и продолжить в неформальной обстановке обсуждение дискуссионных вопросов. Самые активные участники II Всероссийской научно-практической конференции «Традиционная культура и фольклорное наследие народов евразийского пространства: истоки и современность» были отмечены благодарственными письмами.

Информация о проведении данного мероприятия размещена на официальных сайтах:

ВГТРК ГТРК «Кузбасс», Вести-Кузбасс/Новости/Культура (http://vesti42.ru/news/culture/00016776/?sphrase_id=145550); http://vesti42.ru/news/culture/00016776/?sphrase_id=145550);

Кемеровский государственный университет культуры и искусств (http://www.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4284:ii-1-r&catid=6:2009-09-23-06-39-06);

Тувинский государственный университет (<http://www.tuvsu.ru/?q=content/ii-vserossiyskaya>

npk-tradicionnaya-kultura-i-folklornoe-nasledie-narodov-evraziyskogo);

Новокузнецкая городская общественная организация «ШОРИЯ» (<http://news.shor-people.ru/news/ii-vserossijskaya-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-s-mezhdunarodnym-uchastiem-tradicionnaya-kultura-i-folklornoe-nasledie-narodov-evrazijskogo-prostranstva-istoki-i-sovremennost.html>);

Благотворительный фонд друзей коренных народов Кемеровской области «Абалар чери» (Земля предков) (<http://xn--80aaacwss5bb2e.xn--p1ai/ct-menu-item-15/85-articles/111-15-17-maya-2014-goda>);

Республиканский центр народного творчества Республики Башкортостан (<http://www.rcntrb.ru/news/256>);

Информационный портал БЕЗФОРМАТА.RU (<http://kizil.bezformata.ru/listnews/kultura-i-folklornoe-nasledie-narodov/20308274/>, <http://kizil.bezformata.ru/listnews/proshla-etnograficheskaya-konferenciya/20255913/>);

Электронный информационный журнал «Новые исследования Тувы» (<http://www.tuva.asia/news/science/>);

Кемеровский молодежный портал «Студмедиа» (<http://rssnews.org.ua/sitenews/studmedia-info.html>) и др.

Литература

1. Веселовская Е. В., Двуреченская А. С., Сечина И. А. Традиционная культура и фольклорное наследие народов Сибири // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 254–257.
2. Устойчивое развитие и культура регионов: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Кемерово, 17–20 апреля 2007 года / отв. ред. П. И. Балабанов; ред. кол.: П. И. Балабанов, И. Ф. Петров, Н. Т. Ултургашева; Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – 380 с.

References

1. Veselovskaja E.V., Dvurechenskaja A.S., Sechina I.A. Tradicionnaja kul'tura i fol'klornoe nasledie narodov Sibiri [Traditional culture and folklore heritage of siberian people]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no 20, pp. 254–257.
2. Ustojchivoje razvitie i kul'tura regionov [Steady development and culture of the region]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kemerovo, 17–20 aprlja 2007. *Otvetstvennyj redaktor P.I. Balabanov; redakcionnaja kollegija: P.I. Balabanov, I.F. Petrov, N.T. Ulturgasheva; Kemerovskij gosudarstvennyj universitet kul'tury i iskusstv. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ.*, 2007. 380 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Лариса Сергеевна, заведующая Музеем истории православия на земле Кузнецкой, религиозная организация «Кемеровская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)», аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: alekslora@rambler.ru

Ануфриева Ольга Вильевна, заведующая учебной частью, Пермское регентское училище (г. Пермь). E-mail: anuolga@mail.ru

Бородин Александр Борисович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского (г. Екатеринбург). E-mail: bborodin@mail.ru

Бузык Сергей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск). E-mail: bsv@chgaki.ru

Быкасова Лариса Валентиновна, кандидат культурологии, доцент, Сибирский государственный университет (г. Новокузнецк). E-mail: bikasova.larisa@yandex.ru

Веселовская Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Гаврилов Евгений Олегович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Кемерово). E-mail: gavrilich@yandex.ru

Глушкова Полина Валерьевна, магистрант кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Гончаренко Светлана Сергеевна, профессор кафедры теории музыки, Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: lalumiere@ngs.ru

Григоренко Наталья Николаевна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: natalya_grigoren@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alekseeva Larisa Sergeevna, Head of the Museum of the History of Orthodoxy in the Land of Kuznetsk, Religious Organization "Kemerovo Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)," Post-graduate Student, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: alekslora@rambler.ru

Anufrieva Olga Vitalievna, Head of the Education Section, Perm Regent College (Perm). E-mail: anuolga@mail.ru

Borodin Aleksandr Borisovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of History and Theory of Performing Arts, M. P. Mussorgsky Ural State Conservatory (Ekaterinburg). E-mail: bborodin@mail.ru

Butsyk Sergei Vladimirovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Vice-rector for Academic Work, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk). E-mail: bsv@chgaki.ru

Bykasova Larisa Valentinovna, Candidate of Culturology, Docent, Siberian State University (Novokuznetsk). E-mail: bikasova.larisa@yandex.ru

Veselovskaya Elena Valerievna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Gavrilov Evgeny Olegovich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Chair of State Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Kemerovo). E-mail: gavrilich@yandex.ru

Glushkova Polina Valerievna, Undergraduate Student of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Goncharenko Svetlana Sergeevna, Professor of Chair of Music Theory, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy) (Novosibirsk). E-mail: lalumiere@ngs.ru

Grigorenko Natalia Nikolaevna, Candidate of Philosophical Sciences, Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: natalya_grigoren@mail.ru

Дарда Валерия Николаевна, соискатель кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: vndarda@yandex.ru

Двуреченская Анастасия Сергеевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, заведующая кафедрой культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Дроздова Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, Харьковская государственная академия культуры (г. Полтава, Украина). E-mail: galia.drozdova2011@yandex.ru

Жумабекова Дана Жунусбековна, кандидат искусствоведения, доцент, профессор, Казахский национальный университет искусств (г. Астана, Республика Казахстан). E-mail: danazhumabekova@mail.ru

Зарипов Андрей Алексеевич, соискатель кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И. К. Яковлева МВД России (г. Новосибирск). E-mail: andrelecs@mail.ru

Кимеев Валерий Макарович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, директор экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района (г. Кемерово). E-mail: Kimeev@mail.ru

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Ковешникова Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры музейного дела, директор музея, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: ezlena@mail.ru

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск). E-mail: nastiakol@mail.ru

Darda Valeria Nikolaevna, Competitor of Chair of Music Education and Training, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg). E-mail: vndarda@yandex.ru

Dvurechenskaya Anastasia Sergeevna, Candidate of Culturology, Senior Researcher of Institute of Applied Culturology, Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Drozdova Elena Vasilievna, Candidate of Historical Sciences, Docent, Kharkov State Academy of Culture (Poltava, Ukraine). E-mail: galia.drozdova2011@yandex.ru

Zhumabekova Dana Zhunusbekovna, Candidate of Art History, Docent, Professor, Kazakh National University of Arts (Astana, Kazakhstan). E-mail: danazhumabekova@mail.ru

Zaripov Andrey Alekseevich, Competitor of Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts, Novosibirsk Military Institute of Internal Troops of the Name of the General of the Army of I. K. Yakovlev of the MIA of Russia (Novosibirsk). E-mail: andrelecs@mail.ru

Kimeev Valery Makarovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts, Director of Ecomuseum Reserve “Tyulbersky Gorodok” of the Municipal District of Kemerovo (Kemerovo). E-mail: Kimeev@mail.ru

Kimeeva Tatiana Ivanovna, Candidate of Culturology, Docent, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Koveshnikova Elena Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, Docent, Docent of Chair of Museum Science, Director of Museum, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: ezlena@mail.ru

Kolmogorova Anastasia Vladimirovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of Chair of Linguistics and Intercultural Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk). E-mail: nastiakol@mail.ru

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, член Международного совета музеев (г. Кемерово). E-mail: kulemzin41@mail.ru

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: kulis@mail.ru

Матонин Василий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный университет (г. Архангельск). E-mail: matoninv@yandex.ru

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Никулин Владимир Георгиевич, кандидат искусствоведения, доцент, декан факультета исполнительских искусств, Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Якутск). E-mail: agiki@mail.ru

Ногтев Денис Юрьевич, студент, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nogtev@hotmail.com

Осипов Константин Иванович, старший научный сотрудник, лаборатория этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: Konstantin-osipov@yandex.ru

Поддубиков Владимир Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: poddub@gmail.com

Покровская Анна Федоровна, аспирант, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, заместитель директора по науке историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» (г. Кемерово). E-mail: aspaf@mail.ru

Полторацкий Иван Сергеевич, аспирант, Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: sveter1988@mail.ru

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor, Member of the International Council of Museums (Kemerovo). E-mail: kulemzin41@mail.ru

Kulikova Elena Yurievna, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Literary Studies Section, Institute of Philology of the SB RAS (Novosibirsk). E-mail: kulis@mail.ru

Matonin Vasily Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Culturology and Religious Studies, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk). E-mail: matoninv@yandex.ru

Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Nikulin Vladimir Georgievich, Candidate of Art History, Docent, Dean of the Faculty of Performing Arts, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk). E-mail: agiki@mail.ru

Nogtev Denis Yurievich, Student, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nogtev@hotmail.com

Osipov Konstantin Ivanovich, Senior Researcher, Laboratory of Ethno-social and Ethno-ecological Geoinformatics, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: konstantin-osipov@yandex.ru

Poddoubikov Vladimir Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: poddub@gmail.com

Pokrovskaya Anna Fedorovna, Post-graduate Student, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts, Deputy Director for Science of Historical, Cultural and Natural Museum Preserve "Tomskaya Pisanitsa" (Kemerovo). E-mail: aspaf@mail.ru

Poltoratsky Ivan Sergeevich, Post-graduate Student, Institute of Philology of the SB RAS (Novosibirsk). E-mail: ipoltora@gmail.com

Попов Сергей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Кемеровский институт (филиал) российского экономического университета им. Д. В. Плеханова (г. Кемерово). E-mail: bende-ostap@yandex.ru

Пронина Светлана Андреевна, аспирант, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: swetlanapro@yandex.ru

Реховская Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Рыщанова Уркия Мухамедияровна, старший консультант Костанайской ОУНБ им. Л. Н. Толстого, соискатель Челябинской государственной академии культуры и искусств, почетный деятель культуры Республики Казахстан (г. Костанай, Республика Казахстан). E-mail: Urkiyaru@mail.ru

Сазонов Виктор Иванович, кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурной теории и композиции (АТиК), Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия (г. Новосибирск). E-mail: vi_sazo@mail.ru.

Сергеева Елена Фаритовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, начальник учебно-методического управления, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: faritowna@mail.ru

Сечина Инга Анатольевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: ingasetchina@mail.ru

Смирнова Нина Георгиевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая научно-методическим отделом, Кемеровский областной колледж культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: vestnikkenguki@yandex.ru

Popov Sergei Ivanovich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Humanities, Kemerovo Institute (Branch) of D. V. Plekhanov Russian Economic University (Kemerovo). E-mail: bende-ostap@yandex.ru

Pronina Svetlana Andreevna, Post-graduate Student, Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: swetlanapro@yandex.ru

Rekhovskaya Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: rehowskaia@yandex.ru

Rodionova Daria Dmitrievna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Ryschanova Urkia Mukhamediarovna, Senior Consultant of L. N. Tolstoy Kostanai OUNB, Competitor of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, Honorary Worker of Culture of the Republic of Kazakhstan (Kostanai, Kazakhstan). E-mail: Urkiyaru@mail.ru

Sazonov Viktor Ivanovich, Candidate of Architecture, Professor, Chair of Architectural Theory and Composition (ATandC), Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts (Novosibirsk). E-mail: vi_sazo@mail.ru.

Sergeeva Elena Faritovna, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Head of Educational and Methodical Department, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: faritowna@mail.ru

Sechina Inga Anatolievna, Candidate of Philosophic Sciences, Senior Researcher of Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: ingasetchina@mail.ru

Smirnova Nina Georgievna, Candidate of Pedagogical Science, Docent, Head of Scientific-methodical Department, Kemerovo Regional College of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: vestnikkenguki@yandex.ru

Соколова Мария Александровна, соискатель кафедры теории и истории музыки, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, преподаватель, Детская музыкальная школа № 17 им. А. Г. Рубинштейна (г. Санкт-Петербург). E-mail: kolosok.84@mail.ru

Тельманова Анастасия Сергеевна, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: astel-75@mail.ru

Топольская Евгения Анатольевна, кандидат педагогических наук, докторант кафедры культурно-досуговой деятельности, Московский государственный университет культуры и искусств (г. Химки). E-mail: mgukidissov@mail.ru

Федяев Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Республика Татарстан). E-mail: filkazguki@mail.ru

Фомин Валерий Иванович, доктор искусствоведения, профессор, кафедра менеджмента в кино и телевидении, Институт управления и предпринимательства в социальной сфере Государственного университета управления, ведущий научный сотрудник НИИ киноискусства, Государственный университет кинематографии (г. Москва). E-mail: vifominkino@mail.ru

Шуралев Анатолий Валерьевич, подполковник полиции, слушатель 2-го факультета (очная форма обучения), кафедра психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Москва). E-mail: qwert1608@rambler.ru

Sokolova Maria Aleksandrovna, Competitor of Chair of Theory and History of Music, St. Petersburg State University of Culture and Arts, Teacher, A. G. Rubinstein Children's Music School No. 17 (St. Petersburg). E-mail: kolosok.84@mail.ru

Telmanova Anastasia Sergeevna, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: astel-75@mail.ru

Topolskaya Evgenia Anatolievna, Candidate of Pedagogical Science, Doctoral Student of Chair of Cultural and Leisure Activities, Moscow State University of Culture and Arts (Khimki). E-mail: mgukidissov@mail.ru

Fedyayev Aleksandr Petrovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chair of Philosophy and Culture, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan, Republic of Tatarstan). E-mail: filkazguki@mail.ru

Fomin Valery Ivanovich, Doctor of Art History, Professor, Chair of Management in Film and Television, Institute of Management and Entrepreneurship in the Social Sphere of State University of Management, Senior Researcher at SRI of Cinema Art, State University of Cinematography (Moscow). E-mail: vifominkino@mail.ru

Shuralev Anatoly Valerievich, Police Lieutenant, Listener 2-the Faculty (Full-time), Chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow). E-mail: qwert1608@rambler.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemgu-ki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикаторм журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском и латинском (транслитерация) языках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5].

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ,
БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).

E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ,
БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление;
- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогика.
2. Социально-культурная деятельность.
3. Искусствоведение.
4. Философия.
5. Филология.
6. Культурология.
7. Документальная информация.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 21.08.2014.

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 101.

Уч.-изд. л. 23,3. Усл. печ. л. 30,6.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 21.08.2014.

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 101.

Author's sheets 23,3. Printer's sheets 30,6.

Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru